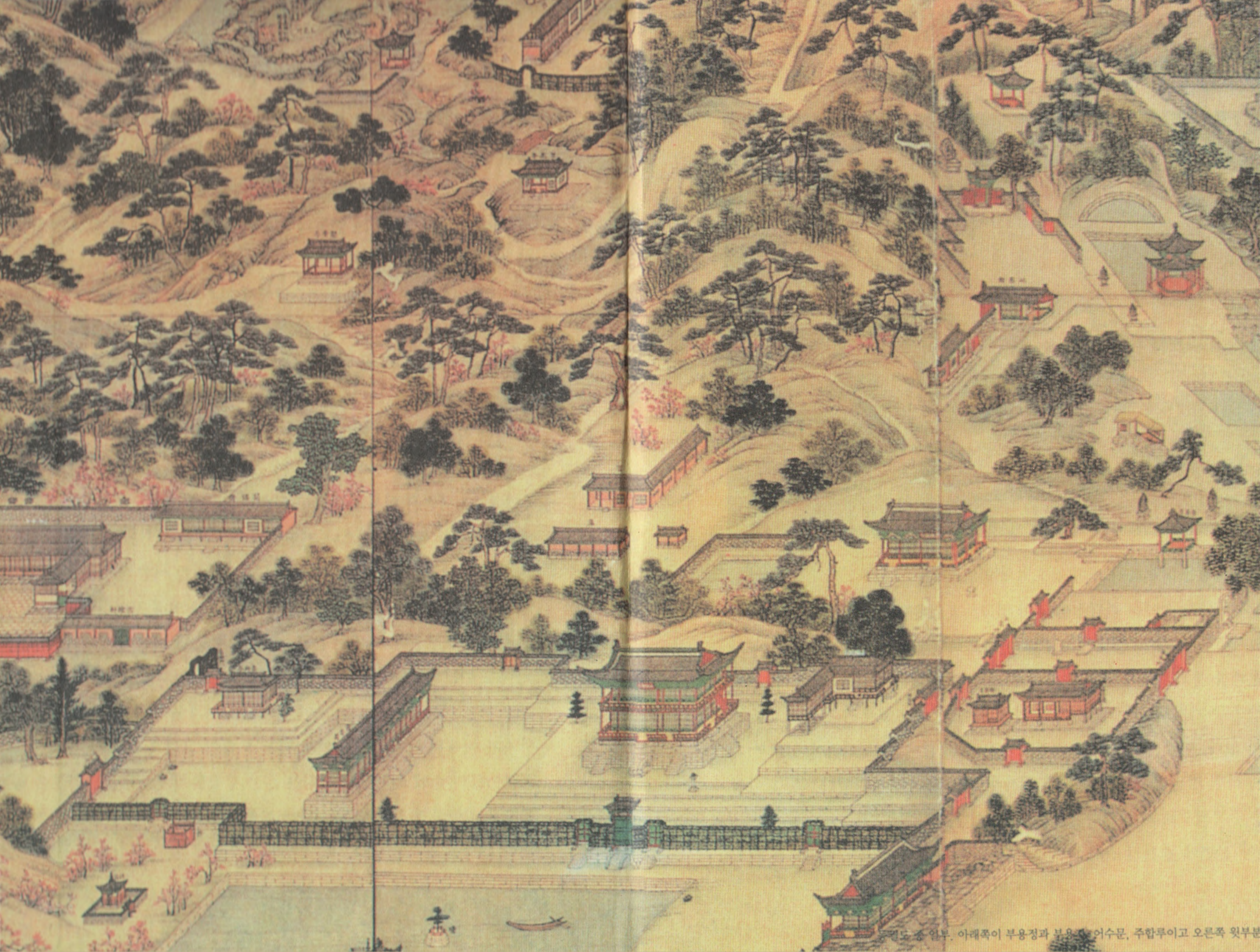
Российское кореееведение в прошлом и настоящем

Корееведение в России: история и современность



동궐도 중 일부. 아래쪽이 부용정과 부용지, 어수문, 주합루이고 오른쪽 윗부분

РОССИЙСКОЕ КОРЕЕВЕДЕНИЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ТОМ ВТОРОЙ

- 한국국제교류재단 지원 -

러시아과학아카데미 동방학연구소
모스크바 삼일문화원

러시아의 한국학
- 과거 그리고 현재 -

(한국학 총서 제 II 권)

책임편저 : 유 웨 와닌

모스크바
2004

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ПЕРВОЕ МАРТА»

КОРЕЕВЕДЕНИЕ В РОССИИ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МОСКВА 2004

ББК 63.1
К 78

*Книга издана при финансовой поддержке
Корейского Фонда (Korea Foundation, Seoul)*

Ответственный редактор: *Ю. В. Ванин*

Корееведение в России: история и современность.— М.: Первое Марта, 2004.— 384 с. (Серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем».— Т. 2).

ISBN 5-8125-0529-2

Книга посвящена истории корееведения в России. Основное внимание уделено периоду от 1945 г. до конца XX в. Показаны центры подготовки кадров и научных исследований по Корее. Подробно освещено изучение истории Кореи, социально-экономических и политических проблем Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея. Проведена переоценка некоторых прежних научных концепций. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Издание второго тома серии «Российское корееведение в прошлом и настоящем» в преддверии 100-летия корееведения в России имеет большое значение. Конечно, оно немного запоздало. Однако, как говорят в народе,— «начало — половина дела». И в этом плане нельзя не радоваться по поводу более полного освещения истории корееведения. Мы верим, что проводимая нами работа сослужит хорошую службу и станет своего рода мостом, который укрепит научные обмены между Россией и Кореей, и поведет всех нас в будущее через прошлое и настоящее. Все это стало возможным, благодаря неимоверным усилиям ученых, всецело отдавшихся исследовательской работе, несмотря на трудные условия того времени. Данное издание, воспроизводящее плоды их труда, можно воспринимать как дань уважения и благодарности им.

Второй том упомянутой выше серии дает нам возможность ретроспективно посмотреть на корееведение в России. Несмотря на раздел Кореи, целостное изучение Кореи продолжалось. Конечно, идеологическое противостояние не могло не накладывать на него определенные отпечатки. Однако мы решили рассказать о научных трудах ученых, показать их научные достижения, трудности и недостатки, продиктованные временем.

Профессор Ю. В. Ванин взял на себя ответственность руководителя издания. И это не случайно. Неизменно переживающий за участь корееведения в России, он давно мечтал о более полной систематизации результатов деятельности ученых за прошедшие 100 лет. Подготовительная работа началась 3 года назад, но из-за финансовых трудностей она затянулась. Издание данной коллективной монографии могло осуществиться благодаря активному содействию со стороны

«Корейского фонда» (Республика Корея) и его бывшего директора г-жи Ли Инхо.

Первоначально планировалась серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем» из 7 томов, однако большой объем трудов по корееведению и активное содействие со стороны российских ученых заставляют нас пересмотреть прежние планы и наметить выпуск серии в большем количестве томов. Одновременно со вторым томом, который мы предлагаем вниманию читателей, уже началась активная работа над последующими томами, не терпящая отлагательства. Надеемся, что они представят для всех, кто интересуется историей Кореи и корееведением, большую научную ценность.

В заключение выражаем надежду на критические замечания и пожелания читателей, которые помогут нам в дальнейшей работе.

Руководитель
Региональной общественной
организации «Первое Марта»
Пастор Ли Хен Кын
Ноябрь, 2004 год

제2권 간행에 부쳐

러시아에서 한국학이 본격적으로 연구된 것이 110년을 눈앞에 두고 있는 시점에서 발간되는 한국학 총서 제2권은 의미가 깊다. 비록 이르다고 할 수는 없지만 "시작이 반"이라는 격언처럼 이번 제2권 발간을 계기로 작업이 본격적으로 진행되는 것 같아 기쁘다.

첫 술에 배부를 수는 없겠지만 지금 이루어지고 있는 작업은 앞으로 러시아와 한국 사이의 본격적인 연구 교류를 이어줄 수 있는 훌륭한 역할뿐 아니라 과거와 현재를 통해 미래로 나아가는 가교라는 귀중한 자산이 되어줄 것이라고 본다. 이 모든 것은 어려운 여건에서도 쉬지 않고 연구에 몰두한 학자들의 수고에 의한 것이고 책 발간은 그들의 연구물을 본격적으로 세상에 드러내어 보답을 하려는 의미도 있다.

제2권은 러시아 한국학의 역사를 돌아보고 한국 분단 시대에도 러시아에서 한국학 연구가 계속 이루어지고 있었음을 알 수 있다. 물론 이념이 첨예하게 대립하던 시기인 만큼 지금 보면 편향적인 연구도 있었지만 어디까지나 사계학자들의 연구성과이기에 그대로 수록하였다.

변함 없이 한국학을 사랑하는 유 웨 와닌 교수가 책임 편집을 맡았다. 그는 누구보다 선배들과 동료들을 아끼는 마음으로 한국학 정리가 미진한 것을 늘 안타깝게 생각하였었다. 한국학 100년이 지났는데도 집약된 작업이 없어 안타까워하던 중 의기가 투합하여 준비하기 시작한 것이 벌써 3년이 지났다. 재정적으로 넉넉지 못한 상황에서 이 책의 발간은 '한국국제교류재단'과 당시 이사장이던 이인호 전 러시아 대사의 적극 협력에 힘입은 바가 크다.

처음에는 한국학 총서를 총7권으로 예정하고 시작하였지만 러시아의 한국학 연구가 워낙 방대하기 때문에 보다 확대될 수도 있을 것 같다. 무엇보다 러시아 한국학자들의 적극적인 협력과 격려가 이 총서의 확대에 긍정적인 영향을 미칠 것 같다.

제 2권 출간으로 후속 작업들도 예상보다 빨리 진행되고 있다. 사실은 이 모두가 오래 전에 이루어졌어야 할 작업이고 작업에 참여한 학자들도 이에 대해 공감하면서 이 총서에 대한 학문적인 기대를 키워가고 있다. 아무쪼록 제2권 발행과 더불어 이 총서에 대한 많은 분들의 애정어린 충고와 건의를 부탁드린다.

2004년 겨울에

이형근 목사 (모스크바 삼일문화원장)

Россия и Корея — ближайшие соседи на Дальнем Востоке. Хотя их общая граница невелика, она всегда была и остается границей мира, добрососедства, разностороннего сотрудничества. Народы двух стран постоянно испытывают друг к другу уважение, дружеские симпатии, повышенный интерес. Официальные отношения между Россией и Кореей были установлены в 1884 г., но на самом деле они начались значительно раньше. Аннексия Кореи империалистической Японией в 1910 г. прервала эти отношения, однако она не смогла воспрепятствовать революционным связям и взаимопомощи народов двух стран.

Советский Союз в 1945 г. понес немалые жертвы, чтобы Корея вновь обрела свободу. К сожалению, и не без его участия, Корея вскоре оказалась расколотой. Долгое время Советский Союз поддерживал отношения только с одной ее частью — Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР). В 1990 г. эта не оправдавшая себя односторонность была устранена. СССР и Республика Корея (РК) наладили полномасштабные, конструктивные взаимоотношения, которые с тех пор динамично и достаточно эффективно развиваются. Сегодня Россия правопреемница СССР, стремится сделать свою корейскую политику более сбалансированной, свободной от устарелых идеологических и политических взглядов, ориентированной на обеспечение собственных национальных интересов и одновременно на содействие миру и стабильности на Корейском полуострове, продвижению двух ее частей к национальному единству.

Важную роль в выработке корейской политики России, в осуществлении ее широкого и активного сотрудничества с КНДР и РК должны играть общественные науки, призванные

способствовать взаимопониманию и сближению народов. Среди них особое место занимает корееведение — изучение истории, экономики, культуры, большого круга современных проблем всей Кореи и каждого из существующих на ее территории двух государств. В настоящее время это одна из развитых отраслей российской науки, пользующаяся авторитетом в своей стране и за ее пределами. Однако и у нас в стране, и за ее пределами ученые и читательская общественность пока все еще недостаточно хорошо знают об историческом прошлом и современном состоянии корееведения в России, хотя оно и оказывало и продолжает оказывать заметное влияние на весь комплекс российско-корейских отношений.

Между тем, изучение Кореи в России имеет длительную, весьма содержательную и порой даже драматическую историю. Зародившись в конце XVII в., в ходе становления русско-китайских отношений, оно получило самостоятельное и более интенсивное развитие с конца XIX в., когда начались официальные межгосударственные отношения России с Кореей. После Октябрьской революции 1917 г. в России и Первомартовского народного восстания 1919 г. в Корее корееведение стало важной составной частью поддержки народами СССР борьбы корейцев за национальное и социальное освобождение. Но в середине 1930-х гг. основная часть специалистов по Корее, преимущественно советских корейцев, погибла во время сталинских репрессий. Немалый урон науке и ее кадрам нанесла также насильственная депортация корейцев в 1937 г. с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию.

В силу указанных выше причин с 1945 г., когда Корея избавилась от японского колониального ига, в СССР пришлось во многом заново воссоздавать корееведение. Начало современного его этапа положено трудами таких крупных ученых, как М. Н. Пак, Ф. И. Шабшина, Г. Ф. Ким, Г. Д. Тягай, А. А. Холодович и др. Ими воспитана большая группа специалистов по корейской истории, экономике, политике, литературе, языку. К настоящему времени опубликованы многие сотни книг, брошюр, статей о Корее, осуществлены переводы на русский язык значительного количества классических произведений. Свидетельством растущей зрелости российского корееведения является выделение в нем самостоятельных подотраслей: история Кореи, экономика и политика РК, литературоведение, лингвистика и т. д.

Работы советских, российских корееведов получили признание в своей стране и за ее пределами. В зарубежных научных журналах нередки положительные отзывы на их книги и статьи, содержащиеся в них материалы используются авторами из других стран. Некоторые работы переведены на иностранные языки. В Республике Корея в 1990-е годы изданы в переводе на корейский язык книги Ф. И. Шабшиной, Г. Д. Тягай, Н. Е. Бажановой, С. С. Суслиной и др. Достижения советского корееведения отмечались на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве (1960) и на последующих востоковедных конгрессах. Первому этапу развития современного корееведения в СССР посвящена книга известного американского ученого Дж. Гинзбурга «Советские работы о Корее 1945–1970»[1].

С начала 1990-х гг. растет интерес к российскому корееведению в Республике Корея. Статьи Ю. В. Ванина, Г. В. Грязнова, Л. Р. Концевича, В. М. Мазурова, Б. В. Синицына, Г. Д. Тягай, Ф. И. Шабшиной, В. И. Шипаева и некоторых других авторов по разным периодам корееведения в России опубликованы там в нескольких специальных коллективных изданиях[2] и в различных органах научной печати. Российскими учеными была предпринята первая попытка представить корейским читателям достаточно подробное систематическое описание пройденного российским корееведением исторического пути, рассказать о сегодняшних делах и заботах корееведов, об их усилиях во имя лучшего понимания в России жизни, судьбы и чаяний корейского народа[3].

В последние годы отдельные статьи о корееведении появлялись и в российской печати[4]. Но их немного, они невелики по размерам, содержат лишь беглый обзор стадий развития науки и достигнутых на каждой из них результатов и не предназначались для создания полномасштабной, многоаспектной истории российского корееведения.

Предлагаемая российским читателям книга «Корееведение в России: история и современность» ставит своей целью познакомить их с этапами зарождения, становления и развития российского корееведения. Но главное в ней — показать его нынешнее состояние: центры подготовки кадров и научные центры, основные направления исследований и их важнейшие результаты (с краткой характеристикой наиболее значительных опубликованных трудов), видные деятели советской и российской науки, которые создавали современное

корееведение, внесли и вносят в него крупный вклад. Читатели увидят из этой книги, в каких условиях существует сейчас в России наука о Корее, как она, преодолевая все трудности, стремится не только выжить, но и двигаться дальше по пути накопления, осмысления и распространения среди своих читателей знаний о прошлом и настоящем соседней с нами страны — Кореи.

В центре внимания книги работы российских ученых об истории, экономике, социальном положении, политике, международных отношениях всей Кореи в целом, а также Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея. Вопросы изучения корейской литературы, языка, искусства не рассматриваются, поскольку это большая самостоятельная тема, вопросы культуры затрагиваются лишь частично. За рамками книги остаются и проблемы истории и современной жизни российских корейцев, о которых в последние годы появился в печати ряд серьезных публикаций. Российские корейцы — часть российского общества и ими должны заниматься соответствующие отрасли науки о России. В сфере интересов корееведения только непосредственно сама Корея.

Авторы данной книги старались не ограничиваться простым перечислением изданных в России научных трудов о Корее, сжатым и сухим изложением их содержания. Хотелось показать развитие науки как процесс, в котором она зарождается и затем последовательно переходит со ступени на ступень и на каждой из них расширяет и углубляет свои представления об изучаемой стране, исправляет допущенные прежде неточности, устраняет ошибки. В настоящее время в России продолжается начатая со второй половины 1980-х годов работа по пересмотру и переоценке того, что было сделано общественными науками, в том числе корееведением, в предшествующие периоды. Именно в таком ключе написана данная книга. В ней авторы пытались критически переосмыслить прежние концепции, показать достижения корееведения на каждом этапе пройденного им пути и в то же время откровенно сказать о тех трудностях, заблуждениях, отступлениях от объективной истины, которые по большей части были следствием идеологических и политических предубеждений и запретов, недостатка надежных источников информации, свободного доступа к зарубежной научной литературе. Поэтому читатели, вероятно, заметят критическую направленность содержания книги.

Книга подготовлена группой ученых Института востоковедения Российской академии наук — ведущих специалистов по истории, экономике, политике Кореи и двух государств на ее территории. Каждый автор в написанной им главе сам выбирал те проблемы, которые считал важными и интересными, и рассматривал работы, наиболее полно и содержательно, по его мнению, освещающие эти проблемы. Соответственно определялась им структура главы и логика историографического исследования. Естественно, что в ходе изложения высказываются суждения по затронутым проблемам, оценки посвященных им работ, которые являются личной точкой зрения автора и вовсе не обязательно совпадают со взглядами других ученых. Работы корееведов зачастую многоплановые, поэтому к некоторым из них обращаются в разных главах по разным поводам.

Авторы данной книги следующие:

Б. Д. Тягай — часть 1, главы 1, 2, 3, 4.

Ю. В. Ванин — предисловие, часть II, главы 1, 2, 3, заключение.

Г. В. Грязнов — часть II, глава 4.

В. М. Мазуров — часть II, глава 5.

Б. В. Синицын — часть II, глава 6.

В последних трех главах из-за безвременной кончины авторов изложение доведено до конца 1990-х гг. Некоторые работы последующего времени по темам этих глав указаны редакцией в соответствующих примечаниях.

Авторы трудились в надежде, что их книга будет интересной и полезной тем в России и за ее пределами, кто хотел бы более обстоятельно и глубоко ознакомиться с российской наукой о Корее и установить с ее центрами и работниками активные творческие связи. Своей книгой авторы стремились содействовать взаимопониманию и сотрудничеству ученых и широкой общественности нашей страны и двух корейских государств, дальнейшему улучшению российско-корейских отношений.

Ю. В. Ванин

[1] George Ginsburgs. Soviet Works on Korea. 1945–1970. University of Southern California Press. Los Angeles, California. 1973.

[2] Korea and Russia Towards 21st Century. Seoul, 1992; Корееведение в СССР. Пусан, 1994 (кор. яз.); Исследования по корееведению в России.— Изучение истории движения за независимость Кореи, кн. 9. Чхонан, 1995 (кор. яз.)

[3] Изучение Кореи в России. Историческое развитие и современное состояние познания Кореи. Сеул, 1999 (кор. яз.).

[4] Тягай Г. Д. Советское корееведение в 20–30-е годы; Новый подъем корееведения; Советское корееведение в 60–80-е годы — в кн. СССР и Корея. М., 1988; Ванин Ю. В. Российское корееведение в прошлом и настоящем.— Проблемы Дальнего Востока, 1999, № 3; Концевич Л. Р. Российское корееведение на современном этапе.— Российское корееведение. Альманах. Вып. третий. М., 2003.

서 문

한국과 러시아는 극동에서 가장 가까운 이웃이다. 비록 짧은 국경선이긴 하나 두 나라간에 평화와 선린 그리고 다양한 협력이 이루어졌었고 앞으로도 계속되어질 것이다. 두 나라 국민은 상호 존중과, 우정 그리고 깊은 애정을 가지고 있다.

한국과 러시아는 1884년에 공식적인 관계가 수립되었지만, 실제로는 그보다 훨씬 이전부터 교류가 이루어지고 있었다. 제국주의 일본이 한국을 강제로 합병한 1910년부터 외교관계가 단절되었다고 하나 두 나라 국민 간의 상호협력을 막을 수는 없었다.

1945년 한국이 다시 자유를 찾는데 소련은 적지 않은 희생을 치르기도 하였다. 그러나 안타깝게도 오래지 않아 한반도는 다시 분단되고 말았다. 이 과정에 소련도 개입을 하였고 또 오랜 기간 조선인민민주의 공화국하고만 관계를 유지하여 왔었다. 1990년에 이르러서야 바람직하지 못했던 일방적 관계들이 시정되었다. 오늘날 소련을 법적으로 계승한 러시아의 한반도 정책은 보다 더 균형 있고 구시대의 정치적 이념이나 견해에서 벗어나 러시아 국익 추구와 함께 한반도의 평화정착과 안정은 물론 평화적인 통일을 지향하고 있다.

러시아가 대 한반도 정책입안과 남북 관계에서 그 정책을 실현하는데 있어 사회과학의 한 분야인 한국학은 지대한 공헌을 해왔다. 러시아 한국학 현황과 그리고 러시아에서 한국학이 온갖 난관을 극복하면서 어떻게 정보를 축적하고 소화하였으며 또 한국의 과거와 현재에 대한 지식이 어떻게 전수되었는지를 독자 여러분은 이 책에서 보게 될 것이다.

한반도, 그리고 남북한 각각의 역사, 경제, 사회, 정치, 한국의 국제관계가 이 책의 중심 주제이다. 한국의 문학, 언어, 예술과 관련한 문제는 다루고 있지 않다. 이건 커다란 독립된 주제이다. 문화문제는 일 부분적으로만 다루고 있다. 러시아내의 고려인 역사와 현재는 이 책에서 논의되고 있지 않은데, 최근 이 문제를 다루는 좋은 책들이 출간되고 있다. 러시아의 고려인은 러시아 사회의 일부로, 러시아를 다루는 해당 학문이 이 문제를 취급해야 할 것이다. 한국학의 관심대상은 한국 자체에 국한한다.

이 책의 저자들은 러시아에서 출간된 한국에 대한 저서들을 열거하거나, 그 내용들을 무미건조하고 간략하게 묘사하는데 그치지 않는다. 한가지 학문이 태동하여, 한 계단 한 계단 올라가고, 각 단계마다 연구대상 나라에 대한 이해의 지평을 확대, 심화하고 이전에 발생한 오류를 바로 잡고 시정하는, 학문의 발생과정을 보여주려 하였다. 현대 러시아에서는 과거 사회과학의 업적 (한국학 포함) 을 재평가하는 작업이 1980년 후반부터 지속되고있다. 이 책은 바로 이런 배경아래에서 쓰여졌다. 저자들은 과거의 개념을 비평적으로 재고하고, 이들이 걸어온 각자의 길에서 한국학의 성과를 보여주고, 동시에 이념과 정치적 선입관과 금지, 신뢰할만한 정보원의 부족, 서방 학술지에 대한 접근 제한으로 인하여 발생한 난관과 오류, 진실에서의 탈선을 솔직히 얘기하려고 노력했다. 독자들은 아마도 책 내용의 비판적 성향을 눈치챌 것이다.

이 책을 지은 사람들은 한반도와 남북한의 역사, 경제, 정치에 정통한, 러시아 과학아카데미 동방학 연구소의 학자들이다. 각각의 저자들은 자기가 맡은 장의 주제를, 중요도와 관심도를 감안하여 스스로 선택했고, 그 문제를 다루는 내용을 가능한 폭넓고 심도 있게 다뤘다. 마찬가지로 각 장의 구성과 논리도 저자들이 스스로 결정했다. 그렇기 때문에 집필한 장에 대한 필자 개개인의 견해와 평가도 삽입되어 있다고 할 수 있다. 그

러나 그것은 어디까지나 저자의 개인적 견해로써 다른 학자들의 견해와 언제나 일치하는 것은 아니다. 기술된 내용은 다양한 측면을 다루기 때문에 여러 장에서 반복되는 것도 있을 수 있다.

이 책은 분야별로 〈웨. 데. 짜가이 1부, 1,2,3,4 장〉, 〈유. 웨. 와닌- 서언, 2부 1,2,3 장, 결론〉, 〈게.웨. 그랴즈노프 2부 4장〉, 〈웨. 엠. 마주로프 2부 5장〉, 〈베. 웨. 시니찐- 2부 6장〉 집필하였다.

마지막 3개의 장은 필자들이 뜻하지 않게 유명을 달리함으로 1990년대 말까지만 기술되었다. 이 장들에서 다루는 주제에 대한 최근의 저작들이 참고문헌에 들어있다.

이 책이 러시아에서뿐만 아니라 외국에서도, 러시아의 한국학을 좀더 객관적으로, 심도 있게 알고 싶은 모든 사람들에게 흥미와 유익을 가져다 주기를 기대한다. 모든 한국학 센터와 연구자들이 이 책으로 인해 더 활발히 교류할 수 있길 바란다. 또 러시아와 남북한 학자들간 그리고 일반 대중과의 상호이해와 협력에 일조가 되기를 바라는 마음이 간절하다. 나아가 한-러 관계의 증진에도 크게 기여할 수 있기를 기대한다.

George Ginsburgs. Soviet Works on Korea. 1945-1970. University of California Press. Los Angeles, California. 1973.

Korea and Russia Towards 21 Centry. Seoul, 1992; 소련의 한국학. 부산, 1994 (한국어); 러시아에서 한국학에 대한 조사 한국의 독립운동사연구, 9권, 천안, 1995 (한국어)

러시아에서 한국연구. 한국역사발전 및 연구실태, 서울, 1999 (한국어)

Tyagai G.D. Sovietskoe koreevegenie v 20-30 gody; Noviy podem koreevegeniya; Sovietskoe koreevegenie v 60-80 gody v kn. SSSR i Koreya. M., 1988; Vanin Yu. V. rossiyskoye koreevedeniye v proshlom i nastoyaschem. Problemy dalnego vostoka, 1999 No.3 Konczevin L.R. Rossiyskoye koreevedeniye na sovremennom etape. - . Rossiyskoye koreevedeniye. Almanakh Byp. Tretiy. M., 2003.

유. 웨. 와닌 (러시아과학아카데미 동방학 연구소 한·몽과장)

ЧАСТЬ I

ЗАРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО КОРЕЕВЕДЕНИЯ

У истоков русско-корейских связей

До установления официальных торговых и дипломатических отношений с Кореей интерес в России к Корее реализовывался, в основном, как часть китаеведения.

На Руси, вероятно, располагали первыми сведениями о Корее еще в XIII в. Европейский путешественник Плано Карпини встретил тогда в ставке монгольского хана русских и корейских послов. Он писал: «Мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь в Руссии... а также князь солангов (корейцев.— *Г. Т.*) не получали среди них (монголов.— *Г. Т.*) никакого должного почета»[1].

С середины XVII в. корейское правительство, будучи в вассальной зависимости от Цинской династии, правившей в Китае, проводило политику строжайшей изоляции от внешних контактов. Однако, несмотря на «закрытие» корейского государства, в Россию по различным каналам проникали сведения об этой стране, встречая живой интерес в общественных кругах.

Во второй половине XVII в. русские казаки спускались на лодках по Амуру, выходили в открытое море и сообщали, что «навигация морем кругом корейского острова... быть имеет»[2].

Именно тогда возникли первые торговые контакты между русскими и корейскими купцами. Торговля между ними проходила в Нерчинске, куда приезжали корейские купцы и привозили шелковую обойную бумагу, шелк-сырец, циновки и другие товары, которые обменивали на русские меха[3]. С самого начала торговых контактов русские купцы отмечали, что корейцы отличались трудолюбием, доброжелательностью.

Русский путешественник и посол в Китае Николай Милеску Спафарий, находясь в 1674–1675 гг. в Пекине, собрал обширный материал о дальневосточных странах.

По возвращении в Россию он представил в Посольский приказ в Москве «Описание первыя части вселенныя именуемой Азии, в ней же состоит Китайское Государство с прочими его городы и провинции».

В конце XVII — начале XVIII вв. многочисленные списки этого труда были распространены в России и знакомили русское общество с историей, экономикой, культурой Китая, Японии, Кореи и других восточных государств.

В книге Спафария Корее посвящена глава под названием «Описание государства Кореи, которое между уездом (Леоатунг) и между Амурою состоит и что при нем и в нем обретается»[4]. Здесь впервые приведено географическое описание Кореи.

В трудах Спафария также впервые в русской литературе были даны сведения по истории отношений Кореи и Японии в XVII в., о ее зависимости от маньчжурской династии, правившей в Поднебесной империи, о нападениях маньчжуров на Корею в 20–30-х гг. XVII в., а также описан морской путь от устья Амура до Китая[5].

К концу XVII в. появились и картографические сведения о Корее. В 1698 г. знаменитый русский картограф С. Ремезов составил карту всей Сибири «Чертеж всех сибирских городов и земель». На этой же карте к востоку от китайского побережья была обозначена «Кореа» в виде узкого полуострова. Против Кореи С. Ремезов в «море-окияне» обозначил государство «Апония»[6].

В 1689 г. между Россией и Цинской династией был заключен т. н. Нерчинский договор для урегулирования вооруженных столкновений между русскими казаками, крестьянами, жившими в Приамурье, с маньчжурскими вооруженными отрядами, нападавшими на них. После этого прекратились русско-корейские контакты через Амур и Японское море.

С этого времени сведения о Корее в Россию продолжали поступать только через Китай. В Пекине русские торговые и служилые люди нередко встречались с корейскими послами и купцами в помещении российского посольства.

В 1722 г. Лоренц Ланг, русский торговый агент, обратил внимание на унизительное отношение к корейским послам и торговцам в Пекине. Они не пользовались там никакими элементарными правами. Им запрещалось общаться не только с иностранцами, но и с жителями Пекина. В феврале 1722 г. он вступил в контакты с корейцами, прибывшими в Пекин. Ланг

вел дневник, в котором освещал свои сношения с корейцами и реакцию на них цинских властей. Сведения Ланга, как официального русского торгового представителя, о корейской торговле представляют большую ценность. Он, в частности, описал, как к нему приходили корейские торговцы: «В Пекине меня посетило несколько главных корейских торговцев. Но когда они хотели зайти ко мне, приставленные к ним солдаты воспротивились этому и дошли даже до такой наглости, что угрожали им большими плетьми... Вероятно, учтивость, с которой я принял торговцев, сильно расположила их ко мне. 22 февраля они опять подошли к моему дому, но солдаты из стражи не впустили их»[7]. Попытки Ланга установить контакты с корейцами кончились высылкой его из Китая.

В России дневники Л. Ланга впервые опубликовали в 1766 г. как часть перевода на русский язык книги англичанина Джона Белла, который включил их в описание собственного путешествия из Петербурга в Пекин. В 1822 г. они были изданы как «Поденная записка пребывания г. Лоренца Ланга, агента его величества императора Российского при китайском дворе, 1721 года». Этот новый перевод книги издал журнал «Северный Архив»[8], № 17. Публиковал его Ф. Булгарин, журнал был посвящен публикации исторических статей, статистических материалов и воспоминаний путешественников.

Труд Л. Ланга — один из первых источников, содержавших сведения о Корее, вассальном государстве Цинской империи. Известный русский востоковед Н. В. Кюнер оценивал стремление Л. Ланга войти в контакты с представителями Кореи в Пекине «как зародыш будущих отношений России и Кореи»[9].

Интерес к Корее в России постепенно возрастал, о чем свидетельствуют переводы на русский язык книг об этой стране. В конце XVIII и начале XIX вв. были изданы переводы содержавших сведения о Корее сочинений француза Дюгальда «Описание китайской империи» (СПб. 1774–1777 гг.) и англичанина Макартнея «Путешествие во внутренность Китая и Татарию» (Москва, 1804–1805 гг.) и др.

Как видим, интерес к Корее в русском обществе зародился задолго до установления официальных отношений с этой страной. Это было естественное стремление, продиктованное не только государственными интересами, но и желанием иметь достоверные сведения о государстве, с которым с начала XIX в. все более приходили в соприкосновение русские торговцы, путешественники, ученые, дипломаты.

Так, в 1805 г. русский мореплаватель И. Ф. Крузенштерн, совершая кругосветное путешествие, собрал новые ценные сведения о Корее, которые дополняли и исправляли данные о ней мореплавателей конца XVIII в. Лаперуза и Броутона. В своих воспоминаниях «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве» (М. 1950) И. Ф. Крузенштерн писал: «Берег Кореи... в настоящее время в результате предприимчивости европейцев не останется, конечно, долго в неизвестности. Торговля с населяющим оный до ныне незнакомым народом обещает такие выгоды, которых тщетно искать в Японии».

В 1824 г. пристав к русской духовной миссии в Пекине Е. Ф. Тимковский издал в Петербурге книгу «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» с картой, чертежами, рисунками. Книга Тимковского состоит из 3-х частей. Часть вторая непосредственно посвящена его жизни в Пекине, где и происходили контакты с корейцами. В параграфе под названием «Корейцы в Пекине» дано описание встреч с ними. Тимковский очень тепло вспоминал общение с корейцами, которое происходило на китайском языке через переводчиков — отца Иакинфа (Н. Я. Бичурин), либо студента Зимайлова. Тимковский вспоминал, что «отец Иакинф пригласил его для свиданий со знаменитым корейцем». «Генерал (корейский.— *Г. Т.*) интересовался расстоянием между островом корейским и Санкт-Петербургом».

Тимковский расспрашивал генерала о расположении столицы Кореи, сколько областей в этом государстве, есть ли большие озера и реки. После каждой беседы корейцам дарили подарки. В частности, генералу была поднесена офицерская сабля «которая понравилась ему чрезвычайно... Я уверял его, сколь приятно будет для русских, ежели сие слабое произведение наших отечественных заводов и в Корее будет напоминать ему о России». Далее Тимковский замечал, что «маньчжурские божки (чиновники.— *Г. Т.*) напоминали уже корейцам, что они «слишком часто ходят на русский двор» (с. 260). «Корейский генерал прислал мне взаимные подарки» (с. 261)...

Корейцев при подобных встречах интересовали сведения «о положении, обширности России, об образе постройки наших домов, городов и прочее». По словам Тимковского, корейский генерал «имеет понятие о русской земле, лежащей... на севере от Кореи... что россияне приезжали некогда в Японию... знает также Кяхту и то, что в пределах нашей земли есть пре-

красные соболи, лисицы, белки и бобры». Он писал также, что корейские чиновники проявляли интерес к кяхтинскому торгу и возможностям торгового обмена. При этом перечислял те товары, которые заинтересовали бы русских купцов. Неоднократно он подчеркивал дружеское расположение корейцев к русским.

Крайне важно отметить, что еще в 1821 г. Тимковский сообщал: «Японское правительство строго наблюдает, чтобы корейцы не имели никаких сношений с иностранцами, исключая китайцев» (с. 256). Автор приводил любопытные наблюдения о корейском языке. Он писал: «Китаец и кореец друг с другом разговаривать не могут. На письме не только свободно объясняются, но корейцы в красоте почерка даже превосходят китайцев. Буквы или знаки у них одни и те же, вся разность состоит в том, что кореец иначе произносит их...» (с. 256). Тимковский подробно описывал внешность корейцев, их одежду. «В обращении корейцы просты» (с. 255).

Автор подробно изложил, как осуществлялась Кореей вассальная зависимость от Китая, какова дань корейского короля. Он считал, что «малолюдство и мирный дух корейцев является причиною невнимания к ним со стороны Китайской державы и самого пренебрежения, что весьма отражается на стеснительных поступках китайских чиновников с приезжающими в Пекин корейцами» (с. 256).

Тимковский отмечал, что «Япония... собирает с Кореи установленную подать золотом. Я не имел случая узнать достоверно, на чем основана сия зависимость, весьма отяготительная для Кореи» (с. 256). Он считал, что «наша североамериканская компания, при счастливейших обстоятельствах, могла бы войти в торговые связи с Кореею, основав новый порт где-нибудь на берегу восточной Азии» (с. 257). Далее автор перечислял те товары, которые привлекли бы интерес корейских купцов.

В 1851 г. в Санкт-Петербурге был издан труд упоминавшегося выше известного русского ученого, китаеведа Н. Я. Бичурина, в монашестве отца Иакинфа. С 1807 по 1821 гг. он пробыл в Китае в должности начальника русской духовной миссии в Пекине. В своем сочинении «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Н. Я. Бичурин использовал многочисленные китайские источники. В части 2-ой этого труда под названием «Маньчжурия, Корея и Япония» приведены его переводы «Шицзи» (Исторические записки), выдающе-

гося произведения китайской официальной историографии, написанного в 1 в. до н. э. китайским историком Сыма Цянем, где содержались сведения о древней Корее[10].

Н. Я. Бичурин опубликовал еще один крупный труд — «Статистическое описание китайской империи» в 2-х томах. В книгу была включена глава «Королевство Чао-сянь» — краткая история Кореи и ее административного устройства. В этом труде также были приведены фрагменты древних китайских источников, в которых имелись сведения о Корее.

С середины XIX в., после открытия порта Владивосток, путь вдоль корейского побережья Японского моря стал обычным для русских судов, на которых находились многие ученые. Они оставили свои путевые записки и воспоминания, включавшие важные данные о Корее.

Первыми русскими, вступившими на землю Кореи, были моряки с кораблей экспедиции контр-адмирала В. П. Путятина. Они направлялись в Японию с целью установления с ней дипломатических и торговых отношений. В марте 1854 г. к берегам Кореи подошел фрегат «Паллада». Воспоминания участника экспедиции, известного русского писателя И. А. Гончарова были вначале опубликованы в «Морском сборнике» (1855, № 3, 5, 6, 9–11), журналах «Отечественные записки» (1855, № 4, 5, 10; 1856, № 3), «Русский вестник» (1856, № 21; 1857, № 9), «Современник» (1855, № 10; 1856, № 2); «Библиотека для чтения» (1857, т. 142).

Отдельным изданием воспоминания И. А. Гончарова вышли в свет под названием «Фрегат «Паллада» (т. 1, 2) в Петербурге в 1858 г. и были встречены с большим интересом и сочувствием русской общественностью.

В труде И. А. Гончарова подробно описаны (на 60 страницах) быт, природа, обычаи корейцев. По дороге из Японии в Корею Гончаров записал «...Какое бы раздолье для европейской торговли и мореплавания здесь, при этой близости Японии от Кореи и обеих стран от Шанхая... Скоро ли же и эти страны свяжутся в одну цепь и будут посылать в Европу письма, товары и т. п.? Что за жизнь кипела бы тут, в этих заливах...» И. А. Гончаров рассказал далее, как приплыл фрегат «Паллада» к корейскому берегу: «Перед нами вырос берег, а на карте его нет... Один из наших катеров приставал к берегу; жители забегали, засуетились... собрались толпой на берегу, с дубьем, чтоб не пускать, и расступились, когда увидели у некоторых из наших ружья. Они написали на бумаге по-китай-

ски: «Что за люди? Какого государства, города, селения, куда едут?» На катере никто не знал по-китайски и написали им по-русски имя фрегата...» (с. 472).

Корейцы встретили их в целом дружелюбно. «Наконец,— писал Гончаров,— мы ступили на берег, на котором, вероятно, никогда не была нога европейца» (с. 474). «Жители знаками спросили, не за водой ли мы пришли? Отвечали, что нет. Так и разошлись» (с. 474). И. А. Гончаров отмечал, что корейцы через переводчика с китайского сказали, что хотели бы торговать с русскими (с. 477). Он записал подробно свои впечатления о корейцах: это «домовитые люди», любят и «пишут стихи».

Крайне важны его выводы о значении установления культурных, дипломатических и торговых контактов России и Кореи (с. 464), а также о том, что «Япония связалась бы торговыми путями через Китай и Корею с Европой и Сибирью».

Кроме записок И. А. Гончарова были опубликованы воспоминания и других участников экспедиции, в том числе «Письма с кругосветного плавания капитана-лейтенанта К. Посьета»[11].

Интерес русской общественности к корейскому государству наглядно подтверждался тем, что еще в 30-е годы XIX в. продолжали издавать в России переводы западноевропейских сочинений о Корее. В 1836 г. в Москве опубликовали сочинение Д. Дервиля «Всеобщее путешествие вокруг света», включавшее и сведения о Корее. В 1839 г. в Петербурге вышло в переводе с французского «Живописное путешествие по Азии», составленное Эйре. Книга украшена гравюрами и рисунками. Глава под названием «Китайская империя» включала раздел «Корея». Эйре использовал в нем публикацию голландца Генриха Гамелла, который, после кораблекрушения в 1653 г. у корейских берегов, в течение 15 лет был пленником в Корее. По возвращении на родину он издал описание своих приключений. Его книга переведена на многие европейские языки.

Сведения Гамелла Эйре дополнил переводами из китайских и японских источников «для узнания Кореи» (с. 196–198). В книге Эйре дано подробное описание морей, омывающих Корейский полуостров, его климата, флоры, фауны. Автор отметил, что корейцы «приятны лицом, учтивы и вежливы между собою, обязательны и приветливы ко всем чужестранцам... Корейцы вообще добры, человеколюбивы, робки, работящи, бережливы и скромны» (с. 199), «оказывают боль-

шую склонность к наукам» (с. 200). Эйре приводил также наблюдения о корейских берегах, сделанные с английских кораблей. Так, «Лорд Амхерст» в феврале 1832 г. обследовал корейский берег и его командой были сделаны попытки установить с Кореей торговые отношения (с. 234).

Эйре осветил деятельность католических миссионеров в Китае и их неудачные попытки проникнуть в Корею. По его сведениям, католицизм тем не менее распространялся в «закрытой Корее», так как некоторые корейцы, прибывшие в Китай с дипломатическими миссиями, принимали там западную веру. По возвращении на родину они занимались проповедью католицизма. Эйре писал, что в 1835 г. уже «было несколько тысяч корейцев-христиан» (с. 238). На наш взгляд, эти данные значительно преувеличены. Точное число корейцев, принявших новую веру в Китае, а также непосредственно в Корее в 30–40-х годах XIX в., неизвестно.

В 1854 г., также в Петербурге, вышел перевод с немецкого книги Ф. Зибольда «Путешествие по Японии или описание японской империи в физическом, географическом и историческом отношениях» (т. I–III). В главе III тома под названием «Корейские рыбаки» приводилось описание корейцев, потерпевших крушение у японских берегов, и их жизнь в порту Нагасаки. Ф. Зибольд посещал их. Он отмечал, что «жители Кореи в обращении серьезны и положительны». Автора интересовал язык, письменность корейцев, их поэзия, одежда, строение судов и т. п. Зибольд справедливо утверждал, что японо-корейская война 1592–1598 гг. явилась причиной того, что «корейцы упорно, но без жестокости вооружаются против иностранцев».

Новый этап в становлении русско-корейских отношений наступил в 1860 г., когда к России, после заключения Пекинского договора с Китаем, присоединился Южно-Уссурийский край. В этом договоре была определена русско-корейская граница. С этого времени начался переход сюда на постоянное жительство крестьянских семей из северной провинции Хамгён, вследствие их тяжелого экономического положения. Во Владивостоке образовался корейский квартал под названием «Корейская слободка». В корейских селениях открывали школы. Корейцы встречали сочувствие и поддержку находившихся здесь ссыльных русских писателей, ученых, революционеров, духовенства[12].

Общение с корейцами требовало знания корейского языка. С этой целью и был составлен первый русско-корейский сло-

варь чиновником для особых поручений при Приморском областном правлении М. П. Пуцилло. При подготовке словаря Пуцилло предвидел необходимость знания корейского языка для будущего общения с соседней страной, еще закрытой тогда для контактов с внешним миром. Его труд «Опыт корейско-русского словаря», содержавший 5,5 тысяч слов, был издан в 1874 г.

С этого времени значительно увеличилось число различных публикаций о Корее. Появились сообщения о ней в газетах «Кяхтинский листок», «Голос» и др., журналах «Известия Императорского Русского географического общества», «Морской сборник», «Вестник Европы», «Кронштадский вестник» и др.

В журнале «Морской сборник» публиковались материалы о французской интервенции в Корею в октябре 1866 г., о сопротивлении им корейцев, создании партизанских отрядов, кроме правительственной армии, и нанесении ими полного поражения французам.

В 1866 г. в «Известиях Императорского Русского географического общества» (т. 2, № 1) были помещены материалы о Корее, собранные из английских изданий. Автор русского предисловия писал: «Корея принадлежит к числу наиболее известных стран Азии. Это общество представляет собой замечательный факт в истории географических открытий. Обширный полуостров… остается до сих пор краем «недоступным и таинственным»… Казалось бы нам, русским, скорее всего должна была принадлежать честь открыть Корею для остального мира, но не предупредят ли нас в этом англичане?» (с. 32). Автор несколько ошибся: опередила Россию, как известно, Япония.

В этой работе содержались сведения об административном устройстве корейского государства, обычаях, нравах корейцев. Приведены в ней также переводы из сборников, изданных на китайском языке, сделанные известным китаеведом архимандритом Палладием (П. И. Кафаровым). Переводы свои он прислал в Петербург, в этот журнал из Пекина.

В 1867 г. выдающийся исследователь Азии Н. М. Пржевальский посетил Уссурийский край. От корейцев, переселившихся в русское Приморье, он узнал об их жизни на родине. Свои впечатления Пржевальский опубликовал в книге «Путешествия в Уссурийском крае» (СПб, 1869 г.)[13].

После посещения Уссурийского края Пржевальский о переселении в этот регион корейцев писал: «К числу замечательных явлений, совершающихся в последнее время на крайнем

Востоке Азии, следует отнести также эмиграцию корейцев в пределы России и образование ими здесь новых колоний». Причиной переселения была «густая населенность Корейского полуострова и развивавшиеся там вследствие этого нищета, пролетариат, грубый деспотизм, сковывавший все лучшие силы народа». Поражает глубокое понимание автором положения в самой Корее. Он раскрыл причины, вследствие которых корейцы-крестьяне должны были «искать себе при новых условиях и новой обстановке лучшей и более обеспеченной жизни» (с. 91).

Пржевальский считал, что «корейское правительство всеми средствами старалось и старается приостановить подобное переселение... Однако, несмотря на это, корейцы бросают свои фанзы». Автор подробно описал, какие фанзы у корейцев, их быт, посевы, пищу, обычаи, животноводство. Наблюдая их, он пришел к выводу, что «корейцы... отличаются трудолюбием, особенно чистотой... Само одеяние их белого цвета указывает на любовь к чистоте».

Среди корейцев, переселившихся в русское Приморье, указывал он, есть и принявшие православную веру.

«Вообще услужливость, вежливость и трудолюбие составляют, насколько я мог заметить, отличительную черту характера корейцев»,— писал Пржевальский (с. 91–93). Интерес к корейцам в Уссурийском крае вызвал желание Пржевальского, несмотря на изоляцию Кореи от внешних контактов, посетить пограничный город Кёнхын в октябре 1867 г. С большим трудом он добился приема «начальником города» и имел с ним беседу (с. 100).

Первым итогом многочисленных иностранных и отечественных публикаций о Корее можно считать издание крупного сочинения русского автора П. И. Ждан-Пушкина «Корея». Эта книга была опубликована в Петербурге в виде приложения к «Сборнику историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных странах» в 1875 г. (т. 1, вып. 13). В труде Ждан-Пушкина дано описание истории Кореи, ее учреждений, языка, минеральных богатств, нравов, обычаев, распространения в ней христианства. Сведения, приведенные Ждан-Пушкиным, послужили одним из источников 3-томного «Описания Кореи» (1900 г.), являвшегося своеобразной энциклопедией знаний о Корее.

20 апреля 1876 г. на острове Канхвадо был подписан японо-корейский торговый договор. Корея открыла для торговли

с Японией порт Пусан, а через 20 месяцев еще два порта. Япония получила право направить в столицу Кореи посланника. В договоре содержались статьи об экстерриториальности и неподсудности японцев в Корее. Вслед за Японией 22 мая 1882 г. был подписан корейским правительством договор с США, в 1883 г. с Англией и Германией, в 1884 г. с Италией и Россией, в 1886 г. с Францией.

Наступил конец изоляции Кореи от внешнего мира. Начался период ее борьбы за национальную независимость, против наступления капиталистических держав, главным образом, Японии. Число публикаций в России о Корее значительно возросло уже с конца 70-х — начала 80-х годов.

В 1882 г. в «Морском сборнике» были помещены «Очерки Кореи» К. Андо, написанные по японским источникам. В первой их главе подробно описаны состояние дорог, географические особенности Кореи, ее административное устройство, положение областей и уездов. В главе 2-й, «Государственное устройство», автор особо отмечал зависимость Кореи от Китая, организацию ее судебной системы, проведение церемоний. В третьей главе, «Язык, образование, религия», в частности, было сказано: «В отношении образования в Корее замечается рабское подражание Китаю», это «свойственно властным верхам государства» (с. 84). Автор справедливо указал, что образование в Корее носило сословный характер, так как государственные экзамены, необходимые для получения поста чиновника, могли сдать только представители высшего сословия.

Интересно и справедливо мнение автора о верованиях в корейском обществе. «В Корее,— писал он,— религия распределена так: высшее сословие следует учению Конфуция, а народ исповедует буддизм... распространено и всякое суеверие» (с. 85). В главе «Быт корейцев, нравы, прически» дано подробное описание одежды, причесок, как простого люда, так и высшего сословия вплоть до короля, рассказано о домах, пище богатых и бедных, курении, состоянии денежной системы и т. д. (с. 90).

В переводе с английского языка в 1884 г. были опубликованы «Извлечения из отчета о поездке г-на Карлса в две центральные провинции Кореи в ноябре 1883 г.»[14]. 25 октября 1883 г. англичане Карлс, Петерсон и Моррисон на пароходе из Шанхая отплыли в Корею и прибыли в порт Инчхон. В работе приведены сведения о состоянии корейских дорог, домов, рынков, налоговой системы, животноводства.

Карлс писал, что в течение пребывания в Корее местные жители к ним «относились хорошо, без низкопоклонства, без навязчивого любопытства, и лучшее помещение в деревне отдавалось безропотно в распоряжение путешественников, хотя последние прибывали часто, не предупредив жителей» (с. 314).

Автор обратил внимание на проявления суеверия народа. Он видел своеобразные постройки для жертвоприношений, воздвигнутые в долинах во время японского нашествия конца XVI века, чтобы умилостивить земные силы. Народ приносил разные подаяния «горным силам». Карлс описал буддийский храм, который был расположен вблизи городских ворот Сеула.

Серьезный вклад в изучение Кореи внес П. А. Дмитриевский, долгие годы находившийся на дипломатической службе в Китае, а затем в Корее. Окончив в 1871 г. Петербургский университет, факультет восточных языков, в 1875 г. он получил степень кандидата по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду, знал и японский язык. Дипломатическая служба его началась в Пекине, в 1882 г. возглавил консульство в Ханькоу. В 1883 г. в Ханькоу он издал в переводе с китайского «Географическое описание Кореи». Кроме сведений о географии, в этом труде содержались данные по истории, культуре этой страны.

В 1884 г. П. А. Дмитриевский опубликовал «Записки переводчика, составленные переводчиком при Окружном управлении на острове Цусима Отано Кигоро» (Записки Императорского Русского географического общества, 1884, т. 12, № 4). Основу этой книги составили записки Отано Кигоро, написанные на основе китайских и японских источников, а также рассказы корейских чиновников, с которыми он встречался. Собранные Отано Кигоро сведения о корейском государстве и корейцах были и из корейского законодательного памятника XVIII в. «Общий свод великого уложения». Перевод его на русский язык Дмитриевский снабдил комментариями.

Корея оставалась в начале 80-х годов XIX в. еще «закрытой» для России страной. Однако интерес русской общественности к соседнему государству, его истории быту, нравам, состоянию экономики постоянно возрастал. Об этом свидетельствовал рост самых различных публикаций: появление первых сводных трудов, типа книги Ждан-Пушкина «Корея», воспоминаний впервые посетивших Корею путешественников (Гончарова, Пржевальского), а также издание переводов книг и статей с иностранных языков[15].

[1] Джовани дель Плано Карпини. История монголов. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 34.

[2] Цит. по: Б. Д. Пак. Россия и Корея. М., 1979, с. 26.

[3] Там же, с. 27.

[4] Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960, с. 282–283.

[5] Там же, с. 283.

[6] Ремезов С. Чертежная карта Сибири. Составленная тобольским сыном Семеном Ремезовым 1701 г. СПб, 1882, л. 21. Цит. по: Б. Д. Пак. Россия и Корея, с. 28–29.

[7] Там же, с. 30.

[8] См. там же, с. 31.

[9] Кюнер Н. В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых. Владивосток, 1914, с. 21.

[10] Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.— Л., 1950. Ч. 2 (Маньчжурия, Корея и Япония).

[11] К. (Посьет). Письма с кругосветного плавания в 1852, 1853 и 1854 годах.— «Отечественные записки», 1855, т. 99, № 4, с. 127.

[12] См. Б. Д. Пак. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994.

[13] Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийский край. М., 1947.

[14] Извлечение из отчета о поездке г-на Карлса в две центральные провинции Кореи в ноябре 1883 г.— Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XII, 1884.

[15] См. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. М., 1997, с. 335.

Корея в общественно-научной мысли России после 1884 г.

1884 год положил начало истории русско-корейских дипломатических отношений. 7 июля 1884 г. между Россией и Кореей был подписан первый договор о дружбе и торговле. Русские получали право торговать в портах Инчхон, Вонсан, Янхваджин, а также в Сеуле, покупать там землю, открывать фабрики, заводы. Они могли ездить по стране без паспорта на расстоянии 100 корейских ли от портов, открытых для иностранцев. При получении паспорта от русского консула с печатью и подписью корейской местной власти можно было передвигаться по всей Корее[1]. За договором 1884 г. последовали другие межгосударственные соглашения.

После 1884 г. корееведение в России вступило в качественно новый этап своего развития. Именно в этот период, с нашей точки зрения, произошло его выделение из китаеведения, начался процесс формирования собственно корееведения как науки о Корее. К концу XIX в. этот процесс завершился появлением самостоятельной отрасли востоковедной науки — корееведения.

С этого времени начались путешествия в Корею русских купцов, военных, ученых. В газетах и журналах России увеличилось количество публикаций. В 1884 г., например, были изданы извлечения из статьи Е. Плошю, в переводе с французского, под названием «Корея, уединенное государство» в «Сборнике статистических, топографических и географических материалов по Азии» (вып. XII). В статье подробно описаны природа Кореи, флора, фауна, богатства полезных ископаемых, прежде всего золота. Приведены краткие сведения об истории древнекорейских государств.

Отмечена особая роль в жизни страны ее правителя — короля, показаны система государственного управления, военной

организации, состояние провинций, городов. Особо подчеркнуто, что в корейском государстве важное значение имела сословная система. Все общество разделялось на «благородных, простой народ, рабство» (с. 257–258). К постам чиновников допускали только после «публичных экзаменов, требуемых от желающих вступить на гражданские и военные должности».

В работе Е. Плошю написано о господстве в корейском обществе китайских традиций, насаждаемых в результате вассальной зависимости со 2-й половины XVII в.: «С 8 лет в школах литература и науки преподаются по-китайски, корейский язык находится в пренебрежении», «указы, постановления судов, манифесты и ученые книги также пишутся по-китайски» (с. 299).

Правильно отмечено, что в IV в. в Корею проник буддизм, замененный в XIV в. учением Конфуция. Рассказано и о распространении в Корее христианства.

Критически описаны и признаны «неудачными» интервенции Франции в 1866 г. и США в 1871 г. «Только русским удалось в 1860 г., благодаря приобретениям, сделанным в Северо-Восточной Азии, распространить свои владения до границ Кореи» (с. 300).

Автор осветил и народное восстание в Сеуле в 1882 г. Однако оценивал его не как проявление недовольства солдат и городской бедноты, а лишь как заговор против короля Коджона, его отца — тэвонгуна (принца-регента). Упущена антияпонская направленность восстания.

Особое место в русском корееведении конца XIX в., несомненно, принадлежит воспоминаниям и дневникам путешественников по Корее, запечатлевшим собранные ими сведения и личные впечатления от пребывания в этой стране. Потребность в организации целой серии экспедиций в Корею диктовалась экономическими, военно-стратегическими интересами России в тот сложный период международных отношений на Корейском полуострове и вокруг него, но в не меньшей мере и растущим интересом российской общественности к соседней стране, с которой сравнительно недавно начались прямые разносторонние контакты. Материалы ряда путешествий были переизданы в 1958 г. в Москве в сборнике «По Корее. Путешествия 1885–1896 гг.» Выдержки из них, приводимые в этой главе ниже, цитируются в основном по этому сборнику.

Первым путешественником, посетившим Корею, был русский купец П. М. Делоткевич. В декабре 1885 г. он отплыл на

корабле «Шевелев» из Нагасаки в корейский порт Пусан, а затем в Инчхон. Прибыв в Сеул, отправился пешком на север и прошел более 1500 км, посетив Вонсан, Пукчхон, Танчхон, Кэсон и ряд других городов. Впечатления от посещения Кореи он подробно изложил в «Дневнике Павла Михайловича Делоткевича на пути пешком из Сеула в Посьет через Северную Корею (с 6 декабря 1885 г. по 29 февраля 1886 г.)». Впервые дневник П. М. Делоткевича был опубликован в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» (СПб, 1889, вып. 38).

П. М. Делоткевич был направлен в Корею крупным предпринимателем, купцом Шевелевым, чтобы организовать строительство пристаней, торговых контор, амбаров в портах Вонсан и Пусан для налаживания русско-корейской торговли. В своем дневнике он подробно описал состояние торговли, природу Кореи, положение в пограничных районах. «Много корейцев,— отмечал он,— ходят во Владивосток, совершая в хорошую погоду этот путь в 4–5 дней». П. М. Делоткевич перечислял, чем торговали корейцы с русскими еще в период «закрытия» страны: «тиклоус, коленкор и белая дрель».

Автор подробно знакомил читателей с отношением корейцев к русским. Местные власти проявляли трогательную заботу об условиях их ночлега, питания. В городе Кёнсоне он был гостем начальника местного округа (пуса). «Этот заботливый старик,— рассказывал Делоткевич,— несколько раз присылал своего помощника узнать, ел ли я и как мое здоровье. Народа собралось много; изодрали бумагу на дверях и окнах... Но, спасибо, заботливый пуса прислал двух офицеров, которые все время по очереди дежурили, а двое полицейских разгоняли народ» (с. 41).

В том же 1885 г. в Корее побывал князь Дадешкалиани, по возвращении опубликовавший «Краткий очерк современного состояния Кореи князя Дадешкалиани, состоящего при канцелярии приамурского генерал-губернатора (1885 г.)». Впервые очерк был опубликован в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» (1885, вып. 22)[2]. В первом его разделе приведены краткие сведения о древней и средневековой истории Кореи, во втором — подробно описан морской путь от Нагасаки в Инчхон, дан географический обзор средней полосы Корейского полуострова, ее флоры, фауны, имеющихся там полезных ископаемых. Он с восхищением вспоминал природу Кореи: «Стоит проникнуть

вглубь страны — видишь все богатство страны. Правда, и здесь встречаются возвышенности, но они покрыты густой растительностью, т. н. богатейшими лесами, и не имеют вида горных цепей, а отдельных плодородных высот, отделенных друг от друга роскошными долинами» (с. 49).

По пути следования Дадешкалиани также постоянно пользовался заботой, добрым расположением корейских градоначальников к русским, и неоднократно писал об этом. По его словам, «корейцы остроумны, подвижны, впечатлительны, любознательны... Стоило мне показаться в каком-нибудь селении — и я делался средоточением сотенной толпы: должен был отвечать на массу вопросов, давать сведения о чужих краях...» (с. 55).

Крайне важно отмеченное Дадешкалиани понимание в корейском обществе необходимости реформ после «открытия» страны. При этом автор преувеличивал заинтересованность широких кругов корейского общества в преобразованиях. Явно сказалось увлечение им новым, незнакомым ранее народом. Он писал: «Изолированный от мира он (корейский народ.— *Г. Т.*) до сих пор не знал, что есть лучшая жизнь, лучшая обстановка, лучшие порядки. Он увидел новых людей с новыми привычками, с новыми нравами» (с. 56). И, по его мнению, корейцы стремились узнать все новое, оценить значение прошлого.

Справедливо наблюдение Дадешкалиани, что «по обычаям корейцев можно подразделить на две категории: самобытных и окитаившихся. Простой народ держится более национальных обычаев, тогда как высшее общество во всем старается подражать китайской аристократии» (с. 56). Высшие чиновники ориентировались на установившиеся каноны, опасались, что реформы государственной структуры лишат их власти. Лишь незначительное число корейской элиты, обучавшейся в Японии, США выступало за преобразования в государственном устройстве.

Дадешкалиани, посетивший Корею в 1885 г., знал о недавних народных волнениях. О событиях 1882 г. он писал: «Корея вмиг превратилась в арену ужасной резни: отцы пошли на детей. В течение 8 дней в Сеуле лилась кровь без разбора. Повстанцы сначала имели успех» (с. 87). Волнения 1882 г. в Сеуле были вызваны голодным содержанием солдат, нищетой городского населения. Дадешкалиани ошибочно утверждал, что восстание спровоцировано тэвонгуном с целью захвата власти

(с. 87), хотя последний действительно пытался использовать народное недовольство в своих интересах. Автор был еще далек от истинной оценки положения в стране. Вторжение иностранного капитала в экономику Кореи тяжело отразилось на народных массах.

Лидеры нарождавшегося в Корее реформаторского движения искренне верили, что Япония поможет им осуществить необходимые преобразования, сделать Корею цивилизованным государством. Однако реальная жизнь раскрывала подлинные цели Японии. И Дадешкалиани приходит к пониманию политики правительства микадо в Корее: захватнически «Япония раскрыла пасть, чтобы тихо, без шума проглотить Корею» (с. 88). Автор пророчески предсказал планы Японии в отношении Кореи.

После восстания 1882 г. Япония навязала Корее т. н. Инчхонский договор, по которому в Сеул вводились японские войска, якобы для охраны японской миссии. «Лишь только в столице Кореи завелась японская вооруженная сила,— сообщал Дадешкалиани,— как японская политика в отношении королевства приняла другой, не предвиденный корейцами оборот: японский посланник разными требованиями и вмешательством во внутренние дела королевства сразу показал, что правительство Токио только выжидало случая, чтобы возбудить свои старинные притязания на Корею» (с. 88).

Обращает также на себя внимание изучение Дадешкалиани социальной структуры корейского общества. «Это благородные — янбани, полублагородные — чуйны и неблагородные — иваноми»[3] (с. 59).

«Рабство,— писал Дадешкалиани,— самое безобразное явление в королевстве, окончательно деморализующее население; благодаря ему могут тунеядствовать не только янбани и чуйны, но и промышленные классы, так как рабов может покупать всякий... Эти несчастные одни составляют действительно трудящийся класс, кормят потом своего лица все остальные десять миллионов, на них зиждется государство» (с. 60). «Правительство продает своих рабов частным лицам, и в этом случае эти несчастные делаются полной, безотчетной собственностью купивших их» (с. 66).

Автор приходит к выводу, что подобный социальный строй «достаточно должен объяснить мотивы эмиграции, или, скорее, бегства корейских рабов и других угнетенных классов в наши южно-уссурийские владения» (с. 60).

Также весьма интересны наблюдения Дадешкалиани по поводу религиозных верований корейцев. Вся масса корейцев «говорит на одном языке, исповедует одну религию, имеет одни обычаи и живет под одной властью. Эта общность существует спокон веков, она впиталась в плоть и кровь корейцев и обратилась в потребность... Корейцы — последователи учения Конфуция» (с. 54).

Автор прав, что конфуцианство было господствовавшей верой в Корее, несмотря на буддизм, а также распространение к этому времени и католицизма. Корейцы, принявшие католичество, писал он, «столь же христиане, сколько были последователями Конфуция» (с. 55).

Автор подробно описал систему государственного управления Кореей и пришел к выводу, что «вековая практика научила мандаринов грабить и народ, и казну безнаказанно, незаметно» (с. 64). Дадешкалиани писал, что в Корее фактически нет ни армии, ни флота, ни оружия. Однако «корейское правительство хорошо понимает необходимость приняться прежде всего за правильную организацию войск и за снабжение их усовершенствованным оружием» (с. 72).

Дадешкалиани уделил внимание состоянию торговли, торговых портов, деятельности министерства финансов. Он считал, что развитие торговых связей Кореи с иностранными государствами принесет положительные результаты. Увлеченный этой темой, он недостаточно критично оценивал состояние ее торговых отношений с иностранными державами. «В Корее, как и в Японии, цивилизация нашла вполне подготовленную почву. За какие-нибудь 4–5 лет общения с европейцами и американцами корейцы многому уже научились от этих народов...» (с. 75).

Автор очень высоко отзывался о трудолюбии корейцев. В открытых для иностранцев портах и за границей кореец «служит образцом трудолюбия и энергии: ему отдается предпочтение перед всеми национальностями, даже перед китайцами. Измените условия его жизни в его отечестве — и он здесь будет неутомимым тружеником» (с. 75).

Дадешкалиани, однако, показом конкретного положения в Корее опровергает собственные выводы о стремлении правительства и народа к реформам, чтобы изменить «всю несостоятельность ретроградных основ их государственного строя» (с. 75). Он приводит, например, подробные сведения о наводнении корейского рынка иностранными товарами, о тяжком по-

ложении населения вследствие этого, т. к. их продукция вытеснялась. Золотые прииски, добыча меди, чеканка монет — все это оказалось в руках иностранцев. Автор утверждал, что от «систематической разработки золотых и серебряных руд корейское правительство не будет иметь почти никакого дохода от своей единственной до сих пор регалии» (с. 81).

Труд Дадешкалиани можно считать не только изложением живых впечатлений наблюдательного человека, но и первым аналитическим исследованием положения Кореи и происходивших в ней событий во время его поездки по стране и в предшествующий период.

После 1884 г. увеличилось количество публикаций о Корее как в прессе, так и в журналах, особенно в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии», «Русском Вестнике», «Правительственном Вестнике», «Морском сборнике», «Наблюдателе» и других. В помещенных ими статьях описывались различные стороны жизни корейского общества.

Среди заметок, статей, очерков о Корее, опубликованных в середине и второй половине 80-х годов следует выделить статью «Корея. Географический очерк» А. Д. Сташевского, изданную в 1885 г. в журнале «Военный сборник» (1885 г., № 11, 12).

Автор вышел за рамки чисто «географического очерка» и привел сведения о политическом и международном положении страны того времени. Эта работа дополняла уже известные в России материалы о территории Кореи, ее государственном устройстве, описания провинций, народонаселения и его деятельности, сношений Кореи с иностранными державами. Он считал, что Корея привлекала серьезный интерес европейских держав, которые «стремятся в буквальном смысле стать всемирными государствами и политический кругозор их не умещается в тесных рамках европейского материала» (с. 132). «Англия, Франция... немцы,— сообщал Сташевский,— встрепенулись при недавних известиях о беспорядках в Корее, этой малоизвестной и малодоступной замкнутой стране, слухи о богатстве которой и ранее привлекали к себе взоры Европы и Америки... Сведения о Корее, вообще мало распространенные, будут небезынтересны для лиц, которые пожелают познакомиться со страной, возбудившей в политическом мире особый интерес» (с. 133). Автор отмечал, что «в самой Корее возникла борьба двух партий — старой, отвергавшей всякие сношения с иностранцами и охра-

нявшей китаизм своего отечества, и новой, видевшей в оживлении торговых сношений с иностранцами средство к всестороннему развитию богатств страны и ограждению политической независимости ее» (с. 316).

Следует отметить, что интерес в русском обществе к Корее отразился и в организации специальных докладов по положению в соседнем государстве. Так, например, 29 марта 1888 г. в Кронштадте, в офицерском собрании (известном под названием «Кронштадское морское собрание») был прочитан доклад на тему «Общий очерк Кореи». Имя докладчика не указано, приведены только его инициалы («Морской сборник», 1888, т. 226, № 7–8).

Летом 1889 г. главный начальник Приамурского края генерал-адъютант барон А. Н. Корф командировал в Корею и Китай подполковника Ф. Вебеля. В 1890 г. в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» (вып. 41), издаваемом в Петербурге, был опубликован его отчет под названием «Поездка в Корею летом 1889 г. генерального штаба подполковника Вебеля»[4].

Вебель прошел большой и сложный путь от русско-корейской границы до Генсана (Вонсана.— *Г. Т.*), затем в Пхеньян и оттуда до Сеула. Автор подробно изложил все трудности пути, подчеркивая при этом неизменное дружелюбие встречавшихся ему корейцев от верхних слоев общества до простонародья. Местные жители одной из деревень, где проходил путь Вебеля, «настойчиво приглашали остановиться и принять угощение, приготовленное на живописном месте в тени дерев» (с. 129).

Правила сухопутной торговли России и Кореи, установленные в 1888 г., по его словам, «пользуются среди пограничной с нами местной корейской администрации и населения сочувствием по следующим причинам. В этом договоре корейцы усматривают несомненное желание русского правительства сблизиться с корейским королевством, политическая слабость которого, внутренняя и внешняя, совершенно правильно понимается и чистосердечно сознается всеми сведущими корейцами и в особенности по отношению к России». «Мы... принимаем вас как друга»,— вот фраза, с которой почти всегда обращались ко мне местные начальники, и этим обычно начинался дальнейший разговор»(с. 124–125).

Вебель привел важные сведения для изучения социально-экономического строя Кореи и положения ее крестьянства в 80-х годах XIX в. Им дана характеристика аграрных отно-

шений в корейской деревне того времени. Он писал, что кроме крестьян, арендовавших земли у помещиков, в Корее имелось множество крестьянских семей, которые не в состоянии были платить арендную плату помещикам и уходили в горные районы. Они вели там хозяйство на так называемых «огненных землях», урожая с которых не хватало даже на полуголодное существование. Подобные сведения впервые излагались в русских публикациях о Корее.

Как и остальные русские путешественники, Вебель отмечал исключительное трудолюбие корейских крестьян. Они обрабатывали землю с помощью самых примитивных орудий. «Труд, которым кореец добывает свой хлеб от земли, действительно велик» (с. 114) — заключал описание сельскохозяйственных работ Вебель. Также подробно описано и состояние животноводства, рассмотрены особенности, трудности разведения и содержания рогатого скота в условиях гористой местности, показано, как умело справлялись с этой задачей корейские крестьяне. «Отличные качества корейского скота объясняются... весьма заботливым уходом» (с. 115).

Детально охарактеризованы в работе Вебеля и природные богатства Кореи: залежи каменного угля, меди, железа, мрамора, горного хрусталя и, наконец, золота. Автор указывал, что корейское правительство готово предоставить права на разработку недр иностранным предпринимателям, «если бы только нашлись охотники рисковать своим капиталом» (с. 123).

Далее Вебель останавливался на состоянии вооруженных сил Кореи и деятельности американских инструкторов-офицеров, которые по соглашению с Соединенными Штатами в марте 1888 г. прибыли в Сеул. На его взгляд, «в деле организации корейских вооруженных сил по современным военным требованиям в сущности ничего еще не сделано, несмотря на то, что прошло полтора года со времени приезда американских инструкторов» (с. 133).

В этой работе автор пришел к весьма важному заключению о значении прекращения изоляции страны от внешнего мира и проведения в ней реформ, что, по его мнению, вполне уже осознано корейцами. Читаем: «Страна отшельников», столь ревностно оберегавшая свою обособленность, коренным образом уже изменила в последние годы свои традиционные взгляды на отношения к иностранцам. Метаморфоза, совершающаяся на наших глазах в Японии, не могла не отразиться на Корее, которая издревле находится с нею в самой тесной тор-

говой связи. Эти новые веяния не могли не коснуться той массы корейцев, которые волею или неволею приходят в сношения с внешним миром...» (с. 128).

Наиболее крупной публикацией конца XIX в., посвященной Корее был труд М. А. Поджио, русского дипломата, прожившего более пяти лет в Китае и Японии.

Книга написана в начале 80-х гг., но опубликована лишь в 1892 г. в Петербурге под названием «Очерки Кореи». В предисловии автор сообщал, что «считал своевременным ознакомить, насколько мог, русскую читающую публику с соседней нам страной на крайнем Востоке... Для составления сего (труда.— *Г. Т.*) я воспользовался всеми доступными мне сочинениями, статьями и корреспонденциями, появившимися за последние 30 лет, главным образом, в иностранной литературе, и также личными наблюдениями и заметками, сделанными во время моего пребывания на крайнем Востоке» (с. 8).

Далее мы узнаем, что в 1881 г. Поджио был включен в состав экспедиции, которой руководил главный начальник морских сил на Тихом океане генерал-лейтенант Лесневский. Поджио выполнял в ней дипломатические обязанности. Целью поездки являлась «политическая миссия в Китай и Японию» (с. 7). Лесневский поручил Поджио «по возможности войти в сношения с нашими соседями по Приморской области — корейцами».

Книга Поджио содержит краткий общий географический очерк Кореи и подробное описание каждой провинции. Специальный раздел посвящен историческим сведениям. Особое внимание он обращал на попытки иностранных судов войти в корейские порты и установить с Кореей торговые сношения. Так, им описаны вторжения американских кораблей в корейские порты в 1866 и 1868 гг. Целью подобных действий американцев, указывал автор, являлось намерение добиться, даже с применением военной силы, заключения торгового договора с Кореей, открытия ее портов для американо-корейских торговых отношений. В обоих случаях американские суда были изгнаны местным населением.

В главе под названием «Корейский король» в основном рассмотрены отношения короля с Китаем как главы вассального государства. При этом приведены многочисленные сведения о нравах, этикете двора.

В главе «Государственное управление» подробно, без авторских комментариев, описана деятельность каждого корейско-

го ведомства. Специальное внимание уделено судоустройству и деятельности судов.

Глава, названная Поджио «Сословия», освещает состояние корейского общества в результате господства высшего привилегированного чиновничества. Он характеризует деятельность бюрократической верхушки как «зло для края». При этом «не только народ, но и сам король не в силах бороться с ее могуществом» (с. 109). «Низший класс — народ — не пользуется никакими правами... Взяточничество разъедает страну» (с. 150). Автор утверждал, что «носильщики, мясники... создают свои корпорации, чтобы противостоять насилию чиновников» (с. 118).

Поджио писал, что, несмотря на вассальную зависимость от Китая и гнет чиновничества, в страну все же проникала европейская цивилизация. «Корейское правительство... начиная с 1882 г. отправляет молодежь в морские, военные и другие специальные китайские школы, а в 1883 г. ...в Японию для изучения торгового дела» (с. 130). Там она знакомилась с достижениями западной науки и техники. В самой Корее открывались школы для изучения европейских языков. Однако по-прежнему продолжало существовать правило, что только привилегированные слои общества имели право сдавать государственные экзамены «кваго» для занятия постов не только в правительстве, но и в управлении провинциями (с. 142).

В главе «Семейный быт» подробно описаны порядки в семье, взаимоотношения родителей и детей, мужей и жен. Одна из глав посвящена корейским постройкам, одежде, прическам, пище и пр. Особо выделена глава о религии, где отмечено, что в стране распространены буддизм, конфуцианство, вера в духов. Однако с конца XIV в. в ней господствовало учение Конфуция (с. 255).

Труд М. А. Поджио, несомненно, представлял собой своеобразный свод знаний о Корее, накопленных в России к середине 80-х гг. XIX в.

В августе 1894 г. началась японо-китайская война за господство в Корее. Из-за этого на время прервались контакты Кореи с Россией, прекратились путешествия русских купцов, офицеров, ученых.

В период войны Корея превратилась в театр военных действий: разорены были города, села, по которым прошли японские и китайские войска. Война закончилась победой Японии. 17 апреля 1895 г. был подписан Симоносекский мирный дого-

вор, особый пункт которого объявлял о прекращении вассальной зависимости Кореи от Китая. Так завершилась длительная борьба между Японией и Китаем за господство в Корее. В результате страну по окончании войны оккупировали японские войска, оставшиеся на ее территории. Началось массовое движение протеста местного населения против действий оккупантов, охватившее всю страну.

В связи с японо-китайской войной необходимо обратить внимание на то, что в корейской политике России и деятельности ее дипломатии до войны преобладающее место занимал Китай, претендовавший на роль сюзерена в Корее. До некоторой степени его роль и могущество даже преувеличивались. Между тем Японии, наращивавшей агрессивные силы, активно проникавшей в Корею, не придавалось тогда должного значения. Поэтому столь неожиданной была ее победа над Китаем, потребовавшая больших усилий для противостояния ей от российской дипломатии. С этого времени Япония выдвинулась на первый план в корейской политике России и, соответственно, в русской литературе о Корее.

Японо-китайская война и дальнейшие действия Японии в Корее вызвали серьезную озабоченность положением в соседнем государстве не только в русских правительственных кругах, но и среди общественности. Уже в 1895 г. было опубликовано несколько книг, журнальных статей, специально посвященных Корее в период японо-китайской войны. Среди них следует назвать работы И. П. Азбелова «Япония и Корея» (М., 1895 г.), Ржевусского «Японо-китайская война (1894–1895 гг.)» (СПб, 1895), П. Н. Симанского «Японо-китайская война 1894–1895 гг.» (СПб, 1895), Д. В. Покотилова «Корея и японо-китайское столкновение» (СПб, 1895), «Япония и Корея. Историческая справка» («Русский вестник», XXX–XXXVIII, № 6, 1895) и ряд других. В них показано положение в Корее во время и после японо-китайской войны, разграбление ее войсками этих стран, а также подчеркнуто стремление России способствовать установлению мира, благополучия в пограничной с ней Корее.

По окончании японо-китайской войны возобновились научные экспедиции, путешествия в Корею русских ученых и купцов. Их дневники, воспоминания были опубликованы.

Так, с апреля 1895 г. на территории Кореи начали проводить большую исследовательскую работу экспедиции, организованные Императорским Русским географическим обществом. Первая из них, возглавляемая И. И. Стрельбицким, про-

шла из Хуньчуня по долине реки Туманган и, пройдя ряд городов, вышла к реке Амноккан.

Свои наблюдения, барометрические и гидрографические исследования Стрельбицкий опубликовал в 1897 г. в Петербурге в книге «Из Хунчуна в Мукден и обратно по склонам Чан-Бай-Шаньского хребта (отчет о семимесячном путешествии по Маньчжурии и Корее в 1895–1896 гг.)». Книга Стрельбицкого вызвала живой интерес русской общественности, так как содержала обширный материал и яркое описание географии соседнего государства.

В августе 1895 г. в Корею отправилась экспедиция во главе с членом Русского географического общества А. Г. Лубенцовым. Виденное им за время пребывания в Корее Лубенцов изложил в книге «Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи», изданной в Хабаровске в 1897 г. Русский исследователь прошел по Корее свыше двух тысяч километров, посетил десятки городов и деревень. Его поразили страшная бедность населения, ужасающее разорение всей страны. Лубенцов видел корейские города, превращенные войной в груды развалин, заброшенные деревни, незасеянные поля — немые свидетели страшного голода, охватившего всю страну. Он, например, писал: «В деревне в 24 верстах от Ыйчжу оставалось только сто фанз, но до войны считалось свыше 1000» (с. 146). Ему довелось наблюдать, как «во время свирепствовавшей в 1895 г. холеры в губерниях Пхеньян и Ыйчжу многие из жителей бежали оттуда на восток в горы и нередко приходилось встречать мужей, которые несли на своих спинах больных жен» (с. 23).

Лубенцов оценивал действия Японии в Корее, как направленные на превращение страны в ее колонию. Он писал: «японцы не брезгуют никакими средствами, лишь бы сделать из Кореи не только рынок сбыта своих произведений, но и японскую колонию, в полном смысле этого слова. На наших глазах происходит день за днем поглощение этой несчастной страны в алчной пасти коварного островитянина» (с. 251).

Справедливы также выводы автора о положении в Корее после заключения Симоносекского мирного договора. Лубенцов отмечал, что «японцы сделались, фактически, хозяевами в этой стране, подчинив короля своей власти. Они всюду поназначали начальников округов и губерний... корейцев, душой и телом преданных им и при том частью воспитывавшихся в самой Японии» (с. 251). «Народ, насколько нам пришлось заме-

тить во время пятимесячного путешествия, глубоко ненавидит японцев» (с. 250). Подобное отношение к ним он считал вполне закономерным, так как «господство японцев ложится тяжким бременем на несчастную страну» (с. 250).

Одним из первых авторов книг о Корее Лубенцов обнажил перед мировым общественным мнением правду о действиях японцев в Корее, о разграблении ими страны во время войны и создании там оккупационного режима. Русского путешественника поразило наличие почти в каждом городе вражеского гарнизона. Дабы укрепиться в Корее, японские оккупанты, как отмечал автор, стремились наладить в ней телеграфную связь и построить железные дороги. Лубенцов описывал, как японцы силой, в стужу и холод, сгоняли тысячи голодных, больных, полураздетых корейцев на строительство дорог, прокладку телеграфных линий. Так, между Вонсаном и Сеулом «для работы были согнаны властями тысячи корейцев, которые на руках перетаскивали телеграфные столбы» (с. 86).

В труде Лубенцова имеются и важные данные о состоянии экономики Кореи, детальные сведения о внешней торговле, об организации корейской таможни, государственных доходах, административном устройстве. Специальная глава посвящена анализу положения корейского войска. Также подробно изложены денежная система, система мер и весов. В специальной главе рассмотрены полезные ископаемые страны. При этом прилагался список действовавших тогда приисков. Далее следовали разделы: флора, фауна, животноводство, ремесла, сельское хозяйство, сведения о зарождавшейся промышленности. Глава «Торговля» снабжена богатым фактическим материалом, в ней приведены таблицы внешней морской торговли за 1880–1893 гг. В разделах о быте, языке, религии, жилищах, развлечениях, праздниках читатель получал представление о верованиях, обычаях и многих других сторонах жизни корейского народа.

Вся книга Лубенцова проникнута сочувствием к тяжелой жизни корейского народа. При этом, наряду с японскими оккупантами, он резко критиковал также местные и столичные корейские власти. По его мнению, «бедность жителей самой Кореи зависит, главным образом, от алчности и хищности многочисленных чиновников, которые выжимают все, что только возможно, из подведомственных им жителей» (с. 120).

Крайне важен вывод Лубенцова о том, что отсталость Кореи, тяжелое положение ее народа явились результатом деспо-

тизма правящей элиты общества. Он писал: «Многие обвиняют корейцев в лености, но лучшим доказательством против этого может служить цветущее положение корейских поселений как близ Владивостока, так и в Южно-Уссурийском крае, а ведь в пределы России в 60-х годах выселились буквально нищие корейцы, у которых не было ничего, кроме своих здоровых рук да хорошей головы на плечах» (с. 120).

Как и все его предшественники, Лубенцов неоднократно подчеркивал исключительное внимание, которое корейцы проявляли к русским путешественникам.

В декабре 1895 г. Корею посетил подполковник генерального штаба В. А. Альфтан, поездка которого продлилась до января 1896 г. В том же году в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» (вып. LXIX) были опубликованы его записки[5]. Русский офицер обследовал район восточного побережья между устьем реки Туманган и портом Вонсан. Он посетил Корею в тяжелое для ее народа время, когда после японо-китайской войны японские колонизаторы стремились укрепить там оккупационный режим.

Побывав во многих городах и селах Кореи, Альфтан повсюду наблюдал ненависть народа к японцам. По всей стране стихийно возникали партизанские отряды, в которые вступали представители самых различных слоев корейского общества — от крестьян до чиновников.

В октябре 1895 г. японский посланник Миура Горо организовал зверское убийство жены вана Коджона — королевы Мин, вокруг которой группировалась антияпонски настроенная часть элиты. Убийство королевы и опубликование 20 декабря 1895 г. прояпонским правительством декрета о реформах, унижавших национальное достоинство корейцев, вызвало еще больший взрыв в народе ненависти к японцам. Корейцам запрещались их национальные обычаи: курить трубки, носить широкополые шляпы и предписывалось стричь традиционные мужские прически (волосяные шишки), изменить белые мужские одежды на темные.

Записки Альфтана, очевидца происходивших в этой стране событий, показывают, сколь серьезны были протесты народа против колонизаторских акций Японии. Мы можем привести из них лишь несколько примеров.

Так, он писал: «по всей стране трудно было найти уголок, где бы не говорили о японцах с ненавистью и где на них не сваливали бы вину за все несчастья, которые постигли родину,

где бы не горела фанатическая ненависть к этим незваным пришельцам».

Альфтан был свидетелем прямых столкновений населения с японцами в городе Пукчхоне, где местные жители пытались изгнать приехавших «японских съемщиков», т. е. картографов. Положение японских съемщиков сделалось здесь настолько опасным, что «...из Гензана (Вонсана.— *Г. Т.*) было послано 30 человек солдат в Пукчхен в качестве конвоя съемщикам» (с. 227). Далее Альфтан описывал город Хонг-уон (Хонвон.— *Г. Т.*). Во главе города стоял «кореец, проживший 27 лет у нас... простым хлебопашцем... Это ярый русофил, который всей душой ненавидит японцев» (с. 227).

Альфтан наблюдал проявления протеста корейцев против законов, введенных японцами и нарушившими их традиционные устои. Таким, в частности, был закон об изменении национальных мужских причесок — резании «шишек». Он писал: «Во время моего пребывания в Корее самым жгучим вопросом дня был вопрос о резании шишек. Для того, чтобы не допустить к себе в город кого-нибудь из ставленников японцев, жители его разломали часть моста через реку... Если бы закон о резании всем корейцам шишек прошел, то тут ожидались бы серьезные беспорядки» (с. 228).

В Вонсане Альфтан наблюдал как корейские рабочие, получив известие о стрижке волос, отказались работать у японских купцов и решили уйти в горы. «Много крови она (реформа.— *Г. Т.*) испортила корейцам, но еще более повредила делу японцев в этой стране» (с. 260).

Далее Альфтан пришел к выводу, что японцы «не только не популярны в стране, но глубоко ненавидимы всем народом... Следует действительно признать, что японцы, по-видимому, ничем не пренебрегали, чтобы сделать свою опеку и оккупацию для корейцев просто невыносимою» (с. 261).

Необходимо особо отметить, что автор считал корейское государство после японо-китайской войны фактически уже оккупированным Японией. Альфтан писал, как быстро развивалось наступление Японии на Корею. «Они (японцы.— *Г. Т.*) уже стали добиваться, чтобы Корея, хотя пока и самостоятельная по имени, стала бы de facto в подвассальные отношения к Японии. Они требовали, чтобы все административные распоряжения... делались только с одобрения их. Всем этим они намеревались пропитать страну японским духом, чтобы дальнейшее слияние этих двух народов произош-

ло бы со временем само собою, не прибегая более к открытой силе» (с. 261).

История подтвердила глубокое понимание автором цитированных строк не только ситуации в стране во время его путешествия, но и политических планов Японии, направленных на превращение «Страны Утренней Свежести» в колонию. Ее политика «слияния двух народов» воплощалась в жизнь с 1910 г., после официального установления в Корее колониального режима.

По ходу путешествия Альфтан также постоянно наблюдал доброжелательное отношение корейцев самых различных социальных слоев к России, их надежды на сохранение своей независимости с ее помощью. Он рассказал о многочисленных встречах с главами городов, провинций, с простонародьем, которые неизменно проявляли трогательное гостеприимство.

Иллюстрируя интерес корейцев к России, Альфтан, например, поведал о том, как кунсу (начальник) округа Кёнхын посетил русский город. «Прибыв к месту служения, он счел своим первым долгом поехать в Новокиевское и сделал визит военным властям и пограничному комиссару. Это небывалый пример, что кёнхынский кунь-шу (кунсу.— *Г. Т.*) решается посетить нашу территорию, где сам лично желает ознакомиться с нашими обычаями. Это знаменательный факт в истории Кореи» (с. 224).

В обстановке нараставших всенародных выступлений против японского вторжения и неприятия многими позиции США и Англии, не препятствовавших действиям оккупантов, отношение к России, как видим, резко отличалось в лучшую сторону. Именно на нее тогда возлагались надежды теми в Корее, кто сопротивлялся колониальному закабалению.

Альфтан писал, что после посещения Новокиевского упомянутый выше кунсу «намеревается испросить разрешение отправить несколько корейских юношей к нам в Россию для обучения ратному делу. В том же году он желает открыть у себя в Кёнхыне курсы русского языка, а затем выписать и русского учителя. С нового года для лучшего ознакомления с Россией кунь-шу предполагает выписать русскую газету «Дальний Восток» (с. 225).

В северных провинциях Кореи, с точки зрения Альфтана, влияние России было особенно значительным. «Народ на севере, находясь в постоянных сношениях с нами, уже успел привыкнуть к нам. Много корейцев побывало у нас в Уссурийском

крае, заработали здесь кое-какие деньги и, вернувшись обратно к себе, добром вспоминают наш край. Почти в каждом селении верст на 100 от нашей границы можно встретить корейцев, говорящих по-русски. Все они при встрече с нами с радостью кричали: «Здравствуй, капитана!» В этом приветствии сказывалась гордость, что умеет здороваться по-русски, и искреннее доброжелательство по отношению к нам» (с. 257).

Далее автор описывал знакомство в городе Кильджу с простым корейцем. «Это был ярый патриот, и он с большим жаром рассказывал нам об японцах и ненависти к ним всего народа... Ему отлично была известна миссия Квантоншу (Хван Дон Су.— *Г. Т.*) (бывшего дважды, в июле и в октябре 1895 г., посланным от своего правительства)... Если Квантоншу не выполнил бы своего поручения, то он обещался сам пойти в Сеул к королю, взять у него письмо и доставить его лично во Владивосток. По его словам, весь народ ждет помощи только от России, которая одна избавит страну от всех бед и несчастий». (с. 258). Автор имел ввиду обращение вана Коджона к правительству России с просьбой об установлении протектората над Кореей. Впервые подобное предложение было сделано им еще в 1886 г. Как видим, надежды на сохранение национальной независимости Корея связывала в то время только с Россией.

Альфтан критически характеризовал созданную Японией в Корее обстановку, когда дипломатические представители всех государств «точно сговорились между собой, остаются в стороне хладнокровными, безучастными зрителями, даже не пытаясь урегулировать эти ненормальные отношения. Казалось, что ни одна держава не чувствовала свои интересы задетыми и вопрос должен был назреть сам собой» (с. 262).

Автор справедлив в оценке позиции европейских держав, которые, опасаясь осложнений с Японией, либо, как Англия, фактически поддерживали ее акции в Корее, либо «оставались в стороне», не вмешиваясь в происходившие события. Только правительство России выступало против колонизаторской политики «Страны Восходящего Солнца». Поэтому ван Коджон искал спасения в русской миссии в Сеуле. Как рассказывал Альфтан, 11 февраля 1896 г. «король прибегает к последнему, отчаянному средству: он оставляет свой дворец и вместе с наследным принцем тайно переходит на жительство в нашу миссию, под защиту наших моряков... Бесстыдной и недостойной назойливости японцев настал конец» (с. 262–263).

Между тем, Япония уже значительно к тому времени укре-

пила свои экономические позиции. В порту Вонсан, по сведениям Альфтана, «почти вся торговля сосредотачивается в их руках, и почти все товары перевозятся их судами... В январе 1896 г. тут все еще стояла рота японцев и наехало такое множество прытких японских торговцев, что чувствуешь себя больше в Японии, чем в Корее» (с. 228). Альфтан отмечал, что японское правительство субсидировало «Ниппоп-Юзен-Кайша», торговую компанию, «с целью дать ей возможность еще больше развить свои рейсы и привлечь к себе все товары, идущие из Владивостока и на Владивосток» (с. 229).

Упоминая другой открытый порт, Пусан, Альфтан считал, что он «по-видимому, открыт как будто только для японцев, они здесь полновластные хозяева» (с. 230). Желание русского купца Шевелева приобрести хоть немного земли в Пусане наталкивалось на противодействие японцев (с. 230).

Основное занятие корейца, писал Альфтан,— хлебопашество, он «с любовью занимается этим делом» (с. 231). Однако земли, пригодной для посевов, мало и «число безземельных с каждым годом все возрастает». Занятие любым другим делом подвергается еще большим грабежам со стороны уездного или волостного начальства, «забота которого направлена на то, чтобы выжать последний грош из народа» (с. 231). «Зима 1895/1896 гг. (время пребывания Альфтана в Корее.— *Г. Т.*) была особенно тяжела для народа» (с. 236). После военных действий «много полей осталось незасеянными, неубранными... неурожайный год, свирепствовавшая в больших размерах холерная эпидемия — все это тяжело отозвалось на благосостоянии народа и вызвало положение, близкое к голоду» (с. 236).

Уделяя внимание национальным традициям, автор особо отмечал стремление корейцев к знаниям. Он писал: «Грамотность в Корее очень распространена. В каждой деревушке имеется школа и редко встретишь корейца, не умеющего читать и писать» (с. 245). Им приведены также сведения о религии и отмечено, что «с XIV столетия под давлением Китая в Корею проникло конфуцианство, которое с тех пор и считается господствующей религией». На наш взгляд, Альфтан правильно сделал вывод, что в Корее «имеется смесь старых буддийских верований с нравственными правилами конфуцианства» (с. 250).

8 ноября 1895 г. началось путешествие в Корею русских офицеров Карнеева и Михайлова. Их отчет о поездке также впервые был опубликован в Петербурге в 1901 г. в «Сборнике

географических, топографических и статистических материалов по Азии» (вып. LXXXV) под названием «Поездка генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–1896 гг.»[6]. В нем содержатся сведения о важнейших событиях, происшедших в то время в корейском обществе, а также обычные для записок путешественников описания флоры, фауны Кореи, быта городов и сел, которые они проходили. Карнеев и Михайлов вначале прибыли в Нагасаки (Япония), а затем переправились в корейский порт Пусан. Оттуда они проследовали через города Наджу, Тоннэ, Ёнхын Конджу, Сеул и ряд других. Всего было пройдено ими более 2-х тысяч верст. Обратный путь они проделали снова через Пусан, где находилась экскадра русского флота.

Описывая пройденные города, они приводили данные не только о состоянии там торговли и положении населения, а также об их роли в истории страны, в частности, в японо-корейской войне конца XVI в.

Дневник Карнеева и Михайлова содержит большой и крайне важный материал для понимания состояния экономики страны, характера и степени проникновения в торговые отношения японцев и затем американцев. Он богат приложениями о состоянии корейских войск, школ, телеграфа, таможен. Интересны сведения о жизни различных социальных слоев корейского общества.

В их отчете большое место уделено созданию и распространению корейской национальной религии тонхак, возникшей как выражение протеста против угнетения народа местной властью и иностранного вторжения. Проповеди тонхак основаны были на ее библии под названием «Великое священное писание», Создатель тонхак (восточное учение) Чхве Джеу был казнен в 1865 г. Учение его было запрещено (с. 154).

Авторы объясняют читателям суть новой религии: ее основатель «у Конфуция взял книгу о пяти чувствах (отношениях), от буддизма закон об очищении сердца, от таосизма закон об очищении тела от нравственной и материальной нечистоты». В тонхак, считали Карнеев и Михайлов, «видно влияние римско-католической религии» (с. 154). Они также отмечали, что среди сторонников тонхак «мало по малу политический элемент пересилил религиозный, и тонгаки (тонхаки.— *Г. Т.*) сделались революционным обществом» (с. 155).

Последнее утверждение требует разъяснения, поскольку масса верующих (их принято называть тонхаками), как пока-

зали дальнейшие события, действительно вышла из узких рамок религии и перешла к политическим действиям. Руководство секты оставалось на позициях чисто религиозных и опасалось активности масс. Авторы детально описали обряды тонхаков, посвящения в эту веру.

История возникновения в Корее новой национальной религии дана ими по статье американского миссионера В. Дженкинса, опубликованной в журнале «The Korean Repository», издаваемом в Сеуле во 2-й половине 90-х годов (с. 153).

Авторы писали о росте влияния тонхак и числа ее последователей. Они подробно осветили прошедшее под знаменем тонхак общекорейское крестьянское восстание 1894 г. как выступление против засилья и поборов чиновников, которое переросло в народную антияпонскую борьбу[7].

В дневнике Карнеева и Михайлова неоднократно отмечено, что появление новой религии — результат того, что чиновничий гнет над народом становился все более невыносимым: «Каждой весной слышался народный ропот; народ искал помощи где бы то ни было. Некоторые обращались к католикам, но большей частью к тонгакам (тонхакам.— *Г. Т.*). Тонгаки также имели причину быть против правительства: главные вожди их были обезглавлены, и религия подверглась запрещению» (с. 155). Весной 1894 г. «давно ожидавшаяся революция вспыхнула». Авторы подробно изложили начало восстания, вмешательство японских войск, подавивших народное движение. «Это восстание тонгаков 1894 г.— читаем в дневнике,— было, между прочим, той искрой, из которой разгорелась японо-китайская война» (с. 156).

В записках содержались важные свидетельства авторов о положении в Корее по окончании японо-китайской войны, при оккупации ее японцами.

Негодование народа вызвало зверское убийство японцами 8 октября 1895 г. корейской королевы Мин,— жены вана Коджона, вокруг которой группировались антияпонски настроенные сановники. Карнеев и Михайлов писали, что королева «очень сочувственно относилась к введению в Корее европейской цивилизации и реформ, но не при посредстве японцев... и они не остановились перед гнуснейшим злодеянием... Убийство совершено исключительно японцами» (с. 179). Далее ими подробно описана организация убийства. Ван Коджон искал спасение у русских и американцев (с. 179–180), «Никогда не бывало, чтобы в мирное время люди чужой нации, под покро-

вительством и даже под руководством своего войска, а может быть и миссии, врывались толпами во дворец короля, убивали королеву, сжигали ее тело» (с. 181). «В тот же день,— сообщали авторы,— собрался совет всех иностранных представителей, на котором японскому посланнику было предложено разъяснить обвинение, падавшее на японских солдат в убийстве королевы». «Результатом этого было то, что японское правительство выразило русскому глубокое сожаление по поводу беспорядков в Сеуле» (с. 181).

Еще до убийства королевы японцы провозгласили реформы, попиравшие корейские национальные обычаи, создали новый кабинет министров «из лиц, принадлежавших к недоброжелателям короля» (с. 182). Новый кабинет «реформы приводил к исполнение насильственно, с жестокостью, которая только озлобляла народ» (с. 182).

Особое негодование народа вызвала принудительная стрижка мужских причесок — волосяных шишек. В дневнике читаем, что «вернувшись из Сеула остриженными, кунсу приказали населению стричь шишки... Население встретило это приказание враждебно... В области Кан-вено (провинция Канвондо.— *Г. Т.*) произошло возмущение» (с. 166).

Авторы объясняют причины столь резкого негодования широких слоев населения: по обычаям страны, не имея шишки, кореец не может занимать никакого официального положения, не имеет родового имени, не может жениться и т. д. (с. 167). Сведения, приводимые Карнеевым и Михайловым о реформе — стрижке традиционной прически мужчин, раскрывают всю глубину наглого вторжения Японии в корейские обычаи. В их дневнике приведена беседа с правителем одного из городов, который сказал: «Наши предки пятьсот лет носили шишки, и я готов лучше умереть, чем расстаться с шишкой» (с. 213).

Полковник Карнеев, посетивший штаб корейских повстанцев в южной провинции Чолла, записал: «Спрашивали меня, скоро ли Россия объявит войну Японии. Объяснил, что война есть крайнее средство, к которому пока надобности прибегать нет... Все горячо говорили, что сердце у них горит сразиться с японцами. Я выразил полное сочувствие их патриотическим стремлениям» (с. 205).

Карнеев и Михайлов стали свидетелями, как по всей Корее вспыхивали антияпонские выступления, создавались партизанские отряды Армии справедливости (Ыйбён). Авторы писа-

ли, что «главной целью повстанцев на юге было очищение страны от японцев» (с. 184).

Далее они приводят ценнейший материал о том, что ван Коджон, веря России и надеясь на ее помощь, бежал в 1896 г. в русскую миссию. «Король, будучи пленником в собственном дворце, не мог считать себя в безопасности... вместе с наследником решился искать спасения в императорской российской миссии» (с. 184). Карнеев был одним из организаторов спасения вана Коджона из японского плена. В дневнике подробно описано, как русский десант, прибывший в Сеул в конце января 1896 г., был усилен вызовом еще 100 матросов с двумя офицерами и легкой пушкой. Карнееву было поручено организовать оборону миссии.

«30 января в 7 $^{1}/_{2}$ часа утра,— рассказывали авторы,— перед боковой калиткой в восточной стороне ограды показалось двое носилок. Живший в миссии И-Пом-Тин[8] ранним утром предупредил, что, по полученным им сведениям, король бежал из дворца и направился в нашу миссию. Калитка была немедленно открыта, и в переднюю миссии внесли обе носилки. В одних носилках был король с одной из фрейлин, в других — наследник, также с фрейлиной. При зорком наблюдении за королем ему удалось бежать из дворца лишь при содействии преданных фрейлин и офицера Ни-Ки-Тонга. План бегства был такой: при гробе королевы дежурили фрейлины, носилки которых вносились во внутренний двор. Фрейлины сменялись рано утром. По обычаям страны женские носилки неприкосновенны. Король обыкновенно вставал около полудня, так как имел обыкновение работать по ночам и ложился очень поздно. Поэтому привыкшие к обычному образу жизни короля ранним утром за ним не наблюдали. План удался превосходно, так как был сохранен в строгой тайне до того, что носильщики (те, кто несли носилки.— *Г. Т.*) узнали о короле только в миссии» (с. 185). В результате «японскому влиянию нанесен был решительный и сильный удар» (с. 186). «На другой же день (после бегства в русскую миссию.— *Г. Т.*) последовал указ короля, прекращавший гонение за ношение шишек. Волнения скоро начали утихать» (с. 187–188).

В своем путешествии авторы из Сеула проследовали до Чонджу — одного «из самых значительных городов Кореи». В этом городе «густая толпа следовала за нами... в толпе слышались возгласы: «Араса, араса чота» («Русские, русские — хорошо!») (с. 198).

В ценнейшем источнике, каким является отчет Карнеева и Михайлова, кроме сведений о политических событиях в Корее, приведены многочисленные факты о деятельности там европейских и американских миссионеров. Авторы особо отмечали работу француза — католического миссионера X. Baudounet,— человека, преданного своему делу, бессребренника: «Корейцы относятся к нему с видимым почтением» (с. 199). В Корее, сообщали они, «находились миссионеры: пресвитериане, методисты, баптисты Северных Штатов и пресвитериане Южных Штатов» (с. 199).

Далее мы узнаем, что во многих городах — Сеуле, Инчхоне, Вонсане, Пхеньяне и др. миссионеры открывали школы, имели типографию, в которой печатались книги на корейском, китайском и английском языках (с. 199–201). В Пусане и Пхеньяне они открыли больницы (с. 200–201). Материалы, приведенные русскими путешественниками, показывают просветительскую сторону деятельности иностранных миссионеров. Активность последних, несомненно, была направлена и на укрепление в Корее позиций держав, которые они представляли.

Труд Карнеева и Михайлова до сего времени является ценным памятником по истории Кореи конца XIX в. Все сведения, приводимые в нем, невозможно изложить в краткой главе. Поражает глубина понимания авторами тех политических событий в Корее, свидетелями которых они тогда были.

Важное значение для познания в России духовной жизни корейского общества имели записки известного писателя Н. Г. Гарина-Михайловского, побывавшего в Корее в сентябре 1898 г. По предложению ученого-ботаника и геолога Звегинцева Гарин принял участие в экспедиции в Корею. По специальности инженер, он интересовался географией, а также, о чем свидетельствовали результаты путешествия, корейским бытом, фольклором.

Группа Гарина состояла из 20 человек. Они переправились через реку Туманган и занялись исследованием ее устья, направились к городам Кёнхыну, Хверёну, Мусану и, наконец, достигли горы Пэктусан. Затем, преодолев все трудности пути, вышли к границе с Китаем. Путевые очерки Н. Г. Гарина впервые печатались в журнале «В мире божьем» (1899, № 2–7), позже вошли в его книгу «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» (СПб, 1904)[9]. По пути следования он намечал направления будущих железных дорог, обозначал золотоносные места, выходы каменного угля.

Однако, кроме заданий по экспедиции, он изучал фольклорный материал: замечательные корейские легенды, сказки, рассказывающие о произволе чиновников, выражающие мечты народа о лучшей жизни. Всего им было записано до 100 сказок, легенд и мифов. В предисловии к изданию сказок писатель рассказал о том, как он записывал народные предания: «Пришел рассказчик — пронеслось по деревне, и все собрались и слушают молодого, двадцатилетнего, только что женатого юношу... Времена еще Гомера у корейского народа, и надо видеть, как любовно и серьезно они слушают рассказы. Лучшие рассказчики на устах у всех... сказки о счастье дороже... тяжелых денег, тощей пашни» (с. 131).

Произведения фольклора, собранные Н. Г. Гариным, были записаны с помощью переводчика-корейца, учителя по фамилии Ким, прекрасно владевшего русским языком. Гарин за ним «быстро, фраза за фразой записывал, стараясь сохранить простоту речи, никогда не прибавляя ничего своего... И все кругом — и эта даль, и эти люди, и их жизнь — казались тоже сказкой»[10].

В фольклорном материале, собранном Н. Г. Гариным, отразилась основная мечта широких корейских масс — создание такого общества, в котором все были бы равны. В этой идее равенства, несомненно, сказалось и влияние религиозных утопий древности, мессианско-эгалитарных учений даосско-буддийского и конфуцианского происхождения, а также постулатов христианства. Стремление к равенству крестьянство понимало как единственный путь к счастливой жизни на земле, когда господствует любовь к человеку, его труду. Вместе с тем, в сказках высказана ненависть к высшей чиновничьей элите, окружавшей короля и грабившей народ: «Всю Корею продадут, пока их выгонят. Продавать только уж нечего» (с. 266).

В записках Гарина, как и у других путешественников, ярко выражено отношение корейского народа к России как единственной надежде на спасение от закабаления Японией. Кунсу города Ыйчжу сказал ему: «Имя русского в Корее священно. Слишком много для нас сделала Россия и слишком великодушна она, чтобы мы не ценили этого. Русский самый дорогой наш гость. Мы между двумя открытыми пастями: с одной стороны — Япония, с другой — Китай. Если нас ни та, ни другая пасти не проглатывают, то, конечно, благодаря только России» (с. 256). Гарин писал, что на всем пути его следования корейцы были «все приветливы, вежливы и расположены».

«Я любуюсь и не могу налюбоваться корейцами... Сколько в них вежливости и воспитанности! Как обходительны они между собою и с чужими и как деликатны. Ребятишки их полны любопытства и трогательной предупредительности... Лица добрые, по природе своей добрые» (с. 157). «Не устаешь перечислять достоинства кротких людей этой нации... И всякий, кто пробудет с ними, не сомневаюсь, полюбит их так же, как полюбили мы» (с. 220).

Как уже отмечалось, интерес к Корее в русском обществе после 1884 г. постоянно возрастал. Этому, несомненно, способствовали публикации путешественников, а также первых исследователей этой страны. Однако познание корейской культуры, установление контактов с соседним государством невозможно было без изучения корейского языка.

В 1897 г. в Петербургском университете началось преподавание корейского языка. В 1900 во Владивостоке был создан Восточный институт. Крупный русский ученый Г. В. Подставин в течение 25 лет возглавлял там кафедру корейской словесности. Он неоднократно бывал в Корее, где собрал богатейший лингвистический и этнографический материал. Г. В. Подставин издал многочисленные пособия, программы изучения корейского языка[11].

В Корее в эти же годы также возрос интерес к изучению русского языка. В 1896 г. в Сеуле и Вонсане открылись русские школы[12]. Способных учеников отправляли в Россию в различные учебные заведения. Николай II специальным указом учредил 10 стипендий для корейских студентов в Хабаровском и Сибирском военных учебных заведениях.

Таким образом, со второй половины 80-х и в 90-х гг. XIX в. в России были опубликованы дневники, записки путешественников, а также первые серьезные книги о соседнем государстве, его истории, экономическом и международном положении, религии и культуре, а также переводы иностранных статей и отдельных изданий.

Все это подготовило почву для нового этапа формирования в России истинно научных знаний о Корее.

[1] См. текст договора: Описание Кореи. Сокращенное издание. М., 1960, с. 511–520.

[2] См. переиздание: По Корее. Путешествия. 1885–1896 гг. М., 1958, с. 48–95.

[3] Янбани — дворяне, состоявшие на государственной службе; чуйны (чунины) — среднее сословие; иваноми (вэно) — простонародье.

[4] По Корее, с. 96–133.

[5] Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXIX. СПб, 1896. Цит.: По Корее, с. 220–264.

[6] По Корее, с. 134–219.

[7] См. подробно: История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 1. М., 1974, с. 348–360.

[8] И-Пом-Тин (Ли Бом Джин) — видный корейский сановник, входивший в прорусскую группировку. Укрывался в российской миссии накануне бегства туда короля Коджона.

[9] Гарин Н. Г. Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Манчжурии и Ляодунскому полуострову). М., 1949.

[10] Гарин-Михайловский Н. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1958, с. 435–436.

[11] Концевич Л. Р. Г. В. Подставин.— Народы Азии и Африки. 1976, № 1. См. также: История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997, с. 50, 53, 68–70.

[12] См. подробно: Пак В. П. Просветительское движение и система образования в Корее во второй половине XIX — начале XX в. М., 1982, с. 50–54.

Становление научного корееведения в России (1900–1917)

1900 год в истории русского корееведения можно считать началом нового этапа, времени зарождения научного изучения в России соседнего государства. В этом году Министерство финансов России опубликовало 3-томное «Описание Кореи»[1], обобщавшее вышедшие прежде многочисленные труды русских и европейских авторов, посвященные истории, политической, экономической и культурной жизни, географии Кореи. Среди них и дневники, записки, воспоминания путешественников.

В отдельном томе помещены карты, тексты договоров Кореи с иностранными державами, результаты переписи ее населения в 1897 г.; перечень промышленных иностранных концессий, таблицы (внешняя торговля за 1886–1898 гг., финансы корейского государства, включая доходы и расходы казны за 1896–1900 гг., оклады поземельной подати и домового налога за 1899 г., доходы морских таможен), а также корейское летосчисление, годы правления корейских королей и т. д.

В подготовке к изданию этой подлинной энциклопедии знаний о Корее начала XX в. принимали участие крупные востоковеды — специалисты по странам Дальнего Востока: Д. М. Позднеев, Е. Г. Спальвин, молодой историк Н. В. Кюнер, ставший уникальным знатоком Кореи, Китая, Маньчжурии, Японии, и др. В предисловии авторы отмечали, что их цель «представить полный свод имеющихся о Корее сведений и этим дать возможность лицам, интересующимся этою страной, ознакомиться с ними без большой затраты труда и времени. В этих видах в «Описании Кореи» все данные были внесены по возможности в буквальных выписках из источников»[2]. Для этого «Описание Кореи» содержало главы, посвященные истории, географии, экономике, этнографии, языку,

литературе Кореи. Все они были снабжены ценнейшим фактическим материалом.

В 1960 г. ученые Института востоковедения АН СССР Г. Ф. Ким и И. С. Казакевич опубликовали сокращенное издание трехтомника «Описание Кореи» в одном томе. Как сообщали его составители, «настоящее переиздание включает все важнейшие части трехтомного «Описания Кореи», редакторы сочли целесообразным опустить лишь те главы, которые с точки зрения сегодняшнего уровня науки не представляют научного интереса. Таковы «Очерк географии Кореи», «Геология Кореи», «Климат, флора и фауна Кореи», «Провинции и города Кореи», «Пути и средства сообщения»[3].

Одна из центральных глав издания как 1900 г., так и 1960 г.,— «Краткий очерк истории Кореи». Ее автор — Н. В. Кюнер. К личности и трудам этого выдающегося ученого мы еще вернемся. Здесь же лишь отметим, что глава по истории в «Описании Кореи» написана им исключительно на основе первоисточников, с учетом всех важнейших сочинений, дневников, воспоминаний о Корее, имевшихся к тому времени.

В «Кратком очерке истории Кореи» изложена история этой страны, начиная с глубокой древности. Приведены различные легенды о возникновении древнекорейского государства Чосон, сведения о его размерах и границах, взятые из китайских источников. Приведены данные и о создании государств Когурё, Пэкче, Силла.

«С политической точки зрения,— указывал Н. В. Кюнер,— нужно признать крайне неблагоприятным положение Кореи среди двух соперничающих государств, Китая и Японии, для которых она постоянно являлась яблоком раздора... Корее это соперничество стоило много кровавых вторжений китайских и японских войск, разорявших страну и побудивших корейское правительство вступить на путь полной обособленности от всякого общения с иностранцами, с целью обеспечить независимость королевства»[4]. Эта мысль, высказанная Н. В. Кюнером, важна для понимания исторических судеб Кореи.

Характеризуя ранний этап корейской истории, Н. В. Кюнер отмечал, что «политическая история Корейского полуострова с IV и вплоть до X столетия представляет собой ряд попыток Китая утвердить здесь свое влияние и идущие рука об руку со вторжениями китайцев междоусобные войны между Когурё, Силла и Пэкче, границы коих то и дело изменялись в зависимости от военного счастья»[5].

Автор «Исторического очерка» подробно описал вторжение японских войск в Корею в 1592–1598 гг. Правительство Японии развязало кровопролитную войну за господство там, разорило страну и в конце концов само потерпело поражение: «Японские нашествия 1592–98 гг. вконец опустошили и разорили Корею, которая только в течение двух столетий могла кое-как оправиться от их последствий»[6].

Детально рассмотрены в «Очерке» и политика Китая в средние века, а также нашествия маньчжурских соединений на Корею. В 1627 г. маньчжуры перешли р. Амноккан и разбили корейскую армию. Затем последовало вторичное вторжение маньчжуров, которые овладели Сеулом и островом Канхвадо. В 1637 г. был подписан договор между маньчжурской династией и корейским королем. Корея превратилась в вассальное государство и обязывалась отправлять ежегодные посольства с данью маньчжурским правителям. С этого времени Корея стала проводить политику строгой изоляции от внешних контактов[7].

Н. В. Кюнер указывал, что в результате Корея заслужила название «государства-отшельника»; такая политика проводилась ею в течение «почти трех последующих столетий» и «сводилась к стремлению отрезать Корею от всего остального мира, чтобы предотвратить через это на будущее время всякий повод к вмешательству в ее внутренние дела со стороны других государств». Фактически, писал он, сведения о Корее исчезли из всех источников — китайских, японских — и только имелись «скудные сведения... из корейских исторических сочинений». Несомненно, что подобное отшельничество не могло не сказаться на состоянии корейского государства, на его социальном, экономическом, культурном развитии[8].

Новый этап истории Кореи начался с 1876 г., когда правительство вана Коджона вынуждено было прекратить политику изоляции и заключило дипломатические и торговые договора с иностранными государствами: с Японией в 1876 г., с Соединенными Штатами Америки в 1882 г., Англией в 1883 г., с Россией в 1884 г., с Францией в 1886 г.

В «Очерке» подробно описаны предшествовавшие этому неоднократные попытки Франции (1866 г.), Соединенных Штатов Америки (1868, 1871 гг.), Японии силой установить торговые отношения с Корейским государством.

Н. В. Кюнер имел основания утверждать, что преобразования, происходившие в Японии после 1868 г. оказали воздейст-

вие на образованные слои корейского общества: «среди корейцев, наконец, стало пробуждаться сознание желательности преобразований для их родины и необходимости ввиду этого покончить с устарелыми понятиями, предписывавшими сторониться от всего иноземного»[9]. Японские преобразования, конечно же, оказали влияние на возникновение в Корее реформаторского движения. Однако корейцы-реформаторы напрасно и слишком искренне верили в желание Японии помочь им провести в Корее реформы. Об этом автор, к сожалению, не упомянул, как и о том, что несомненное воздействие на реформаторско-просветительское движение в Корее имело и посещение корейскими чиновниками некоторых стран Европы и США.

Корейские реформаторы 4 декабря 1884 г. решили совершить государственный переворот и «принудить короля принять программу нововведений новых министров». Автор «Очерка» подробно описал события, сопутствовавшие действиям реформаторов, которые закончились народным антияпонским выступлением в Сеуле. «Созданное ими (реформаторами.— *Г. Т.*) правительство просуществовало всего лишь одни сутки, не оставив после себя никаких следов»[10]. Правительственные и китайские войска подавили переворот. В этом интересном, содержательном фрагменте очерка вызывает возражение оценка Н. В. Кюнером последствий неудачного переворота 1884 г. Дальнейшее развитие общественной мысли, борьбы за реформы в Корее показало, что прогрессивные устремления организаторов переворота не прошли бесследно и оказали определенное воздействие на следующее поколение корейских реформаторов.

Между Китаем и Японией для урегулирования событий, происшедших в Корее, было заключено соглашение 6–18 апреля 1885 г. в Тяньцзине. Однако, как мы читаем в «Очерке», последующие годы явились «для Японии периодом мирного утверждения экономического влияния на Корейском полуострове, которое должно было подготовить и облегчить захват влияния политического». Далее автор справедливо утверждал, что «Япония с этого времени с неутомимой энергией стала добиваться торгового и финансового первенства в Корее»[11].

Н. В. Кюнер проявлял глубокое понимание ситуации в Корее, точность определения политических позиций действовавших там стран, главным образом Японии. Он писал еще в конце XIX в. о «непримиримой национальной ненависти корейцев к японцам».

В «Очерке» показано, как в ответ на действия японцев по всей стране поднимались народные восстания, переросшие в общекорейское восстание 1894 г., известное в востоковедной литературе как восстание тонхак. Национальная религия тонхак (восточное учение) несомненно способствовала росту патриотических, антияпонских и вообще антииностранных настроений в корейском обществе.

Как справедливо отмечал автор, борьба народных масс «против гнета нечестной администрации»[12] переросла тогда в восстание против японского вторжения. На помощь правительственным были введены китайские войска.

Н. В. Кюнер точно оценивал политику Японии в период восстания, которая «решила, по-видимому, что наступило время действовать и добиться полного освобождения Кореи от китайского влияния, тормозившего ее начинания». Автор отмечал также, что восстание было фактически подавлено, но, несмотря на «отступление тонхаков... японцы готовились выслать значительные подкрепления как бы для продолжительной оккупации»[13].

Затем Япония развязала войну с Китаем за господство в Корее. В «Очерке» показаны меры европейских держав, США, России в связи с положением в Корее: «13/25 июня представители России, Соединенных Штатов, Франции, Англии предъявили с общего согласия ноты представителям Японии и Китая... в которых советовали одностороннее выступление из Кореи японских и китайских войск»[14]. Однако их призывы не были восприняты. Продолжалась тяжелая, разорительная для Кореи война между Японией и Китаем, окончившаяся поражением Поднебесной империи.

Был заключен в 1895 г. Симоносекский договор о мире между Японией и Китаем. Корея была провозглашена по нему страной, полностью независимой от Китая. Вассальные отношения прекращены.

В очерке освещена политика Японии, еще в ходе войны стремившейся закрепить фактически оккупацию Кореи путем навязывания королю провозглашения реформ. В тексте приведены пункты программы реформ, которые внешне были направлены на создание централизованного государства, реорганизацию управления страной, оздоровление финансовой системы. На деле же реформаторская деятельность японцев в Корее сводилась, как правильно отмечал автор «Очерка», лишь к реорганизации в столице полиции, сформированию не-

скольких новых войсковых частей, состоявших под начальством японских офицеров. Был изменен состав правительства, введены в него прояпонски настроенные чиновники.

Н. В. Кюнер обращал особое внимание на то, что со времени войны японцы стремились искоренить национальные корейские традиции: «Преобразовательное рвение их было обращено на упразднение или изменение различных мелочей, привычек и обычаев народа, вошедших в его кровь и плоть»[15].

Наступление в этой области продолжалось и после заключения Симоносекского договора. Как уже говорилось, японцы запретили корейцам ношение национальной белой одежды, требовали стрижки мужских причесок — шишек. Все это, отмечал Н. В. Кюнер, вызывало рост антияпонских настроений в стране, которые усилились после зверского убийства корейской королевы Мин. По мнению японского посланника, королева была камнем преткновения и главной помехой для японской политики, и зверское убийство ее было совершено во дворце 26 сентября (9 октября) 1895 г.[16]

В ответ во многих частях государства поднялись антияпонские восстания. Король стал фактически пленником японцев. Единственным спасением независимости его и наследника он считал бегство в русское посольство, что и произошло 30 января 1896 г.

Из русского посольства король обратился к народу с воззванием, в котором отменял все указы, провозглашенные японцами. «Был обнародован новый кабинет (министров.— *Г. Т.*), который стал собираться на заседания в русской миссии». Все это было сделано, «как только король почувствовал себя в безопасности под кровом русской миссии»[17].

Для урегулирования отношений с Японией Россия подписала с ней в мае 1896 г. соответствующий меморандум. После возвращения короля во дворец в 1897 г., было подписано в 1898 г. еще одно соглашение, устанавливающее равенство сторон в вопросах предоставления займов Корее, формирования ее вооруженных сил и ввода войск на территорию Кореи[18]. «Оба государства,— оценивал эти соглашения Н. В. Кюнер,— окончательно признали державные права и полную независимость Кореи, взаимно обязуясь воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела этой страны»[19]. Однако, следует, видимо, признать, что Россия не желала обострять отношения с Японией и, пойдя на заключение упомянутых договоров, несколько отступила от занятых позиций в Корее

и не способствовала дальнейшему укреплению там собственной роли.

США, Англия, Германия поддерживали Японию. Анализ Н. В. Кюнером договоров России и Японии, как и его оценка положения в стране в период пребывания Коджона в русском посольстве, способствовали пониманию дальнейшего развития событий. Н. В. Кюнер несколько преувеличивал влияние Японии на Корею, где уже созрело собственное реформаторство. Однако ясно, что события после 1895 г. оказали воздействие на возрождение реформаторско-просветительского движения. Возникнув в Сеуле, где было открыто Общество независимости, оно затем распространилось по многим крупным городам.

Н. В. Кюнер писал, что Общество независимости «сделалось очень популярным среди корейцев... цель его... в распространении полезных знаний и развитии без вмешательства в политику дружеских отношений между правящими лицами, столь необходимых для национальной независимости»[20]. Автор проанализировал деятельность Общества независимости, направленную на создание суверенного цивилизованного государства с демократическими свободами: слова, печати и т. д. Общество независимости, пропагандируя самостоятельность Кореи, выступало против всякого иностранного вмешательства в дела корейского государства, в том числе со стороны России. Дальнейшая история Кореи подтвердила предсказания авторов о целях Японии в Корее: все пункты ее договоров 1896 и 1898 гг. с Россией были нарушены.

Следующая глава, «Путешествия по Корее» представляет собой значительное дополнение к известным к тому времени материалам путешествий. Каждое описываемое в ней путешествие по Корее содержит новые научные знания об этой стране, ее флоре, фауне, географии, положении населения и т. п.

Не меньший интерес представляет глава «Промышленность», в которой на большом количестве фактов раскрывается состояние местных кустарных промыслов, сельского хозяйства, животноводства, рыболовства, охотничьего промысла. Специальный раздел посвящен положению с разработкой полезных ископаемых, развитием горного промысла в Корее. Подробно изложен вопрос об иностранных концессиях и даны оценки их деятельности.

Специальный раздел в главе «Промышленность» посвящен шелковому, ткацкому и прядильному производствам, а также изготовлению бумажных изделий. Показано, что бумага игра-

ла особую роль в жизни корейцев: из нее изготовлялись бумажные зонтики, дождевые шляпы, плащи. Во дворцах из бумаги делали даже паркетный пол. Эта область промышленности Кореи высоко оценивалась, в подтверждение приведены оценки русских путешественников. Имеются также разделы о фарфоровом, гончарном, кожевенном, столярном деле, виноделии. Излагаются конкретные данные о том, как к 90-м годам постепенно внедрялись в них иностранные компании, главным образом, японские.

Одна из глав посвящена торговле во всех ее разнообразных формах, начиная с общего описания условий торговли в Корее, ее особенностей, связанных с географическим положением, наличием многочисленных горных местностей и т. п. Отмечено, что в этой стране «с давних пор существовал ряд причин, препятствующих развитию как внутренней, так и внешней торговли». К их числу отнесены вымогательства чиновников, состояние дорог, запутанность денежной системы. Эти и другие причины обстоятельно проиллюстрированы фактами. Рассказано в главе и о деятельности торговых гильдий, а также о запрещении некоторым классам общества заниматься этим промыслом.

О торговле рассказано, начиная со средних веков и до конца XIX в., показана роль иностранного капитала в развитии внешнеторговых связей Кореи.

Особо выделен раздел «Заключение договоров с Японией», в котором детально рассмотрена, с привлечением документального материала, политика японского правительства, направленная на захват Японией центральных позиций в торговых отношениях с Кореей.

Беспрерывные народные волнения направлены были против японцев, действия которых наносили ущерб местным торговцам. Однако, отмечалось в главе, «несмотря на все эти неблагоприятные условия, в деле развития внешней торговли Кореи договором 1876 г. был сделан громадный шаг вперед, так как с этой поры Корея начинает через посредство японцев знакомиться с европейскими товарами»[21].

Особый раздел касался договоров Кореи с другими иностранными государствами. В нем утверждалось, что монополия японцев в деле торговых соглашений с Кореей продолжалась более шести лет, а именно с 1876 до 1882 гг. В этом году был подписан договор с Соединенными Штатами Америки. Затем последовали договора Кореи с Англией, Германией и Рос-

сией. Но все равно, и тогда Япония наращивала преимущества в торгово-экономической сфере. В этой главе рассмотрены также корейские кредитные учреждения, банки, говорится о наступлении на них иностранного капитала.

Специально выделено описание собственно корейской внутренней и внешней торговли, которая также претерпела серьезные перемены после прекращения изоляции страны от внешних контактов. Вторжение иностранного капитала тяжело отразилось на положении широких слоев населения. Вся глава «Торговля» изобилует ценнейшим фактическим материалом, всесторонне раскрывающим различные аспекты внутренних и внешних торговых связей Кореи.

Глубоко насыщены фактическими данными, необходимыми для понимания обстановки в стране, и главы «Описания Кореи» о ее населении, финансах, государственном устройстве, вооруженных силах, администрации, судебной системе.

Остановимся отдельно на главе «Религия». Как в восточных странах, так и на Западе религия оказывала серьезное воздействие на формирование общественного сознания, мировосприятие широких масс населения. Многие религиозные догмы способствовали также развитию реформаторско-просветительской мысли.

Глава в «Описании Кореи» начинается с раздела «Шаманизм», в котором показано, что с древности именно идеи шаманизма служили «единственной формой религиозных представлений». Идеи шаманизма содержались не только в многочисленных обрядах, которыми наполнена личная жизнь корейцев. Вера в духов составляла важное направление во всей духовной жизни корейцев. Необходимо отметить, что распространение шаманизма сочеталось с почитанием неба, «от которого исходят, по мнению корейцев, все блага земные... С небом корейцы соединяют представление о высшем существе — создателе и хранителе видимого мира... все, что бы ни случилось, исходит свыше от неба»[22].

Подобное мировосприятие, истолкование роли неба, небесного веления, несомненно, в дальнейшем способствовало восприятию корейцами западной христианской веры, а также явилось основой созданной в 1860 г. новой национальной религии тонхак.

Подробно рассказано в этой главе и о распространении в Корее буддизма (с IV в. н. э.) из Китая. Письменность была, как утверждается в этом разделе, привезена также из Китая.

Влияние буддизма постепенно значительно выросло, появились многочисленные монастыри и храмы. К X в. он сделался «своего рода государственной религией».

Однако с XIV в. господствующее положение в Корее заняло учение Конфуция, хотя буддизм продолжал распространяться до конца XVI в., когда против него были изданы специальные постановления правительства. Автор, на наш взгляд, верно описал основные догмы буддийской веры, ее воздействие на реальную жизнь корейцев. Отмечено, что многие постулаты буддизма совпадали с идеями шаманизма, в частности, вера в духов.

В заключение в главе отмечено важное явление — стремление Японии после вторжения в Корею в 1876 г. возродить в ней буддизм, направив деятельность буддистов на выполнение ее колонизаторских замыслов. «Именно с 1876 г.,— сообщают авторы,— реформаторская секта японских буддистов Синь стала стремиться пропагандировать свое учение в Корее, для чего время от времени отправляет, преимущественно в южные провинции полуострова, своих миссионеров». Далее узнаем, что японцы начали открывать в Корее школы для буддийских монастырей. В конце XIX в. около 20 японских буддийских проповедников содержали там две свои духовные школы[23].

Как свидетельствует дальнейшее развитие истории Кореи, буддизм был опорой колонизаторских замыслов Японии. Настоящее его возрождение и развитие наступило в годы колониального режима.

В главе «Религия» также подробно рассмотрено распространение учения Конфуция, главным образом с X в. н. э., со времени правления династии Корё. Авторы справедливо отмечали, что конфуцианство, особенно учение Чжу Си в начале XIV в., привлекало корейцев. «Конфуцианство,— указывали они,— поддерживая существующий государственный строй и строгие принципы семейной жизни, вместе с тем рисовало перед взорами корейцев гораздо более возвышенный идеал семьи и общества по сравнению с тем, что наблюдалось в Корее, и побуждало лучшие умы королевства стремиться к достижению этого идеала»[24].

В разделе «Сущность конфуцианства» авторы еще в конце XIX в. пришли к весьма точному, на наш взгляд, выводу о том, что конфуцианство «не есть религия; это ни более, ни менее как собрание нравственных правил, которые должны содействовать человеку в сохранении душевного спокойствия и полной гармонии между его внутренним миром и миром внешним»[25].

Большой интерес представляет также история распространения христианства в Корее, появление в ней различных христианских верований, начиная с католицизма в конце XVI в., и далее, уже в 80-х годах XIX в., протестантства, пресвитерианства, методистской миссии и, наконец, англиканской. Все описания проникновения в Корею западных религиозных учений насыщены важнейшими историческими фактами.

Подробно освещено создание в Корее 20 июля 1897 г. православной русской миссии. Особое развитие православие, как мы узнаем из этого раздела, получило на юге Приморской области России, где «каждая корейская деревня, не жалея средств, стремится иметь собственную русскую школу».

Значительное место отведено в главе возникновению в Корее национальной религии тонхак. При этом отмечен очень важный момент в развитии тонхак, которое первоначально носило чисто религиозный характер, а затем приняло социальную и политическую окраску. История Кореи подтвердила этот вывод. Многочисленные народные волнения, а главное, общекрестьянское восстание 1894 г., проходили под лозунгами тонхак и были начаты организациями сторонников этого учения.

В главе «Язык, литература и образование» рассказана история изучения корейского языка, показаны его связь с китайским и постепенный отход от него после японо-китайской войны и прекращения вассальной зависимости Кореи от Китая. В этом же разделе указана серьезная деятельность католических миссионеров по составлению первых корейских словарей. Как уже говорилось, в 1874 г. М. П. Пуцилло издал в Санкт-Петербурге первый «Опыт русско-корейского словаря».

Большое внимание уделено становлению и развитию в Корее художественной литературы. Конфуцианские идеи, что весьма важно для понимания духовного мира корейцев прошлых веков, пронизывали все направления литературы.

В разделе «Образование и науки» рассмотрено состояние этих отраслей знаний в Корее, начиная с конца IV в. и вплоть до конца XIX в. Не имея возможности перечислить и показать анализ в ней состояния всех имевшихся в Корее научных направлений, следует, видимо, согласиться с выводом авторов о том, что «несмотря на официальное покровительство, оказываемое в Корее различным научным занятиям, уровень, на котором стоят здесь науки, крайне низок»[26].

Заканчивая краткий обзор уникального издания россий-

ских востоковедов конца XIX в., равного которому вряд ли можно найти в мировой науке того времени, необходимо еще раз подчеркнуть, что основные положения, выводы в «Описании Кореи» не утратили своего значения до настоящего времени. Это трехтомное издание достаточно полно и многосторонне раскрывало картину состояния корейского общества с глубокой древности до конца XIX в.

Наряду с «Описанием Кореи», последний том которого, как уже указывалось, содержал важнейшие дипломатические и торговые документы конца XIX в., были выпущены в России в начале XX в. и другие издания подобного рода. Публикация столь многочисленных документов объяснялась напряженным положением на Корейском полуострове, окончившимся русско-японской войной 1904–1905 гг.[27]

Нужно отметить, что в начале XX в. на страницах газет, журналов, а также отдельных книг стали появляться материалы о деятельности в Корее русской православной церкви. Напомним, что к концу XIX в. в Корее уже активно действовали европейские и американские миссионеры — католики, протестанты, методисты. Они открывали там свои школы, больницы, вели просветительскую деятельность, совмещая ее с пропагандой политических интересов правительств США, Франции, Англии.

В газете «Церковные ведомости» еще в 1901 г. (№ 17) появилась статья одного из корейских губернаторов под названием «Православная духовная миссия в Корее». Автор писал, что «католики (миссионеры.— *Г. Т.*) хотят у нас власть отнять и себе присвоить, хотят, чтобы их последователи занимали в государстве высшее положение, чем мы, последователи Конфуция. Они своим вмешательством в наши дела не дают нам покоя, а потому мы их не можем любить. Американцы открыто вносят в наш народ смуту. Вера для них вещь второстепенная: им нужна наша торговля, наш скот, пашни, которые мы сами не в состоянии обрабатывать. Нам не надо таких миссионеров».

В подобной обстановке отсутствие в Корее русской православной церкви, при наличии тесных контактов между двумя соседними государствами, вызывало беспокойство не только у автора статьи — корейского губернатора, но и, несомненно, в русской миссии.

В 1901 г. епископ Хрисанф открыл в Сеуле русскую православную церковь. В 1905 г. его сменил епископ Павел Ивановский. Оба написали книги, в которых раскрывается обстанов-

ка в корейском обществе того времени, отношение населения к русской церкви и ее деятельности.

Павел Ивановский описал первые шаги деятельности своего предшественника — епископа Хрисанфа[28], который вел со слушателями просветительские беседы на религиозные темы. Первыми среди них были корейцы — русскоподданные. Хрисанф дарил посетителям церкви иконы, молитвенники на китайском языке. «Корейцы являлись на собеседование в достаточном количестве из Сеула и, главным образом, из провинции Хванхэ». Приходили люди и из других провинций. Многие слушатели, отмечал Павел Ивановский, «благоговели перед могуществом России и питали к ней соседские чувства»[29]. Отдельно от мужчин велись беседы с женщинами.

«Православные корейцы,— рассказывал далее автор,— многие были выходцы из Уссурийского края. 28 человек пришлось собирать во временной квартире архимандрита и вести с ними религиозно-нравственные беседы... организовывали и огласительные беседы с некрещеными туземцами. Их вел переводчик — кореец, владевший русским языком»[30]. Корейцев привлекала в русскую православную церковь общность ее религиозных устоев с конфуцианским учением — поминание усопших, почитание старших и т. д.

Павел Ивановский писал, что «протестантская миссия главный тормоз своей деятельности усматривает в почитании корейцами предков, в культе предков. Почитание родителей и предков у корейцев является краеугольным камнем общественной и религиозной жизни. Протестанты не признают молитв за умерших. Другое дело — православная церковь: ее высокохудожественный, умилительный погребальный гимн, служение сорокоустов, панихид, особые дни поминания усопших... все это должно придтись по сердцу корейцам. И вот, если отбросить недостойное и незаконное в корейском культе — поклонение духам — то все остальное послужит не помехой, а наоборот, помощью в деле православной миссии»[31].

Русская миссия в Корее установила контакты с православной миссией в Пекине, с помощью которой переводились многие религиозные тексты с китайского на корейский язык. Хрисанф уделял большое внимание таким переводам. Это: «Символ веры», «Десять заповедей» и др. Он же открыл церковно-приходскую школу и вел там занятия. В школе сначала было 12 учеников. Кроме них, на беседы приходило около 40 человек. Переводчиком был Матвей Ким. В школе преподавали

«Ветхий» и «Новый завет», религиозные заповеди, пели «Отче наш», «Господи, помилуй». При церкви был хор из корейцев, которые пели на корейском языке «Верую», «Отче наш».

В начале XX в. наступило дальнейшее обострение отношений между Россией и Японией, вызванное стремлением последней реализовать агрессивные планы в Корее, которым противостояла Россия, не желавшая допустить превращения этой страны в опасный японский плацдарм у своих границ. Одним из поводов явилось намерение некоторых деятелей из царского окружения («безобразовская шайка») заполучить в Корее лесную концессию, открыть с этой целью порт на р. Амноккан и т. д.

Противодействуя этим планам и используя их как удобный повод, Япония оказывала давление на правительство Кореи, угрожая вводом войск. Однако корейский император отказывался выполнить требования японцев. Вновь, как и в 1896 г., Коджон обратился в русскую миссию с просьбой предоставить ему убежище в случае прибытия японских войск в Корею, но не получил там поддержки.

21 января 1904 г. японские войска высадились на Корейском полуострове и в ночь на 8 февраля началась русско-японская война, как известно, окончившаяся поражением России[32].

В период русско-японской войны 1904–1905 гг. деятельность русской церкви в Корее заглохла, но даже в тяжкие для корейского народа годы установления Японией режима протектората (1905–1910 гг.), писал Павел Ивановский, «вопреки ожиданиям школа (при русской церкви.— *Г. Т.*) не могла вместить всех желающих»[33]. Это происходило в 1907 г. и воспринималось как выражение протеста корейцев против японского протектората.

Мы столь подробно остановились на деятельности русской церкви в Корее, хотя и не изложили все ее направления. Необходимо отметить, что тема православия в Корее — новое направление в российском корееведении, помогающее понять один из важных факторов истории культурных контактов двух соседних народов.

Накануне русско-японской войны общественный интерес в России к Корее значительно возрос. Известный кореевед В. Т. Зайчиков считал, что лишь за один 1904 г. в России было написано более 25 работ по Корее[34]. Издание многочисленных статей, книг, справочников по Корее продолжалось и в годы войны.

Не имея возможности даже их перечислить, остановимся лишь на наиболее глубоко, на наш взгляд, раскрывающих положение в этой стране в 1904–1905 гг. Среди них книга Н. Черкунова «Великий океан. Япония и Корея как арена современных событий». Своеобразный справочник о тогдашнем положении на Корейском полуострове, книга содержит и некоторые достаточно точные оценки автора. Он, в частности, писал: «Посягательства на эту страну со стороны Японии издавна были причиною неоднократных войн, последней с Китаем, а ныне послужили поводом к начавшейся борьбе с Россией»[35]. Корейский полуостров по красоте автор справедливо сравнивал с Италией.

Наиболее серьезным трудом, основанным на исследованиях о Корее (включая «Описание Кореи»), ранее изданных как за границей, так и в России, была книга Сувирова «Корея. Страна и ее история последнего времени», посвященная Корее до и во время русско-японской войны.

Автор, как отмечено в предисловии, стремился описать географию, религию, земледелие, социальные отношения, быт Кореи.

В главе «Географические сведения о Корейском полуострове» подробно излагаются данные о Корее, начиная с известий, полученных еще в IX в. от арабских мореплавателей. Глава «Прошлое страны» повествует о населении, отличительных чертах его национального характера, религии, положении женщин, состоянии народного образования и т. д.

При изложении исторических событий автор акцентировал внимание на корейско-китайских отношениях, стремлении Китая господствовать в Корее. Мы узнаем также, что «характер корейцев добродушен и спокоен... Человек, попавший в затруднительное положение, может рассчитывать не только на помощь своих родственников, но и соседей... Корейцы с большой любовью относятся к своим детям... бездетные стараются усыновить чужих детей»[36].

Вполне обоснованно утверждение Сувирова, что конфуцианство с XIV в. было распространено в Корее, хотя одновременно там существовали буддизм, шаманизм, что обстоятельно им описано. Особо остановился автор на истории распространения в Корее с конца XVIII в. западного вероучения. Он, в частности, сообщал, что «в настоящее время (т. е. в начале XX в.— *Г. Т.*) в Корее проповедуют французские, английские и американские миссионеры, которые при этом иногда пресле-

дуют и торговые интересы, как в выгодах своего отечества, так и в своих собственных. Например, среди американских миссионеров есть и такие, которые содержат гостиницы, являются агентами страховых обществ»[37].

Один из разделов книги посвящен положению женщин, их правам, обязанностям. Показано унижение женщин в корейском обществе.

В разделе об образовании рассказано о развитии в Корее учебного процесса. Если ранее в школах изучали только конфуцианские трактаты, то в конце XIX в. появились учебные заведения, в которых преподавали иностранные языки, а также инженерное дело, медицину, юриспруденцию, естественные науки.

Глава «Земледелие» отображала картину бедственного положения корейских крестьян, фактически не имевших техники для обработки земли. Автор отмечал, что основа жизни корейцев — земледелие, но «никто не содействует введению научных методов обработки земли... рисовые поля обрабатываются тем же способом как и во время мудрого Китца (т. е. в глубокой древности, при легендарном правителе Киджа.— *Г. Т.*)»[38].

В главе «Императорская фамилия» основное внимание уделено роли королевы Мин, супруги вана Коджона, в управлении страной.

Особый интерес вызывает глава под пространным названием «Враждебные действия корейцев против иностранцев. Отказ от суверенитета над Кореей. Торговые договора Кореи с иностранцами и открытие портов. Восстания в стране. Японо-китайская война». Само название главы свидетельствует о том, что в ней рассматриваются все важнейшие события конца XIX в.

Как и в предшествующих трудах, автор также уделяет внимание национальной религии Кореи тонхак. Правильно отмечена ее антииностранная направленность, а также то, что «числó последователей секты (тонхак.— *Г. Т.*) быстро росло, так как к ней примыкали недовольные жизненными условиями страны. В народе учение соединилось с большим количеством суеверий».

Писал Сувиров и об общекорейском восстании 1894 г. против феодального угнетения и иностранного вмешательства. Однако он неверно определил причину восстания только как реакцию на убийство в Китае лидера реформаторского движения 1884 г. Ким Оккюна, оставив вне поля зрения главные истоки народного движения.

Еще одна глава освещала положение в Корее после японо-китайской войны 1894–95 гг. и фактической оккупации ее японскими войсками. Подобно другим авторам, Сувиров рассказал о том, как японцы зверски убили королеву Мин и начали наступление на корейские национальные обычаи (стрижка мужских причесок, запрещение национальной одежды и т. п.). Все это вызвало взрыв антияпонских настроений. «Теперь (после японо-китайской войны.— *Г. Т.*) в страну вторглись подонки японского общества... содействовали возбуждению народной ненависти к японцам и когда к этому добавилась борьба японцев с освященными веками обычаями, то они сделались самым ненавистным в Корее народом... Интриги в королевском дворце заставили храброго Ли Хен (короля Коджона.— *Г. Т.*) бояться за свою жизнь... Король бежал из своего дворца в русское посольство. Вследствие этого, корейский вопрос вышел из исключительного ведения Японии и приобрел международный характер»[39].

В главе, посвященной пребыванию короля Коджона в русском посольстве, приведен полный текст обращения его к народу с призывом «прекратить все распри». Опубликованы также тексты договоров, заключенных в 1896, 1898 гг. между Россией и Японией. Автор почему-то не стал комментировать эти документы[40].

Заключительная глава «Корея во время русско-японской войны» содержит подробный очерк состояния населения, корейской армии, финансового и торгового положения страны. В этот период, отмечает автор, практически прекратилась в Корее внутренняя жизнь, было невозможно заниматься земледелием из-за военных действий, прервали работу внешнеторговые компании, иностранные концессии по разработке недр и т. п.

Определенный интерес вызывает сборник 1904 г. «Япония и Корея. Очерки стран и народов»[41]. По мнению авторов, «японцы (со 2-й половины XIX в.— *Г. Т.*)... продолжали усердно работать над тем, чтобы подчинить Корею своему влиянию... влияние Японии привело к тяжелым смутам в стране... Япония дерзко и коварно начала с нами войну»[42].

В это же время было издано «Справочное исследование о Японии, Корее, Манчжурии»[43]. Одна из глав этого издания целиком посвящена отношениям Кореи и Японии, в ней даны общие сведения о быте, нравах, религии, государственном устройстве, классах, семейных отношениях в Корее. В книге приведен и общий обзор географии этих стран. Был опубликован

также сборник статей для широкого читателя, начиная от школьников, под названием «По Дальнему Востоку, Сахалину, Уссурийской области, Манчжурии, Корее, Японии»[44].

Накануне и в годы войны авторами публикаций о Корее нередко являлись русские офицеры. Среди них был и подполковник генерального штаба А. Байов. В его книге «Военно-географический и статистический очерк Северной Кореи» описаны география, климат, торговля, административное устройство, средства связи, обычаи населения северной части полуострова. Высказан им и общий взгляд на корейцев: «Корейцы — народ довольно развитой и смышленый. В стране большое количество школ, разбросанных даже по самым глухим местностям. В этих школах преподаются чтение и письмо по китайским иероглифам и по упрощенному письму. Вследствие этого число грамотных в Корее велико, но дальше грамотности корейское образование не идет...» «Корейцы трудолюбивы, добродушны, честны... упорны в раз принятых и крепко усвоенных взглядах... нерешительны и вялы в деле непривычном и незнакомом, как, например, военном. К иностранцам вообще корейцы относятся дружелюбно. С особой симпатией корейцы относятся к русским и часто высказывают пожелания, чтобы Корею заняли русские, так как тогда, по их убеждению, им жилось бы гораздо лучше. Вообще, престиж России в Корее стоит очень высоко и имя ее всегда произносится с глубоким уважением»[45].

Подобные утверждения высказывались много раз, они достоверны и подтверждаются хотя бы документами из русских архивов о том, что, начиная с 1885 г., корейский король неоднократно просил Россию взять под свой протекторат его страну. Байов отмечал вместе с тем, что в южных провинциях Кореи влияние японцев сильнее, о России там знают меньше, чем в северо-западных.

Штабс-капитан Афанасьев издал работу «Современное состояние вооруженных сил Кореи», в которой детально очерчено положение в корейской армии: обмундирование офицеров и солдат, их снаряжение, жалованье, устройство казарм, уровень обучения войск к началу русско-японской войны и т. д.[46]

Перечисленные выше книги — далеко не вся российская литература, освещавшая проблемы Кореи до и во время войны, а также содержавшая оценку политики Японии и других держав в этот период. Авторы работ по Корее, в большинстве своем, подчеркивали отношение ее населения к России как к единственной надежде на спасение от закабаления Японией[47].

По окончании русско-японской войны корееведение в России обогатилось первым крупным исследованием одной из важнейших для того времени проблем духовного мира корейского общества. Это был труд П. Россова, штабс-капитана 20-го Сибирского стрелкового полка, «Национальное самосознание корейцев»[48]. Сам выбор темы свидетельствовал о том, что автор понимал важность развития национального самосознания корейцев и роль этого фактора в их сплочении в единую нацию, способную противостоять японской политике ассимиляции.

Важнейшим стимулом к росту национального самосознания П. Россов считал борьбу за независимость Кореи, против иностранного, главным образом, японского, вторжения в страну. В своей книге он сделал попытку определить этапы национального сплочения корейцев по мере роста угрозы колонизации их родины, начиная с создания партизанских отрядов Армии справедливости.

Крайне важно для понимания процесса формирования национальной самобытности корейцев то, что П. Россов национальную религию тонхак, созданную в середине XIX в., относил к факторам, оказавшим серьезное влияние на пробуждение и развитие национального самосознания. Однако не во всем можно согласиться с автором, считавшим, что сначала это учение носило чисто религиозный характер и только в начале 1890-х гг. оно стало принимать социальную и политическую окраску[49]. На самом деле это учение сразу же приобрело направленность против злоупотреблений чиновников и помещиков, эксплуатировавших народ, и против проникновения в страну иностранцев. Со второй половины XIX в. многие народные выступления проходили под знаменем тонхак. В 1894 г. вся Корея была охвачена пламенем восстания, также известного как восстание тонхаков.

Для изучения народных движений в Корее конца XIX — начала XX вв. интересны и важны замечания П. Россова о сходстве корейской Армии справедливости и китайского народного движения под названием Ихэтуань.

Серьезное значение при анализе обстановки в стране в указанный период имеет оценка П. Россовым роли корейских торговых гильдий, разбросанных по стране и весьма многочисленных. «Говоря о проявлении народного самосознания в Корее,— писал он,— нельзя не коснуться могущественной торговой ассоциации, известной под названием Пу-сан или По-сан.

Товарищество это имеет своей задачей транспортировку грузов и разносную торговлю»[50]. Автор пришел к выводу, что, «отличаясь замечательной солидарностью своих членов и будучи весьма популярно, оно (товарищество.— *Г. Т.*) всегда оказывало сильное влияние на общественное мнение. Имея за собой древнее происхождение и крепкие традиции, союз этот является верным хранителем национальных идей»[51]. Не оспаривая сказанного П. Россовым, следует все же заметить, что влияние упомянутой им торговой ассоциации было далеко не однозначным.

Развитие в Корее с конца XIX в. реформаторско-просветительской деятельности, направленной на создание патриотических обществ, целью которых была борьба за независимость, также рассмотрено автором. В этой связи особое внимание Россов уделял созданному в 1896 г. в Сеуле «Обществу независимости» (Тоннип хёпхве), отделения которого открылись во многих крупных городах. Он справедливо полагал, что в то время Общество «стало играть выдающуюся роль в политической жизни страны»[52]. Оно действительно оказывало воздействие на формирование национального самосознания, сплочение корейской нации и, прежде всего, способствовало развитию просветительской мысли, пропаганде знаний для «перевоспитания общества в духе либеральных идей»[53].

Однако мнение П. Россова о роли Общества независимости все же представляется несколько преувеличенным. Многие его лидеры находились под влиянием иностранных держав, наивно верили в искренность их стремления помочь Корее стать свободным цивилизованным государством. Широкая, многообразная деятельность Общества, проводимые им массовые митинги, демонстрации, требования предоставить народу демократические свободы привели к его закрытию и аресту лидеров. Правительство поддержали японское и английское посольства, предложившие свои военные силы для разгона движения реформаторов.

В книге П. Россова показаны патриотическая деятельность различных просветительских обществ, возникавших впоследствии в Корее, а также организация прояпонского общества Ильчинхве. При этом Россов утверждал, «что население ненавидит Иль-цин-хоэ» (Ильчинхве.— *Г. Т.*)»[54].

П. Россов в Харбине издал еще одну книгу справочного характера под названием «Очерк состояния Кореи в конце 1905 и в начале 1906 годов». В ней имеются следующие разделы: 1. Во-

енно-статистический обзор — описание географических особенностей различных районов, их продовольственное состояние, торговые связи; 2. Пути в Корее, т. е. состояние дорог; 3. Дислокация японских войск; 4. Корейские войска; 5. Население Кореи; 6. Политико-экономическое состояние Кореи — этот раздел посвящен японской колонизаторской политике в Корее. 7-й раздел под названием «Национальное самосознание корейцев» в обобщенном виде суммировал суждения П. Россова, высказанные в его книге с тем же названием[55].

В 1903–1904 гг. в Корее побывал В. Серошевский — один из последних русских путешественников по этой стране. После окончания войны и поражения в ней России Япония установила в Корее режим протектората и поэтому путешествия туда прекратились. По возвращении в Россию, Серошевский описал свои впечатления о поездке в Корею в книге большого объема (604 страницы)[56]. В ней он осветил почти все стороны жизни корейского общества. Большое внимание уделено описанию географии Кореи, ее ландшафту, причем автор восхищается горами, ущельями и прочими особенностями природы этой страны.

В книге выделяется глава «Несколько слов о религии корейцев», в которой подробно описана борьба за влияние в Корее между буддизмом и конфуцианством. Автор детально разбирает также суть других религиозных течений, распространенных среди корейцев: народных суеверий, национальной религии тонхак и западных учений — католицизма, протестантства и т. д. Особое внимание уделено учению Конфуция.

Специальные разделы книги посвящены земледелию, промышленности и торговле, устройству деревень, народному образованию. Серошевский описал школы в деревнях и городах, где китайский язык уже заменялся корейским. Автор отмечал, что коррупция чиновников пагубно отражалась на состоянии образования, но народ все равно стремился к знаниям «совершенно бескорыстно, даже без видимой пользы и надежды на улучшение своего положения в ближайшем будущем. Знание дает им пока исключительно умственное удовольствие... Этот робкий, безнаказанно обижаемый всеми народ в своей преданности науке представляет исключительный в мире пример неисправимого идеализма»[57].

Не менее интересен и насыщен фактами «Исторический очерк», который охватывает историю Кореи с глубокой древности до русско-японской войны (до 1904–1905 гг.). К сожале-

нию, описывая историю Кореи в древности, Серошевский не упоминает, какими источниками пользовался. Поэтому трудно с ним полемизировать в тех случаях, когда изложенные им факты вызывают сомнение. Тем не менее, определенный интерес представляет изложение в его книге истории Кореи 2-й половины и, главным образом, 80–90-х гг. XIX в. Автор правильно осветил борьбу за власть отца короля Коджона тэвонгуна, опиравшегося то на Китай, то на Японию. Предательская позиция тэвонгуна осложняла обстановку в стране, когда (до японо-китайской войны 1894–95 гг.) эти страны боролись за господство в Корее. Серошевский справедливо отмечал влияние реформ в Японии на элитарные круги корейского общества, понимавшие необходимость преобразований ради превращения их страны в цивилизованное государство. Однако не отметил, что корейские реформаторы напрасно верили в искренность желания Японии помочь им в проведении таких преобразований. Самому Серошевскому была свойственна некоторая увлеченность «цивилизаторской миссией» Японии в Корее. Роль Китая он оценивал только как «ретроградную», тормозившую развитие Кореи. Страна не была готова, по его, на наш взгляд, оправданному мнению, к коренным преобразованиям и поэтому попытка государственного переворота в Корее 4 декабря 1884 г. потерпела крах. Население, в основном, выступило тогда против реформаторов, в немалой степени из-за их связи с Японией.

Серошевский описал также возникновение в 1896 г. Общества независимости — организации, продолжавшей реформаторско-просветительские идеи 80-х годов.

В книге, как нам кажется, недостаточно подробно и точно изложена политика Японии в Корее, а также вскрыты причины русско-японских противоречий, приведших к войне 1904–1905 гг. Однако, несмотря на подобные серьезные пробелы, труд В. Серошевского остается важным источником для изучения истории Кореи конца XIX — начала XX вв.

Накануне превращения Кореи в колонию Японии, как и в предшествующие годы, в России появилась обширная литература о жизни корейцев, переселившихся в русское Приморье[58]. Как правило, ее авторы высоко отзывались о трудолюбии, порядочности корейцев, но мы не останавливаемся на освещении этой литературы, так как жизнь корейцев в России — тема специального исследования, относящегося скорее уже к российской истории.

Одной из последних работ о Корее, вышедших до окончательного захвата этой страны Японией, была книга В. Д. Песоцкого «Корея накануне аннексии. Император Кореи и его двор»[59]. Главным образом, она освещала положение Кореи в период протектората, при фактическом управлении ею Японией. Автор показал бессилие императорского правительства Кореи, его неспособность изменить ситуацию в стране, а также позиции США и европейских держав, фактически поддерживавших колонизаторскую политику Японии.

Превращение Кореи в японскую колонию в 1910 г. не могло, конечно, не сказаться на содержании российского корееведения того времени. Но это не задержало его развития, потому что не ослабевал интерес российской общественности к соседней стране, насильственно включенной в состав японской империи. Более того, можно считать, что наметился даже определенный качественный рост российского корееведения. В него пришли ученые, окончившие восточное отделение Петербургского университета и Восточный институт во Владивостоке. Обычно это были специалисты, владевшие японским, китайским, а иногда и корейским языком.

Как уже ранее отмечалось, особую роль в развитии русского корееведения в тот период, несомненно, сыграл Николай Васильевич Кюнер — крупный историк, географ, этнограф по странам Дальнего Востока, к тому же знаток многих языков, включая корейский.

По окончании в 1900 г. с золотой медалью восточного факультета Петербургского университета он защитил диссертацию на степень магистра по теме: «Описание Тибета». С 1902 г. работал в Восточном институте во Владивостоке и написал свыше 65 работ, из которых 45 были опубликованы. Об одной из первых среди них — историческом очерке в «Описании Корее» рассказано выше.

В 1904 г. Н. В. Кюнер прочел в Восточном институте лекции по новейшей истории стран Дальнего Востока, в которых значительное внимание уделял Корее, главным образом, ее географии. В 1907 г. Н. В. Кюнер прочел курс лекций студентам Восточного института по этой же теме, подробно рассказав об источниках, использованных им для разработки новейшей истории стран Дальнего Востока, на корейском, японском и английском языках. На их основе в 1910 г. им была издана во Владивостоке «Новейшая история стран Дальнего Востока», Часть третья в ней посвящена Корее[60]. Автор привел многочис-

ленные сведения о древней и средневековой истории Кореи, уделив особое внимание японо-корейской войне 1592–1598 гг.

По мнению Н. В. Кюнера, «Корея была руководительницей первых шагов гражданского и культурного развития Японии». Вместе с усвоением европейской цивилизации во 2-й половине XIX столетия Япония, по его словам, всецело прониклась принципами европейской колонизаторской политики и искала в Корее выход для растущего избытка населения, не говоря уже о шовинистических мечтаниях значительного большинства японского общества, о прежних военных подвигах японцев на соседнем полуострове[61].

Н. В. Кюнер описал в этом труде также отношения Кореи с Китаем, показав ее превращение в вассальное государство, а затем в «закрытую страну». Остановился он и на «открытии» Кореи в 1876 г., заключении ею серии договоров с иностранными государствами.

Автор привлекает внимание читателя к народным антияпонским выступлениям 1882 и 1884 гг. Попытку государственного переворота корейских реформаторов в декабре 1884 г. он оценивал как проявление «патриотического движения»[62].

Н. В. Кюнер обстоятельно рассмотрел позицию России в период японо-китайской войны 1894–95 гг. Перевес в этой войне был на стороне Японии, которая, по его мнению, издавна проводила «мирное экономическое завоевание Кореи» (с. 114). Характеризуя положение в Корее после войны, Н. В. Кюнер указывал, что «России... вскоре суждено было играть в течении 10 лет руководящую роль в делах корейского королевства в качестве противовеса агрессивным устремлениям Японии»[63]. Книгу свою он завершил 1904 г., началом русско-японской войны.

В 1913 г. Н. В. Кюнер издал во Владивостоке «Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен». Во вступительной статье автор дает критический анализ источников, называя их «предвзятыми»[64].

В книге весьма подробно изложены такие вопросы, как географическое положение Кореи и ее границы, строение берегов с указанием открытых портов и их торгового значения, рельеф поверхности, реки, климат, растительный и животный мир, численность, плотность и рост населения и т. д. Последние главы посвящены иностранцам в Корее (китайцам, европейцам и американцам, японцам) и их участию в политической и эконо-

мической жизни страны. Рассмотрена также корейская эмиграция в Маньчжурию и русское Приморье. При этом отмечено положительное отношение к ней со стороны русской власти в Приморье: «корейцы признаются более желательными элементами по сравнению с китайцами». Упоминается также об эмиграции на Гавайи, в Северную Америку и даже в Мексику.

Автор уделил большое внимание политике Японии в Корее после аннексии: «Японцы считали,— писал он,— что культурное возрождение корейского народа наступит, когда он «бесповоротно сольется с японцами»[65]. Курс на ассимиляцию, как показал в своей книге Кюнер, японцы пытались осуществить путем насильственных смешанных браков. Иностранцев из Кореи, писал он, «изгоняют... в целях избавиться от влияния иностранных миссионеров в этой стране»[66].

В 1914 г. в том же Владивостоке Н. В. Кюнер опубликовал еще один свой труд под названием «Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых». В книге детально описан процесс установления отношений России с Кореей, а также с Китаем и Японией. «Русско-японская война,— утверждал автор,— ликвидировала корейский вопрос, отдав Корею в полную власть Японии»[67].

Анализируя отношения двух стран, России и Кореи, Н. В. Кюнер высказывал мнение, что «сношения Кореи в нынешнем царствовании (имеется в виду правление Николая II, 1894– 1917 гг.— *Г. Т.*) были отмечены нараставшим влиянием России на Корейском полуострове, достигшем в 1896–1898 гг. зенита. Затем упадок этого влияния вследствие упорного противодействия Японии. Попытка России удержать преобладающую роль привела к русско-японской войне, бесповоротно вытеснившей политически и экономически Россию из Кореи. Ныне, несмотря на соседство территорий между Россией и новым японским генерал-губернаторством... (отношения.— *Г. Т.*) ограничиваются почти минимальным торговым обменом»[68].

Размышляя о политике России в Корее в конце XIX — начале XX вв., Н. В. Кюнер, к сожалению, не упомянул, что правительство Николая II в этот период заключило с Японией ряд договоров, дабы, с одной стороны, предотвратить обострение отношений с ней, а с другой — помешать ее колонизаторским акциям в Корее. Не избежал он и известного преувеличения «цивилизаторской миссии» Японии в «генерал-губернаторстве Циосен».

Труды Н. В. Кюнера были последними значительными исследованиями русских авторов по Корее до 1917 г.

[1] Описание Кореи. Ч. 1–3. СПб, 1900.

[2] См. Описание Кореи. Сокращенное издание. М. 1960, с. 19.

[3] Там же, с. 14.

[4] Там же, с. 25.

[5] Там же, с. 29.

[6] Там же, с. 38.

[7] Там же, с. 38–39.

[8] Там же, с. 39.

[9] Там же, с. 48.

[10] Там же, с. 53.

[11] Там же, с. 56.

[12] Там же.

[13] Там же, с. 57.

[14] Там же.

[15] Там же, с. 62.

[16] Подробно см.: Пак Б. Д. Россия и Корея. М. 1979, с. 126–127.

[17] Описание Кореи. Сокращенное издание, с. 65.

[18] Там же, с. 68.

[19] Там же.

[20] Там же, с. 67.

[21] Там же, с. 163.

[22] Там же, с. 403.

[23] Там же.

[24] Там же, с. 414.

[25] Там же, с. 416.

[26] Там же, с. 457.

[27] Маньчжурия и Корея. Английская Синяя и Японская Белая книги. 1901–1904. СПб, 1904; Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г. СПб, 1906; Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся различных вопросов международного права. Т. 1. СПб, 1902; Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. СПб, 1906.

[28] Епископ Хрисанф. От Сеула до Владивостока (Путевые записки миссионера). М. 1905; Павел Ивановский. Современное положение христианских миссий в Корее.— Известия Восточного института. Владивосток, 1904. Т. 12.

[29] Павел Ивановский. Указ. соч., с. 338.

[30] Там же.

[31] Там же, с. 342.

[32] Подробно см.: Пак Б. Д. Россия и Корея, с.. 188–207.

[33] Павел Ивановский. Указ. соч., с. 343.

[34] Зайчиков В. Т. Корея. М. 1951, с. 77.

[35] Черкунов Н. Великий океан. Япония и Корея как арена современных событий. Киев. 1904.

[36] Сувиров. Корея. Страна и ее история последнего времени. СПб. 1904, с. 20.

[37] Там же, с. 23.

[38] Там же, с. 54.

[39] Там же, с. 78–79.

[40] Там же, с. 79.

[41] Япония и Корея. СПБ. 1904.

[42] Там же, с. 31.

[43] Справочное исследование о Японии, Корее, Маньчжурии. СПб. 1904.

[44] По Дальнему Востоку, Сахалину, Уссурийской области, Маньчжурии, Корее, Японии. Сборник писательских статей для домашнего и школьного чтения. М. 1905.

[45] Байов А. Военно-географический и статистический очерк Северной Кореи. СПб. 1903.

[46] Афанасьев. Современное состояние вооруженных сил Кореи.— Известия Восточного института. Владивосток. 1904. Т. XI.

[47] Лебедев С. Остров Дажелет. Известия Восточного института. Владивосток. 1904. Т. XI; Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб. 1904; Федоров Н. М. Дальний Восток. Япония, Корея, Маньчжурия. СПб. 1904.

[48] Россов П. Национальное самосознание корейцев. СПб. 1906.

[49] Там же, с. 6.

[50] Там же, с. 11.

[51] Там же, с. 14.

[52] Там же, с. 23.

[53] Там же, с. 25.

[54] Там же, с. 39.

[55] Россов П. Очерк состояния Кореи в конце 1905 и начале 1906 годов. Харбин. 1906.

[56] Серошевский В. Корея. СПб. 1909.

[57] Там же, с. 197.

[58] Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб. 1912; Песоцкий В. Д. Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск. 1913; Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1905–1910 гг. СПб. 1912.

[59] Песоцкий В. Д. Корея накануне аннексии. Император Кореи и его двор (Б. М.). 1910.

[60] Кюнер Н. В. Новейшая история стран Дальнего Востока. Владивосток. 1910, с. 136–175.

[61] Там же, с. 136.

[62] Там же, с. 140–151.

[63] Там же, с. 152.

[64] Кюнер Н. В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен. Ч. 1. Владивосток, с. 11.

[65] Там же, с. 256.

[66] Там же, с. 264.

[67] Кюнер Н. В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых. Владивосток. 1914, с. 77.

[68] Там же, с. 58.

Корееведение в Советском Союзе (1920–1930-е годы)

После Октябрьской революции 1917 г. и установления Советской власти в России начался новый этап в развитии отечественного корееведения. С первых своих шагов советское корееведение опиралось на все лучшее, что было сделано в этой области русского востоковедения задолго до Октябрьской революции.

Как мы уже ранее писали, в России в конце XIX — начале XX вв. имелись труды по Корее крупных ученых-востоковедов, обладавших разносторонними знаниями в области истории, культуры, языка соседнего народа. Среди них выделялись Д. М. Позднеев, Н. В. Кюнер.

Развитие корееведения в советской России, превращение его в полноценное направление востоковедной науки было проявлением глубокого интереса к жизни и борьбе корейцев за национальную независимость, против колониального рабства.

Трудно перечислить все общественно-политические журналы, на страницах которых после 1917 г. публиковались статьи и заметки о жизни и борьбе соседнего народа, о молодежном движении, росте профсоюзов, интернациональной солидарности корейских, китайских, японских пролетариев, о положении крестьян, рабочих, интеллигенции.

Это были международные и советские журналы «Коммунистический Интернационал», «Вестник Народного комиссариата иностранных дел», «Интернационал молодежи», «Красный Интернационал профсоюзов», «Международная жизнь», «Народы Дальнего Востока», «Международная юношеская корреспонденция», «Жизнь национальностей» и др.

Авторами первых в советское время книг и статей о Корее стали в основном работники Коминтерна, Крестинтерна, Профинтерна, Народного комиссариата иностранных дел, журна-

листы, деятели корейского национально-освободительного движения. Все они были страстными пропагандистами, призывавшими советскую и мировую общественность помочь корейскому народу освободиться от ига колониализма. Среди зачинателей советского корееведения — С. Далин, Нам Ман Чхун, Ли Канг, Пак Чин Сун (Пак Диншунь), Чхве Сон У (Цой Шену) и др.

Документально-фактологическую основу первых работ по Корее составили материалы конгрессов Коминтерна, выступления там представителей СССР и Кореи, отражавшие позиции коммунистического движения по корейскому вопросу.

Среди них — отчет в 1919 г. Исполкому Коминтерна корейского делегата Пак Диншуня (Пак Чин Суна), особо отметившего влияние Октябрьской революции и последующей деятельности большевистских организаций Приморья и Сибири на подъем революционного движения в Корее, которое он рассматривал как часть «мирового социалистического движения»[1].

Анализ состояния различных классов в колониальной Корее был дан в докладе Б. Шумяцкого, руководителя Дальневосточного секретариата Коминтерна на учредительном съезде «Иркутской» корейской коммунистической партии в 1921 г. В нем проводилась идея возможности победы корейского народа над колониализмом только при интернациональном единстве народов всех стран Дальнего Востока и Советской России. Он утверждал, что Корея «не может рассчитывать на борьбу с японским империализмом путем единоборства, должна держать равнение на единый международный пролетарский фронт». Доклад Б. Шумяцкого, как и «Обращение Исполкома III Коммунистического Интернационала к народам Дальнего Востока» были опубликованы в «Бюллетене Дальневосточного секретариата Коминтерна»[2].

«Обращение» начиналось словами «Товарищи пролетарии Кореи, Китая, Японии! За вами решительное слово. Творите общее дело освобождения трудящихся. Ваше освобождение возможно только в тесном сплочении ваших рядов вокруг III Коминтерна и оплота революции Советской России»[3]. Тогда же было напечатано Обращение Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна к ЦК китайской, японской, корейской компартий по поводу созыва съезда народов Дальнего Востока в Иркутске 11 ноября 1921 г.

В советской печати, как мы уже говорили, широко публи-

ковались документы мирового коммунистического движения, непосредственно направленные на развитие молодежного движения в странах Дальнего Востока. Среди них важно особо отметить «Воззвание Дальневосточного секретариата Коминтерна молодежи» к молодежи всех стран Дальнего Востока и, в том числе, Кореи. Кроме того, был специально издан доклад корейского делегата Ли Ир Ю на первом конгрессе революционной молодежи Дальнего Востока, состоявшемся в Москве в январе 1922 г.[4]

Материал по истории юношеского движения в Корее содержался и в докладе представителей Корейской Федерации Лиги Молодежи и комсомольских ячеек, который был зачитан в 1921 г. на 2-м конгрессе Коминтерна[5], а также в «Манифесте Дальневосточного съезда революционной молодежи» 1922 г. В этих документах утверждалась необходимость революционной борьбы «путем интернационального сплочения всех японцев, корейцев, монголов»[6].

Позиция международного рабочего движения по корейскому вопросу была ясно выражена в документах Профинтерна. Сведения о положении рабочих в колониальной Корее содержались, в частности, в докладе о профдвижении в этой стране, прочитанном на Международном конгрессе Красных профессиональных союзов в Москве в 1921 г.

Конгрессы Коминтерна, Профинтерна, Крестинтерна, молодежного движения являлись единственной трибуной, которую делегаты корейских революционных организаций могли использовать для привлечения внимания мировой общественности к их борьбе с колониализмом в условиях полицейского террора в Корее, преследований там борцов за национальную независимость.

Кроме документов и материалов коммунистического, профсоюзного, крестьянского, молодежного движения на страницах советских журналов публиковались краткие сводки текущих событий в Корее, перепечатанные из иностранной прессы (японской, английской, китайской). В этих сообщениях встречались сведения, вызывавшие серьезный интерес. Так, японская газета «Кокусай» извещала в 1921 г. об «интервью Ленина с представителями корейских агитаторов.... Правительство Ленина ведет пропаганду корейской независимости»[7]. В сборнике «Восток и колонии» помещались сообщения иностранной прессы обо всех странах Востока и, в том числе, Корее.

Так рождалось новое, советское корееведение, базиров-

шееся на марксистско-ленинской методологии и считавшее главной своей задачей идейную и политическую борьбу за социальное и национальное освобождение трудящихся Кореи.

В 1918 г. было открыто японское отделение на факультете восточных языков Петроградского университета, в начале 20-х гг. в том же Ленинграде — Институт живых восточных языков. Одновременно начала работу японская кафедра в Московском институте востоковедения, преобразованном из Лазаревского Института восточных языков. Выпускники этих вузов вошли в число авторов первых книг и статей о Корее. Среди них были японоведы и китаеведы В. Д. Виленский-Сибиряков, Т. Павлович, Х. Т. Эйдус, позднее А. Л. Гальперин, М. И. Лукьянова, Г. В. Войтинский[8].

Подготовка специалистов непосредственно по Корее началась значительно позднее, в 1931 г. в Интернациональном педагогическом институте Владивостока. Выпускники его, в большинстве своем корейцы по национальности, хорошо владели корейским и другими языками и поэтому имели свободный доступ к оригинальным источникам.

Если в 20-е годы публикации о колониальной Корее носили в основном характер кратких общих обзоров положения в этой стране, то в 30-е годы они уже посвящались конкретным актуальным проблемам, отличались большей глубиной анализа и обширной аргументацией, создавали целостную картину колонизаторской деятельности японского империализма, рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения в Корее.

Как мы уже упоминали, их источниковедческой и методологической базой были материалы Коминтерна, Профинтерна, Крестинтерна, Коммунистического Интернационала молодежи и других международных революционных организаций.

Советские исследователи критически оценивали официальные публикации японского генерал-губернаторства, а также работы о Корее западных авторов. Советские авторы наряду с анализом положения рабочего класса Кореи, методов его эксплуатации выявляли особенности формирования корейского пролетариата в условиях японского господства. С конца 20-х гг. ученые приступили к изучению роли корейской буржуазии в национально-освободительной борьбе. Так, М. И. Лукьянова отделяла национальную буржуазию, ее политические и экономические позиции, от крупной, соглашательской. Мелкой и средней буржуазии, как явствовало из работ Лукьяновой, а также

Чу Чхон Сона (Тю Чен Сона), были присущи патриотические, антиколониальные идеи.

Чу Чхон Сон серьезно проанализировал роль в освободительном движении различных групп буржуазии и пройденный ею путь, начиная с той поры, когда она «боролась во имя развития капитализма, против феодализма», до времени сотрудничества крупной буржуазии с японским капиталом. «Основная сила буржуазии,— писал Чу Чхон Сон,— против империализма, но боится народа»[9].

Особое внимание авторов первых статей, разделов в общих работах по Востоку, небольших книг по Корее привлекали следующие актуальные вопросы ситуации в современном им корейском обществе: японский военно-полицейский режим в Корее, формы и методы колониальной эксплуатации и положение в сельском хозяйстве и промышленности Кореи; борьба рабочего класса, крестьянства, молодежи за национальное и социальное освобождение; формирование идеологии пролетарского интернационализма в рабочем классе Кореи, а также сочувствие и поддержка мировым коммунистическим, профсоюзным, молодежным движением антиколониальной борьбы корейского народа.

Однако из всех вышеперечисленных тем наибольшее внимание авторами первых работ по Корее уделялось пропаганде национально-освободительной борьбы, которая объединяла различные классы корейского общества. Трудно, к примеру, назвать книгу или статью по Корее, в которой бы не упоминалось о крупнейшем общекорейском Первомартовском антияпонском восстании 1919 г.

Первой публикацией, рассказавшей советским читателям об этом восстании была вышедшая в том же 1919 г. большая брошюра В. Д. Виленского-Сибирякова «В когтях японского империализма (Борьба корейского народа за независимость)». Знакомя читателей с событиями, происшедшими в Корее, автор в предисловии приводил указание VIII съезда РКП(б) о том, что позиция русского пролетариата «может быть определена не только как роль примера и застрельщика, но скорее как самого активного помощника, который должен помогать начавшемуся революционному движению на Дальнем Востоке[10]. В брошюре излагался ход Первомартовского восстания, жестоко подавленного японской военщиной, освещалась предшествующая героическая борьба корейского народа за национальную независимость. При этом автор отмечал, что исто-

ки ее уходят в XIX в., когда феодальная интеллигенция Кореи выступила против попыток Японии, капиталистических держав Западной Европы и США закабалить эту страну. Однако он не упомянул, что идеологи корейского реформаторства искренне верили тогда в желание этих государств помочь Корее стать независимой цивилизованной державой.

Народное восстание 1919 г. испытало значительное революционное влияние корейской политической эмиграции в России, считал Виленский-Сибиряков, и особо подчеркивал роль Ли Дон Хви — легендарного борца за независимость родины, организатора антияпонского партизанского движения в Корее, проживавшего в то время в русском Приморье[11].

Вслед за этой работой, носившей преимущественно информационный, пропагандистский характер, появилась в 1920 г. в «Вестнике Наркомата иностранных дел» перепечатанная из французской прессы статья под названием «О варварском угнетении Японией мирной Кореи»[12], в которой более подробно сообщалось о ходе восстания 1919 г. и мерах, предпринятых японцами для его подавления. Автор статьи подчеркивал мужество, проявленное восставшим корейским народом в борьбе против колониального рабства. В том же 1920 г. в многочисленных заметках в советской печати высказывалось глубокое убеждение в том, что корейский народ сможет добиться независимости только при условии интернациональной пролетарской поддержки других народов Востока и Советской России. В частности, статья «Положение в восточной Азии» информировала, что усилившееся в Корее «революционное движение находит сочувствие и поддержку в широких народных массах Китая». Ее автор проявил прозорливое понимание истинной политики США в отношении Кореи. Он писал: «Мы не можем полагаться на добродушие империалистической Америки и доверять ее бескорыстию: корейский народ вовсе не хотел бы из японского ига перейти в экономическую кабалу Америки»[13].

Норман Гранд еще в 1921 г. в статье «Этапы освободительного движения в Корее» сделал первую попытку периодизации истории национально-освободительной борьбы корейского народа. Начальный ее период он относил к концу XIX в.— к 1894 г., когда страну охватило крестьянское восстание против феодального гнета, в значительной мере антиколониальное по своей сути. С этой его точкой зрения трудно согласиться, поскольку национально-освободительное движение в Корее зародилось гораздо раньше 1894 г. (достаточно хотя бы вспом-

нить события 1882 и 1884 гг.). Н. Гранда можно упрекнуть также в том, что он восстание 1894 г. именовал «тонхакским» по названию религиозной секты, возглавившей его на раннем этапе. Как известно, народные выступления довольно скоро вышли за рамки мирных петиционных действий, намеченных руководством секты, и переросли в массовое вооруженное восстание. Вторым этапом автор считал 1905–1910 гг., когда вся страна была охвачена активной партизанской борьбой. Третий этап — народное восстание 1 марта 1919 г. Н. Гранд, оценивая обстановку в Корее после Первомартовского восстания, пришел к выводу: залогом успешного хода революционных действий в Корее является то, что «они (корейцы.— *Г. Т.*) начинают искать опору в солидарности революционных трудящихся всего мира, они начинают ориентироваться на III Коммунистический интернационал. Дело доходит до того, что часто целые организации, непролетарские по существу или религиозные, in corporate переименовали себя в коммунистические»[14].

Борьбе корейского народа за национальную независимость посвящены также безымянная статья «Партизанское движение в Корее»[15] и статья А. Ф. Сперанского «Национальное движение в Корее»[16].

В первой из них показаны революционная активность трудовых масс Кореи и зверское их подавление японскими колониальными властями. Автор представил читателям участников движения как нечто единое, не выделяя коллаборационистских действий части корейской буржуазии в период восстания 1919 г. А. Ф. Сперанский рассказал о том, как корейские патриоты, перешедшие с оружием в руках границу и действовавшие в русском Приморье, объединялись там в борьбе против японских интервентов с русскими партизанскими отрядами. Первомартовское народное восстание 1919 г. подробно описано А. Ф. Сперанским. Однако необходимо отметить, что останавливаясь на роли в нем секты Чхондогё (Учение небесного пути), он не остановился на различии между руководством секты и массой ее последователей, которые выступали против колонизаторов. Японские власти не ограничились подавлением восстания в самой Корее. В советских журналах приводились сведения об их карательных акциях в Маньчжурии, в районе Цзяньдао, где население в основном было корейским и не прекращалось партизанское движение[17].

К середине 20-х гг. в СССР был издан ряд брошюр, посвященных положению непосредственно в Корее, либо вообще в

странах Востока, но в них, как правило, содержались разделы о национально-освободительном движении в этой японской колонии[18].

Во всех такого рода работах восстание 1919 г. характеризуется как важнейшая веха в истории борьбы корейского народа против колониализма. С. Далин вслед за Н. Грандом также сделал попытку ее периодизации. Но, в отличие от него, первый этап борьбы за независимость С. Далин относил к периоду с 1637 по 1895 гг.— когда Корея находилась в вассальной зависимости от Цинского Китая. В течение двух с половиной веков весь пафос борьбы за национальную свободу был направлен, по мнению автора, против китайского диктата. Следующий этап он начинал с 1895 г., когда после победы Японии в войне прекращена была вассальная зависимость Кореи от Китая. Борьба корейского народа за национальную независимость велась теперь против колонизаторских устремлений Японии, капиталистических держав Европы и США. Этот этап, считал автор, продолжался ко времени написания книги.

Периодизация, предложенная С. Далиным, на наш взгляд, точнее предыдущей, хотя и он, видимо, имел уже достаточно данных, чтобы говорить о переходе после Первомартовского восстания 1919 г. к новому этапу национально-освободительного движения в Корее. В его книге были и другие спорные моменты. Так, подобно большинству авторов, писавших о восстании 1919 г. С. Далин не видел различий между руководством секты Чхондогё, стремившимся направить освободительную борьбу народа на пассивный путь, и революционной активностью широких масс[19].

Л. Савельев в своей книге «Молодежь восточных колоний» отвел корейскому антияпонскому восстанию 1919 г. специальный параграф «Расстрелянная революция», в котором сравнивал это народное движение с русской революцией 1905 г.[20]

Наиболее глубокое описание восстания 1919 г. содержится в одной из первых обстоятельных книг монографического характера о Корее — «Корея под гнетом японского империализма» Н. Кима. Живым, увлекательным языком автор излагал обстановку в стране до восстания, показывая, насколько глубоко было негодование различных классов корейского общества против японского господства. Автор выявлял эволюцию антияпонского сопротивления: от мирного петиционного движения, которое возглавляла патриотически настроенная буржуазия, до массо-

вого вооруженного восстания, охватившего всю страну и жестоко подавленного японским империализмом.

Вряд ли можно согласиться с выводом Н. Кима о том, что восстание 1919 г.— «узконациональное антияпонское движение», возглавляемое корейской буржуазией[21]. Это движение, антиимпериалистическое по своему существу, вызывало сочувствие и живой отклик в Советской России и в революционных кругах стран Дальнего Востока. Поэтому оно уже никак не было «узконациональным».

Н. Ким особо останавливался на роли национальной религии в борьбе корейского народа против иноземного гнета. Он выделял значение секты Чхондогё в восстании 1919 г. и правильно пояснял, почему эта религиозная секта заняла столь значительное место в общественной жизни страны. В условиях военно-полицейского диктата она являлась для широких народных масс своего рода духовной отдушиной, заслоном против политики национальной ассимиляции, насаждаемой колонизаторами. Не случайно ее деятельность, как и у любой патриотической организации, сплачивавшей население в борьбе за свои национальные права, преследовалась колониальными властями. Однако, показывая размах деятельности Чхондогё и ее роль в восстании 1919 г., Н. Ким также не раскрыл полностью неоднородность политических воззрений руководства секты. Часть его, представители буржуазно-помещичьих кругов, пытались противодействовать активной антиколониальной борьбе масс, старались перевести ее на путь петиций.

Большинство советских авторов признавали роль национальной буржуазии в восстании 1919 г., считали это восстание важным этапом в борьбе корейского народа против колониализма, которая не затухала до полного прекращения в 1945 г. зависимости Кореи от Японии.

В статьях и брошюрах, посвященных антияпонскому восстанию 1919 г., как правило, анализировались внешние факторы, оказавшие воздействие на подъем антиколониального движения, в особенности подчеркивалось влияние Октябрьской революции в России на развитие революционной активности масс в Корее.

В работах начала 20-х гг., исследуя исторические уроки национально-освободительного движения 1919 г., Г. Н. Войтинский, В. Д. Виленский-Сибиряков, Н. Ким, А. Ф. Сперанский отмечали крах буржуазно-националистической пропаганды мирного пути антиколониальной борьбы при опоре на США.

Они утверждали, что трудящиеся Кореи осознали необходимость активных революционных действий в союзе с международным пролетариатом, возглавляемым Советским Союзом[22].

Несомненно, что авторы допускали серьезное преувеличение роли корейского пролетариата в освободительном движении. Не отличали они также крупную компрадорскую, соглашательскую буржуазию от национальной, настроенной патриотически. Подобный недостаток знания реальной жизни корейского общества в колониальный период привел к отрицанию ими вообще участия национальной буржуазии в борьбе за независимость после поражения восстания 1919 г. Необходимо отметить, что многие корееведы основывали тогда свои выводы на резолюциях II и III конгрессов Коминтерна по национальному и колониальному вопросам и неправомерно исключали из национально-освободительной борьбы патриотически настроенную часть корейской национальной буржуазии, переоценивая при этом революционный потенциал корейского пролетариата и его способность возглавить движение масс[23].

После поражения восстания 1919 г. борьба за независимость Кореи не прекратилась. Она продолжалась достаточно активно, приняв форму забастовок рабочих, арендных конфликтов крестьян, молодежных антиколониальных выступлений.

Прежде чем перейти к освещению этого периода национально-освободительной борьбы в советской корееведческой литературе 20–30-х гг., остановимся на формах и методах колониальной эксплуатации, которая вызывала решительный протест в различных группах корейского общества. Сразу же после Октябрьской революции на страницах советских журналов начали появляться публикации, в которых описывалось положение в корейской деревне, разоблачались колонизаторские акции японских капиталистов в промышленности. Эти материалы поначалу носили информационный характер[24].

Со второй половины 20-х гг. и, главным образом, в 30-х гг. работы советских корееведов уже отличались большей глубиной анализа, базировались на данных из корейских, японских и западноевропейских источников. Это работы Н. Кима, Чу Чхон Сон'а, Ли Канга, О. В. Плетнера и ряда других исследователей. Советские ученые показали, оперируя статистическим материалом из японских публикаций, официальных сообщений генерал-губернаторства, как в результате хищнической эксплуатации корейской деревни методами полуфеодальными и капиталистическими, крестьянин из арендатора превращался в

безземельного, сельскохозяйственного рабочего, как рост различных форм обложения доводил его до полного обнищания[25].

В исследованиях вышеназванных авторов разоблачалась деятельность Восточно-колонизационного общества, созданного японской буржуазией как орудие закабаления корейского крестьянина методами торгово-ростовщической эксплуатации для захвата их земель; обрисован процесс быстрого расслоения корейской деревни, бегства обезземеленных крестьян из родных селений[26]. Так, Н. Ким, например, показал как правительство микадо щедро субсидировало грабительскую, беззаконную деятельность Восточно-колонизационного общества, капитал которого с 1906 по 1920 гг. удвоился[27].

Строительство железных дорог, имевших в первую очередь военно-стратегическое значение, как описано в работах советских корееведов, проводилось за счет ограбления корейского крестьянина.

Советские авторы, исследуя положение в корейской деревне, в своих выводах указывали на то, что основным вопросом грядущей национально-освободительной революции будет вопрос о земле, о передаче ее крестьянам, а «центральной фигурой революции — крестьянин»[28].

Не меньше внимания советская литература по Корее уделяла положению рабочего класса, формам и методам его эксплуатации колониальными властями, их политике дискриминации корейского рабочего по сравнению с японским. Анализируя эти вопросы, авторы вскрывали особенности формирования корейского пролетариата в условиях господства японского империализма, фактически завладевшего к концу 20-х гг. всей корейской промышленностью, тогда как «туземный» капитал обладал лишь 5 % всей суммы капиталовложений[29].

Концепция, в соответствии с которой советские корееведы давали оценку корейского пролетариата, была высказана в докладе Куусинена 14 августа 1928 г. о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах. «Прежде всего, это повсюду пролетариат первого поколения. Его состав в высшей степени текуч. В его рядах мало квалифицированных рабочих, но много женщин и детей... Пролетариат в колониях трудно поддается организации. Его выступления примитивны и импульсивны»[30].

Одновременно в ряде работ освещалось рабочее движение в Корее, его переход от экономических форм борьбы к политиче-

ским, создание первых рабоче-крестьянских союзов, а также их активность в обстановке полицейского террора японских колонизаторов. Особое внимание уделялось оппортунистическим действиям буржуазных элементов, стремившихся захватить руководство в рабочих организациях. Эти вопросы затронуты в статье Ли Канга[31].

Все крупные события, происходившие в рабочем движении в Корее, в той или иной мере стали предметом изучения советских исследователей. Наряду с анализом особенностей выступлений корейских рабочих против колониализма, в их работах было показано постепенное появление единого фронта национально-освободительной борьбы рабочих совместно с крестьянством и национальной буржуазией.

Советские авторы справедливо отмечали, что антиимпериалистическая борьба корейского пролетариата отнюдь не сразу была связана с чисто политическими требованиями. Однако нарастание политических требований забастовочного движения постепенно привело к сочетанию этих двух форм и, по мнению Ли Канга, рабочее движение изменилось количественно и качественно к концу 20-х гг., после рабочей стачки в Вонсане[32].

Наряду с рабочим движением росла профсоюзная борьба, что получило также достаточное освещение на страницах советской корееведческой литературы. С 1921 г. появились публикации об организации первых профсоюзов, носивших характер объединений по профессиональному признаку[33]. В последующие годы публиковались статьи, посвященные деятельности профсоюзов в условиях полицейского террора, раскрывавшие реформистский характер многих профсоюзов вследствие проникновения в них буржуазных, прояпонских элементов.

При описании рабочего и крестьянского движения советские авторы приводили большой материал о совместной борьбе корейских, китайских и японских рабочих против колониализма, о том, как зарождались и развивались чувства, которые можно именовать пролетарской солидарностью, интернациональной сплоченностью трудящихся Дальнего Востока[34]. Нам Ман Чхун, например, писал: «Корейское национально-освободительное движение развивается в тесной увязке с рабочим и крестьянским движением Японии, Китая, Индии и мировым движением пролетариев в Европе и Азии». Этот же автор приводил факты понимания корейскими трудящимися исторического значения Октябрьской революции. По его све-

дениям, в день годовщины Октября, 10 социалистических организаций Сеула пытались устроить открытые митинги, но последние были разогнаны полицией[35].

Х. Эйдус также отмечал рост солидарности корейских и японских рабочих в период революционных выступлений в июне 1926 г.[36]

Мы можем упрекнуть вышеупомянутых авторов в некотором преувеличении степени зрелости пролетарской солидарности. Однако, при этом в работах 20–30-х гг. встречаются и указания на трудности установления дружественных контактов между японскими и корейскими рабочими, так как колониальные власти всячески пытались разжигать между ними рознь[37].

Много внимания советские ученые уделили молодежному движению в Корее: его истории — от возникновения в конце XIX в. и до создания первых комсомольских ячеек в 20-х гг. XX в. Достаточно подробно они описывали формирование идейных воззрений молодежи; показывали высвобождение ее из-под влияния американских миссионеров, а также религиозно-националистической организации Чхондогё и переход на позиции революционной борьбы[38].

Среди первых и наиболее крупных работ на эту тему следует отметить книгу С. Далина «Молодежь в революционном движении в Корее»[39], в которой дана периодизация этого движения и выявлены два основных течения среди корейского юношества: «культурное», т. е. оппортунистическое, связанное с колониальными властями, проводившими после восстания 1919 г. верхушечные реформы в области культуры, и «революционное», возглавляемое созданным в 1920 г. Объединением комсомольских молодежных кружков.

Автор обращает внимание читателя на трудности, которые сопутствовали деятельности прогрессивных организаций, первых комсомольских ячеек. Японские колонизаторы через школы, прессу проводили насильственную ассимиляторскую политику, которая, как известно, была обречена на провал.

Советские корееведы собрали большой фактический материал о революционной антиимпериалистической борьбе корейской молодежи, особенно активизировавшейся в период развязывания Японией войны против Китая[40].

Они стремились доказать, что борьба трудового народа Кореи против колониализма протекала при поддержке мирового коммунистического, профсоюзного и комсомольского движения.

Как уже отмечалось выше, положение в Корее находилось в поле зрения конгрессов Коминтерна, Профинтерна, съездов Интернационала молодежи, что нашло отражение в их резолюциях.

В работах по Корее 20–30-х гг. приводятся многочисленные примеры поддержки трудящимися Советского Союза антиколониальной борьбы в соседнем государстве. Так, Нам Ман Чхун писал: «В апреле нынешнего года (1925.— *Г. Т.*) Владивостокская организация МОПР взяла шефство над Сеульской тюрьмой. Сообщение это в Корее было встречено с необыкновенным энтузиазмом, а один коммунист... прибывший во Владивосток, заявил, что такая чуткая и трогательная революционная поддержка русских рабочих и крестьян удесятерит их силы»[41].

Интересные данные об участии корейских делегатов в Тихоокеанском конгрессе профсоюзов, проводимом в Кантоне 1 мая 1927 г., содержатся в книге А. Лозовского, специально посвященной этому форуму. По его сведениям, на конференции была разработана программа из десяти экономических требований, которые должны были претворить в жизнь рабочие Японии, Китая, Индии, Кореи[42].

Японские империалисты в начале 30-х гг. вторглись в Китай и вынашивали планы развязывания в дальнейшем большой войны против Советского Союза. О грозившей с их стороны военной опасности еще в 1923 г. писал известный ученый-востоковед Д. М. Позднеев в статье «Вопрос о Цзяньдао (Канто) в связи с японо-корейскими отношениями». На основе исторических фактов он доказывал, что Япония издавна стремилась укрепиться на севере Кореи с целью проникнуть в Маньчжурию, а затем на русскую территорию[43].

В многочисленных статьях, опубликованных с начала 30-х гг., разоблачалось стремление японских империалистов превратить Корею в источник сырья и плацдарм для расширения экспансии на азиатском материке, раскрывались основные пружины механизма колониальной системы, созданной японскими милитаристами в годы агрессии в Китае и подготовки войны против СССР. Авторы этих работ показали усиление эксплуатации корейского сельского хозяйства, подчинение промышленности военным нуждам, активизацию деятельности там японских концернов, строительство военно-стратегических дорог в Северной Корее на границе СССР, а также идеологическую обработку колонизаторами корей-

ского населения. В статьях и книгах говорилось и о предательской роли крупной корейской буржуазии, поддерживавшей японскую агрессию[44].

Особый интерес в этом отношении представляет статья А. А. Сольца, написанная по горячим следам событий на Дальнем Востоке, в которой предсказан крах колониальной системы японского империализма. Важные сведения приводил автор и о партизанском движении корейцев в Маньчжурии, справедливо рассматривая его как часть национально-освободительной борьбы корейского народа, и одновременно — движения в Китае за независимость, против угнетения империалистическими державами. Он писал: «Корейские крестьяне Маньчжурии — один из отрядов революционного движения в Китае»[45].

Вооруженная антияпонская борьба корейцев в самой Корее и в Манчжурии — одна из тем, к которым чаще всего обращались советские корееведы 1930-х гг. В работах того времени можно было неоднократно встретить упоминания о Корейской народно-революционной армии, о боях корейских партизанских отрядов с японскими карателями, об участии корейцев в деятельности частей Народно-освободительной армии Китая. Наибольший интерес до настоящего времени вызывает опубликованная в 1937 г. статья В. Раппопорта «Партизанское движение в районах Северной Кореи», содержащая обширный конкретный материал. Среди многих партизанских отрядов автор выделил тот, которым командовал Ким-Ни-Чэн. Этот отряд в составе свыше 300 бойцов отличался храбростью, продуманностью и четкостью своих действий, ему поручались самые рискованные операции. Есть некоторые основания предполагать, что «Ким-Ни-Чэн» — один из партизанских псевдонимов Ким Ир Сена[46].

Как уже отмечалось выше, работы 30-х гг. раскрывали целостную картину планов японского империализма по подготовке войны против СССР в период агрессии в Китае и их стремления усилить колониально-ассимиляторские акции в Корее, сопротивления им корейского народа.

Наряду с остро актуальными проблемами положения в современной им Корее, внимание советских авторов было обращено и на его историческое прошлое. В меру своих сил и возможностей они пытались восстановить истинную картину прошлого Кореи, которое извращалось в работах японских историков. Однако русское востоковедение не обладало еще достаточным наличием подлинно научных исследований по

различным этапам и проблемам исторического развития соседней страны.

Подобная мысль была высказана еще в 1920 г. Известный ученый-китаевед, профессор В. М. Алексеев, характеризуя корейские фонды Азиатского музея, в 1920 г. отмечал: «Сборный характер коллекций описываемого фонда состоит в тесной и неизменной связи с хроническим отсутствием (до 1917 г.— *Г. Т.*) научного корееведения»[47]. Утверждение весьма спорное, хотя, впрочем, понятное, поскольку исходило от представителя более развитой, чем корееведение, отрасли востоковедной науки. В. М. Алексеев, конечно же, не прав, отрицая наличие в России научного корееведения. Возможно, он имел в виду недостаточную изученность истории Кореи, преобладание публикаций по современным ее проблемам, к чему академическая элита всегда относилась несколько свысока. Действительно, в дореволюционной литературе о Корее история занимала скромное место, основное внимание уделялось наиболее жгучим проблемам того времени, когда писались книги и статьи. Ставить под сомнение их научную значимость было бы несправедливо. Как мы пытались показать, многие такие труды не утратили свою ценность до сих пор. В послереволюционный период интерес к современности усилился в связи с задачами внешней политики СССР и с той ролью, которая отводилась корееведению в поддержке национально-освободительной борьбы корейского народа.

Несмотря на преимущественно пропагандистскую, остроактуальную направленность советского корееведения 20–30-х гг., все же в эти годы были сделаны некоторые шаги по пути научного исследования исторического прошлого Кореи. Преодолевая серьезные трудности (в частности, отсутствие квалифицированных кадров историков-корееведов), в СССР с середины 20-х гг. приступили к изданию дипломатических и других документов, хранившихся в русских архивах[48].

Публикация этих ценнейших источников по внешнеполитической истории царской России, о месте Кореи в системе международных отношений на Дальнем Востоке с 80-х гг. XIX в., а также о внутренних событиях в этой стране, в первую очередь, преследовала цель раскрыть истинную позицию российского правительства в отношении соседнего государства. Эти документы наглядно доказывали, что вследствие своей военной и экономической слабости, удаленности дальневосточных границ, царская Россия была заинтересована в сохранении незави-

симости Кореи и не стремилась к территориальному расширению за ее счет.

С другой стороны, изданные тогда материалы русских архивов могут и сегодня служить опровержением фальсификации российской внешней политики в японской, западноевропейской и американской литературе, изображавшей Россию единственной угрозой независимому существованию корейского государства и маскировавшей таким образом империалистические, колонизаторские цели политики в Корее и на всем Дальнем Востоке Японии, США, западноевропейских держав.

Наряду с изданием документов о Корее из государственных архивов, с середины 20-х гг. отдельные актуальные проблемы истории Кореи рассматривались также в некоторых книгах, брошюрах и статьях по общим вопросам. При этом внимание авторов обращалось в первую очередь на освободительную борьбу корейского народа в прошлые века.

Наиболее обстоятельным для того времени историческим исследованием представляется «Исторический обзор» в книге Н. Кима «Корея под гнетом японского империализма». Изложение истории этой страны он начинал с легенды о возникновении корейского государства, описывал государственное устройство и структуру феодального общества в средние века, рассказывал о культурном, социальном, экономическом развитии Кореи и особо останавливался на войнах за независимость, которые пришлось вести корейскому народу против монгольских ханов, японских самураев, маньчжурских завоевателей. Н. Ким показал, как силами крестьян, ремесленников — простых тружеников страна поднималась из руин, постепенно восстанавливалась после опустошительных вражеских нашествий. Одновременно он затрагивал и историю религии, ее значение в общественно-политической жизни Кореи, рассказывал о смене буддизма в XIV в. конфуцианством, которое правящие классы использовали для укрепления своей власти.

В книге Н. Кима достоверно представлена политика Японии, стремившейся утвердить свое господство в Корее в политической, экономической и военно-стратегической областях после заключения в 1876 г. дипломатического и торгового договора, положение трудового люда Кореи в конце XIX в., губительные последствия вторжения иноземного капитала, подорвавшего традиционные экономические связи, показан широкий размах

народного недовольства, приведший к общекорейскому народному восстанию 1894 г., которое было направлено против феодального гнета и колонизаторских действий капиталистических держав, прежде всего Японии.

Автор остановился также на зарождавшемся в Корее реформаторском, просветительском освободительном движении и справедливо отметил, что прогрессивные силы страны, понимавшие необходимость преобразований, были еще слишком слабы, чтобы добиться претворения в жизнь своих замыслов[49]. Говоря о положительных сторонах книги Н. Кима, необходимо вместе с тем сказать, что в ней отразились общие слабости советской исторической науки того времени (схематизм, идеологическая заданность, прямолинейность суждений и т. д.).

С начала 30-х гг. в советском корееведении стали появляться исследования по отдельным важным вопросам истории Кореи, которые имели серьезное значение для понимания современного положения страны. Среди них следует назвать историю японской агрессии в Корее и роль национальной религии тонхак в период общекорейского антифеодального и национально-освободительного восстания 1894 г. о чем, к примеру, написал Чхве Сон У. Он вскрыл различие между руководством секты тонхак, стремившимся воспрепятствовать развитию вооруженного народного движения и рядовыми ее членами. Чхве Сон У справедливо усматривал в этом перерождение лидеров тонхак — религии, возникшей как выражение протеста различных социальных групп против феодального гнета и иноземного проникновения. Автор приводил многочисленные документы повстанческого движения — яркое свидетельство демократических требований его участников. Чхве Сон У рассматривал также деятельность секты после поражения восстания и создание в годы японского протектората на основе тонхак новой секты — Чхондогё. Учитывая особенности развития освободительной борьбы в колониальном обществе, он утверждал, что в подобных исторических условиях проповедовавшая национальную религию секта «может сыграть немаловажную роль в национально-освободительном движении Кореи»[50].

В обстоятельной статье М. Зейский разоблачал заявление министра Японии о якобы мирной миссии его правительства в Корее и в связи с этим освещал политику Японии в период японо-китайской (1894–1895) и русско-японской (1904–1905) войн[51].

В. Перлин писал о японском нашествии на Корею в конце XVI в., подробно проанализировав политико-экономическое положение корейского феодального общества того времени. Он утверждал, что правители Японии намеревались использовать эту страну как трамплин для последующего завоевания Китая.

В середине 30-х гг. в Советском Союзе выходили труды по истории международных отношений на Дальнем Востоке, в которых затрагивались взаимоотношения Японии, Кореи, Китая. Интерес к этой проблеме был вызван происходившим в то время ростом империалистических противоречий, обострением обстановки на Дальнем Востоке в связи с вторжением японских империалистов в Китай и подготовкой ими «большой» войны против СССР. Статьи и разделы о Корее в общих работах по истории международных отношений на Дальнем Востоке отражали возросший несколько уровень исторической науки в СССР, чему способствовало издание дипломатических документов из русских архивов. Так, в книге «Япония и международное право» Е. А. Коровина исследовалась правовая сторона договоров, заключенных Японией с Кореей в 1876–1910 гг. Автор доказывал, что Япония планомерно намеревалась превратить Корею в свою колонию, и развенчивал «лживость ее договорных обязательств, в которых на протяжении 35 лет (с 1876 г.) семь раз в торжественных международных документах выражалось стремление к укреплению независимости и суверенности корейского государства». Но «при первом удобном случае (Япония.— *Г. Т.*) аннексировала и превратила... (Корею.— *Г. Т.*) в обычного типа японскую колонию»[52].

Как уже говорилось в предшествующей главе, в дореволюционной России много и плодотворно трудился в области изучения Кореи Николай Васильевич Кюнер. Особая роль в российском корееведении и после Октябрьской революции принадлежала этому крупному ученому, блестящему знатоку истории, культуры, этнографии, языков стран Дальнего Востока. В 1925 г. он переехал из Владивостока в Ленинград, где преподавал историю стран Дальнего Востока на Восточном факультете Ленинградского университета и вел научно-исследовательскую работу в Институте этнографии Академии наук СССР, с 1931 г. готовил аспирантов по Корее, Китаю, Японии.

В первые годы после Октябрьской революции, еще будучи профессором Восточного института во Владивостоке, он издал брошюру с анализом преподавания истории Китая, Японии, Кореи, Монголии, Тибета в этом учебном заведении в 1899–

1919 гг. и опубликовал статью о деятельности японского ученого-этнографа и антрополога по странам Дальнего Востока Тории Рюдзо[53].

Кроме проблем древней, средневековой и новой истории Кореи, Н. В. Кюнер уделял много внимания изучению культуры и этнографии Кореи, а также продолжал начатую еще до 1917 г. работу справочно-библиографического характера, составление разного рода указателей по этим темам. Среди них следует отметить материалы по библиографии для путеводителя по истории стран Дальнего Востока (1930 г.), библиографии корейской литературы о народах Севера, библиографии Кореи на русском языке (1935)[54].

В конце 20-х и в 30-х гг. Н. В. Кюнер активно сотрудничал с Большой Советской Энциклопедией, для которой им был написан ряд статей о Корее, в том числе: «Корейцы» (1929), «Исторический очерк» (1935).

О широте научных интересов этого замечательного ученого свидетельствуют материалы Архива Ленинградской части Института этнографии Академии наук СССР, где хранятся многочисленные рукописи и картотеки его неопубликованных трудов. Среди них: «Корея во второй половине XVIII в.» (1938), «Корея в средние века» (1938–1939), «История Кореи с IV по XI века» (1939).

Во второй половине 20-х гг. (точная дата не установлена — примерно 1925 г.) им была начата «История Кореи с древнейших времен до середины XIX в.», рукопись которой также находится в Ленинградском архиве. Работа написана им на основе тщательного изучения оригинальных корейских источников.

Автор подробно останавливался на истории трех раннефеодальных государств: Когурё, Пэкче, Силла (III–X вв.), показывал распространение корейской культуры в Японии, рассказывал о тягчайших бедствиях, нанесенных стране вторжением орд монгольских ханов в XIII в. и т. д.

Н. В. Кюнер подробно анализировал смену буддизма, господствовавшего до конца XIV в. в религиозной системе феодального корейского общества, конфуцианством. Он объяснял это явление социально-экономическими причинами: хозяйственной разрухой в стране, ростом народного недовольства. Правящие верхи — новая королевская династия Ли, по его мнению, использовала этико-политическое учение китайского философа Конфуция для отвлечения масс от тяжелой, беспро-

светной жизни. Особое внимание автор уделял японо-корейской войне конца XVI в., трактуя это событие, как столкновение между Японией и Китаем за Корею. Останавливался он также на вопросе о влиянии китайской культуры на Корею, показав ее слепое восприятие феодальными кругами корейского общества.

В архиве ученого хранятся также различные, небольшие по объему, статьи, написанные в 20–30-х гг., среди них: «К истории изучения Кореи и Тибета в России», «О корейцах Дальнего Востока», заметки для энциклопедических изданий.

Находясь в г. Алма-Ате в годы Великой Отечественной войны, Н. В. Кюнер не прекращал напряженной научной деятельности по изучению истории Кореи. Он выступал с докладами, в которых призывал востоковедную общественность исследовать фонд корейских письменных памятников, поступивших в Алма-Ату из Владивостока. Эти мысли он высказал, в частности, 18 февраля 1944 г. в докладе «Корейские материалы Пушкинской библиотеки г. Алма-Ата», прочитанном в Институте языка и мышления АН СССР, Он рекомендовал обратить особое внимание на выдающееся произведение корейской феодальной историографии, энциклопедию «Чынбо мунхонпиго» («Дополненная энциклопедия»), составленную группой ученых во главе с Хон Бонханом и изданную в 1770 г. «Чынбо мунхон пиго» периодически дополнялась и переиздавалась вплоть до 1908 г., представляя собой обширный свод знаний по многим отраслям жизни и развития корейского общества.

Созданию научных исследований, основанных на изучении памятников национальной культуры, Н. В. Кюнер придавал особенно важное значение, так как более трех десятилетий японские колонизаторы пытались ассимилировать корейцев, лишить их собственной культуры. В докладе «Старая и новая Корея», который он сделал 8 августа того же 1944 г. в Государственной библиотеке им. А. С. Пушкина в Алма-Ате, он выдвинул задачу изучения культуры современной и старой Кореи.

В тяжкие годы военного времени ученый выполнил сложную, трудоемкую работу по описанию корейского фонда библиотеки им. А. С. Пушкина в г. Алма-Ате. Тогда же он приступил к переводу корейской энциклопедии «Чынбо мунхон пиго». Отдельные разделы памятника в его переводе хранятся в Архиве: это разделы о генеалогии царствующих домов, о церемониях, о пожаловании чинов и разжаловании провинившихся чиновников.

Заканчивая краткий обзор советского корееведения в 1920–30-х гг., необходимо отметить, что в тот период в нем еще не выделились основные самостоятельные направления. Оно развивалось как общее страноведение с политико-экономическим уклоном.

Отсутствие непосредственных контактов между СССР и колониальной Кореей, несомненно, затрудняло поступление оттуда серьезных источников, вносило трудности в формирование специалистов по этой стране. Однако, несмотря на все это, после Октябрьской революции появилось много работ по Корее — статей, брошюр и книг, в которых советские авторы исходили из национальной политики Коммунистической партии и Советского государства. Естественно, что все они так или иначе несли на себе отпечаток своего времени, воплощали не только его достоинства (ненависть к поработителям, искреннее желание помочь угнетенным), но и недостатки (чрезмерный радикализм суждений, переоценка применимости к Корее советского революционного опыта, пренебрежительное отношение к отрядам национально-освободительного движения, не руководимым коммунистами, неоправданная ориентация на социалистические задачи и т. д.). Но при всем том, написанные по свежим следам событий, пронизанные сочувствием и солидарностью с соседним народом, стремлением содействовать ему в освобождении от ига колониального рабства, работы 1920–1930-х гг. в целом правильно оценивали обстановку в Корее, знакомили советскую и мировую общественность с условиями жизни и борьбы за независимость корейского народа, поддерживали патриотические силы Кореи в их сопротивлении колонизаторам. Основанные на многочисленных материалах, по большей части уже недоступных исследователям, они и в наше время не утратили научную ценность.

[1] Коммунистический Интернационал. 1919, № 7–8, с. 1171–1176.

[2] Бюллетень Дальневосточного секретариата Коминтерна, 1921, № 7, с. 2–4.

[3] Там же, с. 1.

[4] Международная юношеская корреспонденция, 1922, № 14, с. 13.

[5] Народы Дальнего Востока, 1921, № 3, с. 369–376.

[6] Международная юношеская корреспонденция, 1922, № 14, с. 17–19.

[7] Бюллетень Д. В. секретариата Коминтерна, 1921, № 4, с. 7.

[8] Виленский-Сибиряков В. Д. В когтях японского империализма (Борьба корейского народа за независимость). М., 1919; его же, раздел в книге «Японский империализм». М., 1925; Эйдус Х. Очерки рабочего движения в странах Востока. М., 1922, глава «Китай и Корея»; Нам Ман Чхун. Угнетенная Корея (Корея под гнетом японского империализма). М., 1925; Ширман Г. Корея (исторический и политико-экономический очерк). М., 1923; Каспарова В. Женщина Востока. М., 1925; Савельев Л. Молодежь восточных колоний. М., 1925; Далин С. Молодежь в революционном движении в Корее. М., 1924; Лозовский А. Тихоокеанская конференция профсоюзов. М.— Л., 1927; Ким Н. Под гнетом японского империализма. Очерк современной Кореи. Владивосток. 1926; Попов А. Д. Япония, глава «Рабочее движение в Корее». М., 1925; Гастов Г. Япония, раздел «Корея», М.— Л., 1928 и др.

[9] Лукьянова М. И. Корея под пятой японского империализма.— Красный Интернационал профсоюзов. 1929, № 8. Чу Чхон Сон (Тю-Чен-Сон). К характеристике социально-экономических отношений современной Кореи.— Революционный Восток, 1929, № 6, с. 90.

[10] Вилинский-Сибиряков В. Д. Ук. Соч., с. 3.

[11] Там же, с. 14.

[12] Вестник НКИД, 1920, № 8, с. 9.

[13] Коммунистический Интернационал, 1920, № 12–13, с. 25.

[14] Народы Дальнего Востока, 1921, № 5, с. 619.

[15] Бюллетень Дальневосточного секретариата Коминтерна, 1921, № 2, с. 12.

[16] Новый Восток, 1923, № 3, с. 122.

[17] Бюллетень Дальневосточного секретариата Коминтерна, 1921, № 2, с. 14–15.

[18] Далин С. Молодежь в революционном движении в Корее. М., 1924; Нам Ман Чхун. Угнетенная Корея. М., 1925; Савельев Л. Молодежь восточных колоний. М., 1926; Ким Н. Под гнетом японского империализма. Владивосток, 1926 и др.

[19] Далин С. Указ. соч., с. 31.

[20] Савельев Л. Указ. соч., с. 16.

[21] Ким Н. Указ. соч., с. 128.

[22] Войтинский Г. Н. К десятилетию мартовских событий в Корее.— Революционный Восток, 1929, № 7, с. 37–43; Ким Н. Указ. соч., с. 127–128; Виленский-Сибиряков В. Д. Указ. соч., с. 139; Сперанский А. Ф. Национальное движение в Корее.— Новый Восток, 1923, № 3.

[23] К предстоящему корейскому съезду.— Бюллетень Дальневосточного секретариата Коминтерна, 1921, № 5, с 7; Л. Кауфман. Японский империализм и Корея.— Новый Восток, 1924, № 5, с. 88; Вопросы труда. М., 1923, № 10–11, с. 131–133; 1924, с. 32; Крестьянский интернационал 1925, № 3–9.

[24] Ким Н. Под гнетом японского империализма. Владивосток, 1926; Его же. Японский капитализм в сельском хозяйстве Кореи.— Новый Восток, 1930, № 29, с. 37–60; Чу Чхон Сон (Тю-Чен-Сон). К характеристике социально-экономических отношений в современной Корее.— Революционный Восток, 1929, № 6, с. 78–94; Ли Канг. Политика японского империализма в области аграрных отношений в Корее.— Материалы по национально-колониальным проблемам, 1933, № 3, с. 58–72; Его же. Крестьянское движение в Корее.— Материалы по национально-колониальным проблемам, 1933, № 5–6, с. 33–62; Плетнер О. В. К аграрному вопросу в Корее.— На аграрном фронте, 1926, № 1, с. 124–138 и др.

[25] Ким Н. Под гнетом японского империализма, с. 52–55; Ли Канг. Аграрный кризис в Корее.— Материалы по национально-колониальным проблемам, 1933, № 2, 3, с. 58, 62, 72; Чу Чхон Сон (Тю-Чен-Сон). К характеристике социально-экономических отношений современной Кореи.— Революционный Восток, 1929, № 6, с. 78; Плетнер О. В. К аграрному вопросу в Корее.— На аграрном фронте, 1926, № 1, с. 124–138; Дембо Л. И. Земельный строй Востока, 1927, № 1.

[26] Ким Н. Указ. соч., с. 52–53.

[27] Там же.

[28] Ли Канг. Рабочее движение в Корее.— Материалы по национально-колониальным проблемам. 1933, № 7, с. 43; Ассагири (М. И. Лукьянова). Корея под пятой японского империализма.— Красный интернационал профсоюзов, 1929, № 8, 9, с. 644–545.

[29] Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 4, М.— Л., 1929, с. 23. В работе «О корейском коммунистическом движении» О. В. Куусинен писал о необходимости в период революционного движения в Корее правильно сочетать «пролетарскую классовую политику с национально-освободительной борьбой.— Революционный Восток, 1931, № 11–12, с. 101.

[30] Бюллетень Дальневосточного секретариата Коминтерна, 1929, № 2, с. 15; Корея. Положение рабочего класса.— Красный интернационал профсоюзов, 1921, № 10, с. 493.

[31] Ли Канг. Рабочее движение в Корее, с. 68–69.

[32] Нам Ман Чхун. Угнетенная Корея, М., 1925, с. 14; Ли Канг. Рабочее движение в Корее, с. 32, 43.

[33] Нам Ман Чхун. Указ. соч., с. 24.

[34] Эйдус Х. Рабоче-крестьянское движение в Корее.— Красный интернационал профсоюзов, 1927, № 1, 82.

[35] Нам Ман Чхун. Угнетенная Корея. М., 1925, с. 10, 24.

[36] Эйдус Х. Указ. соч., с. 92.

[37] Нам Ман Чхун. Указ. соч.

[38] Далин С. Молодежь в революционном движении в Корее, с. 92; Савельев Л. Молодежь восточных колоний, с. 23–31; Ассагири. Новый

подъем национально-освободительного движения в Корее.— Международное рабочее движение, 1930, № 8, с. 24; Положение и борьба трудящейся молодежи в Корее.— Материалы по национально-колониальным проблемам, 1934, № 3, с. 68–79; Корейская молодежь в борьбе против японского империализма.— Международное рабочее движение, 1932, № 5, с. 9; Корея. Процесс 500.— Интернациональная молодежь, 1932, № 5, с. 46.

[39] Далин С. Указ. соч.

[40] Замятин Н. Корея — как плацдарм японской экспансии на азиатском материке.— Война и революция, 1926, № 4, с. 131; Лий. Против войны и национального гнета.— Интернационал молодежи, 1931, № 12, с. 24; Серебряков В. Кризис и революционное движение в Корее.— Материалы по национально-колониальным проблемам, 1934, № 3, с. 53–68; Ли Канг. Корея как плацдарм подготовки войны.— Материалы по национально-колониальным проблемам, 1934, № 6, с. 23–42; Сольц И. А. Революционное движение в Корее и оккупация Манчжурии. В кн. Манчжурия и борьба империалистов, 1932, с. 87–91.

[41] Нам Ман Чхун. Указ. соч., 22.

[42] Лозовский А. Тихоокеанская конференция профсоюзов. М.— Л., 1927, с. 13–26.

[43] Позднеев Д. М. Вопрос о Цзяньдао (Канто) в связи с японо-корейскими отношениями.— Военная мысль и революция. 1923, № 6, с. 46–62.

[44] Ким Н. Указ. соч.; Эйдус Х. Т. Указ. соч.; Лукьянова М. Н. Указ. соч. и др.

[45] Сольц И. А. Революционное движение в Корее и оккупация Манчжурии.— В кн. Маньчжурия и борьба империалистов. 1932, с. 87–91.

[46] Раппопорт В. Партизанское движение в районах Северной Кореи — Тихий океан, 1937, № 2, с. 161–174.

[47] Алексеев В. М. Китайские и корейские фонды Азиатского музея.— В кн. Азиатский музей Российской АН. Краткая памятка, 1920, с. 62.

[48] Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927; Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. М., 1925; Из эпохи японо-китайской войны.— Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51); Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства 1878–1917 гг. Серия 2. Т. XIX, ч. 1. М., 1939; Накануне русско-японской войны.— Красный архив. 1934. Т. 2 (63); Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке.— Красный архив. 1932. Т. 3 (52); Царская дипломатия о задачах России на Дальнем Востоке в 1900 г.— Красный архив. 1926. Т. 5 (18).

[49] Ким Н. Под гнетом японского империализма. Очерк современной Кореи. Владивосток, 1926; его же. Корея. М., 1929.

[50] Чхве Сону (Цой Шену). К вопросу об истории и классовой сущности «Чен-до-Гио» («Учение Неба»). (О религиозно-политической секте в Корее).— Революционный Восток, 1930, № 8, с. 101–131; Зейский М. Империалистическая Япония как фактор нарушения мира на Дальнем Востоке.— Аграрные проблемы, 1934, № 7–8, с. 72–78.

[51] Перлин Б. Из истории дальневосточного средневековья (Японо-корейская война XVI века).— Исторический журнал, 1941, № 4, с. 69–76.

[52] Коровин Н. А. Япония и международное право. М., 1936, с. 40–47.

[53] Кюнер Н. В. Дальний Восток и Приамурский край за минувшие 20 лет в связи с развитием деятельности Восточного института. Владивосток, 1920; его же. О научной и исследовательской деятельности Р. Тории.— Восточная студия, 1925, № 10, с. 212–216.

[54] Архив Ленинградской части Института этнографии Академии наук. Фонд 8, опись 1, л. 11.

ЧАСТЬ II

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ КОРЕЕВЕДЕНИЕ:

НАПРАВЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Возрождение и развитие современного российского корееведения

Растущие потребности СССР в корееведении

Освобождение Кореи в августе 1945 г. открыло принципиально новую страницу в истории российско-корейских отношений. В течение 40 лет японского колониального господства они практически отсутствовали. В этот период России и СССР приходилось ограничиваться лишь незначительными по масштабам контактами с японскими властями по вопросам, касавшимся Кореи. СССР поддерживал патриотические силы корейского народа, оказывал разными путями помощь борцам сопротивления. Но его официальные связи с корейской общественностью запрещались колонизаторами. Теперь же, когда японские захватчики были разгромлены и изгнаны, Советскому Союзу, как и другим заинтересованным странам, представилась возможность налаживать отношения непосредственно с самой Кореей.

Сразу же после освобождения Корея заняла важное место в советской внешней политике на дальневосточном ее направлении. Главной своей задачей в СССР считали сделать эту соседнюю страну в полной мере дружественной, не допустить, чтобы она вновь превратилась в плацдарм каких-то враждебных, агрессивных сил. На выполнение этой задачи были нацелены действия советских представителей в Северной Корее, многие предпринимавшиеся там при содействии СССР шаги в политике, экономике и культуре. К тому же Корея вскоре стала одним из объектов начавшейся «холодной» войны, местом ожесточенного прямого противостояния СССР и США, и это еще более повышало ее роль в советской внешней политике после окончания второй мировой войны.

Для конкретного осуществления указанной выше задачи, установления и развития разносторонних отношений с находившейся в зоне советского влияния Северной Кореей нужны

были люди, знавшие Корею, ее язык, историю, культуру, национальные традиции. Растущую потребность в них ощущало советское востоковедение. Между тем, таких специалистов ко времени освобождения Кореи в СССР почти не было. Вот когда сказались последствия жестоких сталинских репрессий середины 1930-х гг., в ходе которых пострадала значительная часть советской интеллигенции, в том числе большинство корейцев — видных партийных работников, ученых, преподавателей, обладавших необходимыми знаниями и опытом.

Острый недостаток квалифицированных специалистов по Корее проявился уже при освобождении этой страны. В войсках 25-й армии и подразделениях Тихоокеанского флота, действовавших на корейской земле, не хватало переводчиков, людей, способных входить в контакты с местным населением. В последующий период советские правительственные ведомства, военное командование и гражданская администрация в Северной Корее испытывали растущую потребность в специалистах разного профиля. Необходимы они были и для помощи властям Северной Кореи, где было очень мало хорошо подготовленных национальных кадров.

В первое время нехватку специалистов по Корее возмещали за счет советских корейцев. Насильственно переселенные в 1937 г. с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию, корейцы находились там под строгим контролем и ограничивались в правах на перемещение по стране, поступлении на учебу в высшие учебные заведения в других районах и т. д. Но, оказавшись в трудном положении с кадрами после освобождения Кореи, правительство СССР вынуждено было направить часть корейцев на преподавательскую работу и работу в советских и корейских учреждениях Северной Кореи. В основном это были учителя, работники местных административных и хозяйственных органов. Всего, по данным посольства СССР в КНДР, за 1945–1948 гг. в Северную Корею было командировано 174 советских гражданина корейской национальности, в 1952 г. там работали 151 советский кореец[1]. Они, безусловно, принесли определенную пользу Северной Корее и отношениям с ней СССР, но их труд не решал проблему нехватки квалифицированных кадров. Срочно нужна была система целенаправленного обучения и воспитания специалистов по Корее.

Подготовка кадров корееведов

Система подготовки в СССР специалистов по Корее в основном сложилась в первые годы после освобождения этой страны. Уже в конце 1945 г. открылось корейское отделение в Московском институте востоковедение (МИВ). Затем корейские отделения были созданы в 1948 г. на Восточном факультете Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета (ЛГУ, СПГУ) и в 1949 г.— на отделении Востока исторического факультета Московского государственного университета (МГУ). В 1954 г. МИВ был объединен с Московским государственным институтом международных отношений Министерства иностранных дел СССР (МГИМО), где с этого времени также начали готовить корееведов. На базе отделения Востока исторического факультета МГУ в 1956 г. был создан Институт стран Азии и Африки при МГУ (ИСАА). Корееведы были также в числе выпускников Военного института иностранных языков, Академии внешней торговли и т. д.

В настоящее время ИСАА при МГУ, Восточный факультет СПГУ и МГИМО МИД РФ являются основными высшими учебными заведениями, где в России готовят специалистов по Корее. Небольшое их количество выходит также из некоторых других высших учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Владивостока, Хабаровска[2].

Как правило, студенты получают необходимую языковую подготовку, изучают историю, географию, экономику, культуру Кореи, приобщаются к ее современным проблемам. Это дает им возможность достойно проявить себя затем в связанных с Кореей различных государственных учреждениях и общественных организациях, в бизнесе, науке, на преподавательской работе и т. д. Кадры высшей квалификации подготавливаются в аспирантуре, имеющейся при каждом университете и институте. Следует отметить, что в последние годы, особенно в связи с активизацией отношений России с Республикой Корея, растет число молодежи, желающей изучать Корею и посвятить ей свою судьбу.

В высших учебных заведениях России знания о Корее дают молодежи видные специалисты своего дела. Среди первых преподавателей выделялись А. А. Холодович, Хан Дык Пон, Хван Юн Дюн, М. Н. Пак, А. М. Пак, И. И. Хван (Хван Дон Мин), В. Т. Зайчиков, В. П. Нихамин. Их усилиями создавались первые учебные пособия и словари. Впоследствии к ним

присоединились их ученики Ю. Н. Мазур, Л. Б. Никольский, В. Н. Дмитриева, Н. П. Семенова, Г. Е. Рачков, Л. В. Зенина, А. В. Торкунов, Т. А. Новикова, И. Л. Касаткина, С. О. Курбанов, В. В. Мокляк и др. В преподавательской работе участвуют также некоторые сотрудники Академии наук, Министерства иностранных дел и других учреждений. Тем самым обеспечивается более тесная связь обучения будущих корееведов с наукой и практикой.

Научные центры корееведения

Как уже отмечалось, многочисленные проблемы, вставшие перед СССР после окончания второй мировой войны в связи с внутренним и международным положением Кореи, необходимостью формирования своих отношений с ней, требовали обширных и глубоких знаний об этой стране, ее прошлом и настоящем. В среде советской общественности увеличивался интерес к различным сторонам жизни соседнего народа, только что избавившегося от колониальной неволи и занявшего заметное место в советской и международной политике. Все это создавало серьезные стимулы для развития науки о Корее, которую после 1945 г. приходилось возрождать заново.

Первым к корейской тематике обратился Тихоокеанский институт Академии наук, действовавший с 1934 г. в Москве. В его стенах проходили научные мероприятия, на которых рассматривались проблемы новейшей истории и современного состояния Кореи. В издававшихся институтом «Ученых записках» публиковали первые статьи о Корее видные ученые того времени — специалисты по Японии и международным отношениям на Дальнем Востоке (Е. М. Жуков, А. Л. Гальперин, А. А. Губер и др.). В этом институте начинали свою научную жизнь в корееведении известные впоследствии ученые Ф. И. Шабшина, Г. Д. Тягай, Г. Ф. Ким.

Созданный еще в 1930 г. и находившийся в Ленинграде Институт востоковедения Академии наук (ИВ РАН) в 1950 г. был переведен в Москву. Тогда же в него влили Тихоокеанский институт и он стал основным научным центром по изучению истории, культуры, современных проблем стран зарубежного Востока, в том числе Кореи. После XX съезда КПСС (1956 г.), поставившего задачи активизации советской политики в Азии, Институт востоковедения значительно расширил сферу своей деятельности и численный состав. Количество ученых,

работавших в этом институте и его Ленинградском отделении, постепенно приблизилось к 1 тыс. человек. Институт востоковедения издает журналы «Восток» (название неоднократно менялось) и «Азия и Африка сегодня» (раньше назывался «Современный Восток»). Институт тесно связан с созданным в 1957 г. Издательством восточной литературы (теперь это издательская фирма «Восточная литература» РАН), которое до настоящего времени является главным центром публикации в России научных трудов о Корее и других странах Востока.

Среди направлений научно-исследовательской деятельности Института востоковедения Корея постоянно занимает важное место. С расширением института увеличилось и количество в нем корееведов. К упоминавшимся выше Ф. И. Шабшиной, Г. Д. Тягай, Г. Ф. Киму, пришедшим из Тихоокеанского института, со временем прибавились и выпускники корейских отделений высших учебных заведений В. И. Иванова, В. И. Шипаев, И. С. Казакевич, Г. В. Грязнов, В. М. Мазуров, Б. В. Синицын, Ю. В. Ванин и др. В 1956 г. в Институте востоковедения был создан сектор Кореи, занявший лидирующие позиции в советском и российском корееведении. В настоящее время основные исследовательские кадры корееведов института сосредоточены в отделе Кореи и Монголии (заведующий Ю. В. Ванин).

В Ленинградском (Санкт-Петербургском) отделении Института востоковедения также имеется небольшая группа корееведов. Между московским и ленинградским отделениями сложилось определенное «разделение труда». Если в первом в основном изучают историю Кореи, современные политические и экономические проблемы Южной и Северной Кореи, российско-корейские отношения, то во втором занимаются, главным образом, древней и средневековой корейской литературой, изданием в переводе на русский язык корейских классических художественных произведений. Благодаря усилиям ленинградских ученых в России знакомы с творчеством ряда крупнейших в прошлом писателей и поэтов Кореи, с ее классическим национальным наследием.

Таким образом, Институт востоковедения Академии наук — старейший центр современного российского корееведения. На его долю приходится самая большая часть трудов о Корее, опубликованных за минувшие полвека в Советском Союзе и России. И сейчас он продолжает оказывать существенное влияние на развитие корееведения в России, пользуется авторитетом в мировой науке.

В 1966 г. в Москве было открыто еще одно востоковедное научное учреждение — Институт Дальнего Востока Академии наук (ИДВ РАН). Тогда еще продолжалась советско-китайская конфронтация и институт предназначался главным образом для более углубленного изучения проблем Китая и содействия в выработке связанной с ним политики СССР. С тех пор его задачи основательно расширились, объектом исследований стала вся Восточная Азия, хотя китайское направление преобладает. В 1992 г. в Институте Дальнего Востока создан Центр корейских исследований (руководитель А. З. Жебин). Несмотря на сравнительную молодость, этот центр уже активно себя проявил. Им установлены связи с корееведческими учреждениями других стран (прежде всего Республики Корея), проведен ряд международных, общероссийских и московских научных мероприятий. Сотрудники Корейского центра пока не занимаются историей Кореи, целиком сосредоточившись на современных социально-политических проблемах Севера и Юга, различных аспектах борьбы за мирное объединение Кореи.

Помимо двух названных выше институтов, которые по праву считаются сейчас главными в российском корееведении, проблемами Кореи в той или иной мере занимаются и некоторые другие научные учреждения Академии наук — Институт международных экономических и политических исследований (бывший Институт экономики мировой социалистической системы), Институт мировой экономики и международных отношений, Институт этнологии и антропологии, Институт мировой литературы и др. В Институте военной истории Министерства обороны РФ разрабатывается тематика, соответствующая его профилю.

Наряду с научными учреждениями корееведение развивается также в высших учебных заведениях, о которых говорилось ранее. В ИСАА при МГУ с 1991 г. работает Международный центр корееведения (руководитель М. Н. Пак). Там проводятся научные конференции, готовятся аспиранты по истории и современным проблемам Кореи, оказывается содействие изданию научных трудов о Корее. В последние годы публикуются переводы на русский язык произведений корейской художественной литературы. На базе Санкт-Петербургского государственного университета в 1995 г. создан Центр корейского языка и литературы, при котором существует постоянно действующий семинар для ученых, аспирантов и студентов (руководитель С. О. Курбанов). В системе Министерства ино-

странных дел РФ, кроме МГИМО, корейскими проблемами занимаются также в Дипломатической академии, где имеется Центр азиатско-тихоокеанских исследований (руководитель В. Ф. Ли).

Если первое время после освобождения Кореи научные изыскания по ее истории и современным проблемам велись в основном только в Москве и Ленинграде, то затем «география» корееведения в России расширилась. Теперь наукой о Корее занимаются также в Иркутске (Иркутский государственный педагогический университет), Новосибирске (Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской Академии наук), Владивостоке (Институт истории, археологии и этнологии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук, Центр корееведческих исследований при ДВГУ) и некоторых других городах.

Крупнейшие библиотеки и хранилища архивных материалов по Корее

Исследовательская деятельность ученых в различных сферах гуманитарной науки во многом определяется имеющимся в данной стране комплексом необходимых научных источников и литературы. С этой точки зрения у российских корееведов сложились достаточно благоприятные возможности для работы.

Российско-корейские отношения длятся уже более 100 лет. За это время в России накоплено огромное количество книг, журналов, рукописных материалов и газет на русском и иностранных языках, прямо или косвенно относящихся к Корее. Вначале их доставляли российские официальные представительства и частные лица из Кореи и соседних с ней стран, затем многое поступало также в процессе книгообмена между библиотеками. Значительная часть изданий является библиографической редкостью. Корейские фонды, разные по объему и содержанию, входят в состав крупнейших российских библиотек. В Москве это Российская государственная библиотека (бывшая Государственная библиотека СССР имени Ленина), Государственная публичная историческая библиотека России, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы, библиотека Института научной информации по общественным наукам Академии наук (ИНИОН), в Санкт-Петербурге — Рос-

сийская национальная библиотека (бывшая Государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина).

Долгое время, из-за отсутствия отношений между нашими странами, российские библиотеки были лишены возможности получать научную литературу из Республики Корея. Только в 1960-х гг. отдельные издания начали приходить к ним окольными путями, в частности, через Гавайский и другие университеты США. Они, как правило, попадали в фонды «специального хранения», которыми мог воспользоваться далеко не каждый. Но с конца 1980-х — начала 1990-х гг. приток южнокорейской литературы постепенно увеличился и она сейчас составляет крупный раздел главных российских библиотек, что основательно расширило историографическую базу корееведения.

Обратный процесс произошел с северокорейской научной литературой. Многие годы она решительно преобладала в литературе о Корее, поступавшей в российские библиотеки из-за рубежа. Однако в последнее время ее приток практически прекратился. Видимо, сказываются общая политическая и социально-экономическая ситуация в КНДР, которая не могла не отразиться на развитии там общественных наук и книгоиздательского дела, а также ослабление российско-северокорейских связей в научной и культурной сферах. Тем не менее в российских библиотеках (особенно в Российской государственной библиотеке) накоплено большое количество научных трудов, официальных изданий, журналов и газет Северной Кореи (в том числе первых лет после ее освобождения), представляющих несомненный интерес для исследователей по широкому кругу корейских проблем.

Корейские фонды, естественно, более скромные по размерам и содержанию, имеются в каждом из названных выше институтов Академии наук. Особо следует сказать о Ленинградском (Санкт-Петербургском) отделении Института востоковедения. Там хранится большая коллекция старинных рукописей, печатных книг на корейском, китайском, японском языках, собранная разными путями еще в конце XIX — начале XX вв. В нее входят корейские хроники, официальные издания, труды отдельных авторов по истории Кореи и ее взаимоотношений с другими странами, по географии, этнографии, законодательству, религии, литературе и т. д. Наряду с рукописными вариантами таких крупных произведений, как «Самгук саги», «Самгук юса» и др., имеется ряд менее известных, но важных и интересных рукописей и книг[3]. Все

они представляют безусловную ценность для изучающих историю и культуру Кореи.

Говоря о российских библиотеках, нельзя не сказать еще об одной крупной библиотеке бывшего Советского Союза — Национальной исторической публичной библиотеке в Алма-Ате (Казахстан). В ней также имеется корейский фонд, но у него специфическая история формирования. С 1931 г. во Владивостоке работал Корейский педагогический институт, при котором была обширная библиотека. В ней было собрано большое количество поступивших разными путями из Кореи на русский Дальний Восток старинных книг и рукописей, первых корейских газет, журналов и различных сборников, издававшихся патриотическими организациями в конце XIX — начале XX вв. Естественно, что там хранились и корейские издания того периода, выходившие в России. В 1937 г., когда происходила насильственная депортация корейцев с Дальнего Востока, многие из этих уникальных ценностей были утрачены. Уцелевшая часть в конце концов оказалась в Алма-Ате, где и составила основу корейского фонда главной библиотеки республики (прежде она называлась Библиотека Казахской ССР имени Пушкина)[4].

Кроме библиотек со всеми их богатствами книг, рукописей и прессы, есть еще один, может быть, даже более важный источник для научных исследований о Корее — российские архивы. Их в России достаточно много и каждый содержит по-своему ценные, порой уникальные материалы. Архивы и хранящиеся в них документы — самостоятельная большая тема. Об этом опубликован ряд статей в российской и корейской печати[5]. В данной книге мы ограничимся лишь кратким перечнем крупнейших российских архивов.

Самые ранние сведения о Корее в России, о первых контактах между русскими и корейцами, возникавших задолго до установления официальных отношений между двумя нашими странами, можно найти в фондах находящегося в Москве Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

Огромное количество документов о Корее и отношениях с ней России вплоть до 1917 г., о дипломатических контактах России с другими странами по поводу Кореи, позиции России в связи с проблемами внутреннего и международного положения Кореи в конце XIX — начале XX вв., о переселении корейцев на российский Дальний Восток хранится в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ,

Москва), Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург).

История Кореи до и после освобождения, корейская политики СССР во всех ее основных аспектах, отношения СССР с Северной Кореей всесторонне отражены в материалах нескольких архивов. Документы Коминтерна по вопросам корейского рабочего и коммунистического движения 1920–1930-х гг. в самой Корее и за ее пределами, документы КПСС по широкому кругу ее взаимоотношений с Трудовой партией Кореи, многочисленные доклады, обзоры, сообщения советских представителей в Северной Корее, принадлежавшие ранее ЦК КПСС, теперь собраны в Российском государственном архиве социально-политической истории (ГАСПИ, Москва). Самые секретные в недавнем прошлом документы (протоколы заседаний Политбюро ЦК КПСС, записи бесед советского руководства с представителями КНДР и т. д.) содержатся в Архиве Президента РФ.

Дипломатическая история советско-северокорейских отношений, позиция СССР на разных этапах зарождения и существования корейского вопроса, информация о ситуации в Северной Корее и мерах ее властей по многим вопросам экономики, политики, культуры весьма подробно представлены в Архиве внешней политики России МИД РФ (АВПР, Москва). Связанные с Кореей документы правительственных ведомств и общественных организаций России в значительной своей части хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва).

Отдельно следует сказать о военных архивах. Военно-политическое и стратегическое значение Кореи для России в конце XIX — начале XX вв., соответствующая деятельность российских военных ведомств, русско-японская война (1904–1905) и положение на корейском ее участке, поддержка в этот период русских войск корейскими антияпонскими организациями и общая ситуация в Корее освещены в материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва) и Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ, Санкт-Петербург). Участие корейцев (в том числе партизанских отрядов, прибывших из Кореи и Маньчжурии) в гражда́нской войне на русском Дальнем Востоке (1918–1922) обстоятельно показано в материалах Российского государственного военного архива (РГВА, Москва), содержащего документы по истории советских вооруженных сил до 1941 г., т. е. до начала Великой Отечественной войны.

Наибольший интерес у исследователей истории Кореи первых лет после ее освобождения, социально-экономических и политических процессов в Северной Корее этого периода, корейской политики СССР вызывает Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО, г. Подольск Московской области), в котором хранится все, что связано с деятельностью Советских вооруженных сил после 1941 г. В его фондах собраны материалы о боевых действиях советской 25-й армии и Тихоокеанского флота в Корее в августе 1945 г., директивы и распоряжения по корейским делам высшего политического и военного руководства СССР, документы командования советских войск, находившихся в Северной Корее до 1948 г., Управления Советской гражданской администрации в Северной Корее и многое другое. Некоторые сведения о Северной Корее этого периода можно обнаружить также в Центральном архиве Федеральной службы безопасности РФ (ЦАФСБ, Москва), начавшем недавно открывать свои фонды исследователям.

Есть еще один архив, заслуживающий внимания специалистов по новейшей истории Кореи. Это Российский государственный архив кино- и фотодокументов (г. Красногорск Московской области). В нем собрано большое количество фотографий, отражающих Корею колониального периода и северокорейскую действительность на протяжении многих лет после освобождения, а также документальные киносъемки, сделанные при вступлении Советской армии на корейскую землю и в последующее время.

Выше сказано о связанных с Кореей важнейших архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Но такие же (конечно, меньше по объему) есть в крупных городах Сибири и Дальнего Востока — Иркутске, Новосибирске, Томске, Владивостоке. В них преобладают документы о переселении корейцев в пределы России, их положении в разных ее районах и в разные периоды российской и советской истории. Жизнь корейцев после их насильственной депортации в 1937 г. отражена в материалах архивов Казахстана и Средней Азии.

До недавних пор архивные фонды России по большей части были недоступны исследователям. Лишь в последние годы происходит постепенная отмена прежних ограничений, хотя этот процесс еще далек от завершения. Однако и то, что уже сделано, открывает перед корееведами большой простор для новых исследований, углубления знаний по многим актуальным и важным научным проблемам. Можно смело утвер-

ждать, что российские архивы хранят такие бесценные богатства, равные которым трудно найти где-либо еще. Не случайно к ним все активнее обращаются ученые многих стран, в том числе Республики Корея. На основе документов и материалов российских архивов ими публикуются книги и статьи, защищен ряд диссертаций. Интенсивно работают в архивах и российские ученые. Но сделаны пока только первые шаги, российских и зарубежных корееведов ждет еще много нового и интересного в многочисленных архивах России.

Этапы развития современного корееведения в России

Современное корееведение — это наука о Корее, возродившаяся в Советском Союзе после 1945 г. и существующая в России в настоящее время. С тех пор, как Корея была освобождена от японского колониального ига и стала объектом усиленного изучения в мире, в том числе в СССР и России, прошло более полувека. Срок более чем достаточный для того, чтобы наука о Корее во всех ее аспектах прошла большой путь развития. На этом ее пути можно условно выделить несколько качественно различных этапов.

Первый, начальный этап длился с 1945 г., примерно до середины 1950-х гг. Его можно назвать этапом накопления сил и знаний. О Корее преимущественно публиковались тогда статьи и небольшие заметки в научных журналах и общественно-политической прессе. Их авторами по большей части были ученые, занимавшиеся Японией, Китаем, международными отношениями в Азии, а также журналисты, специалисты, работавшие на предприятиях и в учреждениях культуры Северной Кореи, участники освобождения Кореи и др. Но уже пришли в науку и делали первые шаги те, кому было суждено стать основоположниками современного российского корееведения (М. Н. Пак, Ф. И. Шабшина, Г. Д. Тягай, Г. Ф. Ким). Уже в 1947–1948 гг. были защищены первые диссертации по истории Кореи. В последующие годы их число увеличилось. В высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда в аспирантуре готовились будущие корееведы разных специальностей.

Растущий в СССР интерес к Корее при недостатке сведений о ней побудил переиздать книги известных русских писателей и ученых, побывавших в Корее в конце XIX в. В 1947–1949 гг. вышли книги Пржевальского «Путешествие в Уссурийском

крае. 1867–1869 гг.», Гарина-Михайловского «Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову)», Гончарова «Фрегат «Паллада». Очерки путешествия». Они затем издавались еще несколько раз, что подтверждает их большую научную и познавательную ценность. Публиковались также в переводе на русский язык некоторые работы северокорейских ученых. Наиболее значительные из них — «Очерки новой истории Кореи» Ли Чен Вона (1952 г.) и коллективный труд «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа» (1953 г.).

Однако, хотя это был только начальный этап современного корееведения, уже тогда стали появляться крупные научные труды о Корее. Среди них выделялись книги В. Т. Зайчикова «Корея» (издавалась в 1947 и 1951 гг.), Ф. И. Шабшиной «Народное восстание 1919 г. в Корее» (издавалась в 1952 и 1958 гг.), Е. А. Пигулевской «Корейский народ в борьбе за независимость и демократию» (1952 г.), Г. Д. Тягай «Крестьянское восстание в Корее. 1893–1895» (1953 г.) и некоторые другие. Сведения о географии, истории, языке Кореи, раннем периоде ее развития после освобождения впервые были в обобщенном виде изложены в коллективном труде «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1954 г.). Более подробно об этих книгах будет сказано далее, в соответствующих главах.

Второй этап — с середины 1950-х до конца 1980-х гг. Его по праву можно считать этапом зрелости и расцвета советского и российского корееведения. В науку пришли десятки молодых специалистов, получивших необходимую профессиональную подготовку в высших учебных заведениях и аспирантуре. Вместе с ветеранами науки, своими учителями и старшими коллегами, они составили ядро творческих сил, обеспечивших сравнительно быстрый рост корееведения вширь и вглубь. Люди этого поколения и в настоящее время создают основу научного потенциала корееведения. Кадровый состав науки значительно вырос не только количественно, но и качественно. Многие ученые защитили кандидатские диссертации, свыше 20 из них — докторские. Именно на этом этапе заметно расширилась «география» корееведения: новые научные центры возникли в Москве и в некоторых других городах.

Само корееведение в рассматриваемое время разделилось на ряд самостоятельных научных направлений: история, экономика, политика, культура, литература, язык. На каждом из этих направлений работает определенное количество ученых,

как правило, из разных научных центров. В большинстве своем, помимо общей корееведческой подготовки, они имеют более узкую специализацию, что содействовало повышению профессионального уровня исследований. Такая разветвленная структура корееведения сохраняется и сейчас.

Еще одно крупное деление произошло среди специалистов по современным проблемам Кореи. Из них выделились и оформились в отдельные группы те, кто занимается изучением исключительно только Севера или только Юга (экономика, политика, культура и т. д.). Условная граница такого деления — 1959 г., когда была опубликована книга «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.)». Это первое большое по объему комплексное исследование основных проблем развития Юга, выполненное преимущественно учеными Института востоковедения Академии наук. Примерно с этого времени в СССР и России ведется самостоятельное изучение истории и современного состояния Республики Корея, о чем более обстоятельно будет рассказано далее.

Примечательная особенность второго этапа состоит в том, что в охватываемые им годы произошло серьезное изменение в соотношении исследований по Северной и Южной Корее. Если на первых порах (ориентировочно до конца 1960 — начала 1970-х гг.) продолжали количественно преобладать работы по Северу, то затем постепенно наступил явный перевес в пользу Юга. Указанная тенденция привела к тому, что в настоящее время в России редко появляются сколько-нибудь значительные труды по проблемам Северной Кореи.

Отмеченная выше особенность объясняется рядом причин. С одной стороны, Республика Корея привлекает к себе повышенный интерес ученых стремительным экономическим прогрессом, драматическими событиями на пути перехода от авторитаризма к демократии, сложным и противоречивым процессом модернизации общества. Публикуемые там многочисленные официальные издания, обширная литература и разнообразная пресса являются богатейшим источником для научных исследований. С другой стороны, КНДР после 1960-х гг. сначала уменьшила, а затем практически вообще прекратила публикацию данных по основным параметрам своего развития. Неуклонное сокращалось поступление оттуда в СССР научной литературы и прессы, которые к тому же утрачивали необходимые объективность и содержательность. Сложившийся на Севере политический режим, основанный на идеологии чучхе (дослов-

но — «сам хозяин»), его курс во внутренних и международных делах постепенно перестали вызывать к себе заинтересованное внимание ученых. Все это, естественно, не побуждало к активной научной работе по северокорейской тематике.

В связи со сказанным, необходимо указать на одно важное обстоятельство. Исследовательская работа по Югу и Северу проходила в трудных условиях, специфических для каждого из этих двух направлений. Поскольку СССР не признавал Республику Корея и придерживался в отношении к ней преимущественно северокорейских взглядов, в научных трудах нельзя было называть ее самостоятельным государством, употреблять ее официальное наименование, позитивно оценивать какие-то шаги властей, в полной мере показывать достигнутые успехи, особенно после того, как Юг стал обгонять Север по многим параметрам развития. Если Юг можно было изображать преимущественно в критическом плане, то относительно Севера такой подход, напротив, категорически исключался. Любая критика в адрес Пхеньяна считалась вмешательством в его внутренние дела, опасным для и без того непрочных союзнических с ним отношений.

Жесткие цензурные ограничения, продиктованные требованиями политики того времени, привели к определенной «раздвоенности» советского корееведения. В книгах и статьях, предназначенных для широкого круга читателей, в основном критически описывалась ситуация в Южной Корее, хотя одновременно о ней сообщалось и много достоверных сведений. О КНДР, наоборот, не высказывалось никакой критики, излагались лишь ее достижения, которых у нее действительно также было немало. Но наряду с этим возник и достиг больших размеров еще один вид научной деятельности — «закрытые» работы (специальные бюллетени, аналитические записки, справки и даже диссертации), создававшиеся для информирования только партийного и государственного руководства и связанных с Кореей правительственных ведомств. В них содержалась реальная картина того, что происходило на Юге, освещались негативные стороны развития Севера, критически рассматривалась политика СССР в отношении обеих Корей. Одна из распространенных тем — сопоставительная оценка уровней развития Севера и Юга. После издания книги «Корея — Север и Юг» (1965 г.), где все сравнения делались только в пользу Севера, эта тема по понятным причинам исчезла из открытой печати, целиком перейдя в «закрытые» работы.

Еще одна специфическая черта рассматриваемого нами этапа — появление нового вида литературы о Корее. Историография КНДР под воздействием «чучхейской» политики и идеологии перестала даже упоминать об освободительной роли СССР, его огромной помощи в восстановлении и развитии экономики и культуры Северной Кореи, в сохранении ее независимости и суверенитета в годы Корейской войны. Естественно, что это вызывало недовольство в Советском Союзе, особенно у тех, кто имел непосредственное отношение к корейским делам.

Вступать в открытую полемику с историографией КНДР по условиям того времени было нельзя. Но и не замечать нарушений ею исторической правды, продолжать хранить о них молчание тоже не считалось правильным. Тем более, что пропагандистские издания КНДР, не совсем достоверно излагавшие события 1945 г. и последующего времени, распространялись в СССР и во многих странах мира. Им было решено противопоставить серию воспоминаний и статей о том, кто и как на самом деле изгнал японских колонизаторов с корейской земли, в каких формах и масштабах осуществлялась советская помощь Северной Корее и каковы ее результаты, что вообще значило для КНДР сотрудничество с СССР и т. д. Авторами являлись видные военные — участники освобождения Кореи, специалисты, работавшие в северокорейской экономике и культуре, общественные деятели, ученые. Всего было выпущено 4 сборника воспоминаний и статей: «Во имя дружбы с народом Кореи» (1965), «Нерушимая дружба» (1971), «Освобождение Кореи» (1976), «За мир на земле Кореи» (1985). Об их содержании также будет сказано ниже. Здесь же отметим, что эти сборники привлекли к себе внимание в СССР и за рубежом, в той или иной мере они содействовали правдивому освещению важного отрезка корейской истории.

Несмотря на все ограничения и трудности, второй этап оказался наиболее плодотворным в развитии современного советского, российского корееведения. По всем периодам истории Кореи, по актуальным проблемам Севера и Юга и связанных с ними международных отношений, по корейской культуре, литературе и языку опубликованы десятки книг, сотни статей. В основном они написаны учеными Института востоковедения. Самые крупные из них будут названы ниже, в соответствующих главах.

Большая исследовательская работа, проделанная корееведами по разным направлениям, позволила создать в 1974 г. фундаментальный обобщающий труд — «История Кореи

(с древнейших времен до наших дней)» в двух томах. Без преувеличения можно утверждать, что в мировом корееведении, за пределами самой Кореи, в последние десятилетия не появлялось книги такого же масштаба и содержания. Усилиями корееведов широко представлена Корея также в обобщающих трудах по истории и современным проблемам всего Востока. Ценным справочником, достаточно полно отражающим конкретное содержание пройденного советским корееведением полувекового пути, явилась опубликованная в 1981 г. «Библиография Кореи. 1917–1970 гг.» (составитель Л. М. Володина).

Достижения советского, российского корееведения получили тогда заслуженное признание за рубежом. На XXV Международном конгрессе востоковедов, состоявшемся в Москве в 1960 г., им дали высокую оценку иностранные ученые. Гленн Пэйдж (США), например, говорил, что без учета работ советских авторов теперь невозможно вести объективные исследования по Корее. Как упоминалось в Предисловии, другой американский ученый, Джордж Гинзбургс, посвятил им большую книгу[6]. В научных журналах ряда стран неоднократно публиковались положительные рецензии на вышедшие в СССР работы о Корее, некоторые из них переведены на иностранные языки. Правда, северокорейский журнал «Ёкса квахак» («Историческая наука») напечатал несколько резко критических статей, грубых по форме и не всегда справедливых по существу. Но их появление свидетельствовало лишь о том, что советские корееведы разрабатывали собственные научные концепции, далеко не во всем совпадающие со взглядами официальной северокорейской историографии.

Следующий, третий этап начался с начала 1990-х гг. В полном смысле слова, это современный этап современного российского корееведения. На этом этапе произошли огромной важности перемены. В 1990 г. СССР наконец-то нормализовал свои отношения с Республикой Корея, отвергнув ставшую давно бессмысленной политику ее непризнания. В 1991 г. прекратил свое существование Советский Союз и в короткие сроки распалась мировая социалистическая система, от которой все же осталось несколько звеньев — Китай, Вьетнам, Куба и КНДР. Россия, объявив себя преемницей СССР во внешней политике, проводила непоследовательный, плохо сбалансированный курс на корейском направлении и в результате резко ослабила здесь свои позиции. В немалой степени этому способствовали упадок ее экономики, политическая нестабильность.

Сложившаяся в России ситуация тяжело отразилась на науке, в том числе на корееведении. Прежде всего сократился его кадровый состав. Ветераны — основоположники корееведения в подавляющем большинстве по естественным причинам ушли из науки. Ученые лишены достойного вознаграждения за свою нелегкую работу, поэтому молодежь, как правило, неохотно идет в науку. Продолжает трудиться сравнительно небольшая группа ученых, пришедших в корееведение в 1950–1980-х гг., но у нее пока крайне мал кадровый резерв, что осложняет перспективы науки. Научные центры практически лишены средств на приобретение за рубежом литературы и прессы, прием у себя иностранных гостей, посылку сотрудников в научные командировки, проведение конференций и т. д. Ухудшилось финансовое обеспечение издания научных трудов.

Однако, наряду с негативными, современная ситуация имеет и некоторые позитивные стороны. Устранены сковывавшие прежде науку цензурные строгости, идеологические и политические ограничения. Ученые в своих исследованиях в большей мере могут исходить из собственных теоретических и методологических воззрений, объективно анализировать и излагать интересующие их проблемы. Неизмеримо расширилось поле их творческой деятельности вследствие открытого доступа к богатствам архивных фондов, возможности при содействии зарубежных научных центров, в том числе южнокорейских, знакомиться с достижениями мировой науки, общаться и обмениваться опытом и знаниями с коллегами из разных стран.

Переживаемый сейчас период очень не прост для российского корееведения. Поступившие в распоряжение ученых архивные источники и зарубежная литература открыли большое количество неизвестных им ранее страниц далекой и недавней корейской истории. Новые документы и материалы позволяют по-новому взглянуть на, казалось бы, уже основательно изученные проблемы. Происходит сложный и мучительный процесс переоценки устоявшихся концепций. Многие высказанные прежде выводы и оценки прошли проверку временем и не опровергаются новыми источниками. Но немало и такого, что требует решительного пересмотра или серьезных уточнений. Эта работа только началась[7], она наверняка станет важным направлением дальнейшего развития российского корееведения.

При всех трудностях настоящего времени корееведение в России сохраняется и даже достаточно активно работает. С начала 1990-х гг. издано свыше 250 книг, не считая многочис-

ленных статей в научных и общественно-политических журналах. Более половины книг посвящены корейской истории, литературе и языку, а также положению корейцев в России и Советском Союзе, их насильственной депортации в 1937 г. Среди публикаций по современной тематике подавляющее большинство принадлежит работам о Республике Корея и отношениях с ней России, о политике двух корейских государств в вопросах мирного объединения. Лишь 2–3 книги и несколько статей освещают некоторые стороны положения в КНДР. Примечательно, что в числе авторов есть ученые из Республики Корея, подготовившие свои работы в России на основе архивных материалов и изданной здесь литературы о Корее. В связанных с Кореей научных центрах и высших учебных заведениях проходят конференции по проблемам истории и современности, защищен ряд диссертаций. Все это свидетельствует о том, что российское корееведение — по-прежнему живо и все еще располагает значительным творческим потенциалом.

Ведущие корееведы России

Возродившееся после 1945 г. российское корееведение за прошедшие с тех пор 60 лет достигло впечатляющих результатов. Опубликованы сотни книг, глав коллективных трудов по Востоку, тысячи статей по самым разным периодам и проблемам истории и современного развития Кореи. Многие из этих книг и статей получили положительный отклик в своей стране и за ее пределами, часть из них переведена на иностранные языки. В научных журналах и прессе ряда стран нередки статьи и выступления российских специалистов по Корее. Российские ученые участвуют в многочисленных международных научных конференциях и симпозиумах и вносят в их успех немалый вклад. Все это дает основания утверждать, что российское корееведение прочно заняло достойное место в мировой науке о Корее.

Всякая наука не существует сама по себе. Ее создают и развивают люди, преданные науке, отдающие ей свои силы, знания и опыт. Российское корееведение в этом смысле не исключение. На всех этапах его рождения и развития в нем неустанно трудились десятки ученых, посвятивших науке большую часть своей жизни. И сейчас, несмотря на все сложности и препятствия последнего времени, корееведение в России со-

хранилось и даже несколько продвинулось вперед, главным образом благодаря усилиям подлинных его энтузиастов. Каждый, кто работал и продолжает работать в корееведении, заслуживает того, чтобы его деятельность была отмечена. В какой-то мере это уже делается[8]. Но в данной главе рассказано лишь о тех, кто стоял у истоков российского корееведения и внес затем наибольший вклад в исследование истории, современных экономических и политических проблем Кореи.

Пак Михаил Николаевич (1918) — доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ, академик РАЕН, руководитель Международного центра корееведения при Московском государственном университете. Несмотря на все ограничения, введенные после 1937 г. для советских корейцев, получил в 1941 г. высшее образование в Москве и преподавал историю в педагогических институтах нескольких городов СССР. Одним из первых начал заниматься корейской историей и уже в 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Очерки из политической истории Кореи во второй половине XIX века». В 1949 г. создал первую корейскую группу на отделении Востока исторического факультета МГУ, до настоящего времени преподает историю Кореи в ИСАА при МГУ, является автором разделов о Корее в ряде учебных пособий.

В той или иной мере М. Н. Пак занимался всеми периодами истории Кореи. Но главное поле его исследовательской деятельности — древность и раннее средневековье Кореи. Он первым начал изучать проблемы зарождения и развития Когурё, Пэкче и Силла, опубликовал по ним ряд крупных работ и до сих пор является ведущим специалистом по истории Кореи первого тысячелетия нашей эры. Огромным вкладом в корееведение стало издание в переводе на русский язык «Самгук саги» в трех томах. Первый том был защищен как докторская диссертация (1960). Большое внимание уделяет он зарубежному корееведению, опубликовав несколько работ с анализом исторических концепций ученых Республики Корея и других стран. Итогом более чем полувековой научной деятельности М. Н. Пака стала его книга «История и историография Кореи. Избранные труды» (2003). Воспитатель нескольких поколений историков-корееведов, участник многих международных конгрессов и конференций, автор свыше 150 научных работ, один из лидеров современного российского корееведения, М. Н. Пак удостоен многих почетных званий и наград, в том числе высокого ордена Республики Корея.

Шабшина Фаня Исааковна (1906–1998) — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Окончив университет в Москве в 1930 г., она долгое время преподавала историю в школе рабочей молодежи, работала в «Комсомольской правде». В 1940–1946 гг. находилась в Корее, где в Генеральном консульстве СССР был вице-консулом ее муж, Шабшин (Куликов) Анатолий Иванович — большой знаток Кореи, оказавший впоследствии содействие развитию корееведения в СССР. Длительное пребывание в Корее позволило ей глубоко и всесторонне узнать эту страну, познакомиться со многими видными корейскими политиками и деятелями культуры, накопить важные исторические материалы. Свои наблюдения и впечатления о Корее до и после освобождения, размышления о судьбе этой страны, воспоминания о многих интересных людях она изложила в книгах «Южная Корея. 1945–1946. Записки очевидца» (1974) и «В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца» (1992), переведенных на корейский язык и изданных в Республике Корея.

В 1946 г. Ф. И. Шабшина пришла в науку и в короткие сроки заняла лидирующие позиции в корееведении, став одним из его основоположников. В 1953 г. она защитила кандидатскую, в 1963 г.— докторскую диссертацию. Вся ее научная деятельность была сосредоточена на изучении проблем национально-освободительного движения корейского народа, развития Кореи, преимущественно Северной, после 1945 г., выявлении общих закономерностей и специфических особенностей новейшей истории Кореи. По этим темам ею опубликовано свыше 100 научных работ. Многие годы Ф. И. Шабшина возглавляла корейское направление в Институте востоковедения РАН, была одним из неформальных лидеров всего корееведения. Ею воспитан ряд молодых ученых. За свою работу Ф. И. Шабшина удостоена почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» и нескольких государственных наград.

Ким Георгий Федорович (1924–1989) — доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук. Окончив в 1947 г. педагогический институт в одном из городов Сибири, он некоторое время там преподавал, а затем перешел на научную работу в Москве. В 1952 г. защитил кандидатскую, в 1964 г.— докторскую диссертацию. Вся его научная жизнь была связана с Институтом востоковедения РАН, где он про-

шел путь от рядового сотрудника до первого заместителя директора Института, а в 1985–1987 гг. исполнял обязанности директора Института. Он входил в число видных советских общественных деятелей.

Г. Ф. Ким пришел в корееведение в период, когда оно только еще возрождалось, и вскоре стал одним из его руководителей. В 1956 г. он возглавил сектор Кореи в Институте востоковедения РАН, а затем заведовал более крупными научными подразделениями, в составе которых было и корейское подразделение. В сферу научных интересов Г. Ф. Кима входила история зарождения и развития рабочего класса Кореи, его борьба за национальное освобождение и социальные права, а также его участие в социально-политических процессах, происходивших в Северной Корее после освобождения. С 1970-х гг. Г. Ф. Ким занялся общими теоретическими вопросами истории и современного положения Востока, но при этом всегда уделял большое внимание Корее, которой посвящены многие из более чем 100 его научных работ. Среди российских корееведов немало его учеников. Г. Ф. Ким участвовал в многочисленных научных и общественно-политических мероприятиях в разных странах. Посещал он и Республику Корея. Выполняя поручение советского руководства, он встречался в 1988 г. с тогдашним президентом Но Тхэ У. Заслуги Г. Ф. Кима отмечены Государственной премией СССР, несколькими советскими государственными наградами, высоким орденом Республики Корея (посмертно).

Тягай Галины Давыдовна (1922) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Окончив в 1946 г. исторический факультет Московского государственного университета как японовед, она в аспирантуре занялась историей тонхак и проходившего под его влиянием крестьянского движения 1893–1894 гг. в Корее и таким образом вошла в число первых корееведов. С 1951 г. работает в Институте востоковедения РАН. В 1951 г. защитила кандидатскую, в 1986 г.— докторскую диссертацию.

Первое время Г. Д. Тягай исследовала социально-политическое положение Кореи во второй половине XIX в., борьбу народных масс против феодальных угнетателей и иностранных захватчиков. Но с 1970-х гг. она переключилась на изучение истории общественной мысли в Корее, главным образом идейно-политических течений сирхак, кэхва ундон, кемон ундон. Благодаря ее трудам взгляды и деятельность крупнейших

мыслителей и борцов за независимость и прогресс Кореи стали достоянием советской, российской науки. Занималась она также анализом некоторых концепций зарубежных корееведов, описанием корейских фондов основных российских архивов, хранящих материалы по истории Кореи конца XIX — начала XX вв. Всего Г. Д. Тягай опубликовано свыше 80 научных работ. Она и сейчас продолжает трудиться, являясь одним из наиболее известных в России специалистов по новой истории Кореи.

Выше говорилось о тех, кого можно по праву назвать основоположниками современного российского корееведения. Естественно, что ими не ограничилось число ученых, работавших на начальном этапе развития корееведения, но остальные (Б. П. Баянов, Н. К. Вайнцвайг, В. В. Лезин, В. П. Нихамин, В. Т. Зайчиков, Е. А. Пигулевская и др.), как правило, трудились в других сферах и лишь отчасти занимались Кореей.

Нельзя не сказать хотя бы кратко о тех, кто пришел в науку после середины 1950-х и в 1960-х гг.

Казакевич Игорь Степанович (1920–1997) — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, участник Великой Отечественной войны. С 1956 г., после окончания Московского института востоковедения и аспирантуры, работал в ИВ РАН, многие годы возглавлял отдел, в состав которого входило корейское подразделение. Исследовательскую деятельность начинал с анализа земельных отношений, сельского хозяйства, положения крестьян в колониальной Корее, но главным для него затем стало изучение аграрных проблем в Республике Корея. Ему принадлежат первые и основные труды по этим темам. И. С. Казакевич — автор более 70 работ.

Пак Валентин Константинович (Пак Киль Ён) (1920–1997) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Один из первых советских корейцев, направленных осенью 1945 г. на работу в Северную Корею. Прошел там большой путь вплоть до заместителя министра иностранных дел КНДР. В 1959 г. возвратился в СССР. По окончании Академии общественных наук при ЦК КПСС пришел в 1964 г. в Институт востоковедения РАН, где трудился около 30 лет. У В. К. Пака не так много опубликованных работ (книга «Тайная история дипломатии Ким Ир Сена», подготовленная в соавторстве с южнокорейским журналистом Ким Гук Ху и изданная в 1994 г. на корейском язы-

ке в 1994 г. в Республике Корея, ряд статей и глав в коллективных трудах). Основная сфера его деятельности — подготовка «закрытых» работ о политической истории и актуальных проблемах развития КНДР. Он щедро делился с молодыми корееведами опытом и знаниями, помогал связанным с Кореей практическим работникам.

Шипаев Виктор Иванович (1928–1994) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Работал в Институте с 1954 г., после окончания Восточного факультета Ленинградского государственного университета и аспирантуры. Некоторое время изучал экономическое и социальное положение Кореи в условиях японского колониального господства, национально-освободительную борьбу корейского народа и ту роль, которую играла в ней нарождавшаяся корейская буржуазия. Затем одним из первых переключился на исследование социально-экономических и политических проблем Республики Корея. Автор около 40 научных работ.

Тихомиров Владимир Дмитриевич (1929–1989) — доктор исторических наук, заведовал отделом комплексных международных проблем Института востоковедения РАН. После окончания в 1952 г. Московского института востоковедения находился на преподавательской работе в Высшей партийной школе, возглавлял затем корейское направление в Международном отделе ЦК КПСС. В Институте востоковедения РАН с 1969 г. Занимался социально-политическими проблемами КНДР, международными отношениями в азиатско-тихоокеанском регионе, включая Корейский полуостров, политикой Севера и Юга в вопросах объединения Кореи. Автор более 50 работ.

Мазуров Виктор Михайлович (1929–1998) — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. В Институте с 1956 г., после окончания Московского института востоковедения и аспирантуры. Исследовательскую деятельность начинал с истории антияпонской вооруженной борьбы корейского народа в 1930-х гг. Затем в числе первых занялся социально-политическими и международными проблемами Республики Корея. Разрабатывал также некоторые общие вопросы политического развития современного Востока. Автор около 50 научных работ.

Грязнов Геннадий Викторович (1929–2001) — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Окончив в 1953 г. Московский институт востоковедения, работал в Торговом представительстве СССР в

КНДР. С 1956 г.— в ИВ РАН. Занимался проблемами экономики КНДР в разные периоды ее развития, преимущественно в аспекте создания ее материально-технической базы. Автор свыше 40 научных работ.

Синицын Борис Владимирович (1929–2002) — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. В Институте с 1958 г., после окончания исторического факультета Московского государственного университета и аспирантуры, в которой обучался как экономист. Занимался социально-экономическими проблемами Республики Корея, главным образом в сфере ее индустриального развития и внешнеэкономических связей. Автор свыше 30 научных работ.

Тригубенко Марина Евгеньевна (1933) — кандидат экономических наук, руководитель Центра азиатских исследований Института международных экономических и политических исследований РАН. В институте с 1961 г., после окончания экономического факультета Московского государственного университета. Долгое время занималась проблемами экономики Северной Кореи. В последние годы расширила круг научных исследований, включив в него также Республику Корея, другие страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Автор более 150 научных работ.

Пак Борис Дмитриевич (1931) — доктор исторических наук, профессор Иркутского педагогического университета. С 1989 г.— главный научный сотрудник ИВ РАН. Окончил в 1956 г. восточный факультет Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте, в 1965 г.— аспирантуру в Москве. Преподавательскую работу постоянно сочетал с активной научной деятельностью. Главное в ней — история взаимоотношений России и Кореи в конце XIX — начале XX вв., освободительная борьба корейского народа в разные периоды. Наряду с этим в настоящее время занимается также историей корейцев в России и Советском Союзе. Автор более 40 научных работ. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Ванин Юрий Васильевич (1930) — кандидат исторических наук, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН. В Институте с 1960 г., после окончания в 1954 г. исторического факультета Московского государственного университета, трех лет работы в средней школе и обучения в аспирантуре. Долгое время занимался социально-экономическими проблемами феодализма в Корее, ее средневе-

ковой историей. В настоящее время в круг его научных интересов в основном входят история Кореи первого десятилетия после ее освобождения, российско-корейские отношения, вопросы борьбы за мирное объединение Кореи. Автор более 100 научных работ.

Джарылгасинова Роза Шотаевна (1931) — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. В Институте с 1960 г., после окончания исторического факультета Московского государственного университета и аспирантуры. Занимается преимущественно проблемами истории и развития материальной культуры населения древней Кореи (прежде всего когурёсцев). Одновременно преподает историю Кореи в ИСАА при МГУ. Автор более 130 научных работ.

Ионова Юндвига Васильевна (1924) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского отделения Института этнологии и антропологии РАН. В институте с 1954 г., после окончания Восточного факультета Ленинградского государственного университета и аспирантуры. Занималась изучением корейской деревни конца XIX — начала XX вв., религиозных воззрений, обрядов и обычаев корейцев. Автор 60 научных работ.

Семенова Нина Петровна (1924–2002) — кандидат исторических наук, профессор. Окончила в 1949 г. МИВ. Преподаватель в МИВ (1952–1954) и МГИМО МИД РФ. Наряду с преподаванием вела активную научную деятельность. Основные темы исследований — история Кореи колониального периода, экономика КНДР. Автор около 40 научных работ.

Мартынов Виктор Васильевич (1928–2002) — кандидат экономических наук. Окончил в 1954 г. экономический факультет МГУ. В 1954–1956 гг. работал в Посольстве СССР в КНДР. С 1956 по 1991 гг.— в Государственном комитете СССР по статистике (Госкомстат СССР), последняя должность — начальник Управления международной статистики. В 1991–1999 гг.— заведующий международным отделом Госкомстат СНГ. Занимался проблемами экономической географии Кореи, международного социально-экономического сопоставления. Автор 25 научных работ.

Ткаченко Вадим Павлович (1932) — кандидат исторических наук, основатель и до 2003 г. руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН. Окончил в 1955 г. МГИМО МИД РФ. В 1957–1962 гг. работал

в Посольстве СССР в КНДР. С 1962 по 1990 гг.— в Международном отделе ЦК КПСС, где длительное время возглавлял корейское направление, оказывая большое содействие развитию корееведения. С 1992 г.— в ИДВ РАН. Основная сфера научных занятий — проблемы мира и безопасности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. Автор около 80 научных работ.

Савельев Роальд Васильевич (1930) — старший научный сотрудник, заместитель руководителя Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН. Окончил в 1961 г. Университет им. Ким Ир Сена (КНДР), в 1962 г.— Институт стран Азии и Африки при МГУ. По окончании института работал в Институте востоковедения АН и консультантом при Президиуме АН. В 1964–1967 гг. являлся ответственным секретарем Общества советско-корейской дружбы. С 1967 г. работал в аппарате МИД СССР, в советских посольствах в КНДР и других странах. В Институте Дальнего Востока с 1993 г. Занимается проблемами военно-политической ситуации на Корейском полуострове, мира и безопасности в Северо-Восточной Азии. Автор около 25 научных работ.

Каршинов Леонид Николаевич (1926–1995) — кандидат экономических наук, заведующий отделом Научно-исследовательского конъюнктурного института Министерства внешней торговли СССР. Окончил в 1948 г. Московский институт стали и сплавов, в 1953 г.— Всесоюзную академию внешней торговли. Работал мастером на одном из московских заводов, в 1966–1969 гг. заместителем торгового представителя СССР в КНДР, но в основном на разных должностях в НИКИ МВТ СССР. Занимался изучением различных аспектов экономики КНДР и КНР. Автор около 50 научных работ по Корее.

Пак Вадим Павлович (1930–2000) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Окончил в 1953 г. Восточный факультет Ленинградского государственного университета, в ИВ РАН — с 1961 г. Участник издания «Большого корейско-русского словаря» в 2-х томах, главная сфера занятий — история корейской культуры, корейский фольклор. Автор более 30 научных работ.

Нам Светлана Георгиевна (1932) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Окончила исторический факультет Московского государственного университета в 1955 г. и аспирантуру. В ИВ РАН с 1966 г. Занималась вопросами культуры

(преимущественно просвещением и наукой, формированием интеллигенции) КНДР. В последние годы переключилась на изучение истории советских корейцев и их культуры. Автор свыше 20 научных работ.

К перечисленным нами ученым, пришедшим в корееведение в 1950–1960-х гг. (упомянуты, конечно же, не все), затем присоединились новые историки, политологи, экономисты: Асмолов К. В., Бажанова Н. Е., Волков С. В., Воронцов А. В., Денисов В. И., Жебин А. З., Забровская Л. В., Курбанов С. О., Ланьков А. Н., Мацегора А. И., Михеев В. В., Пак Б. Б., Суслина С. С., Толорая Г. Д., Толстокулаков И. А., Торкунов А. В., Усова Л. А., Шин И. А. и др.

Хотя данная книга посвящена главным образом изучению в России истории, экономики, современных политических проблем Кореи, нельзя не сказать о двух смежных областях корееведения — литературоведении и лингвистике. Весомый вклад в эти важные и сложные отрасли науки о корееведении внесли филологи Елисеев Д. Д., Еременко Л. Е., Иванова В. И., Ли В. Н., Никитина М. И., Троцевич А. Ф., Тэн А. Н., Усатов Д. М. и др., лингвисты Васильев А. Г., Дмитриева В. Н., Концевич Л. Р., Мазур Ю. Н., Мальков В. Ф., Никольский Л. Б., Рачков Г. Е., Холодович А. А. и др. Некоторые из них успешно работали и в литературоведении, и в лингвистике. Труды названных ученых оказывают неоценимую помощь корееведам других специальностей, дают им возможность лучше увидеть и понять Корею, ее народ и культуру в прошлом и настоящем. Велика их роль также в подготовке новых специалистов по Корее.

Приведенные нами списки ученых (еще раз напоминаем, что он далеко не полный) сами по себе свидетельствуют о масштабах современного корееведения в России, о том большом месте, которое оно занимает среди других общественных наук. При активном участии этих ученых за несколько десятилетий создана обширная библиотека по различным отраслям знаний о Корее, обеспечившая значительный удельный вес российского корееведения в мировом корееведении.

Российское корееведение и две Кореи

Как известно, все науки (но особенно общественные) тесно связаны с жизнью и нуждами своей страны. В большинстве своем общественные науки в той или иной степени обслуживают

потребности национальной политики и экономики, содействуют работе общественных организаций, влияют на развитие науки, культуры, народного образования и т. д. Все сказанное в полной мере относится и к российскому корееведению, к его отношению с изучаемой страной.

Свыше 40 лет Советский Союз поддерживал отношения только с КНДР. Соответственно, на нее было сориентировано и корееведение. Научные контакты с КНДР развивались неравномерно. Начались они практически лишь после Корейской войны и первое время в основном ограничивались ознакомительными поездками делегаций ученых, обменом информацией, взаимной публикацией переводов научных работ. В целом этот период характеризовался духом относительной доброжелательности, позитивного сотрудничества, но продолжался он сравнительно недолго.

Заметное «охлаждение» советско-северокорейских отношений после XX съезда КПСС (1956) неизбежно должно было со временем отразиться на научных контактах двух стран. Реакция руководства КНДР на сложные процессы, начавшиеся тогда в мировой социалистической системе, особенно в связи с развернувшейся вскоре советско-китайской конфронтацией, а также перестройка всей общественной жизни республики на основе «чучхейской» идеологии и политики, в первую очередь и очень остро проявились в общественных науках КНДР и их взаимоотношениях с советским корееведением. В одностороннем порядке корейская сторона прервала совместное исследование социалистических преобразований в КНДР и потому намеченная по плану сотрудничества двух Академий наук книга «Очерки социалистического строительства в Корейской Народно-Демократической Республике» была опубликована только со статьями советских авторов (1963). С тех пор удалось осуществить лишь два совместных проекта — издание «Большого корейско-русского словаря» в 2 томах (1976) и «Корейско-русского словаря» (1994). Северокорейский журнал «Ёкса квахак» выступил с несколькими резко критическими, грубыми по форме статьями по поводу некоторых работ М. Н. Пака, Г. Д. Тягай, Ю. В. Ванина, отдельных томов «Всемирной истории» и т. д. Все виды научного обмена на долгое время сократились до минимума.

После известных визитов Ким Ир Сена в Москву в 1984 и 1986 гг. ожидались и советско-северокорейские научные связи. Наиболее активными они были в сфере естественных наук и

техники, но в определенной мере, насколько позволяли «чучхейские» рамки, происходили и в общественных науках. Возобновилась практика составления планов сотрудничества между институтами гуманитарного цикла Академии наук СССР и Академией общественных наук КНДР. С корейской стороны к научным контактам подключилась Академия идей чучхе при Центральном комитете Трудовой партии Кореи, с которой также подписывались соглашения о сотрудничестве. Для конкретной организационной работы в обеих странах были созданы Комиссии по сотрудничеству в области общественных наук. Самыми крупными совместными научными мероприятиями были конференции по проблемам мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе и на Корейском полуострове, состоявшиеся в Пхеньяне (1987) и Москве (1989).

Корееведы были причастны к формированию и реализации корейской политики СССР. Ведущие ученые иногда приглашались на совещания в высших партийных и государственных инстанциях, где обсуждались связанные с Кореей политические и экономические вопросы. Как уже говорилось, важную часть научных занятий многих корееведов составляло написание разного рода «закрытых» аналитических материалов, содержавших конкретные предложения правительству по выработке более разумной и дальновидной позиции СССР в корейских делах. Проводились конференции с целью коллективного «ситуационного анализа», готовившие соответствующие рекомендации высшему руководству, а также многочисленные другие мероприятия. Ученые выступали по проблемам Кореи и корейской политики СССР в научной печати и средствах массовой информации, активно участвовали в работе Общества советско-корейской дружбы и других организаций, готовили для них информационные материалы и т. д. Степень воздействия корееведов на политику и общественное мнение в СССР не следует переоценивать, но и неверно было бы отрицать.

В общественно-политической, как и в научной, деятельности корееведов долгое время преобладала Северная Корея, но постепенно набирало силу южнокорейское направление. Выходившие все чаще в СССР с конца 1950-х гг. книги и статьи о Республике Корея, несмотря на цензурные ограничения и пропагандистские штампы, рисовали в целом достаточно реалистичную картину происходившего в этой части Кореи, вызывая к ней растущий интерес советской общественности. Увеличивалось количество аналитических записок, направляемых учеными по

собственной инициативе в высшие партийные и государственные органы, в которых критиковался проводимый СССР после Корейской войны курс автоматической поддержки КНДР и содержались призывы к более гибкой и принципиальной политике, прежде всего к поиску путей нормализации отношений с Республикой Корея, что отвечало бы и национальным интересам СССР, и задачам укрепления мира и стабильности на Корейском полуострове. Особенно активными в этой работе были Г. Ф. Ким, Ф. И. Шабшина, В. Д. Тихомиров, В. К. Пак, В. И. Шипаев, Ю. В. Ванин и некоторые другие.

Коренной поворот в корейской политике СССР начался с середины 1980-х гг. в связи с провозглашенным М. С. Горбачевым «новым политическим мышлением». Не будет преувеличением сказать, что некоторую роль в его подготовке относительно Кореи сыграли советские корееведы. Очень важно, что они получили теперь возможность открыто высказывать свои взгляды. Первым этой возможностью воспользовался В. И. Шипаев, опубликовавший в 1988 г. две статьи в популярной молодежной газете «Комсомольская правда»[9]. В них он рассказывал о социально-экономическом и политическом положении Республики Корея, доказывал необходимость разностороннего сотрудничества с ней и призывал перестать делать вид, что такой страны якобы вообще не существует, что было свойственно прежде корейской политике СССР.

В конце октября 1988 г. в Международном отделе ЦК КПСС состоялись два совещания по проблемам Кореи. Их проводил заведующий отделом, секретарь ЦК КПСС В. М. Фалин. Наряду с ответственными работниками отдела (К. Н. Брутенц, В. П. Ткаченко и др.) в них приняли участие Е. М. Примаков (тогда директор Института мировой экономики и международных отношений Академии наук), а из Института востоковедения Академии наук — Г. Ф. Ким, Ю. В. Ванин, В. И. Шипаев. На втором совещании были окончательно сформулированы подробные аргументированные рекомендации, на основе которых советское руководство вскоре приняло принципиально важное решение об установлении прямых экономических отношений между СССР и Республикой Корея.

Прорыв в экономической сфере, совершенный в конце 1988 г., неизбежно ставил вопрос о дальнейших шагах по нормализации советско-южнокорейских отношений. По этому вопросу в СССР развернулась серьезная борьба мнений. Среди политиков, дипломатов, ученых было немало тех, кто

выступал против дипломатического признания Советским Союзом Республики Корея, усматривая в этом нарушение союзнических обязательств перед КНДР, или предлагал оттянуть его осуществление на несколько лет. В Институте востоковедения Академии наук группа востоковедов во главе с Г. Ф. Кимом настаивала на ускорении процесса политической нормализации, высказывая свою точку зрения на совещаниях в Министерстве иностранных дел и в документах, адресованных руководству страны.

Большой общественный резонанс имело выступление Ф. И. Шабшиной в центральной советской газете «Известия» в сентябре 1989 г. «Сейчас, начав экономические связи с Южной Кореей,— писала она,— мы почему-то не идем дальше, не устанавливаем с ней отношений по всем остальным направлениям, которые расширили бы и укрепили возможности экономического сотрудничества, содействовали бы ослаблению напряженности на наших дальневосточных границах. Признание Юга повысило бы и наш международный авторитет, ибо оно лежит в русле нового политического мышления»[10]. В более развернутом виде Ф. И. Шабшина изложила позицию свою и своих коллег относительно необходимости установления дипломатических отношений СССР с Республикой Корея в статье, опубликованной журналом «Проблемы Дальнего Востока»[11].

Министерство иностранных дел СССР поспешило заявить, что статья Ф. И. Шабшиной в «Известиях» — «это не официальная позиция Советского правительства, МИД СССР», что СССР не собирается идти на дипломатическое признание Южной Кореи[12]. Такие непродуманные, недальновидные заявления, противоречившие тем принципиальным изменениям, которые уже происходили с нарастающей силой в корейской политике СССР, повторялись затем не один раз. Они дали руководству КНДР обоснованный повод упрекать советскую дипломатию в неискренности и непоследовательности, когда в сентябре 1990 г. СССР все же установил дипломатические отношения с Республикой Корея.

Участие корееведов в борьбе за нормализацию советско-южнокорейских отношений не осталось без последствий. Начатые в 1990 г. по инициативе северокорейской стороны переговоры об увеличении количества совместных научных мероприятий по вопросам мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе и на Корейском полуострове по ее же инициативе были прерваны. Намеченная на осень поездка в Пхеньян совет-

ской делегации для подписания нового соглашения о сотрудничестве между Академией наук СССР и Академией общественных наук КНДР так и не состоялась. С тех пор и по настоящее время научные связи между двумя академиями почти отсутствуют. Некоторое время небольшие по масштабам контакты поддерживались с Академией идей чучхе, но и они прекратились после ликвидации этой Академии.

Научные связи в области корееведения между Россией и Республикой Корея, напротив, развиваются весьма интенсивно. Происходит широкий обмен визитами ученых. Только в Институте востоковедения Академии наук в 1990–2003 гг. побывали ученые и профессора свыше 30 южнокорейских университетов и институтов, а также многие политические деятели, работники правительственных учреждений, журналисты и т. д. Активные контакты с учеными РК наладил Институт Дальнего Востока РАН. Десятки молодых корейских ученых прошли обучение в аспирантуре и стажировку в научных центрах Москвы, Санкт-Петербурга, других городов. В свою очередь, некоторое количество российских ученых стажировались в университетах Республики Корея. Ежегодно в Москве, Сеуле и других городах двух стран устраиваются совместные научные конференции по разным проблемам истории и современности. Научные журналы на взаимной основе печатают статьи российских и корейских ученых. В Республике Корея изданы на корейском языке книги Н. Е. Бажановой, С. С. Суслиной, Г. Д. Тягай, Ф. И. Шабшиной и других российских авторов. В России с благодарностью воспринимают деятельность Корейского фонда международных обменов (Korea Foundation) Республики Корея, при финансовой поддержке которого опубликован ряд работ российских и корейских ученых, происходят некоторые конференции и научные командировки.

Говоря об отношениях российского корееведения с двумя Кореями, необходимо отметить важную их особенность. Эти отношения находятся в сложной зависимости от корейской политики своего государства. Долгое время в СССР игнорировалось существование Республики Корея и все внимание уделялось исключительно КНДР. Ученые в своей работе не могли не считаться с этим. Вместе с тем, они не мирились с несправедливостью, с бессмысленной политикой непризнания реальности, и многие годы активно выступали за решительную нормализацию отношений с Республикой Корея в интересах своей страны и самой Кореи. Как уже отмечалось, корееведы сыгра-

ли немалую роль в том, что с 1990 г. Россия и другие государства бывшего Советского Союза поддерживают с Республикой Корея полнокровные добрососедские отношения.

Ситуация изменилась коренным образом после распада в 1991 г. Советского Союза. Новые власти России открыто взяли курс на дружбу и сотрудничество только с Республикой Корея, заявив о необходимости «отдаления» от КНДР. На практике это привело к тому, что политические контакты с Севером почти прекратились, тогда как с Югом они неуклонно расширяются. В официальных выступлениях и во многих средствах массовой информации допускались резкие, неуважительные высказывания в адрес существующей в КНДР общественно-политической системы и руководителей республики. Нарастающее российско-южнокорейское сотрудничество распространилось даже на военную сферу, что нельзя считать полностью оправданным в условиях нестабильности на Корейском полуострове. Сотрудничество с КНДР, напротив, сократилось в несколько раз. Остались невыполненными крупные соглашения, подписанные с нею Советским Союзом во второй половине 1980-х гг., фактически разорваны связи с предприятиями, построенными там при помощи СССР и ориентированными на его рынки. Все это стало одной из причин тех огромных трудностей, которые переживает с 1990-х гг. экономика КНДР.

Чрезмерный перекос в корейской политике России вызвал естественный протест широкой общественности. В нем приняли активное участие и некоторые корееведы (преимущественно из Института востоковедения РАН), обеспокоенные новой несправедливостью, на этот раз в отношении КНДР. В своих статьях[13], в выступлениях на парламентских слушаниях в комитетах Государственной Думы, на различных конференциях и совещаниях они критиковали неразумные односторонние акции властей, настаивали на взвешенном, сбалансированном подходе к двум корейским государствам, не наносящем ущерба отношениям России с каждым из них. Только такой подход действительно отвечает национальным интересам России, только он обеспечит ей эффективную роль в мирном урегулировании проблем Кореи, которую Россия призвана играть как правопреемница Советского Союза и как ближайший сосед Кореи. Судя по наметившейся в последнее время тенденции к некоторой нормализации отношений с Северной Кореей, очередной тур борьбы корееведов и всей общественности за выравни-

вание и совершенствование корейской политики России не прошел безрезультатно.

Продолжающееся более полувека разделение Кореи на два отдельных государства, находящихся друг с другом в непрекращающейся жесткой конфронтации, создает сложную обстановку для российского корееведения. Каждая корейская сторона добивается понимания и сочувствия только себе, воспринимая такое же отношение к противостоящей стороне с подозрением и упреками. Между тем, российские корееведы (во всяком случае, принципиальная и последовательная их часть) в своей деятельности исходят из интересов всей Кореи, а не какой-то ее половины. Именно поэтому они выступают против любых искривлений в корейской политике России. Свою главную задачу российские корееведы видят в том, чтобы содействовать взаимопониманию и сближению двух Корей, равноправным и конструктивным российско-корейским отношениям.

[1] Архив внешней политики России. Фонд Секретариата Вышинского А. Я. Опись № 25. Пор. № 238. Папка № 19, л. 19.

[2] Подробнее о вузах, готовящих корееведов, научных центрах, корейских фондах российских библиотек и пр. см: Концевич Л. Р. Российское корееведение на современном этапе.— Российское корееведение. Альманах. Вып. третий. М., 2003.

[3] Петрова О. П. Описание письменных памятников корейской культуры. Выпуск 1, М.— Л. 1956. Выпуск 2, М. 1963.

[4] Пак Ир. Корейский фонд Алмаатинской библиотеки им. Пушкина.— Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. 1951, выпуск 1.

[5] Тягай Г. Д. Материалы архивов Москвы и Ленинграда как источник для изучения истории Кореи XIX в.— Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР, 1963, т. 64; ее же. История Кореи конца XIX — начала XX вв. По русским архивным источникам.— Проблемы Дальнего Востока. 1997, № 6; 1998, № 1; Ванин Ю. В. Материалы о Корее после освобождения в Архиве внешней политики России.— Ёкса пипхён, 1994, т. 24 и др.

[6] George Ginsburgs. Soviet works on Korea. 1945–1970. Los-Angeles, California, 1973.

[7] См., например: Ю. В. Ванин. Некоторые аспекты корректировки исследований по новейшей истории Кореи (1945–1955).— Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 5.

[8] Данные о многих российских корееведах содержит опубликованный С. Д. Милибанд Биобиблиографический словарь отечественных вос-

токоведов с 1917 г. Кн. 1 и 2. М., 1995; см. также: Жизнь и труд посвятившие Корее. Российские корееведы 2-й половины XX века. Сборник статей. М., 2004.

[9] Шипаев В. И. Южнее 38-й параллели.— Комсомольская правда, 22. 05. 1988; его же. От молчания — к контактам.— Комсомольская правда, 25. 10. 1988.

[10] Шабшина Ф. И. Можно ли распутать «корейский узел». Мнение советского ученого.— Известия. 1. 09. 1989.

[11] Шабшина Ф. И. Корейская действительность и советское корееведение.— Проблемы Дальнего Востока, 1990, № 2.

[12] Известия, 6. 09. 1989.

[13] Ванин Ю. В. Наказание КНДР авторитета нам не прибавит.— Правда, 11.06.1994; его же. Лоббистов ищут не там, где надо.— Правда, 29.06.1994; его же. Земля Кореи — она рядом с нами.— Правда, 28.06.1995 и др.

Изучение истории Кореи

Предварительные замечания

Исследовательская работа по истории Кореи — одно из главных направлений российского корееведения. В прошлом история Кореи если и освещалась, то, как правило, далеко не вся, весьма коротко и поверхностно. Самостоятельным и крупным разделом науки о Корее, с насыщенным фактами содержанием и глубоким анализом проблем, она стала только на современном этапе (после 1945 г.). За минувшие десятилетия проделан огромный объем работы. Можно утверждать, что вряд ли найдется такой отрезок истории Кореи, который не был бы в той или иной мере затронут в книгах и статьях российских ученых. Это вовсе не означает, что ими уже изучена вся история Кореи. Перед российским корееведением все еще необозримое поле деятельности. История Кореи столь велика по времени и количеству сложнейших проблем, так богата важными и интересными событиями, обладает наряду с общечеловеческими чертами такой большой национальной спецификой, что трудиться над ее исследованием предстоит еще многим поколениям ученых. Но то, что сделано в российском корееведении во второй половине XX — начале XXI в., создало для этого достаточно широкую и прочную базу.

Следует отметить некоторую особенность процесса изучения истории Кореи в СССР: оно началось с нового и новейшего периодов и лишь со временем распространилось на древность и средние века. Объяснялось это тем, что на первых порах после 1945 г., при существовавшем тогда дефиците специалистов, отдавался приоритет тем проблемам истории, занятие которыми диктовалось потребностями корейской политики СССР, советско-американской конфронтации на Корейском полуострове. Поэтому вначале главными темами публикаций были разоблачение традиционно экспансионистского курса

США на Дальнем Востоке, их ведущей роли в борьбе держав за господство в Корее в конце XIX — начале XX вв., оказанного ими содействия закабалению Кореи Японией. Затем приступили к изучению истории непосредственно самой Кореи с конца XIX в. до 1945 г., делая упор на показ грабительской политики японских колонизаторов, основных этапов и форм сопротивления им корейского народа, освободительной миссии Советского Союза. Только примерно с середины 1950-х гг. возраставший уровень советского корееведения позволил двинуться вглубь веков, перейти к проблемам древности и средневековья, и история Кореи стала исследоваться в более полном объеме.

Необходимо также пояснить применяемый в данной главе принцип периодизации истории Кореи. Как известно, в советской исторической науке был принят формационный метод периодизации. За основу брались крупнейшие вехи общемирового исторического прогресса. Пройденный человечеством путь подразделялся на сменявшие друг друга исторические периоды, зависевшие от появления и утверждения в какой-либо части земного шара качественно новой стадии развития — новой общественно-экономической формации, которых насчитывали пять: первобытнообщинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм и социализм.

В соответствии с этим, время зарождения человеческого общества, прохождения им первобытнообщинного строя и рабовладения (оно было не везде) относили к древности (приблизительно до рубежа нашей эры); период господства феодализма (примерно с начала нашей эры) — к средним векам; период зарождения, становления и укрепления в мире позиций капитализма (с XVII–XVIII вв.) — к новому времени; современную эпоху, когда капитализм достиг своей высшей стадии и возникла социалистическая система (началом считался 1917 год — время Октябрьской революции в России) — к новейшему времени. История любой страны рассматривалась в рамках перечисленных выше формаций, но при этом признавалось, что разные страны вступали в каждую из формаций различными путями и в разное время, могли задержаться на предшествующей стадии или вообще миновать какую-либо из них.

В последнее время в исторической науке России делаются попытки отойти от формационной периодизации, заменить ее так называемым цивилизационным методом. Но важнейшие критерии, принципы и механизм его применения пока еще

слабо разработаны. В данной главе используется та периодизация истории Кореи, которой в недавнем прошлом придерживалось корееведение, как и вся советская историческая наука. Учитывая большой объем созданной за полвека литературы по истории Кореи, по каждому периоду рассматриваются только наиболее значительные, по мнению автора, работы, причем, конечно же, весьма кратко.

Древность и средние века

Самая ранняя история Кореи, как и любого другого государства, изучается на основе археологических данных и сообщений древнейших исторических хроник. Долгое время советские ученые имели возможность опираться только на достижения археологической науки КНДР, которая, надо признать, проделала большую и плодотворную работу по изучению различных археологических эпох (в особенности палеолита) на северной половине Корейского полуострова. Частично использовались также материалы археологических обследований Кореи, проведенных еще в колониальный период. В последние годы ученым стали доступны и соответствующие южнокорейские публикации, расширяющие круг источников для исследователей ранней истории Кореи. Необходимо подчеркнуть, что авторы изданных в СССР работ, базируясь на отчетах многочисленных археологических экспедиций и трудах корейских ученых, нередко воспринимали их критически и высказывали по ряду проблем собственные взгляды и оценки.

Среди письменных источников по ранней истории Кореи заметное место занимают древнейшие китайские династийные хроники, часто содержавшие сведения о соседних с Китаем народах, в том числе тех, которые находились на Корейском полуострове и в прилегающих к нему районах. Начало работе над материалами китайских хроник о древней Корее положил упоминавшийся ранее в этой книге выдающийся русский востоковед Н. Я. Бичурин. Его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», изданный в 2 томах в 1950 г., содержит (во 2 томе) большое количество переведенных на русский язык выдержек из китайских хроник о Корее и ее взаимоотношениях с Китаем в разные периоды глубокой древности. Работу Бичурина продолжил крупный востоковед нашего времени Н. В. Кюнер (1877–1955). Собранные им материалы, касавшиеся, в частности, и древней Кореи,

опубликованы в его книге «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока» (1961). Сведения о Корее есть и в некоторых китайских хрониках, изданных в переводе на русский язык.

Важным событием не только российского, но и мирового корееведения явилось издание в переводе на русский язык древнейшей из сохранившихся до нашего времени корейских исторических хроник «Самгук саги» («Исторические записи трех государств»), осуществленное М. Н. Паком. Первый том (летописи Силла) опубликован в 1959 г., второй (летописи Когурё и Пэкче) — в 1995 г. Под руководством М. Н. Пака в 2002 г. завершена работа над третьим томом (разные описания, биографии), которую вместе с ним осуществила группа его учеников во главе с Л. Р. Концевичем. Каждый том, помимо перевода текста оригинала, содержит обстоятельное аналитическое предисловие и подробные комментарии, составленные с учетом зарубежных исследований, в том числе и принадлежащих южнокорейским ученым (Ли Бён До, Ли Ги Бэк и др.). Насколько известно, русское издание «Самгук саги» — единственное, увидевшее свет за пределами Кореи. М. Н. Пак опубликовал также в переводе на русский язык очень ценный раздел о Корее из китайской хроники III века нашей эры «Сань-го чжи» («Проблемы востоковедения», 1961, № 1).

Постепенное накопление археологических данных и материалов письменных источников позволило с середины 1950-х гг. начать изучение ранней истории Кореи. Первым к нему приступил и внес в него наибольший вклад М. Н. Пак.

Во второй половине 1950-х гг. среди историков КНДР развернулась широкая дискуссия о характере Древнего Чосона и трех государств начала нашей эры — Когурё, Пэкче, Силла. В дискуссии принял участие и М. Н. Пак, опубликовав в связи с ней несколько статей и сделав доклад на состоявшемся в Москве в 1960 г. XXV Международном конгрессе востоковедов[1]. В них он изложил свою концепцию ранней истории Кореи. Суть ее вкратце в том, что Корея перешла от первобытнообщинного строя непосредственно к феодализму. Это не исключало наличия в ней элементов рабовладения, но они не имели определяющего значения. Когурё, Пэкче и Силла были раннефеодальными по своему характеру, прошли долгий и сложный путь создания базиса и надстройки и полностью сформировались как государства в IV–VI вв. Концепция М. Н. Пака была одобрительно воспринята учеными (причем не только корееве-

дами) в СССР и за рубежом. С интересом отнеслись к ней и в КНДР. Основная статья М. Н. Пака «О характере социально-экономических отношений в государстве Силла (III–VI вв.)» вскоре после ее выхода была опубликована в Пхеньяне на корейском языке[2] и, видимо, нашла немало сторонников среди северокорейских историков.

В 1960 г. в СССР был издан в переводе на русский язык первый том первого обобщающего труда ученых КНДР «История Кореи» («Чосон тхонса», 1956 г.), посвященный периоду с глубокой древности до середины XIX в. Его авторы указали в предисловии на ряд еще не выясненных ими вопросов корейской истории и заверили: в «дальнейшем мы будем прилагать свои усилия для решения этих вопросов и придаем особенно большое значение тем критическим замечаниям, которые будут высказаны в отношении недочетов настоящей книги как нашими корейскими, так и зарубежными читателями и учеными»[3]. В обширном предисловии к русскому изданию М. Н. Пак высоко оценил воплощенную в этой книге работу северокорейских историков. Вместе с тем, откликаясь на призыв авторов, он высказал свое мнение по затронутым ими вопросам (о сущности Древнего Чосона, времени возникновения и характере трех государств и т. д.), а также сделал ряд критических замечаний.

Однако к тому времени, когда была опубликована на русском языке «История Кореи», в исторической науке КНДР произошли крупные перемены. Становившаяся господствующей идеология чучхе требовала от ученых полного единства мнений, строгого следования официально одобренной высшим руководством концепции истории Кореи. А она исходила из того, что Корея — одна из древнейших стран мира, прошла все без исключения признанные марксистской наукой общественно-экономические формации, включая рабовладельческую, развивалась абсолютно самобытным путем, демонстрируя при этом непревзойденные образцы национального творчества, не только не испытывала на себе каких-либо внешних влияний, но, напротив, сама благотворно влияла на ближайших соседей и т. д. В результате научные дискуссии в КНДР постепенно были прекращены, спорные вопросы истории Кореи решались согласно официальным установкам. Всякое несоответствие им во взглядах корейских и зарубежных историков категорически отвергалось и осуждалось, что, безусловно, не шло на пользу науке.

Одним из проявлений происходивших в КНДР изменений стала крайне негативная оценка предисловия М. Н. Пака в «Истории Кореи», высказанных в нем его мнений и товарищеской критики. Фактически возглавивший тогда историческую науку в КНДР академик Ким Сок Хён выступил по этому поводу с откровенно враждебной статьей, в которой эмоции зачастую преобладали над аргументами и даже допускались оскорбительные выпады в адрес видного советского ученого[4]. Статья Ким Сок Хёна открыла серию резко критических, не всегда оправданных и корректных, выступлений в печати КНДР против работ советских корееведов, в том числе и некоторых авторов данной книги. В известной мере это характеризует обстановку, в которой вообще развивалось тогда советское корееведение.

Несмотря на раздававшиеся из КНДР возражения, концепция М. Н. Пака была поддержана советской исторической наукой и остается в силе до настоящего времени. Сам М. Н. Пак развивал и углублял ее в ряде своих работ, а также в нескольких общеисторических коллективных трудах. Размышления об основных этапах, пройденных Кореей с древнейших времен до IX века, и характере корейского общества на каждом из этих этапов, развернутая аргументация высказанных им взглядов, анализ существующих в науке точек зрения изложены в книге М. Н. Пака «Очерки ранней истории Кореи» (1979).

Заложенная М. Н. Паком концептуальная база позволила более основательно заняться изучением глубочайшей древности и средневековой истории Кореи. В 1961 г. вышла книга М. В. Воробьева «Древняя Корея. Историко-археологический очерк». В ней обобщены известные к тому времени археологические данные и хроникальные материалы, выводы и оценки ученых ряда стран по проблемам начальной истории Кореи вплоть до периода трех государств включительно. Автор с сомнением отнесся к возможности прохождения Кореей палеолита и рассматривал ее историю только с эпохи неолита. Следует иметь в виду, что важнейшие палеолитические находки были сделаны в Корее уже после издания книги М. В. Воробьева, они учтены в последующих работах советских корееведов (в частности, в упомянутых выше «Очерках ранней истории Кореи» М. Н. Пака). К книге М. В. Воробьева примыкает по содержанию сравнительно небольшая работа А. Ф. Шокова «Археология Кореи. Краткий очерк» (1962). Ее автор, одно

время преподававший в университете Пхеньяна, сам участвовал в некоторых археологических экспедициях в КНДР.

Изучение древней истории Кореи неизбежно потребовало обратить внимание на период, непосредственно предшествовавший возникновению государств Когурё, Пэкче, Силла, на существовавшие до этого этнические образования и процесс зарождения в них государственности. Этой теме Ю. М. Бутин посвятил свои книги «Древний Чосон» (1982) и «Корея: от Чосона к Трем государствам» (1984). В них достаточно подробно освещены такие важные вопросы, как местонахождение Древнего Чосона и созданных на его территории после 109 г. нашей эры четырех ханьских округов (Чинбон, Имдун, Хёндо, Аннан), а также других ранних очагов формирования корейского народа, их хозяйственное положение, социальная структура, пути развития и т. д. Автор утверждает, что все они находились на разных стадиях становления в них государства, но более полная и определенная характеристика каждого из них, с точки зрения классовой принадлежности, возможна лишь в ходе дальнейшей исследовательской работы.

Еще одним обращением к сюжетам древнейшей истории Кореи явилась книга В. М. Тихонова «История каяских протогосударств (вторая половина V в.— 562 г.)» (1998). В ней анализируются проблемы существования на юге Корейского государства ряда политических образований, известных под общим названием Кая. На основе широкого круга древних китайских и японских, средневековых корейских источников (письменные памятники Кая отсутствуют) автор пришел к выводу, что каяские политические образования имели характер раннеклассовых обществ, вышедших уже из первобытности, но не успевших сформировать государственных институтов, типичных для бюрократических монархий Дальнего Востока, так как были поглощены более развитым и мощным государством Силла. Им приведены данные, опровергающие распространяемые до сих пор (главным образом, из Японии) спекулятивные, ненаучные суждения, будто бы юг Кореи в древности был японской колонией.

Продолжалось также изучение различных аспектов истории трех государств, особенно Когурё. Наиболее значительными по этой теме стали книги Р. Ш. Джарылгасиновой «Древние когурёсцы (к этнической истории корейцев)» (1972) и «Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («стела Квангэтхо-вана»)» (1979). В первой из них воссоздан процесс

складывания и укрепления в Когурё раннефеодального государства, рассмотрено состояние его материальной и духовной культуры. Вторая, как это видно из ее названия, исследует ранние этапы этнической истории корейцев на основе эпиграфических материалов. Как справедливо указывает автор, письменные памятники трех государств до нашего времени не дошли, зато сохранились бесценные для науки эпиграфические данные — надписи на каменных стелах, на стенах гробниц, на оружии, бытовых и ритуальных предметах из металла и дерева. В центре исследования пространная надпись на стеле, установленной в 414 г. в честь выдающегося правителя и военачальника Когурё Квангэтхо (391–412), переведенная и детально проанализированная автором как источник, освещающий многие проблемы происхождения корейского народа.

Конкретная картина формирования и развития государства в Когурё, Пэкче и Силла показана в книге С. В. Волкова «Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи» (1987). В ней рассмотрены структура и функции государственного аппарата, основные слои аристократии, столичного и провинциального чиновничества, их положение в обществе и место в системе управления государством. Наибольшее внимание уделено Силла, особенно превращению его со второй половины VII века в единое, централизованное феодальное государство.

Среди истоков корейской духовной культуры важную роль, как известно, играл буддизм. Это стало темой другой книги С. В. Волкова — «Ранняя история буддизма в Корее» (1985). Автор анализирует социально-экономические и политические предпосылки проникновения и распространения буддизма в Корее в IV–IX вв., выявляет время, пути и формы появления и утверждения буддизма в трех корейских государствах, кратко рассказывает о сектах корейского буддизма, о крупнейших монастырях и т. д. Показаны экономические позиции буддизма, его постепенно возраставшее значение в идейно-политической жизни Кореи указанного выше периода ее истории.

Своего рода обобщением исследований в области древности и раннего средневековья Кореи стала книга М. В. Воробьева «Корея до второй трети VII века: этнос, общество, культура и окружающий мир» (1997). В ней прослеживаются процессы зарождения и становления корейского этноса, формирования его социальной структуры, возникновения на Корейском полуострове первых государств и образования на их основе единой централизованной монархии, развития корейской нацио-

нальной культуры. Вполне закономерно Корея воспринимается автором как органическая часть всего Дальнего Востока, и происходившие в ней процессы рассматриваются в тесной связи и взаимодействии с соседними странами и народами.

Проблемы последующей истории Кореи освещены в нескольких крупных работах российских корееведов. Благодаря им значительно расширен круг оригинальных корейских источников и литературы, на которых основываются научные исследования. В этих работах использованы такие выдающиеся памятники истории средневековой Кореи, как «Корё са» («История Корё»), «Тонгук пёнгам» («Военное обозрение Кореи»), «Синджын тонгук ёджи сыннам» («Новое, дополненное описание корейской земли и ее достопримечательностей»), «Тэджон хвэтхон («Свод великих законов») и др., а также многочисленные научные труды, опубликованные в Северной и Южной Корее, других странах.

Книга Ю. В. Ванина «Феодальная Корея в XIII–XIV веках» (1962) — первая и пока единственная в российском корееведении крупная работа по истории государства Корё. Хотя ее тема — борьба корейского народа против монгольских завоевателей в XIII в., но содержание книги много шире. В ней подробно исследуется характер и формы землевладения, состояние сельского хозяйства, ремесла и торговли, классовая структура общества и формы феодальной эксплуатации народа Корё до монгольских нашествий и те тяжелые последствия, к которым привели страну эти нашествия и длительная зависимость Корё от монгольской Юаньской империи. Большое место занимает показ роста противоречий в социально-экономической и политической сферах в Корё в последней четверти XIV в., которые обусловили падение правящей династии и приход к власти группировки «реформаторов» во главе с Ли Сон Ге, начавших серию важных преобразований, необходимых для упрочения пошатнувшейся феодальной системы.

Государственное устройство Корё и происходившие в нем со временем изменения, правившая в стране высшая знать и подчиненное ему многочисленное служилое сословие разных уровней описаны в уже упоминавшейся книге С. В. Волкова «Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи».

Видимо, нет необходимости доказывать, что понять сущность любого феодального общества невозможно, не зная его основы — земельной системы. Во всяком случае, так считали и продолжают считать в российском корееведении. Поэтому в

работах о средневековой Корее, в том числе и названных выше, нередко в той или иной степени затрагивались вопросы землевладения и землепользования и связанных с ними социальных отношений.

Специально этой теме посвящена книга Ю. В. Ванина «Аграрный строй феодальной Кореи XV–XVI вв.» (1981). Исследование в ней начинается с тех крупных преобразований в аграрной сфере, которые проводились в Корее в конце XIV — начале XV вв. с целью восстановления и укрепления разложившейся в предшествующий период государственной собственности на землю, определявшей собой важнейшие стороны корейского феодализма на протяжении многих столетий. Автор анализирует всю совокупность форм земельной собственности, сложившуюся в XV в., выявляет противоречия, свойственные каждой из них и их взаимоотношениям между собой, и приходит к выводу, что меры по восстановлению и укреплению в Корее государственной собственности имели лишь кратковременный эффект. Во второй половине XV в. и в XVI в. быстрыми темпами расширялось частное феодальное землевладение, что приводило к обезземеливанию крестьянства, росту всех видов феодальной эксплуатации и, в конечном счете, к ослаблению государства, наглядно проявившемуся в тех огромных трудностях, с которыми Корея столкнулась в годы Имджинской войны (1592–1598).

Отдельно следует сказать о государстве Бохай (Пархэ). В историографии Северной и Южной Кореи его история примерно одинаково рассматривается как неотъемлемая часть корейской истории. В советской и российской исторической науке по этому поводу существует другое мнение. Бохай считается принадлежащим к истории народов российского Дальнего Востока, поскольку именно они составляли этническую основу этого государства. При этом вовсе не отрицается наличие в нем и значимость когурёского компонента[5]. Так как Бохай принято относить к истории российского Дальнего Востока, корееведение им сколько-нибудь серьезно не занималось, и потому разработка этой темы остается вне рамок данной книги.

Корея в новое время

Как уже отмечалось, согласно периодизации всемирной истории, которой придерживалась наука в СССР, начало нового времени исчислялось с XVII–XVIII вв., т. е. со времени анг-

лийской и французской буржуазных революций, возвестивших начало эры капитализма. На протяжении всего этого периода Корея оставалась феодальной страной. Однако и в ней постепенно нарастали глубокие противоречия во всех областях жизни общества, которые все более активно тормозили развитие экономики и культуры и породили в XIX в. сначала загнивание, а затем и кризис феодальной системы в Корее. Свидетельствами тому стали неоднократные народные восстания, попытка государственного переворота, предпринятая в 1884 г. реформаторами во главе с Ким Ок Кюном, и в особенности крестьянская война 1893–1894 гг., проходившая под знаменем религиозного движения тонхак.

Изучение новой истории Кореи российскими учеными ведется на очень широкой базе разнообразных источников. Период второй половины XIX — начала XX в. достаточно полно и многосторонне отражен в материалах российских архивов, содержащих поистине неисчерпаемые богатства, а также в ряде официальных документальных публикаций. Многочисленные и крайне ценные свидетельства очевидцев представлены в отчетах русских путешественников, побывавших в Корее в 80–90-х гг. XIX в. Часть из них собрана и издана Г. Д. Тягай в сборнике «По Корее. Путешествия 1885–1896 гг.» (1958). В возрастающей степени использовались также собственно корейские источники. Помимо названных выше, обращались к записям из «Лиджо силлок» («Хроника династии Ли») и других исторических хроник, но особенно часто — к трудам выдающихся корейских ученых и мыслителей изучаемого периода (Пак Чи Вона, Пак Че Га, Чон Да Сана и др.). В том, что касалось закабаления Японией Кореи и установленного ею там колониального режима, опирались также на японские официальные издания. Естественно, что по соответствующим проблемам привлекалась научная литература на разных языках.

Первыми к внутренней истории Кореи нового времени проявили научный интерес М. Н. Пак и Г. Д. Тягай. В статье «К характеристике социально-экономических отношений в Корее XIX в.», опубликованной в 1952 г., М. Н. Пак, несмотря на скудость имевшихся тогда в его распоряжении источников, сумел верно наметить некоторые важные черты корейского феодализма на последней стадии его существования. И хотя автор по этой причине не мог еще выявить в полной мере и конкретно те принципиально новые явления, которые нарождались в недрах феодального общества, он тем не менее при-

шел к правильному выводу: «Превращение Кореи в колонию японского разбойничьего империализма в начале XX в. задержало прогресс страны и утверждение новых общественных отношений»[6].

Г. Д. Тягай начала с истории антифеодальной, национально-освободительной борьбы корейского народа в конце XIX в. Опубликовав по этой теме несколько небольших статей, она затем выпустила в свет книгу «Крестьянское восстание в Корее 1893–1895» (1953). Впервые в русской и советской корееведческой литературе она обстоятельно рассказала о мощнейшем народном движении, которому только вмешательство внешних агрессивных сил помешало поставить феодальную систему в Корее на грань полного краха. Впоследствии Г. Д. Тягай несколько расширила рамки исследования, издав еще одну небольшую работу «Народное движение в Корее во второй половине XIX в.» (1958).

В первых своих книгах Г. Д. Тягай касалась внутренней ситуации в Корее, но это был всего лишь фон для показа разраставшегося в стране освободительного движения. В значительно большей степени эта ситуация описана в ее книге «Очерк истории Кореи во второй половине XIX в.» (1960). На самом деле хронологические рамки книги шире, чем указано в названии, изложение в ней корейской истории доведено до русско-японской войны. В книге освещены социально-экономическое и политическое положение Кореи в разные периоды второй половины XIX — начала XX в., формы, методы и конкретные обстоятельства проникновения в нее крупнейших капиталистических держав, среди которых все активнее выдвигалась на первый план Япония, пагубные последствия для страны усилившегося иностранного гнета. Гораздо шире, чем прежде, представлено в ней освободительное движение. Это и борьба реформаторов во главе с Ким Ок Кюном, деятельность культурно-просветительных обществ, народные восстания против «своих» и иностранных эксплуататоров, вооруженное сопротивление иностранным захватчикам партизанских отрядов Ыйбён.

Необходимо отметить один примечательный факт: Корея второй половины XIX — начала XX в. стала в СССР также объектом историко-этнографического изучения. В этом отношении выделяется книга Ю. В. Ионовой «Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX вв.» (1982), Национальные обычаи, обряды, празднества

и пр., существовавшие в ту пору в Корее и впервые описанные в книге, увязаны с социально-экономическим положением ее народа, господствовавшей в стране идеологией, историческими традициями. С книгой Ю. В. Ионовой перекликается написанная задолго до нее, но только недавно изданная работа видного востоковеда Н. И. Конрада «Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX–XX вв.»[7]. В ней изложены сведения и наблюдения автора, почерпнутые им в ходе этнографического обследования Кореи еще в 1914–1915 гг.

Для дальнейшего изучения истории Кореи нового времени было естественным обращение к периоду, предшествовавшему XIX веку. В результате появилась на свет книга Ю. В. Ванина «Экономическое развитие Кореи в XVII–XVIII веках» (1968). В ней исследуется состояние сельского хозяйства, ремесла, горного и рыболовного промыслов, внутренней и внешней торговли, денежной системы Кореи, выявлено многое из того нового и значительного, что происходило в разных отраслях экономики в XVII–XVIII вв., указаны важнейшие факторы, препятствовавшие становлению и развитию всего нового в социально-экономической сфере.

Одним из побудительных мотивов для написания этой книги были проходившие тогда дискуссии среди советских ученых о характере истории стран Востока в новое время: некоторые утверждали, что Восток в целом (кроме Японии) был недвижим и «проснулся» к современной жизни только под воздействием Запада; другие доказывали, что даже в условиях преобладания застойных явлений в странах Востока, еще до прихода туда западных колонизаторов, все же наблюдались нараставшие тенденции прогресса буржуазной направленности. С последними солидаризировался Ю. В. Ванин, приведший в своей книге многочисленные факты роста в Корее XVII–XVIII вв. товарно-денежных отношений, постепенного подчинения им основных отраслей производства, зарождения в них отдельных зачатков капиталистических форм хозяйствования (в частности, в горном промысле в XVIII в.), которые в сложнейшей обстановке того времени не всегда могли полностью и окончательно реализоваться.

Важный аспект политической истории Кореи на начальном этапе нового времени освещен в книге А. Н. Ланькова «Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв.» (1995). Ее тема — образование и состав феодальных «партий», в большом количе-

стве возникавших в указанный период и ожесточенно соперничавших между собой из-за власти и привилегий. Их борьба в известной мере отражала рост противоречий в корейском обществе, прежде всего в среде господствующего класса. От других работ, нередко страдавших определенным схематизмом, книгу А. Н. Ланькова выгодно отличает то, что политическая история в ней «населена» живыми людьми, многие из которых наделены конкретной биографией, своеобразными человеческими чертами.

Назревшие в феодальной Корее качественные изменения, борьба нового со старым не могли не отразиться в духовной жизни общества. Крупнейшим явлением истории общественной мысли в Корее стало идейное течение Сирхак (Реальные науки), расцвет которого пришелся как раз на XVII — первую половину XIX вв. Биографии основоположников и виднейших деятелей Сирхак, критический анализ ими современной им действительности, предлагавшиеся ими проекты необходимых для страны преобразований основательно представлены в книге Г. Д. Тягай «Общественная мысль в Корее в эпоху позднего феодализма» (1971). Автор высоко оценивает деятельность этих выдающихся ученых, просветителей и мыслителей, чье творчество оказало большое влияние на последующее укрепление прогрессивных сил Кореи. Сделан справедливый вывод, что в их трудах воплощены объективно существовавшие потребности страны, а созданная их общими усилиями программа преобразований, если бы ее удалось реализовать, способствовала бы росту в экономике и социальном строе Кореи элементов капиталистических отношений.

Продолжая изучение истории корейской общественной мысли, Г. Д. Тягай опубликовала книгу «Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее» (1983)[8]. Внимание автора сосредоточено в ней на том, как последователи Сирхак, восприняв идейное наследие великих предшественников, развивали его применительно к сложнейшей ситуации последней четверти XIX в., когда Корея, вступившая в полосу обострявшегося кризиса, оказалась объектом иностранного закабаления. Но они не просто теоретизировали, а пытались осуществить свои замыслы на практике, добиваясь всестороннего улучшения положения страны, сохранения и упрочения его суверенитета. В книге исследуются программы и деятельность реформаторской группы Ким Ок Кюна и первых национально-патриотических организаций, а также те

идейные установки, которыми руководствовались участники массовых народных выступлений. Показаны принципиальные расхождения в самом патриотическом лагере, борьба в нем консервативных и прогрессивных тенденций.

К работам Г. Д. Тягай примыкает книга В. П. Пака «Просветительское движение и система образования в Корее во второй половине XIX — начале XX вв.» (1982). Ее тема — деятельность передовой корейской интеллигенции по просвещению народа, развитию школьной системы и других форм образования, патриотическому воспитанию молодежи. Просветительство в ней — это важная составная часть национально-освободительного движения корейского народа.

Изложенный выше цикл работ по идейно-политической истории Кореи завершает книга Г. Д. Тягай и В. П. Пака «Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX века» (1996). Как известно, 1905–1910 гг. были временем огромного подъема национально-освободительного движения корейского народа. Только потопив его в крови, японские захватчики смогли осуществить аннексию Кореи. Авторы анализируют основные направления национальной идеологии этого периода, рассказывают о мужественном сопротивлении японским колонизаторам корейской патриотической общественности и народных масс, подробно освещают идейные позиции и вклад в борьбу за независимость и прогресс своей страны духовных лидеров того времени — Пак Ын Сика, Син Чхэ Хо, Ан Чхан Хо и др. Показаны также деятельность просветительских обществ в тяжелейших условиях первых лет после аннексии Кореи и та большая работа, которую вели корейские эмигрантские организации в Китае, России, Америке и Японии.

Книге Г. Д. Тягай и В. П. Пака предшествовали несколько менее крупных по объему, но тоже весьма содержательных работ по близкой ей тематике. Среди них следует выделить книги М. Хана «Освободительная борьба корейского народа в годы японского протектората (1905–1910)» (1961) и Б. Д. Пака «Освободительная борьба корейского народа накануне первой мировой войны» (1967). К ним примыкает по содержанию еще одна книга Б. Д. Пака — «Возмездие на харбинском вокзале» (1999), посвященная национальному герою Кореи Ан Чун Гыну. На основе обнаруженных им в российских архивах документальных материалов автор рассказал о подвиге Ан Чун Гына, застрелившего в октябре 1909 г. на вокзале в Хар-

бине крупнейшего японского политика, организатора колониального закабаления Кореи Японией князя Ито Хиробуми. Как показано в книге, акция Ан Чун Гына — это месть за порабощенный и униженный корейский народ, часть общей борьбы патриотов против японских захватчиков.

Эти три работы, как бы дополняя друг друга, охватывают изложением период до и сразу же после аннексии, подчеркнув тем самым непрерывность национально-освободительного движения, какие бы потери ему ни приходилось понести от жестоких захватчиков. Все вместе названные выше книги российских ученых глубоко и разносторонне воссоздают славную и трагическую историю борьбы Кореи за свободу и независимость, в ходе которой она в одиночку отстаивала свое существование, не получая реальной поддержки от внешнего мира.

В начале данной главы отмечалось, что изучение Кореи нового времени в СССР начиналось с истории борьбы держав за господство в этой стране в конце XIX — начале XX в. Условия советско-американской конфронтации предопределили то, что на первый план выдвигалась тогда лидирующая роль США в этой борьбе, их покровительство захватнической политике Японии в Корее. На эту тему был опубликован ряд статей[9]. Корея была широко представлена в большой коллективной работе «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945)» (издания 1951 и 1956 гг.), некоторых других трудах общего содержания. Много важного и ценного для понимания международной ситуации на Дальнем Востоке и места в ней корейского вопроса в конце XIX — начале XX в. дают книги Б. А. Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907 гг.» (1947) и С. С. Григорцевича «Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг.» (1965). Но наибольший интерес по масштабам затронутых проблем, объему использованных документов и материалов, глубине анализа представляет книга А. Л. Нарочницкого «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895» (1956), в которой Корее уделено много внимания. Эта книга до сих пор не утратила своей научной ценности для тех, кто занимается внешнеполитическими проблемами Кореи второй половины XIX в.

В работах начального периода по дипломатической истории Дальнего Востока (особенно у А. Л. Нарочницкого) корейская политика России занимала значительное место. Однако специ-

ально и основательно ее исследовал Б. Д. Пак. Собрав и обработав огромное количество материалов из российских архивов, документальных публикаций и прессы, он обобщил и проанализировал их в книге «Россия и Корея» (1979). В 2004 г. Б. Д. Пак опубликовал второе, дополненное издание своей книги. До настоящего времени это наиболее крупное и содержательное исследование истории взаимоотношений двух соседних стран со времени первых контактов между ними и до аннексии Кореи Японией в 1910 г. Выделены основные этапы формирования и осуществления политики России в отношении Кореи, определены ее задачи на каждом этапе, методы их реализации и достигнутые результаты. Хотя в этой книге, как и в изданных до нее, Корея — объект российской внешней политики, но автору тем не менее удалось показать российско-корейские отношения как двусторонний процесс, в котором Корея играла отнюдь не пассивную роль.

Монографию Б. Д. Пака существенно дополнила новыми данными из архивных материалов и других источников Б. Б. Пак в работе «Российская дипломатия и Корея (1860–1888)» (1998). Как видно из названия книги, основное внимание в ней сосредоточено на связанной с Кореей деятельности российской внешнеполитической службы. Детально освещены первые дипломатические контакты двух соседних стран, меры российской дипломатии по установлению и расширению официальных отношений России с Кореей, противодействию опасному усилению позиций в Корее недружественных России государств, среди которых главными в период, рассматриваемый в книге, считались цинский Китай и Англия. Большое значение в российско-корейских отношениях придавалось юридическому урегулированию проблем нараставшего потока переселенцев из Кореи на русский Дальний Восток.

Следующий этап дипломатической истории российско-корейских отношений рассмотрен Б. Б. Пак в монографии «Российская дипломатия и Корея. Книга вторая. 1888–1897» (2004). В ней исследуется период после подписания Договора о сухопутной торговле между Россией и Кореей (1888), особенно накануне, во время и в первые годы по окончании японо-китайской войны (1894–1895). В центре внимания автора — противостояние российской дипломатии экспансии Японии на Корейском полуострове.

Б. Д. Пак, Б. Б. Пак (как и А. Л. Нарочницкий и некоторые другие авторы) весьма критично подходят к корейской поли-

тике России, указывают на ее недостатки и ошибки, в наибольшей мере относившиеся к началу XX в. и приведшие к русско-японской войне (1904–1905). Но главный их вывод, подтвержденный документами,— Россия не стремилась к захвату Кореи. Ей было необходимо, чтобы эта страна не использовалась другими государствами как плацдарм, угрожавший безопасности российского Дальнего Востока, что, конечно же, не исключало наличия у России определенных политических, экономических и военных интересов в Корее. Всем своим содержанием книги Б. Д. Пака и Б. Б. Пак опровергают длящуюся многие десятилетия фальсификацию корейской политики России конца XIX — начала XX в. западной и японской историографией. Последняя обслуживала таким образом интересы правящих кругов США, Англии, Японии, которым измышления о «захватнических планах» России были нужны для прикрытия их собственных агрессивных целей в Корее.

Насколько известно, воздействие зарубежных антироссийских «произведений» испытала на себе и корейская историография. Это не удивительно для Республики Корея, где историки долгое время могли опираться только на источники и литературу из США, Японии и других стран. Но и в КНДР политика России также неоправданно оценивается только негативно. Положение начало несколько меняться с тех пор, как некоторые корейские ученые получили доступ к российским архивам, официальным изданиям и научным исследованиям. В результате наука о Корее в последние годы пополнилась опубликованными на русском языке книгами Пак Чон Хё «Россия и Корея 1895–1898» (1993) и «Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея» (1997), Чой Док Кю «Россия в Корее: 1893–1905 гг. (Политика Министерства финансов и Морского министерства)» (1996). Их авторы, критически анализируя различные аспекты корейской политики России, сумели все же сделать шаги к более точному и объективному ее пониманию.

«Для царской России,— пишет, например, Пак Чон Хё,— главная задача на Дальнем Востоке состояла в обеспечении безопасности своих рубежей, в частности, путем укрепления политического и экономического влияния в Корее и Китае». «Россия,— указывает он далее,— исходя из необходимости обезопасить свои дальневосточные рубежи, стремилась способствовать независимому развитию Кореи». Говоря о захватнических действиях Японии, Пак Чон Хё признает: «Основным

препятствием на пути осуществления планов Японии на Корейском полуострове была Россия»[10]. Первые работы южнокорейских ученых, вышедшие на русском языке, формально не принадлежат к российскому корееведению, хотя и тесно с ним связаны. Они позволяют надеяться на то, что корейская историография при знакомстве с российскими материалами уточнит свои взгляды и оценки, преодолеет прежнюю их односторонность.

Еще один важный участник международных отношений по поводу Кореи — Китай некоторое время отчасти затрагивался в работах советских авторов. Впервые корейской политикой Китая вплотную занялись в Институте востоковедения АН в период обострения советско-китайских противоречий. По условиям того времени делалось это, как правило, в закрытых работах «для служебного пользования». В 1965 г. таким образом был опубликован коллективный труд «Корейско-китайские отношения с древнейших времен до наших дней», в котором один из разделов освещал историю XVII–XIX вв. Ю. В Ванину принадлежал раздел «Политика Китая в отношении Кореи» в работе «Китай и соседи в новое и новейшее время» (1982).

Продолжением исследования истории корейско-китайских отношений явилась книга Л. В. Забровской «Политика Цинской империи в Корее 1876–1910 гг.» (1987), посвященная одному из наиболее важных и сложных периодов этой истории. Книга также основана на архивных материалах, большом количестве российских, китайских и других источников, литературе на разных языках. В политике Китая выделены два этапа — до и после японо-китайской войны (1894–1895), когда он сначала пытался разными путями добиться решающего преобладания в Корее, а затем резко ослабил там свои позиции. Рассмотрены политические и торгово-экономические связи Китая и Кореи, причины, условия и результаты переселения корейцев в Манчжурии, главным образом в Кандо (Цзяньдао).

Важный аспект истории корейско-китайских отношений — процесс становления и утверждения границы между двумя соседними государствами. Впервые к этой сложной и актуальной теме обратился Ю. В. Ванин в разделе «Китайско-корейская граница в прошлом и настоящем» в коллективной монографии «Формирование границ Китая», изданной «для служебного пользования» в 1977 г. Институтом

Дальнего Востока АН СССР. В расширенном виде данный раздел под названием «Китайско-корейская граница: история и современность» опубликован в открытом варианте этой монографии «Границы Китая: история формирования» (2001). К пограничной проблеме обратилась также Л. В. Забровская в небольшой, но содержательной книге «Китайский миропорядок в Восточной Азии и формирование межгосударственных границ (на примере китайско-корейских отношений в XVII–XX вв.)» (2000).

Главное «действующее лицо» в борьбе держав за господство в Корее — Япония, конечно же, привлекала к себе повышенное внимание советской науки. Принимавшиеся ею энергичные меры по проникновению на Корейский полуостров, вытеснению оттуда всеми способами, включая военные, своих соперников, дипломатическому обеспечению ее крепнущих позиций в Корее и, в конечном счете, полному подчинению этой страны нашли отражение в уже упоминавшейся книге А. Л. Нарочницкого, в других работах по истории международных отношений на Дальнем Востоке. Установление Японией в Корее колониального режима, созданные им невыносимые условия для корейского народа с разной степенью полноты показаны в названных ранее работах о национально-освободительном движении в Корее.

Наиболее детально и аргументированно история захвата Кореи Японией и ее политика исследуются в книге В. И. Шипаева «Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895–1917)» (1964). Автор выявляет экономические, политические, идеологические пути вторжения Японии в Корею и утверждения там ее позиций, прослеживает изменения их форм и содержания с конца XIX в. до 1910 г., показывает, как японские захватчики и их корейские пособники подготовили и осуществили аннексию Кореи. Большой раздел книги посвящен начальному этапу существования японского колониального режима и проводимой им политике по экономическому ограблению Кореи, удушению ее национальной культуры. В известной мере работу В. И. Шипаева дополняет и конкретизирует книга И. И. Василевской «Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904–1910)» (1975), освещающая более подробно период протектората, использование его Японией для полного порабощения Кореи.

Завершая разделы об изучении древней, средневековой и новой истории Кореи, следует хотя бы кратко отметить, что исто-

рия корейской культуры не оставалась вне поля зрения российских ученых. Ее основные этапы и направления, наиболее значительные достижения, как правило, отражены в обобщающих трудах по истории Кореи. Таким важным отраслям культуры, как общественная мысль, система просвещения, посвящены названные ранее специальные работы. В ряде статей затронуты отдельные аспекты материальной и духовной культуры разных периодов истории Кореи. В известной мере накопленный наукой фактический материал систематизирован в книге М. В. Воробьева «Очерки культуры Кореи» (2002) и учебном пособии И. А. Толстокулакова «Очерк истории корейской культуры» (2002). Однако, основная работа по комплексному и углубленному изучению истории корейской культуры, выявлению ее места в мировой цивилизации, еще впереди.

Новейшая история Кореи. Колониальный период

К новейшей истории, как уже говорилось, в советской историографии относили период с 1917 г., т. е. со времени Октябрьской революции в России, считавшейся началом всемирной эпохи социализма, и до настоящего времени. Применительно к истории Кореи этот период прошел через несколько принципиально важных рубежей и, соответственно, подразделялся на ряд более коротких по времени периодов. Поэтому последующее изложение также состоит из нескольких разделов, первый из которых охватывает период с 1917 по 1945 г., до окончания японского колониального господства в Корее.

В работах по новейшей истории Кореи до 1945 г. большое место обычно занимал анализ колонизаторской политики японского империализма, форм и методов экономической эксплуатации Кореи, превращения ее в аграрно-сырьевой придаток Японии, создания на Корейском полуострове военного плацдарма для агрессии против Советского Союза и Китая. Подробно описывалось тяжелое положение корейского народа, тот экономический гнет, социальное бесправие и национальное унижение, которым его подвергали японские оккупанты. Уделялось также внимание ассимиляторской политике японских властей, их попыткам затормозить развитие корейской культуры, подорвать национальное самосознание корейцев, с помощью интенсивной идейной обработки добиться покорности корейского народа колониальным хозяевам.

Одной из первых крупных работ о Корее, изданных в СССР в послевоенное время, была книга Е. А. Пигулевской «Корейский народ в борьбе за независимость и демократию» (1952), в которой большая глава посвящена колониальному периоду и содержит обширный материал по многим перечисленным выше проблемам. Этому же автору принадлежит статья «Экономика Кореи под гнетом японского империализма» в сборнике «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1954). Публиковались также работы по отдельным аспектам японского колониализма в Корее и конкретной ситуации в этой стране. Некоторые из них затронула М. И. Лукьянова в книге «Японские монополии во время второй мировой войны» (1953). В книге И. С. Казакевича «Аграрные отношения в Корее накануне второй мировой войны» (1958) исследовались формы земельной собственности и землепользования, система колониальной эксплуатации корейского крестьянства в 1920–1930-е гг. В сборнике «Корея. История и экономика» (1958) были помещены статьи В. И. Шипаева «Колонизаторская политика японского империализма в Корее в области промышленности и сельского хозяйства (1920–1931)» и Ф. И. Шабшиной «Корея в период войны на Тихом океане (1941–1945)».

Значительный интерес проявлялся также к национально-освободительной борьбе корейского народа в новейшее время. Среди многочисленных славных страниц ее истории прежде всего обратились к Первомартовскому восстанию 1919 г.— одному из крупнейших антиколониальных выступлений в Азии того периода. О нем была издана книга Ф. И. Шабшиной «Народное восстание 1919 года в Корее» (1952), детально осветившая причины восстания, процесс превращения мирных демонстраций народных масс, возмущенных колониальным гнетом, в героические вооруженные схватки с превосходящими силами оккупантов, кровавое подавление народного движения японской военщиной, уроки и последствия восстания. События 1919 г. в Корее увязывались непосредственно с влиянием Октябрьской революции 1917 г. в России, что автор доказывал на ряде примеров. Вместе с тем, как было тогда принято, оспаривалось воздействие на корейских патриотов политики США, знаменитой декларации («14 пунктов») президента Вильсона, на чем настаивала зарубежная литература. Видимо, следует признать, что таким образом неоправданно ограничивались идейные и политические истоки Первомартовского движения.

У книги Ф. И. Шабшиной «Народное восстание 1919 года в Корее» оказалась трудная судьба. Автор неоднократно ссылался в ней на Пак Хон Ёна (Пак Хен Ена), который, как известно, не только был видным участником национально-освободительного движения в Корее, но и много писал о его истории, в том числе и о Первомартовском восстании. Вскоре после выхода в свет книги Ф. И. Шабшиной Пак Хон Ён был отстранен от руководства в КНДР и репрессирован. Автору пришлось в связи с этим пережить некоторые неприятности, книгу «закрыли». Лишь в 1958 г. вышло ее второе, причем основательно сокращенное издание.

В последнее время в российском корееведении произошло важное событие — выход книги Б. Д. Пака и Пак Тхэ Гына «Первомартовское движение 1919 г. в Корее глазами российского дипломата» (1998). В ней содержатся 14 уникальных документов, недавно обнаруженных в архивах Москвы. В большинстве своем — это донесения генерального консула России в Сеуле Я. Я. Лютша с марта 1919 по март 1921 гг. Российский дипломат на основе личных наблюдений и имевшихся у него источников информации почти по дням излагает ход восстания 1919 г., сообщает о последовавших за ним выступлениях корейского народа. Его сообщения показывают огромный размах восстания, самоотверженность и героизм его участников, жестокость японских карателей. Их автор полон сочувствия к восставшему народу, хотя и не приемлет крайних мер его борьбы. Можно не сомневаться, что появление этой книги значительно расширит документальную базу изучения истории Первомартовского движения.

В 1999 г. в России, как и в обеих Кореях, отметили 80-летие Первомартовского восстания. По этому случаю в Москве состоялась научная конференция, в которой, наряду с российскими учеными, приняли участие ученые из Республики Корея. По итогам конференции был издан сборник статей «Первомартовское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение» (1999). Его авторы обобщили и проанализировали накопленные наукой данные о предыстории, ходе и последствиях восстания и вместе с тем ввели в научный оборот некоторые новые материалы, попытались критически переосмыслить отдельные уже устоявшиеся выводы и оценки. Все они единодушно подчеркивали историческое значение Первомартовского восстания, его заметную роль в судьбе Кореи, в общей освободительной борьбе народов мира.

В 2001 г. отмечалось 75-летие еще одного крупного антиколониального выступления корейского народа — Июньской демонстрации 1926 г. в Сеуле. Уступая Первомартовскому движению по масштабам и накалу борьбы, Июньская демонстрация знаменательна тем, что ее организовали и совместно провели корейские коммунисты и левые националисты. Жестоко расправившись с демонстрацией, колониальные власти устроили над ее участниками несколько судебных процессов, использованных патриотами для продолжения борьбы против колонизаторов. Этой уникальной и яркой странице корейской истории были посвящены международная научная конференция в Москве и сборник «Июньская демонстрация 1926 года в Корее. Статьи и материалы», изданный на русском и корейском языках (2003). Помимо аналитических статей о характере и значении Июньской демонстрации, в него включены некоторые архивные документы и публикации советской прессы 1926–1928 гг.

На изучении истории национально-освободительного движения в Корее, как и в других странах, в известной мере сказывались идеологические представления, господствовавшие долгое время в советских общественных науках. Считалось, что истинными выразителями национальных интересов колониальных и зависимых стран, борцами за свободу и лучшую жизнь народов являются только коммунисты и близкие к ним левые группы, а авангардом сил, выступающих за независимость,— нарождающийся рабочий класс. Националисты же, напротив, в основном воспринимались как не настоящие патриоты, как представители местной буржуазии, склонной к компромиссам с империализмом и даже измене своему народу. Поэтому их деятельность чаще всего оценивалась негативно или вообще не удостаивалась внимания. Из всех форм и методов освободительной борьбы явное предпочтение отдавалось самым радикальным, прежде всего вооруженному сопротивлению колонизаторам.

В силу сказанного выше, при описании, например, хода Первомартовского движения обычно давались критические, неуважительные отзывы о его инициаторах и лидерах, говорилось об их «трусливом» поведении в решающие дни, «предательстве» восставшего народа. Из этого делался вывод о проявившейся тогда слабости националистического руководства, его незаинтересованности в активной борьбе за независимость Кореи. После Первомартовского движения оно, как полагали,

утратило в глазах народа ведущую роль, которая с 1920-х гг. перешла к рабочему классу и его передовому отряду — коммунистам, и в большинстве своем оказалось на позициях национал-реформизма, капитулировавшего перед японским империализмом.

Примерно в таком ключе написана книга В. И. Шипаева «Корейская буржуазия в национально-освободительном движении» (1966). В ней собран большой материал о корейской буржуазии в условиях колониального господства Японии и о происходивших на разных этапах изменениях ее экономического и политического положения и идеологии. В ее среде автор выделил три группы: компрадорскую, тесно сомкнувшуюся с колонизаторами; наиболее крупную группу — умеренную, состоявшую из средней и мелкой национальной буржуазии, и самую малочисленную — «непримиримых» мелкобуржуазных националистов. Последней группе уделено мало внимания. Главный объект исследования — национальная буржуазия, сотрудничавшая с колониальными властями и японским капиталом и потому не вступавшая в решительную борьбу с ними. Ее идейно-политические позиции ограничивались национал-реформизмом, программа которого не шла дальше требования автономии Кореи. Национал-реформизм тормозил освободительное движение корейского народа, а к концу колониального периода скатился к полной поддержке японских властей и их политики.

Хотя крестьянство в Корее колониального времени составляло подавляющее большинство населения, его борьба за социальное и национальное освобождение описывалась лишь частично и не стала предметом специального изучения. Несравнимо более интенсивно изучался рабочий класс. Ему посвящена одна из самых значительных работ советского корееведения — книга Г. Ф. Кима «Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве» (1965). По ряду причин она была издана «для служебного пользования». Основная ее часть охватывала период до 1945 г. Рассмотрев процесс формирования рабочего класса и его положение в колониальной Корее, Г. Ф. Ким сконцентрировался на проблемах рабочего и коммунистического движения и его месте в общей борьбе корейского народа. Признавая их важнейшую роль в этой борьбе, он вместе с тем утверждал, что рабочий класс не смог в полной мере стать гегемоном национально-освободительного движения из-за слабости «субъективного

фактора» — отсутствия у него своей Коммунистической партии. Это произошло только после освобождения Кореи.

Книга Г. Ф. Кима (хотя она и была «закрытой») лишь отчасти затрагивала историю коммунистического движения в Корее. Дело в том, что эта тема вообще была «закрытой» для советских ученых. Существовала строгая установка, что она входит в исключительную компетенцию Трудовой партии Кореи, вмешательство в которую недопустимо. Тем более, что прошлое корейского коммунистического движения содержит некоторые деликатные моменты для политической системы, существующей в КНДР, и ее руководителей; суждения и выводы советских исследователей наверняка не во всем совпадали бы с официальной историографией КНДР и т. д. Правда, в самом начале 1980-х гг., когда советско-северокорейские отношения оставались прохладными, высшее партийное руководство приняло решение издать сборник имевшихся в СССР документов и материалов по истории корейского коммунистического движения (разумеется, только некоторой их части). Однако, в результате резкого улучшения двухсторонних отношений после визита Ким Ир Сена в СССР в 1984 г. уже подготовленный сборник по указанию сверху был ликвидирован.

Перестройка в СССР и связанное с ней постепенное открытие архивов, в том числе коминтерновского, позволили по-настоящему начать изучение проблем коммунистического движения в Корее. Первым и пока единственным достижением на этом пути явилась книга Ф. И. Шабшиной «История корейского коммунистического движения (1918–1945 гг.)» (1988). Поскольку тогда только начинался отход от прежних жестких ограничений, она также была издана «для служебного пользования». В книге впервые широко использованы материалы архива тогдашнего Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Архива внешней политики СССР, личного архива автора, секретных публикаций японского генерал-губернаторства в Корее и т. д. Автор критически рассмотрел некоторые существующие в современной науке концепции, включая официальную северокорейскую. Воссоздавая историю зарождения и развития коммунистического движения в Корее, Ф. И. Шабшина анализирует не только позитивные, но и негативные стороны этого процесса, выявляет недостатки и ошибки самих корейских коммунистов и руководившего ими Коминтерна. Ее итоговый вывод заключался в том, что несмотря на собствен-

ные слабости, присущие периоду роста, и огромные потери из-за жестоких репрессий японских властей, коммунисты ко времени освобождения Кореи представляли собой реальную силу, способную при интернациональной поддержке возглавить социальную (народно-демократическую по своему характеру) революцию в стране.

Следующий шаг на этом пути был сделан книгой Л. А. Усовой «Корейское коммунистическое движение 1918–1945 гг. Американская историография и документы Коминтерна» (1997). Как видно из названия, главное в ней — исследование концепций ученых США (Р. Скалапино, Ли Джон Сика, Со Дэ Сука и др.), которые весьма интенсивно занимались историей коммунистического движения в Корее. Своеобразие книги в том, что взгляды и фактические данные американских ученых, опиравшихся в основном на японские источники, сопоставляются с материалами российских архивов и таким образом подтверждаются или опровергаются. Благодаря этому не только увеличен объем конкретных сведений, но и расширена историографическая база изучения важной проблемы новейшей истории Кореи.

Из всех форм сопротивления корейского народа японским захватчикам, как уже говорилось, особо выделялась его вооруженная борьба. Действия корейских партизанских отрядов в самой Корее и на территории Китая в той или иной мере освещены в перечисленных выше советских работах. Специально им посвящена книга В. М. Мазурова «Антияпонская вооруженная борьба корейского народа 1931–1940 гг.» (1958). В ней собран доступный тогда фактический материал, преимущественно из северокорейских публикаций, дающий представление о размахе и эффективности партизанского движения, самоотверженности и героизме его участников. Начало массовой вооруженной борьбы, согласно концепции того периода, когда писалась эта книга, отнесено к 1931 г.— ко времени прихода к руководству партизанскими отрядами корейских коммунистов во главе с Ким Ир Сеном. Националистическая часть сил корейского боевого сопротивления, существовавшая до и после 1931 г., за редким исключением, оставлена вне поля зрения. После выхода книги В. М. Мазурова в советском корееведении не было крупных работ о корейском партизанском движении.

При изучении новейшей истории Кореи советскими учеными обычно подчеркивалось влияние на многие ее аспекты

Октябрьской революции 1917 г. в России, социалистического строительства в СССР и проводимой им интернационалистской политики. Полнее всего революционные связи народов двух соседних стран, максимально возможная в условиях той эпохи поддержка Советским Союзом национально-освободительной борьбы корейского народа показаны в соответствующих главах коллективного труда «СССР и Корея» (1988). В этой книге, как и в ряде статей, рассказано также об участии корейцев в гражданской войне на русском Дальнем Востоке, которая была для них ареной борьбы против общего врага — японского империализма. Среди работ на эту тему выделялась книга М. Т. Кима «Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918–1922)», (1979), содержащая свыше 70 биографических очерков о видных корейских военных и политических деятелях, первых коммунистах (Ли Дон Хви, Хон Бом До, Пак Чин Сун, Нам Ман Чхун, Кан Сан Джу и др.). Большинство их погибло в годы сталинских репрессий и теперь восстанавливалась правда о них.

Первое крупное обобщение исследований советских ученых о колониальной Корее было предпринято Ф. И. Шабшиной в «Очерках новейшей истории Кореи (1918–1945)» (1959). В них намечены основные этапы, пройденные страной за этот период, подвергнуты всестороннему анализу колониальная политика японского империализма, социально-экономическое и политическое положение Кореи на каждом из этих этапов, но главное внимание уделено сущности и значению важнейших событий корейского национально-освободительного, рабочего и коммунистического движения. Помимо всего прочего, книга Ф. И. Шабшиной интересна тем, что она воплотила в себе многие достоинства и недостатки, свойственные в недавнем прошлом изучению советским корееведением истории Кореи новейшего времени.

Второй раз Ф. И. Шабшина, остававшаяся долгое время крупнейшим в России специалистом по новейшей истории Кореи, обратилась к обобщающему анализу проблем этого периода в своей последней книге «В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца» (1992)[11]. Ее содержание представляется важным и ценным по нескольким причинам. Во-первых, автор в ней рассказывала о себе и своем времени, об известных людях (в том числе корееведах), с которыми ее сталкивала судьба. Во-вторых, это воспоминания о

Корее первой половины 1940-х гг., о положении ее народа в жесточайших колониальных условиях и мужественной борьбе патриотов с угнетателями. Автору довелось тогда многое узнать и пережить. Личные наблюдения умного и полного сочувствия к Корее человека, собранные ею материалы и рассказы участников разных событий могут послужить дополнительным источником для исследователей. И, наконец, в-третьих, значительная часть книги — это размышления ученого о событиях и проблемах новейшей истории Кореи, уточнение и пересмотр целого ряда выводов и оценок, прежде всего самого автора, лежащих в основе концепции, разработанной российским корееведением за минувшие десятилетия. В частности, она признает воздействие на Первомартовское восстание, наряду с Октябрьской революцией в России, и «14 пунктов» Вильсона, высказывается за необходимость позитивного рассмотрения всех потоков национально-освободительного движения, более вдумчивое отношение к методам антиколониальной борьбы и т. д. Дискуссионная по своему характеру, переоценка ценностей, произведенная в книге Ф. И. Шабшиной, активизирует творческий подход к одному из сложнейших периодов корейской истории, в котором находятся корни многих современных явлений и процессов.

Освобождение Кореи

Все 35 лет японского господства корейский народ не прекращал мужественного сопротивления оккупантам, борясь против них доступными ему средствами в своей стране и за ее пределами. Избавление Кореи от колониального гнета явилось одним из итогов длительной войны союзных держав против агрессии Японии в Азии и на Тихом океане. Однако на корейской земле против японских войск сражались только Советские вооруженные силы. Выполняя принятые ранее обязательства перед союзниками, ровно через три месяца после разгрома фашистской Германии, 9 августа 1945 г., СССР вступил в войну с Японией. В Корее действовали советская 25-я армия, подразделения Тихоокеанского флота и Военно-воздушных сил. В целом, боевая операция здесь была сравнительно краткосрочной (к концу августа советские войска вышли к согласованной с американцами разграничительной линии по 38-й параллели), но в ряде случаев напряженной и кровопролитной. В схватках с японцами на территории Кореи Совет-

ские вооруженные силы потеряли 1963 человека убитыми и ранеными[12].

Боевые действия советских войск в Корее оперативно освещались в печати. Сообщения Советского информационного бюро о событиях на фронтах войны с Японией, в том числе в Корее, регулярно публиковали газеты «Правда», «Известия», «Красная звезда» и другие издания. В статьях журналистов, находившихся в рядах наступавших войск, рассказывалось о ходе боевых операций, наиболее ярких военных эпизодах, подвигах моряков, пехотинцев, летчиков. В них излагались впечатления от первого знакомства с Кореей и ее народом, отмечалась искренняя радость и большой душевный подъем, с которыми встречали советские войска в освобожденных городах и селах Северной Кореи. Часть материалов такого рода вошла в сборник «Бои в Маньчжурии и Корее» (1945).

Впоследствии тема боев за освобождение Кореи отошла на второй план, уступив место информации и аналитическим статьям о нарождавшемся корейском вопросе, ситуации в Северной и Южной Корее. О ней вспомнили в 1946 г., в первую годовщину освобождения Кореи, а затем надолго забыли. Статья Н. К. Вайнцвайга «Разгром фашистского блока и освобождение Кореи» в изданном в 1954 г. сборнике «Корейская Народно-Демократическая Республика» не касалась военного аспекта проблемы, сосредоточившись на роли СССР в открывшейся для Кореи перспективе некапиталистического развития, характеристике социально-политических процессов, развернувшихся на Севере и Юге, критике корейской политики США.

К вопросу об освобождении Кореи в Советском Союзе вновь обратились серьезно только через 20 лет. За это время выросло новое поколение людей, для которых август 1945 г. был уже далекой историей. Старели участники войны, надо было сохранить для потомков наиболее значительные их воспоминания. К тому же появилось еще одно важное обстоятельство, на которое невозможно было не реагировать. Изменения в политике и идеологии КНДР, связанные с выдвижением ее руководством теории и практики чучхе, не могли не отразиться на исторической науке, в том числе и в вопросе об освобождении Кореи. Первое время там подчеркивалась освободительная миссия СССР, но с начала 60-х гг. в научных и популярных изданиях КНДР утверждалось, что созданная и руководимая Ким Ир Сеном Корейская народно-революционная армия

(КНРА), взаимодействуя с Советской армией, освободила Корею от японского колониального ига. Затем Советскую армию постепенно вообще перестали упоминать и все проведенные ею боевые операции в Корее ставились в заслугу исключительно КНРА. Соответственно преподносилась читателям и последующая история Северной Кореи.

Столь произвольное обращение с историей, невозможность в тогдашних условиях вступать в полемику с официальной историографией КНДР, как уже говорилось, породили в советском корееведении новый и весьма ценный жанр — сборники воспоминаний и статей. Их авторами были участники освобождения Кореи, советские специалисты, помогавшие восстанавливать и развивать экономику и культуру на Севере, а также ученые-корееведы. Ни с кем не споря и никого не критикуя, они рассказывали только о пережитом и увиденном лично ими, излагали доступные тогда документальные материалы, отстаивая таким образом историческую правду. Их воспоминания сами стали своеобразными документами эпохи.

Первый сборник воспоминаний и статей «Во имя дружбы с народом Кореи» (1965) был издан к 20-летию освобождения Кореи. Его основными авторами были генерал Н. Г. Лебедев — член Военного совета 25-й армии, а с 1947 г.— начальник Управления советской гражданской администрации в Северной Корее; морской разведчик М. А. Бабиков и военный моряк Г. В. Терновский, получившие за бои в Корее высшее воинское отличие — звание Героя Советского Союза, и известный юрист Б. В. Щетинин, несколько лет работавший советником в Северной Корее. Их воспоминания, содержавшие множество интересных деталей, в целом воссоздавали реальную картину освобождения Кореи и первых лет жизни ее северной части, зарождения там государства — Корейской Народно-Демократической Республики. Вскоре М. А. Бабиков издал расширенный вариант своих воспоминаний отдельной книгой «На восточном берегу» (1969). Еще одну книгу воспоминаний о боях в Корее, «Глазами матроса» (1964), опубликовал писатель В. Д. Успенский.

В 1976 г. вышел сборник «Освобождение Кореи» — самый крупный по рассматриваемой нами теме. В нем помимо названных выше Н. Г. Лебедева, М. А. Бабикова и Б. В. Щетинина участвовали генерал И. М. Чистяков — бывший командующий 25-й армии, адмирал С. Е. Захаров — в прошлом член Военного совета Тихоокеанского флота, военный летчик

генерал В. И. Платов, генерал Б. Г. Сапожников, служивший в 1945 г. в Политическом управлении Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке, полковник С. Г. Цыпленков, командовавший тогда одной из дивизий 25-й армии, военный журналист В. А. Митин. Сборнику предпослано предисловие бывшего Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А. М. Василевского. Впервые в этом сборнике столь подробно описаны боевые действия Вооруженных сил СССР против японских войск на земле, на море и в небе Кореи, деятельность Советского командования и Управления советской гражданской администрации в Северной Корее, их взаимоотношения с местным населением. Богатый опыт и высокий уровень информированности авторов сделали сборник серьезным источником для изучения подлинной истории освобождения Кореи.

Возможности работы по этой теме несколько расширились с изданием сборника «Отношения Советского Союза с народной Кореей 1945–1980. Документы и материалы» (1981). В нем впервые опубликованы извлеченные из архива обращения Советского командования к корейскому народу в августе 1945 г., выдержки из донесений о боевых действиях 25-й армии и десантных отрядов Тихоокеанского флота в Корее и другие документы. Наибольший интерес представляет директива Сталина от 20 сентября 1945 г. Советскому командованию в Северной Корее о взаимоотношениях войск с местными органами власти и населением (к сожалению, приведенная тогда не полностью). В ней, в частности, подчеркивалось, что «Красная армия вступила в Северную Корею с целью разгрома японских захватчиков и не преследует целей введения советских порядков в Корее и приобретения корейской территории»[13]. Директива предписывала войскам не препятствовать образованию в Северной Корее антияпонских демократических организаций, обеспечить мирный труд населения и защиту его частной и общественной собственности, не мешать исполнению религиозных церемоний и т. д. Таковы были первоначальные планы советского руководства относительно Северной Кореи, и можно только пожалеть, что начавшаяся вскоре «холодная» война заставила от них отступить.

На основе известных документов, мемуаров и материалов прессы пока лишь делались попытки кратко воссоздать историю освобождения Кореи. В той или иной мере о ней написано в ряде изданных в СССР крупных работ о второй мировой

войне[14]. Главы на эту тему включены в уже упоминавшийся коллективный труд «СССР и Корея», а также в книгу «Корея: расчленение, война, объединение» (1995). В них анализируется военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке к августу 1945 г., излагаются действия советских войск в прилегающих к Корее районах Маньчжурии и в самой Корее, особенно на ее восточном побережье, кратко описаны ситуация в Корее в первые месяцы после освобождения и начавшаяся в ней борьба за выбор дальнейшего пути развития, меры военных властей в занятых Советской армией районах Северной Кореи. Как было недавно принято, все, что происходило на Севере, дано только в позитивном освещении, на Юге — только в негативном, что, конечно, не вполне объективно.

Следует признать, что в изучении истории освобождения Кореи российским корееведением сделаны пока лишь первые шаги. Между тем это тема, которая заслуживает полномасштабного исследования и с точки зрения ее военного аспекта, и с точки зрения значения освобождения Кореи для последующей ее судьбы. Можно надеяться, что она получит достойное воплощение в недалеком будущем на основе новых источников и материалов.

Корейская война

Война в Корее значительно увеличила внимание и интерес к Корее в СССР. В 1950–1953 гг. в советской печати было опубликовано свыше 200 материалов о Корее, в том числе более 20 книг и брошюр. В подавляющем большинстве своем эти публикации посвящались различным аспектам Корейской войны. В своих суждениях и оценках все авторы строго исходили из официальной позиции, занятой правительством СССР: войну начала Южная Корея нападением на КНДР 25 июня 1950 г.; США и их союзники, вмешавшиеся в эту войну, совершили агрессию против КНДР, используя послушную им Организацию Объединенных Наций; КНДР ведет справедливую освободительную войну, в которой ей на помощь пришли китайские народные добровольцы; на их стороне Советский Союз, страны народной демократии и все прогрессивное человечество.

Среди работ, вышедших в годы войны, самой крупной и содержательной была книга И. В. Кравцова «Агрессия американского империализма в Корее (1945–1951 гг.)» (1951). На-

писанная в основном на материалах советской, корейской, американской прессы, книга И. В. Кравцова содержит пространный очерк развития Северной и Южной Кореи со времени освобождения и до 1950 г. Основная направленность книги видна из ее названия и полностью отражает отмеченную выше официальную линию. США, утверждал автор, главный виновник раскола Кореи, их политика с самого начала была нацелена на колониальное закабаление Южной Кореи, превращение ее в плацдарм империалистической агрессии в Азии, прежде всего против Советского Союза и Китайской Народной Республики. Соответственно Южная Корея характеризовалась как зависимое от США полицейское государство, где у власти находилось реакционное марионеточное правительство, проводившее антинародную политику. Зато в исключительно позитивном духе излагалась позиция СССР в корейском вопросе, оценивались образование КНДР, проведенные ею реформы и все шаги в борьбе за национальное единство Кореи.

«На рассвете 25 июня 1950 г.— писал И. В. Кравцов,— войска марионеточного южнокорейского «правительства» Ли Сын Мана, выполняя приказ генерала Макартура, вероломно напали на Северную Корею»[15]. Спровоцировав таким образом войну между двумя частями Кореи, США вскоре сами вступили в эту войну, развязав прямую агрессию против КНДР под флагом ООН. Корейскую войну автор рассматривал как важный элемент захватнических планов США, стремившихся к мировому господству, увязав ее с враждебными действиями США в отношении Китая. В книге подробно описаны ход боев в Корее на разных этапах войны (до весны 1951 г.), борьба СССР и его союзников за прекращение иностранной интервенции, мирное разрешение корейского вопроса. Хотя книга И. В. Кравцова написана в разгар войны и до ее окончания оставалось еще 2 тяжелых года, автор закончил ее главой «Провал американской агрессии в Корее», выразив в ней уверенность в превосходстве «сил социализма, демократии и мира».

Книга И. В. Кравцова интересна до сих пор, отчасти использованным в ней фактическим материалом, но гораздо больше тем, что в ней впервые столь полно и четко изложены взгляды на причины и характер Корейской войны, надолго утвердившиеся в советской историографии. Примерно в таком же ключе написаны книги Л. Перова «Американская агрессия в Корее» (1951), Е. А. Пигулевской «Корейский народ

в борьбе за независимость и демократию», ряд брошюр и статей других авторов.

Особо следует выделить работы, в которых пересказывалось содержание южнокорейских и американских документов, захваченных северокорейцами в Сеуле в первые месяцы войны и вскоре опубликованные в Пхеньяне. С этими документами знакомил читателей М. Н. Пак в брошюре «Как подготовлялась американская агрессия в Корее (Документы, разоблачающие американских поджигателей войны)» (1951), в статьях «Документы, разоблачающие подготовку американской агрессии в Корее» и «Как американские империалисты подготовляли нападение на Корейскую Народно-Демократическую Республику»[16]. Отзывы на изданный в Пхеньяне сборник захваченных документов опубликовали также В. В. Лезин, Г. Тавров, В. П. Нихамин.

Все годы Корейской войны советская пресса регулярно сообщала о ходе боевых действий. В журналах («Новое время» и др.) периодически появлялись обзорные статьи о развитии событий на корейском фронте, помещались соответствующие карты. Краткие очерки военных действий в Корее были включены в упоминавшиеся выше книги И. В. Кравцова, Л. Перова, Е. А. Пигулевской. Специально этой теме посвящена книга М. Толченова «Вооруженная борьба корейского народа за свою свободу и независимость (Обзор военных действий. Июнь 1950 г.— июнь 1952 г.)» (1952). Все такого рода работы отражали официальную версию КНДР о возникновении и этапах войны, давали одностороннюю, исключительно благоприятную для Корейской народной армии и китайских народных добровольцев оценку результатов проведенных ими важнейших боевых операций, общих итогов войны. В том же духе выступали в печати советские журналисты, находившиеся в КНДР и описывавшие положение на фронте и в тылу, эпизоды военной и трудовой жизни республики. Из их наблюдений и встреч с людьми сложились книги С. Борзенко «Корея в огне. Очерки» (1951) и «Мужество Кореи. Очерки» (1953), А. Васильева, И. Волк, В. Корнилова «Корея в борьбе. Заметки журналистов» (1951), А. Кожина «Корея в дни войны» (1952), А. Ткаченко «Героическая Корея (Очерки и корреспонденции)» (1953) и др.

Как известно, во время Корейской войны в адрес США и их союзников было выдвинуто тяжкое обвинение в использовании на земле КНДР бактериологического оружия. В прессе

СССР и дружественных ему стран, на форумах активизировавшегося тогда международного движения за мир сообщалось о применении такого оружия против корейско-китайских войск и мирного населения, приводились доказательства, собранные различными комиссиями экспертов, гневно осуждались инициаторы и исполнители бесчеловечных акций. По этому поводу появилось множество публикаций, в числе которых были книги М. Рагинского, С. Розенблита, Л. Смирнова «Бактериологическая война — преступное оружие империалистической агрессии» (1950), П. Ромашкина «Чудовищное преступление американских агрессоров в Корее» (1953) и др. Видимо, развернутая тогда кампания острой критики США преследовала преимущественно пропагандистские цели, поскольку в последующие годы в советских научных изданиях вопросам применения в Корее бактериологического оружия не уделено серьезного внимания. А в воспоминаниях известного дипломата и ученого М. С. Капицы «На разных параллелях. Записки дипломата» (1996) это вообще названо «выдумкой»[17].

После окончания Корейской войны количество публикаций о ней в СССР, естественно, уменьшилось. Однако интерес к этой теме в советской историографии постоянно сохранялся, а в последние годы заметно возрос. Причины этого, вероятно, не только в значении Корейской войны для мировой истории своего времени, но и в том влиянии, которое ее последствия до сих пор оказывают на ситуацию на Корейском полуострове и вокруг него.

Опубликованные после 1953 г. очерки истории Корейской войны, как правило, строились примерно по одной схеме, в основном совпадающей с выдвинутой КНДР официальной концепцией: войну в Корее спровоцировали США и начали южнокорейские марионеточные власти; агрессия США и их союзников, санкционированная ООН, превратила гражданскую войну в опасный международный конфликт, не переросший в третью мировую войну только благодаря твердому противодействию сил мира и прогресса, возглавляемых СССР; боевые действия в Корее прошли через три основных этапа (июнь — август 1950, сентябрь — октябрь 1950, октябрь 1950 — июль 1953) и в результате стойкости и мужества Корейской народной армии, китайских народных добровольцев и всего корейского народа, ведших справедливую освободительную войну, завершились поражением и изгнанием агрессоров; подписанное 27 июля 1953 г. соглашение о пере-

мирии — победа КНДР, продемонстрировавшая преимущества социалистического строя и реальное значение пролетарского интернационализма. Среди написанных по такой схеме работ по истории Корейской войны наиболее крупными были статья Г. Ф. Кима «Великая освободительная война корейского народа» в уже не раз упоминавшемся сборнике «Корейская Народно-Демократическая Республика» и главы под общим названием «Отечественная освободительная война корейского народа» в книге Ф. И. Шабшиной «Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953 гг.)» (1958).

Новым для советской историографии периода после окончания Корейской войны стал вполне понятный интерес к тому, что публиковала об этой войне противостоявшая КНДР сторона. В 50–60-х гг. в переводе на русский язык вышел ряд книг ученых Запада, в которых излагались причины, ход и итоги войны в Корее, анализировался боевой опыт участвовавших в ней вооруженных сил. Каждой такой книге предпослана вступительная статья кого-либо из советских специалистов, критически рассматривавшая взгляды и оценки автора с позиции приведенной выше схемы. Большое внимание привлекли к себе следующие публикации: Стоун И. «Закулисная история войны в Корее» (1953), Уиннингтон А., Бэрчетт У. «Отъявленное вероломство (О политике США в период заключения перемирия в Корее)» (1955), Стюарт Дж. «Воздушная мощь — решающая сила в Корее» (1959), Кэгл Малькольм В., Мэнсон Фрэнк А. «Морская война в Корее» (1962) и др. Знакомство с ними расширило кругозор исследователей.

В 1950–1953 гг. и некоторое время после этого в Советском Союзе воздерживались проявлять свою причастность к войне в Корее. Единственное исключение делалось для показа активной морально-политической поддержки КНДР со стороны СССР. В печати регулярно сообщалось о многочисленных акциях солидарности с КНДР и борьбы за прекращение агрессии против нее, проводимых советской общественностью в стране и на международной арене. Постоянно освещались также внешнеполитические шаги СССР, публиковались соответствующие документы советского правительства, заявления его официальных представителей.

Дипломатическая деятельность Советского Союза в поддержку КНДР и КНР, особенно меры противодействия его представителей в ООН подходу США и их союзников к вопросу о возникновении и путях прекращения Корейской вой-

ны подробно изложены в статье В. В. Лезина «Борьба Советского Союза за мирное демократическое решение корейского вопроса» в сборнике «Корейская Народно-Демократическая Республика». Впоследствии к этой теме обращались и в других работах, затрагивавших историю войны в Корее, причем всегда только с позитивными оценками политики СССР. Даже явно ошибочное решение о неучастии советского представителя в заседаниях Совета Безопасности в первый месяц Корейской войны, позволившее США добиться тогда принятия выгодных им решений и прикрыть свои действия в Корее авторитетом ООН, не получило вполне заслуженного критического анализа.

К концу 1960-х гг. в СССР стали более широко показывать вовлеченность своей страны в Корейскую войну. Пожалуй, первым это сделал М. С. Капица в книге «КНР: два десятилетия — две политики» (1969). В ней он впервые сказал об участии в боевых действиях советских летчиков, прикрывавших от налетов американской авиации Северо-восток Китая и сбивших большое количество самолетов противника. Также впервые сообщил М. С. Капица о том, что СССР готовился в случае дальнейшего ухудшения обстановки отправить в Корею 5 бронетанковых дивизий «для отражения агрессии». Упомянул он и о том, что в Северной Корее находились советские военные советники и специалисты, что СССР снабжал Корейскую народную армию и китайских добровольцев оружием, боеприпасами, транспортными средствами, горючим, продовольствием, медикаментами. Важную информацию, сообщенную М. С. Капицей, затем повторили в разделах о Корейской войне авторы «Истории международных отношений на Дальнем Востоке» (Хабаровск, 1978) и других работ.

Специально Корейской войне и отношению к ней СССР посвящен сборник «За мир на земле Кореи. Воспоминания и статьи» (М., 1985), входящий в неоднократно названную нами мемуарную серию.

Обратившись к предшествовавшим войне событиям 1945–1948 гг., известный уже читателю генерал Н. Г. Лебедев в статье «Годы возмужания народной Кореи» напомнил о помощи СССР Северной Корее в укреплении ее государственной и экономической мощи в предвоенный период, в том числе в создании и повышении боевых качеств Корейской народной армии. Военный историк полковник Г. К. Плотников выступил в сборнике со статьей «Отечественная освободительная

война корейского народа (обзор военных действий)», которая до настоящего времени является самым крупным очерком на эту тему в советской и российской историографии. Статья «В Корее в огненные годы» П. И. Сакуна, работавшего торговым представителем СССР в КНДР, содержит его воспоминания о годах войны и некоторые данные о советско-корейских экономических связях того времени. Дипломат, журналист и ученый В. И. Петухов[18] в статье «Поддержка Советским Союзом борьбы корейского народа за единство и демократическое развитие родины» осветил позицию СССР в корейском вопросе с 1945 г. до Женевской конференции 1954 г., в том числе во время войны 1950–1053 гг. При этом он использовал и свои личные впечатления от участия в связанных с Кореей крупных международных мероприятиях и от работы в Посольстве СССР в Северной Корее. Деятельность советских общественных организаций, проявления солидарности советских людей с народом КНДР, советско-корейские культурные связи периода войны описаны в статье Ю. В. Ванина «Советская и мировая общественность в борьбе за мир, против империалистической агрессии в Корее».

Сборник «За мир на земле Кореи» также имел довольно трудную судьбу. Центральное место в нем должна была занять статья генерала Г. А. Лобова, который в годы Корейской войны командовал советским авиационным корпусом, противодействовавшим американской авиации в Северо-восточном Китае и Северной Корее (до Пхеньяна). Автор впервые рассказал много интересного о боевых делах своего корпуса, подверг критическому анализу действия обеих воевавших в воздухе сторон. Статья Г. А. Лобова была с одобрением воспринята всеми, кто ее читал. Против нее выступило только высшее военное ведомство СССР, считавшее тогда ее публикацию политически нецелесообразной. Не помогло даже вмешательство работников таких влиятельных инстанций, как Международный отдел ЦК КПСС и МИД СССР. Военные настояли на своем. Статью Г. А. Лобова изъяли из сборника, и она увидела свет лишь через пять лет, но уже в другом издании[19].

К сборнику примыкает по своему содержанию глава «Интернациональная помощь СССР и других социалистических стран КНДР в отражении империалистической агрессии» в книге «СССР и Корея». В ней отражены изложенная выше концепция, которой советская историография придерживалась почти 40 лет после окончания Корейской войны, и основ-

ной накопленный за это время фактический материал о военной, экономической, политической и моральной поддержке Советским Союзом КНДР, его усилиях по прекращению кровопролития в Корее.

С 1990 г., в новой обстановке, складывавшейся в СССР, ситуация с изучением истории Корейской войны резко изменилась. В связи с 40-летием начала этой войны появился ряд статей, в которых ответственность за ее возникновение возлагалась целиком на КНДР, причем особо подчеркивалась роль в этом Сталина (у одних авторов он «согласился» с намерениями северокорейских лидеров, у других — «отдал им приказ»). С тех пор издано несколько подобных статей. Их авторами иногда бывают те же, кто еще совсем недавно пропагандировали прежнюю официальную версию, а теперь без тени смущения утверждают прямо противоположное. Как правило, такие статьи опубликованы не в научных изданиях, все они невелики по объему и не основаны на серьезной документальной базе, поэтому не заслуживают рассмотрения.

Новый стимул изучению истории Корейской войны придало начавшееся открытие связанных с ней российских архивов. Часть хранившихся в них материалов, как известно, была передана в 1994 г. Республике Корея и некоторое время оставалась недоступной российским исследователям. Поэтому к их использованию в России еще только приступают.

Полнее других Корейская война была представлена в 1990-е гг. в уже упоминавшейся книге «Корея: расчленение, война, объединение» (подготовлена, главным образом, работниками Института военной истории Министерства обороны РФ). Ее авторы, опираясь, среди прочего, и на архивные источники, в основном придерживались прежней концепции, хотя и делали отдельные от нее отступления. В частности, они критически подошли к корейской политике СССР, наряду с официальной северокорейской излагали и некоторые другие версии начала войны и т. д. Новые документы из архивов о том, как назревала Корейская война, приведены в книге А. В. Торкунова, Е. П. Уфимцева «Корейская проблема: новый взгляд» (1995), осветившей преимущественно то, как участвовали в этом процессе КНДР и СССР. Предыстория Корейской войны и борьба за ее прекращение затронуты также в названных выше мемуарах М. С. Капицы. Помимо статьи Г. А. Лобова, публикуются и другие работы о боевых действиях советской авиации[20].

С новой силой интерес к Корейской войне проявился в 2000 г., когда отмечалось 50-летие ее начала. В Москве по этому поводу состоялась международная научная конференция, обстоятельно рассмотревшая многие аспекты предыстории, хода и последствий Корейской войны, политики причастных к ней стран. Выступления ее участников отразили многообразие взглядов и оценок, существующих в современной историографии Корейской войны. Материалы конференции изданы в сборнике статей «Война в Корее 1950–1953 гг.: взгляд через 50 лет»(2001).

Наиболее содержательной и интересной из российских публикаций о Корейской войне стала книга А. В. Торкунова «Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов» (2000). Почти целиком она основана на неизвестных ранее документах из Архива Президента РФ, что сделало их наконец-то доступными для остальных исследователей. Книга посвящена, главным образом, политике СССР накануне и во время Корейской войны, взаимоотношениям советского руководства с правительствами КНР и КНДР по широкому спектру проблем ведения этой войны. Автор исходит из того, что к войне готовились оба корейских государства, начала ее КНДР при поддержке СССР и КНР. Критически оценивая решения и конкретные действия СССР и его союзников, он далеко не всегда сопоставляет их с тем, что предпринималось в связи с войной с противоположной стороны.

Ход Корейской войны, соотношение сил ее участников, их военно-техническое обеспечение и тактические приемы подробно описаны в книге «Война в Корее 1950–1953» (2000). Этот объемистый труд, подготовленный в «закрытом» порядке группой военных специалистов еще в 1950-х гг., предназначался для командного состава Вооруженных сил. Вышедший в свет почти через полвека и слегка «осовремененный», он представляет интерес преимущественно для военных историков. Еще одна книга, «Тайны корейской войны» А. С. Орлова, В. А. Гаврилова (2003), несмотря на интригующее название, по большей части является компиляцией того, что уже известно из других работ.

Причины, характер и ход Корейской войны, степень и формы причастности к ней США, СССР и Китая, роль ООН в корейских делах и т. д., конечно же, требуют дальнейшего, более объективного и всестороннего анализа, критического пересмотра прежних взглядов и оценок. Для этого необходимо

добросовестно изучить и осмыслить документальные публикации и архивные материалы стран, имевших отношение к войне, а также посвященную ей колоссальную литературу, чего часто не делают авторы публикуемых в последний период статей, написанных явно наспех, в угоду новым идеологическим установкам. Указанная задача остается важным перспективным направлением российского корееведения.

Проблемы объединения Кореи

Национальная трагедия Кореи, вызванная длящимся более полувека расколом страны, стремление корейского народа к возрождению единой родины постоянно находятся в поле зрения советских, российских ученых. Вряд ли найдется крупная работа о современной Корее, которая в той или иной мере не касалась бы этих проблем.

Среди аспектов рассматриваемой в данном разделе темы наибольший интерес у исследователей вызывал вопрос о причинах и основных факторах раскола Кореи. Во всех прежних публикациях схема рассуждений по этому вопросу примерно одна и та же: раскол Кореи — результат империалистической политики США, которые давно зарились на «корейский лакомый кусок» (по выражению Ленина), и предательских, антинациональных действий южнокорейской реакции во главе с Ли Сын Маном; Советский Союз вместе с КНДР, при поддержке других социалистических стран, активно противостоял агрессивным замыслам США и их пособников, не позволил им поработить всю Корею, помог Северу сохранить независимость и право на выбор социалистического пути развития. При этой схеме упор делался на внешний фактор раскола Кореи, внутренние факторы отодвигались на задний план, причем сводились в основном только к показу вины южнокорейских властей. Ни о каком критическом самоанализе не было и речи.

По намеченной выше схеме рассматривались конкретные проблемы на важнейших этапах возникновения и закрепления раскола Кореи: позиции СССР и США на Московском совещании трех министров иностранных дел в декабре 1945 г. и на заседаниях Совместной советско-американской комиссии по Корее в 1946 и 1947 гг.; борьба политических сил Севера и Юга за сохранение национального единства, но обязательно только под эгидой одной из сторон, что в конечном счете стало

одной из причин Корейской войны; советско-американские противоречия по вопросам урегулирования в Корее на сессиях ООН, на Женевской конференции 1954 г. и т. д. Всякий раз подчеркивалась справедливая, направленная на защиту истинных национальных интересов корейского народа позиция СССР, КНДР и их союзников и, соответственно, несправедливая, антинародная и захватническая позиция противоположной стороны.

В таком духе были написаны упоминавшиеся ранее первые крупные работы о Корее Е. А. Пигулевской, И. В. Кравцова, В. В. Лезина, Ф. И. Шабшиной, Г. Ф. Кима и др. Все они опирались на один источник — известный сборник «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)» (1948), отражавший официальную точку зрения правительства СССР. При всей односторонности оценок (вполне объяснимой по условиям того времени), их работы содержат обширный фактический материал, не утративший значение и в наши дни. Во всяком случае, опубликованный в 1981 г. сборник документов и материалов «Отношения Советского Союза с народной Кореей» мало что смог прибавить в этом смысле. К работам названных авторов примыкают по своей направленности большая глава М. Н. Пака «Борьба Советского Союза и других социалистических стран за мирное демократическое решение корейского вопроса» в книге «Корея: Север и Юг» (1965) и другие работы.

С конца 50-х — начала 60-х гг. заметно изменилась расстановка сил в борьбе за урегулирование проблем Кореи. Установившееся с этого времени неустойчивое равновесие на Корейском полуострове привело к тому, что проблемы Кореи стали менее приоритетными во внешней политике СССР. Инициативу в корейском вопросе взяла на себя КНДР, опиравшаяся на заключенные в 1961 г. договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР и Китаем. Советский Союз чаще всего ограничивался декларациями о солидарности с КНДР, поддержкой ее многочисленных предложений относительно снижения военной напряженности на Корейском полуострове, устранения иностранного (точнее говоря, американского) вмешательства в корейские дела, поиска путей взаимопонимания и сближения двух частей Кореи.

Происшедшая в политике перемена не могла не отразиться в историографии. В работах о состоянии и перспективах решения корейского вопроса центр тяжести переместился на под-

робное изложение позиций КНДР по важнейшим аспектам этого вопроса, рассмотрение его инициатив о поэтапном сокращении вооруженных сил и вооружений двух корейских государств с одновременным выводом с Юга американских войск и вооружений, о превращении Кореи в безъядерную зону, замене перемирия в Корее мирным договором и, конечно, главного предложения Пхеньяна — о слиянии двух корейских государств в Демократическую Конфедеративную Республику Корё. Понятно, что по поводу всех этих инициатив высказывались только полное одобрение и поддержка. Именно в таком ключе написаны главы О. С. Сороко «Борьба корейского народа за мирное объединение страны» в «Очерках социалистического строительства в Корейской Народно-Демократической Республике» (1963), В. И. Денисова и В. И. Моисеева «Борьба КНДР за мирное объединение родины» в книге «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1985)[21], их же раздел «Борьба СССР и КНДР за мир и безопасность в Азии и на Дальнем Востоке, за мирное решение корейского вопроса» в книге «СССР и Корея» и др.

Документальные материалы и научная литература, опубликованные в Советском Союзе и за рубежом, обобщены в большой работе В. Д. Тихомирова «Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 1980 гг.)» (1998). Она явилась итогом многолетних собственных исследований автора (в основном «закрытого» характера). Рассмотрев историю возникновения и закрепления раскола Кореи, он сосредоточил внимание на 1970–1982 гг., которые были временем сначала разрядки международной напряженности, а затем нарастания антиразрядных тенденций. В книге дан подробный и объективный анализ позиций США, Китая и Японии по вопросам объединения Кореи, а также программ достижения национального единства, выдвинутых в Северной и Южной Корее. На основе этого анализа автор попытался определить возможные варианты дальнейшего развития событий в процессе корейского урегулирования, наметить целесообразные, с его точки зрения, акции Советского Союза для каждого такого варианта. Значительный интерес представляет заключающий книгу подробный обзор зарубежной литературы по корейской проблеме. К сожалению, обширная, насыщенная фактическим материалом и размышлениями автора, работа В. Д. Тихомирова, написанная в середине 1980-х гг., только недавно увидела свет. Ее подготовил к печати А. В. Ворон-

цов, дополнивший книгу В. Д. Тихомирова своей главой «Корейская проблема в системе международных отношений с середины 90-х годов XX в.».

Еще одна публикация прошлых лет по рассматриваемой в данном разделе теме — книга В. И. Денисова «Корейская проблема: пути урегулирования, 70–80-е годы» (1983). Автор показывает в ней принципиальные основы азиатской политики СССР, США, Японии и выявляет для каждого из этих государств место в ней корейской проблемы, своеобразие подходов к ее решению. Но главное в книге — анализ курса в вопросах мира, стабильности и объединения, проводимого Республикой Корея и КНДР. Явное предпочтение он отдает позиции КНДР, инициативы которой (а их после провозглашения в 1948 г. республики выдвинуто свыше 200), являются, по его словам, «ключом к урегулированию положения в Корее». Долг всех заинтересованных государств, подчеркивает В. И. Денисов, состоит в том, чтобы содействовать разблокированию сложной конфликтной ситуации в Корее.

К начальному этапу истории корейского вопроса вновь обратился В. И. Петухов в книге «У истоков борьбы за единство и независимость Кореи» (1987). Хотя она в основном выдержана в традиционном для советской историографии духе, но выгодно отличается от предшествовавших ей работ по этой теме более широкой и разнообразной документальной базой, в частности, введением в научный оборот части не известных тогда архивных материалов и зарубежных публикаций. Интересны воспоминания самого автора, имевшего непосредственное отношение к формированию корейской политики СССР, участвовавшего в заседаниях Совместной советско-американской комиссии по Корее, Женевской конференции министров иностранных дел (1954) и некоторых сессий ООН, работавшего в советском посольстве в КНДР в годы Корейской войны. Теперь любой исследователь ранней истории корейского вопроса (до середины 1950-х гг.) не сможет обойтись без использования этой книги.

Перечисленные нами работы опубликованы до 1990 г., когда произошли принципиально важные изменения в корейском вопросе (нормализация отношений Республики Корея с СССР и странами Восточной Европы, заметные сдвиги во взаимоотношениях двух корейских государств и т. д.). Этот год был значительной вехой не только в истории корейского вопроса, но и в изучении его российским корееведением. С тех

пор появилась возможность лучше узнать и более объективно исследовать и северокорейскую, и южнокорейскую политику в вопросах объединения Кореи, сравнить между собой их концепции и реальные дела, откровенно высказать собственные точки зрения ученых, которые, разумеется, далеко не всегда и не во всем совпадают.

Самой крупной из вышедших за последние годы работ является не раз уже упомянутая книга А. В. Торкунова, Е. П. Уфимцева «Корейская проблема: новый взгляд». Базируясь частично на новых материалах, авторы анализируют процесс возникновения и развития корейского вопроса, сконцентрировавшись, главным образом, на его состоянии в начале 1990-х гг., рассматривают ход межкорейского диалога, корейскую политику России, Китая, США, Японии. Высказывают они и свои суждения относительно возможных перспектив урегулирования проблем Кореи. «Новый взгляд» их в основном заключается в более критичном подходе к позициям Севера, чем Юга. В другой книге, о которой также неоднократно говорилось,— «Корея: расчленение, война, объединение», история корейского вопроса и его современное положение занимают большое место. Автор посвященного им заключительного раздела «Корея на пути к объединению» (Ю. В. Ванин) излагает программные установки и конкретные меры обоих корейских государств после 1953 г., считая объединительный курс КНДР более последовательным и конструктивным. С этих же позиций рассматривает он в статье «Корея на трудном пути к воссоединению» в сборнике «Корея на рубеже веков» (2002) процесс межкорейских отношений в разных его аспектах и историческую встречу лидеров Севера и Юга в Пхеньяне 15 июня 2000 г. Политика Севера и Юга последнего периода представлена также в книге И. О. Горелого «Корея. Концепции объединения» (1997), автор которой, напротив, с большей симпатией и доверием относится к позиции Республики Корея.

Открытие архивов позволило российским ученым вновь, на новой основе, обратиться к периоду зарождения корейского вопроса. Делаются попытки выяснить роль не только СССР и США, но и самих корейских политических сил в той национальной трагедии, которая постигла после 1945 г. Корею. Первым опытом в этом отношении стал доклад Ю. В. Ванина «Внутренние истоки раскола Кореи» на конференции корееведов Москвы в Институте Дальнего Востока РАН в декабре

1996 г.[22] Им также подверглись критическому анализу корейская политика СССР на раннем ее этапе и проведенные по ней исследования в статьях «Окончание второй мировой войны и Корея» и «Некоторые аспекты корректировки исследований по новейшей истории Кореи (1945–1955 гг.)»[23]. Работа в этом направлении еще только начинается.

Изучение ситуации на Корейском полуострове, взаимоотношений Севера и Юга, их мер в области снижения уровня конфронтации и борьбы за мирное объединение, позиций причастных к проблемам Кореи других государств имеют для России не отвлеченное научное значение, а вполне конкретный и очень важный практический смысл. Напомним еще раз, что Корея — ближайший сосед России и все, что там происходит, непосредственно и сильно затрагивает ее национальные интересы. Поэтому актуальные проблемы современной Кореи и причины их возникновения, степень остроты этих проблем и пути их урегулирования, возможности повышения роли России в оздоровлении обстановки на Корейском полуострове ради сближения двух корейских государств, во взаимовыгодном разностороннем сотрудничестве с каждым из них постоянно обсуждаются на различных конференциях с участием ученых и специалистов связанных с Кореей государственных ведомств. Публикация их материалов полезно дополняет современную литературу о Корее[24].

Осмысление ситуации на Корейском полуострове и вокруг него и происходящих в ней изменений, выявление всех тенденций в политике Севера и Юга и их взаимоотношениях, привлечение внимания российской общественности и властей к проблемам Кореи для содействия их решению — это форма участия корееведов в борьбе за мирное объединение Кореи, неизменно важная их задача в прошлом, настоящем и в будущем.

Изучение трудов зарубежных ученых

Корееведение, как и любая другая наука, не может активно развиваться только на собственной исследовательской базе, без контактов с мировой наукой, без учета ее достижений. В силу ряда причин политического и экономического характера советскому, а теперь российскому корееведению делать это не просто, но оно постоянно стремится к тому, чтобы по возможности больше знать о результатах работы зарубежных

коллег. Каждый автор вырабатывает свою научную концепцию по избранной им теме, опираясь, главным образом, на необходимые источники, но при этом использует и доступную ему литературу из других стран. С ее развернутого анализа начинается большинство опубликованных книг. Естественно, что для российских корееведов наибольший интерес представляют труды ученых Северной и Южной Кореи.

В предыдущих разделах данной главы отмечалось, что исследование древней, средневековой и новой истории Кореи ведется на базе широкого круга источников, преимущественно изданных в обеих Кореях. Не составляет исключения и новейший период, в том числе самая свежая современность. Для изучения всей истории этого периода и отдельных ее проблем, как правило, привлекаются публикации документов правительств и законодательных органов, сборники различных официальных материалов, статистические отчеты и многое другое. Большое количество конкретных сведений черпается со страниц прессы.

Говоря об источниках по новейшей истории и современности Кореи, нельзя не сказать особо об одном из них — речах и статьях лидеров двух корейских государств. Именно в них чаще всего формулируется государственная политика, определяются задачи и подводятся итоги на каждом этапе развития, анализируются стоящие перед страной проблемы и т. д. Несмотря на обязательную пропагандистскую направленность, в них почти всегда есть что-то важное и нужное для исследователей. Так, в трудах Ким Ир Сена можно найти немало суждений и оценок, нередко очень критичных, о реальном положении дел в различных сферах жизни КНДР. То же касается и нынешнего ее руководителя — Ким Чен Ира. Собрания их сочинений в переводе на русский язык распространяются Пхеньяном, издаются они и в России[25]. С трудами лидеров Республики Корея также начали теперь знакомиться в России, некоторые из них опубликованы на русском языке[26].

Для тех, кто изучает новейшую историю Кореи, важным источником должны стать многотомные мемуары Ким Ир Сена «В водовороте века». Их издание на русском языке началось с 1992 г., при жизни автора вышли первые шесть томов. Это, конечно же, прежде всего личные воспоминания Ким Ир Сена о своем уникально продолжительном жизненном и боевом пути, но одновременно и крупнейшее произведение совре-

менной историографии КНДР, так как автору в создании мемуаров, запечатлевших многие яркие страницы истории борьбы корейского народа за свободу и социальный прогресс, наверняка помогала большая группа ученых, сумевших привлечь огромное количество разнообразных материалов 20-х — 40-х гг. В книге немало такого, о чем раньше в КНДР не принято было писать[27].

Долгое время советское корееведение было связано в основном с исторической наукой КНДР. На начальном его этапе нехватка собственных работ отчасти возмещалась изданием переведенных на русский язык корейских книг и статей. В частности, вышли «Очерки новой истории Кореи» Ли Чен Вона (1952), коллективный труд «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа» (1953) и «История Кореи» («Чосон тхонса», т. 1), о которой мы уже рассказывали. Эти книги принесли определенную пользу советскому корееведению на начальной стадии его восстановления.

В научных журналах СССР периодически появлялись информационные статьи об исторической науке в КНДР и решаемых ею проблемах, об изданных там новых книгах[28]. Публиковались также аналитические статьи по некоторым направлениям проводимых в КНДР исследований[29].

Изменение политической и идеологической ситуации в КНДР в связи с утверждением там «чучхейских» принципов отразилось на том участке советского корееведения, о котором идет речь. Кроме названных выше трех книг в переводе на русский язык вышли еще книги Ким Хан Чжу и Хон Даль Сона «Кооперирование сельского хозяйства в Корейской Народно-Демократической Республике» (1961) и коллективная «История корейской философии». Т. 1. (1966). С тех пор больше не было переводных изданий, хотя в КНДР появлялось много нового в исторической науке. С конца 1970-х гг. прекратилась также публикация информационных статей и рецензий на книги северокорейских авторов.

Но изучение в СССР состояния исторической науки КНДР и ее важнейших результатов по-прежнему продолжалось. Только оно постепенно перешло в сферу «закрытых» работ. Ведь в трудах по истории Кореи, особенно новейшей, все явственнее проявлялись новые тенденции в идеологии и политике КНДР. Их не одобряли в СССР, однако писать об этом открыто, в том числе и при анализе изданных на Севере работ, считалось недопустимым. Сам этот анализ был необ-

ходим, поскольку помогал руководству страны полнее представить себе обстановку в КНДР. В 1963 г. ученые Института востоковедения АН опубликовали коллективное исследование «для служебного пользования» «Трактовка некоторых проблем корейской истории в историографии КНДР». В последующих изданиях такого рода нередко помещались статьи по разным темам. В 1970–1980-х гг. периодически составлялись пространные аналитические обзоры состояния исторической науки КНДР, основанные на материалах журнала «Ёкса квахак».

Определенное внимание уделялось также состоянию науки о Корее в США и Японии. Из работ американских ученых интересовали главным образом те, которые освещали историю Кореи последнего времени. Их критический анализ осуществлялся преимущественно в формах принятой тогда идеологической конфронтации[30]. Что касается исторической науки Японии, к ней обращались в основном по поводу изучения ею процесса формирования корейской государственности. По этой теме опубликовал ряд статей Рю Хак Ку, обобщивший их затем в книге «Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии» (1975).

Труды историков Республики Корея долгое время не становились объектами серьезного анализа, так как о них в СССР мало что знали. Лишь в 1965 г. В. И. Шипаев выступил со статьей о «Кукса тэсаджон» («Большом историческом словаре») Ли Хон Джика, рассмотрев содержащиеся там материалы по новой и новейшей истории Кореи[31].

Дальнейшее накопление знаний о работах зарубежных ученых по проблемам истории и современного развития Кореи позволило приступить к более крупному по масштабам и углубленному их изучению. Первым опытом системного анализа по некоторым наиболее важным направлениям явился сборник статей «История Кореи в буржуазной историографии» (1976). В него вошли большие статьи М. Н. Пака «Национализм и история (о некоторых чертах националистической концепции в работах буржуазных историков Южной Кореи)», Г. Д. Тягай «Трактовка проблем новой истории Кореи в историографии США», В. Д. Тихомирова «Проблема объединения Кореи в буржуазной историографии на рубеже 1970-х годов», Л. М. Володиной, В. М. Мазурова «Новое направление исследовательской работы в американском корееведении», В. И. Шипаева «Японские издания о политическом положе-

нии в Южной Корее». Отметив наличие в трудах ученых Республики Корея, США и Японии богатства фактических данных, авторы перечисленных статей критиковали многие из них за тенденциозность, неверные, с их точки зрения, методологические подходы к пониманию и оценке событий и процессов прошлого и настоящего Кореи.

Тему своей статьи из этого сборника М. Н. Пак впоследствии значительно расширил и развил в книге «Очерки по историографии Кореи (К критике буржуазно-националистических идей южнокорейских историков)» (1987). В ней показаны основные этапы истории исторической науки Кореи, начиная с раннего средневековья, изложены взгляды крупнейших ее представителей. Главное внимание уделено исторической науке Республики Корея и ее связям с националистической политикой правящих кругов. В южнокорейском национализме автор, в соответствии со взглядами того времени, выделяет реакционные (антикоммунистические) и демократические тенденции, рассматривая их проявления в многочисленных трудах по истории Кореи. Отметил он и влияние на некоторую их часть марксистской исторической науки.

Знакомство с трудами зарубежных ученых о Корее и их анализ продолжаются и сейчас. Свидетельства тому можно найти в книгах и статьях, изданных в России в последнее время. Во Владивостоке вышла книга Л. В. Забровской «Историографические проблемы японо-китайской войны 1894–1895 гг.» (1993), показывающая уровень и основные аспекты изучения крупнейшего события международной жизни на Дальнем Востоке в конце XIX в., непосредственно и сильно задевшего Корею. Наряду с другими в ней рассмотрена историография по этой теме Северной и Южной Кореи. Опубликованы также развернутые отклики Ю. В. Ванина на «Историю Кореи», изданную в 1995 г. на русском языке в Республике Корея, и вышедшую в 2000 г. в переводе на русский язык книгу видного южнокорейского ученого Ли Ги Бэка «История Кореи: новая трактовка»[32].

В течение ряда лет активно занимается анализом южнокорейской историографии начального этапа российско-корейских отношений Т. М. Симбирцева. В своих статьях она отмечает повышенное внимание ученых РК к этой теме и, вместе с тем, выявляет в трудах многих из них необъективность и предвзятость в оценке политики России на Корейском полуострове в конце XIX в., проистекающие из того, что их авторы

все еще следуют устарелым и ошибочным концепциям и не опираются на достоверные российские источники[33].

Есть достаточно оснований надеяться, что удельный вес историографических исследований в российском корееведении со временем возрастет.

Обобщающие труды по истории Кореи

Рассмотренные в предыдущих разделах данной главы этапы, проблемы и события корейской истории интересны и ценны сами по себе как отражения отдельных сторон жизни и борьбы корейского народа. Но они важны еще и потому, что выстроенные в единую, логически взаимосвязанную цепь, они позволяют увидеть и осмыслить весь исторический путь, пройденный Кореей, понять ее прошлое, настоящее и будущее. На этой основе создаются обобщающие труды, более или менее детально освещающие всю историю страны, ее продвижение с одной ступени прогресса на другую. Их появление — это заметная веха развития исторической науки. Каждый такой труд является итогом предшествующей коллективной научной работы и вместе с тем фундаментом для дальнейших исследований.

Впервые в СССР история Кореи представлена целиком и достаточно подробно в неоднократно уже упоминавшемся сборнике статей 1954 г. «Корейская Народно-Демократическая Республика». Сборник назван так потому, что тогда вся Корея воспринималась в СССР как Корейская Народно-Демократическая Республика, у которой ее южная половина незаконно оккупирована США, создавшими там марионеточный режим. В сборник включен обширный очерк истории Кореи с глубокой древности до 1945 г. (авторы В. П. Нихамин, Г. Д. Тягай, Ф. И. Шабшина). Последовавшие затем события на Севере и на Юге, вплоть до окончания Корейской войны, изложены в больших проблемных статьях Н. К. Вайнцвайга, Б. В. Щетинина, Ф. И. Шабшиной, В. В. Лезина и Г. Ф. Кима. Таким образом, сборник — это практически вся история Кореи к моменту его издания. Как и должно было быть, его содержание отражало уровень исторической науки того времени: одни периоды освещены более подробно, другие (особенно самые ранние) — менее подробно. Встречаются суждения и оценки, которые впоследствии потребовали уточнения или даже решительного пересмотра (например, трактовка реформаторской группировки Ким Ок Кюна как

«прояпонской клики»). Тем не менее сборник — крупное событие в советском корееведении, положительно сказавшееся на дальнейшем его развитии.

В следующий раз систематическое описание корейской истории было предпринято в справочном издании «Современная Корея» (1971). В нем также помещен большой исторический очерк, излагавший события с древнейших времен до конца 1960-х гг. (авторы Ю. В. Ванин, Ф. И. Шабшина, В. К. Пак, В. М. Мазуров). Он более полон и точен по своему содержанию, чем предшествующий исторический очерк, история Кореи представлена в нем в единстве и взаимовлиянии ее политических, экономических и культурных аспектов. Вместе с другими разделами этой книги, исторический очерк предоставил добротный справочный материал для всех интересующихся различными вопросами истории и современности Кореи.

Почти одновременно со справочным изданием в Институте востоковедения АН велась активная подготовка фундаментального обобщающего труда по истории Кореи, которую возглавляли Ф. И. Шабшина и Г. Ф. Ким. Ее результатом явился выход в свет в 1974 г. «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)» в двух больших томах. Первый том (руководитель Ю. В. Ванин) освещал период с самой ранней истории и до 1917 г. (основные авторы М. В. Воробьев, М. Н. Пак, Ю. В. Ванин, Г. Д. Тягай, В. И. Шипаев). Второй том (руководитель В. Д. Тихомиров) — с 1917 г. до 1970 г. (основные авторы В. И. Шабшина, Г. Ф. Ким, В. К. Пак, Г. В. Грязнов, В. Д. Тихомиров, В. И. Шипаев, В. М. Мазуров, Б. В. Синицын, И. С. Казакевич). В написании разделов об истории корейской культуры участвовали Л. Е. Еременко, В. И. Иванова и Г. В. Ли. Книга снабжена картами, словарем корейских исторических терминов, перечнем наименований современных партий и общественных организаций Севера и Юга (по-корейски и по-русски) и пр.

Каждому из двух томов предпослано введение, в котором авторский коллектив сообщает о задачах и методологии предпринятого им исследования, оценивает вкратце степень изученности соответствующего периода истории Кореи. Отражая достигнутый к тому времени высокий уровень развития советского корееведения, главы обоих томов богаты фактическим материалом, в деталях описывают важнейшие исторические события, рассказывают о многих видных политиках, полководцах, деятелях науки и культуры. История Кореи воссозда-

ется в книге как единый неразрывный процесс движения общества от одной стадии к другой, качественно более высокой, с учетом внутренних и внешних противоречий на этом пути. Основное внимание уделено главной движущей силе — корейскому народу, его социальному положению и борьбе за свободу и независимость. Применительно к каждому периоду истории рассматривается совокупность взаимодействующих факторов, способствовавших или препятствовавших прогрессу, показаны социально-экономическая и политическая ситуация в стране, ее достижения в науке, литературе, искусстве. Последнее необходимо особо отметить, поскольку впервые, наряду с другими направлениями истории Кореи, обстоятельно и систематизированно освещено развитие ее культуры.

Двухтомная «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)» — значительное явление не только российского, но и мирового корееведения. Вряд ли где-нибудь, за пределами двух Корей, в последние десятилетия издавалось равное ей по масштабам, обилию материалов из оригинальных источников и научному к ним подходу произведение об истории этой страны. Со времени ее выхода в свет прошло более четверти века. Не все в ней оказалось бесспорным, выдержало проверку временем, особенно в том, что касается новейшей истории Кореи. Это и понятно в условиях резкого расширения сейчас круга новых источников. Но в целом научная ценность «Истории Кореи» от этого не уменьшилась, и она по-прежнему остается солидной базой для дальнейшего развития российского корееведения.

Примечательное событие последнего времени — выход в свет почти одновременно сразу трех «Историй Кореи». Это — «Курс лекций по истории Кореи с древности и до конца XX века» С. О. Курбанова (2002), «История Кореи. Том 1. С древнейших времен до 1876 года» В. М. Тихонова (2003) и коллективная работа под редакцией А. В. Торкунова «История Кореи (Новое прочтение)» (2003). Все три — учебные пособия для вузов, но вполне могут восприниматься как научные труды. Все базируются на знаниях, накопленных в прошлом нашей наукой, в том числе и на упомянутом выше двухтомнике. В каждой делаются попытки (не всегда обоснованные и убедительные) отойти от принятых прежде теоретических воззрений и методологических подходов, критически переосмыслить некоторые концепции, особенно новейшей истории Кореи. Появление трех новых «Историй Кореи» — еще одно свидетельство

продолжающегося развития российского корееведения в соответствии с новыми возможностями и новыми требованиями изменившегося времени.

Усилиями российских корееведов Корея заняла также достойное место в обобщающих трудах по всемирной истории. Разделы о ней помещены в многотомной «Всемирной истории», в «Истории народов Восточной и Центральной Азии», в «Истории Востока», издание которой в 6 томах начато Институтом востоковедения АН, в ряде других работ по разным периодам и проблемам истории человечества. В обязательном порядке они включены в многочисленные учебные пособия по истории. Статьи по корейской истории содержатся в «Большой советской энциклопедии», «Советской исторической энциклопедии», «Советской военной энциклопедии» и других справочных изданиях. Все это делает Корею, с ее многовековой историей и самобытной национальной культурой, важным участком развития мировой цивилизации.

[1] Пак М. Н. О характере социально-экономических отношений в государстве Силла (III–VI вв.).— Вопросы истории, 1956, № 7; его же. Некоторые спорные вопросы истории Кореи (В связи с выходом в свет Истории Кореи, т. 1).— Вопросы истории, 1957, № 8; его же. Дискуссии по проблемам феодализма в Корее.— Советское востоковедение, 1958, № 2; его же. Корейская историография о характере социально-экономического строя Кореи в период Трех государств.— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 5. М. 1963.

[2] Ёкса квахак, 1957, № 1.

[3] История Кореи. Т. 1. М. 1960, с. 30.

[4] Ким Сок Хён. О предисловии к «Истории Кореи».— Ёкса квахак, 1961, № 3.

[5] См., например: История народов Восточной и Центральной Азии. М. 1986, с. 287–293.

[6] Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М. 1952, с. 161.

[7] Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М. 1996.

[8] Издана в переводе на корейский язык в Республике Корея в 1990 г.

[9] Добрынин А. Ф. США и независимость Кореи (1904–1905 гг.).— Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1947, № 4; Гальперин А. Л. Корейский вопрос в международных отношениях накануне аннексии Кореи Японией (1905–1910).— Вопросы истории. 1951, № 2; Ганелин Р. Ш. Из истории агрессии США против Кореи и Китая

(1866–1871).— Вестник Ленинградского университета. 1951, № 8; Нарочницкий А. Л. Соединенные Штаты Америки и японская агрессия в Корее и Китае в 1894–1895 гг.— Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1950, № 3; Нихамин В. П. Дипломатия русского царизма в Корее после японо-китайской войны (1895–1896).— В кн. История международных отношений, история зарубежных стран. М. 1957 и др.

[10] Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М. 1997, с. 257, 262, 258.

[11] Издана в переводе на корейский язык в Республике Корея в 1996 г.

[12] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М. 1993, с. 325.

[13] Отношения Советского Союза с народной Кореей 1945–1980. Документы и материалы. М. 1981, с. 13.

[14] Дубинский А. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М. 1966; Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. М. 1969; Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М. 1974; Освободительная миссия на Востоке. М. 1976; История второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. М. 1982 и др.

[15] Кравцов И. Агрессия американского империализма а Корее (1945–1951 гг.). М. 1951, с. 302.

[16] Вестник Московского университета. 1951. № 9. Серия общественных наук, выпуск 4; Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М. 1952.

[17] Капица М. С. На разных параллелях. Записки дипломата. М. 1996, с. 223.

[18] Валентин Иванович Петухов после 1945 г. первым начал выступать в советской прессе по корейской тематике под псевдонимом «Смоленский».

[19] Лобов Г. А. В небе Северной Кореи.— Авиация и космонавтика. 1990, № 10–12; 1991, № 1–5.

[20] Абакумов Б. С. Советские летчики в небе Кореи.— Вопросы истории, 1993, № 1; Участие СССР в Корейской войне (новые документы).— Вопросы истории, 1994, № 11, 12; Набока В. П. Советские летчики на защите неба Китая и Кореи (1950–1951). Краснодар. 1999; Крамаренко С. М. В небе двух войн. М., 2004.

[21] Не путать этот коллективный труд 1985 г. с одноименным сборником 1954 г.

[22] Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. Материалы научной конференции. Москва, 10–11 декабря 1996 г. Часть 1. М. 1997.

[23] Проблемы Дальнего Востока, 1995, № 6. 1996, № 5.

[24] Помимо названной выше декабрьской конференции 1996 г., изданы следующие сборники материалов конференций: Мирное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и проблемы объединения на Корейском полуострове (1995); Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения (1997); Россия и Корея в меняющемся мире (1997); Проблемы Корейского полуострова и интересы России (1998); Россия и Корея на пороге нового столетия (1999); Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность (2001); Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты (2002); Корейский полуостров и вызовы XXI века (2003); Россия и Корея в меняющемся мире (2003).

[25] Из последних изданий см.: Ким Ир Сен. За новый мир. Статьи и выступления. М. 1996; Ким Чен Ир. Светлый путь. Статьи и выступления. М. 1996.

[26] Ким Дэ Чжун. Южная Корея: драмы и надежды демократии. М. 1992. Новая Корея: Президент Ким Ён Сам. Санкт-Петербург, 1993.

[27] Ванин Ю. В. Мемуары Ким Ир Сена как источник по новейшей истории Кореи.— Проблемы Дальнего Востока, 1999, № 5.

[28] Николаев М. Н. Новые книги по истории феодализма в Корее.— Вопросы истории, 1957, № 1; Пак М. Н. Ценные пособия по истории Кореи.— Советское востоковедение, 1958, № 4; Ванин Ю. В. Новые исследования ученых КНДР по истории корейского феодализма.— Народы Азии и Африки, 1962, № 4; его же. Ценный источник по истории Кореи.— Народы Азии и Африки, 1963, № 6; его же. Источники по истории позднего феодализма в Корее.— Краткие сообщения Института народов Азии, 85, 1963 и др.

[29] Хан М. Корейская историография Октябрьской социалистической революции.— В кн. Зарубежная литература об Октябрьской революции. М. 1961; Николаев М. Н. Дискуссия по проблемам Древнего Чосона.— Вопросы истории, 1962, № 6; Ванин Ю. В. Историки КНДР о генезисе капитализма в Корее.— Народы Азии и Африки, 1968, № 6; Пак М. Н. Возникновение и утверждение феодализма в Корее (некоторые проблемы современной корейской историографии).— В кн. Историография стран Востока. М., 1969; Ванин Ю. В. О разложении феодализма в Корее.— В кн. «Историография стран Востока (проблемы феодализма). М. 1977; Пак М. Н., Первухин В. А. Японская агрессия в Корее в конце XIX — начале XX вв.— В кн. Историография стран Востока (новое время). М. 1978 и др.

[30] Сороко О. С. Фальсификация современной истории Кореи реакционными американскими историками.— Вопросы истории, 1959, № 7; Мазуров В. М. Современная американская историография о Корее.— В кн. Против колониализма. М. 1960; Мазуров В. М., Голосов С. М. Как Государственный департамент освещает историю Кореи.— Народы Азии и Африки, 1964, № 3; Пак М. Н. О трактовке корейского вопроса в современной американской буржуазной историографии.— В кн. Научная конференция «Ломоносовские чтения». Тезисы докладов. М. 1966 и др.

[31] Шипаев В. И. К вопросу об освещении новой и новейшей истории

Кореи в «Большом историческом словаре».— Народы Азии и Африки, 1965, № 2.

[32] Восток, 1997, № 2; Восток, 2001, № 6.

[33] Симбирцева Т. М. Некоторые оценки южнокорейскими историографами характера русско-корейских отношений в XIX в.— 100 лет Петербургскому корееведению. СПб, 1997: Ранний период российско-корейских отношений в российской и южнокорейской историографии.— Актуальные проблемы корееведения. СПб, 2000; Россия и Корея: отношения и оценки (современная южнокорейская историография об истории российско-корейских отношений).— Проблемы Дальнего Востока. 2001, № 4; Современная южнокорейская историография о российско-корейских отношениях.— Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты. М., 2002.

Изучение политических проблем Северной Кореи

История КНДР

В одном из предыдущих разделов уже говорилось, что первое время после освобождения Кореи советское корееведение в основном ограничивалось проблемами Северной Кореи. Это не трудно понять, если учесть, чем тогда была для СССР Северная Корея, какое место занимала она в его политике. Поэтому с 1946 г. в советской научной и общественно-политической печати появилось множество статей по корейской политике, в которых преимущественное внимание уделялось Северной Корее, ее успехам в экономическом и культурном строительстве, в проведении демократических преобразований. Обычно это показывалось на фоне тяжелейшего положения Южной Кореи, находившейся под управлением США. Особенно много статей появилось в годы Корейской войны. В них способность Северной Кореи сопротивляться превосходящим силам противника объяснялась не только силой ее армии и помощью союзников, но и ее достижениями на всех направлениях в предшествовавшее войне пятилетие. Но все это были, как правило, небольшие статьи и заметки по отдельным вопросам, не претендовавшие на серьезный анализ и обобщения.

Первая попытка создания очерка истории Северной Кореи после 1945 г. была предпринята в 1954 г. в неоднократно упоминавшемся сборнике статей «Корейская Народно-Демократическая Республика». Книга освещала развитие событий во всей Корее, поскольку, как уже отмечалось, вся она считалась тогда Корейской Народно-Демократической Республикой. Непосредственно Северной Корее посвящена статья «Демократические преобразования в Северной Корее и образование Корейской Народно-Демократической Республики». Ее автор — Б. В. Щетинин — крупный военный юрист, являвшийся со-

ветником по юридическим вопросам Советского командования в Северной Корее и принимавший большое участие в происходившем там государственном строительстве.

Статья Б. В. Щетинина рассказывает о возникновении повсеместно в Северной Корее после ее освобождения народных комитетов и создании на их базе в феврале 1946 г. Временного народного комитета Северной Кореи во главе с Ким Ир Сеном, в результате чего там была установлена «стройная система демократических, подлинно народных органов власти»[1]. Ее дальнейшее укрепление позволило провести в ноябре 1946 г. выборы в провинциальные, городские и уездные народные комитеты, в феврале-марте 1947 г.— в волостные и сельские комитеты. Следующим важным этапом стало создание в феврале 1947 г. на съезде представителей всех этих органов Народного собрания Северной Кореи — «высшего органа государственной власти на период до образования демократического правительства Кореи»[2]. Народное собрание сформировало под председательством Ким Ир Сена Народный комитет Северной Кореи — высший орган исполнительной власти. Организующей и направляющей силой во всем, что происходило в Северной Корее, были коммунисты и автор в связи с этим вкратце осветил процесс образования Трудовой партии Кореи. Значительное внимание уделено демократическим преобразованиям в Северной Корее (аграрная реформа, национализация промышленности, законы о труде, о равноправии женщин). Автор подчеркивает всенародную поддержку этих преобразований, но не умалчивает и об оказанном им некотором сопротивлении.

Итогом создания в Северной Корее разветвленной системы органов власти сверху донизу и проведения ими коренных преобразований во всех сферах жизни общества стало провозглашение 9 сентября 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республики. Автор не без оснований утверждал, что ее провозгласили представители как северной, так и южной части Кореи и потому он назвал КНДР «национальным государством» всего корейского народа. Статья описывает ход подготовки и конкретные обстоятельства образования КНДР, излагает важнейшие положения ее первой Конституции и решения первой сессии Верховного народного собрания первого созыва, рассказывает о развитии северокорейской экономики и культуры вплоть до начала Корейской войны. Таким образом, статью Б. В. Щетинина можно считать очерком истории возникновения и начального этапа существования КНДР. Воен-

ный период в той или иной степени отражен в книгах и статьях о Корейской войне.

Мы остановились на статье Б. В. Щетинина более подробно потому, что, во-первых, это первая относительно крупная обобщающая работа по ранней истории КНДР, а во-вторых, все последующие работы по этой теме в основном аналогичны ей по схеме изложения событий, выводам и оценкам принципиальных вопросов.

Следующей, несравнимо более широкой по масштабам и научно-теоретическому анализу, была также уже упоминавшаяся книга Ф. И. Шабшиной «Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953)», изданная в 1958 г. В ней представлена история всей Кореи в первое десятилетие после ее освобождения, но заметно преобладает материал о КНДР. Автор обобщил и изложил все то, что было накоплено к тому времени в корееведении о пути, которым Северная Корея пришла к провозглашению КНДР, о процессе создания этого государства и его сущности, о положении республики накануне и во время Корейской войны, в первые послевоенные годы. Образование КНДР считалось «результатом слияния в единый поток революции, демократического строительства в Северной Корее, ставшей прочной революционной базой страны, и антиимпериалистического движения южнокорейских патриотов»[3]. Высоко оценив значение создания КНДР для борьбы корейского народа за независимость и объединение своей родины, автор подчеркнул и международный аспект возникновения государства в Северной Корее. КНДР, по ее словам, стала одной из баз народной демократии на Востоке, вошла равноправным членом в содружество социалистических стран. Силам реакции на Востоке и во всем мире был нанесен серьезный удар, КНДР явилась вдохновляющим примером для колониальных и зависимых стран.

История КНДР первого десятилетия после освобождения, начавшийся процесс ее перехода от общедемократического этапа к социалистическому в той или иной мере были представлены в книге Г. Ф. Кима «Борьба корейского народа за мир, национальное единство и демократию» (1957), в брошюрах Л. М. Колбина «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1957) и М. Н. Пака «Корейская Народно-Демократическая Республика на путях к социализму» (1958).

Повышенное внимание к КНДР было проявлено в Советском Союзе в 1960 г., когда отмечалось 15-летие освобождения

Кореи и подводились некоторые итоги начального этапа реализации сделанного ею выбора в пользу социализма. К этой дате было приурочено издание брошюры «Достижения Корейской Народно-Демократической Республики в строительстве социализма». Пройденный республикой к тому времени путь, различные аспекты ее продвижения к социализму освещены в сборнике статей «15 лет освобождения Кореи». Предисловие к нему написал известный корейский писатель Ли Ги Ен, долгое время возглавлявший Общество корейско-советской дружбы. Авторами статей были Б. В. Щетинин, В. Д. Тихомиров, В. П. Нихамин и другие ученые. Опубликованы были также брошюра Г. Ф. Кима «15 лет народно-демократической Кореи», целый ряд юбилейных обзорных статей. Все они содержали конкретные сведения об истории и современном положении КНДР.

С наибольшей полнотой, возможной в то время, история КНДР изложена во 2 томе «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)» (1974). Авторами посвященных ей глав были В. К. Пак, Г. В. Грязнов, В. Д. Тихомиров, Л. Е. Еременко. В этих главах рассказывалось о положении в Северной Корее после ее освобождения, возникновении там первых органов власти и проведенных ими демократических преобразованиях, о создании Корейской Народно-Демократической Республики, что также оценивалось как большая победа корейского народа, руководимого коммунистами, вклад в дело укрепления лагеря мира, демократии и социализма. Вместе с тем авторы отмечали: «Несмотря на то, что КНДР была образована волею всего корейского народа, ее реальная власть распространялась лишь на северную часть страны, так как на юге буржуазно-помещичьи силы, опиравшиеся на поддержку империализма США, создали Корейскую Республику»[4]. Подробно описаны ситуация в предвоенные годы и в период Корейской войны, последующие этапы развития КНДР вплоть до 1970 г. Подавляющее большинство материалов, приведенных в книге, относилось к проблемам социалистического переустройства КНДР (индустриализация, кооперирование сельского хозяйства, повышение уровня жизни населения, культурная революция), зато политическая сфера затрагивалась в минимальной степени.

После выхода в свет в 1974 г. рассмотренной выше «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)» к истории КНДР в советском корееведении сколько-нибудь основательно

более не обращались. Исключением отчасти были три книги с одинаковым названием «Корейская Народно-Демократическая Республика». Две из них были изданы в 1975 и 1985 гг. тогдашним Институтом экономики мировой социалистической системы Академии наук (авторские коллективы возглавляла М. Е. Тригубенко), третья (в том же 1985 г.) — Б. В. Синицыным. В каждой из них имеется сравнительно небольшой очерк истории КНДР, но главное внимание сосредоточено на характеристике строительства в ней социализма, конкретных мерах властей и их результатах в социально-экономической сфере.

Все названные выше работы построены примерно по одному плану: история КНДР — это процесс возникновения и укрепления народной власти в Северной Корее, образования и развития Корейской Народно-Демократической Республики, созданной всем корейским народом и осуществляющей его высшие национальные интересы, это неустанная борьба трудящихся за социализм и мирное объединение Родины, их замечательные достижения в экономике и культуре, ставшие возможными благодаря целеустремленной, последовательной политике и руководству Трудовой партии Кореи во главе с Ким Ир Сеном, бескорыстной помощи Советского Союза и других социалистических стран. В таком изложении не было особых преувеличений или отступлений от истины: на каждом этапе существования КНДР она действительно опиралась на активную поддержку союзников и имела на всех направлениях много достижений, которыми могла гордиться. Но одновременно у нее, как и в других странах, были трудности, неудачи, противоречия и борьба в правящих кругах, «особая позиция» по некоторым международным вопросам. Все это, по условиям того времени, авторы публикуемых работ старательно обходили, высказывая критические суждения о политике и реальном состоянии дел в КНДР только в «закрытых» изданиях. Следствием такого положения стало отсутствие в СССР с середины 1980-х гг. серьезных обобщающих исследований по истории КНДР.

То, что происходит в российском корееведении с начала 1990-х гг., порождает надежду на появление новых крупных работ по истории КНДР, более разносторонних и объективных, опирающихся на все многообразие источников и литературы, свободных от идеологических и политических ограничений. Первой попыткой по-новому осветить некоторые

страницы истории КНДР является книга А. Н. Ланькова «Северная Корея: вчера и сегодня» (1995). В ней собраны статьи, опубликованные автором за несколько лет до того в российской и южнокорейской печати и затем расширенные за счет новых материалов. Уникальность книги А. Н. Ланькова в том, что она в значительной мере основана на интервью, взятых автором у участников освобождения Кореи, советских специалистов, работавших в КНДР на разных участках, политических эмигрантов из КНДР, вернувшихся оттуда советских корейцев. Многие из них поделились с автором сведениями, которые до сих пор не сообщались в открытой печати. Помимо этого, использованы также архивные материалы и обширная литература.

Основная часть книги А. Н. Ланькова — это очерк истории Северной Кореи в 1945–1948 гг., а также описание критической ситуации, сложившейся в руководстве КНДР в 1956 г., и ее последствий. Помещена пространная биография Ким Ир Сена, далеко не во всем совпадающая с ее официальной версией. Большое место занимает показ роли советских корейцев в становлении северокорейской государственности, впервые подробно рассказано о самом видном из них — Хо Га И (А. И. Хегае). Остальные статьи содержат информацию и размышления автора о КНДР сравнительно недавнего времени, о некоторых сторонах существующей там политико-идеологической системы. Вероятно, не все в книге А. Н. Ланькова бесспорно, но надо признать, что в ней много нового и интересного, дополняющего или корректирующего прежние представления об истории КНДР.

Государственный и общественный строй КНДР

Когда Советская Армия в августе 1945 г. вступила в Северную Корею, она застала здесь стихийно возникшие органы местного самоуправления — народные комитеты, находившиеся вначале по большей части под националистическим руководством. В отличие от американского командования, не признавшего народные комитеты и постепенно их ликвидировавшего в Южной Корее, советское командование не только их признало, но сразу же установило с ними деловые контакты. Управление советской гражданской администрации в Северной Корее направляло деятельность народных комитетов, содействовало ее совершенствованию, расширению их компетенции.

Вместе с тем, принимались меры к постепенному вытеснению националистов, переходу народных комитетов под полный контроль коммунистов.

Народные комитеты, как и органы государственной власти, формировавшейся в Северной Корее, довольно скоро стали объектом исследования в СССР. Более других писал о них Б. В. Щетинин, о котором сказано в предыдущем разделе. Свои первые наблюдения он изложил в 1947 г. в статье «Возникновение народных комитетов в Северной Корее»[5]. Впоследствии Б. В. Щетинин не раз возвращался к этой теме. Зарождению и укреплению системы народных комитетов, их деятельности в различных сферах жизни общества посвящена основная часть рассмотренной выше его большой статьи «Демократические преобразования в Северной Корее и образование Корейской Народно-Демократической Республики» в сборнике «Корейская Народно-Демократическая Республика». Воспоминания Б. В. Щетинина о начальном этапе создания государства в Северной Корее вошли также в сборники «Во имя дружбы с народом Кореи» и «Освобождение Кореи».

Происходившие в Северной Корее процессы зарождения самостоятельного государства, характеристика проведенных новой властью крупных реформ заняли большое место в книгах Е. А. Пигулевской «Корейский народ в борьбе за независимость и демократию» и Ф. И. Шабшиной «Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953)». Эти проблемы рассмотрены также в обширной статье Г. В. Грязнова и П. Г. Королева «Изменение общественно-экономического строя в Северной Корее после освобождения (1945–1948 гг.)» в книге «Очерки социалистического строительства в Корейской Народно-Демократической Республике» (1963). Ранний период существования народных комитетов затрагивался в ряде других работ по проблемам Северной Кореи. Названные выше книги и статьи в основном освещали деятельность центральных органов власти (проведенной ими земельной реформы, национализации промышленности и т. д.) и в меньшей мере касались местных народных комитетов. Возникновение народных комитетов односторонне связывалось только с инициативой коммунистов, роль националистических деятелей при этом замалчивалась или оценивалась лишь в негативном плане.

Формирование государственной системы в Северной Корее завершилось провозглашением в сентябре 1948 г. КНДР, которая, естественно, также стала объектом исследований. Опреде-

ленные возможности для этого предоставили знакомство с основополагающими ее документами и особенно издание сборника «Конституция и основные законодательные акты Корейской Народно-Демократической Республики» (1952). В него включены переводы на русский язык текстов Конституции 1948 г. (до этого ее текст уже публиковался в СССР дважды), законов и постановлений 1946–1950 гг. об образовании органов государственной власти, начиная с Временного народного комитета Северной Кореи, и об экономическом и социально-культурном развитии республики, создании там судебно-прокурорской системы. Сборник вышел во время Корейской войны, поэтому в нем содержатся несколько связанных с ней документов (указы об образовании в КНДР Военного комитета, проведении там всеобщей мобилизации, организации выборов в народные комитеты в освобожденных районах Южной Кореи и т. д.). Этот уникальный сборник законодательных актов (подобные ему в СССР больше не публиковались) очень важен для изучения ранней истории социально-экономической и политической систем Северной Кореи и не утратил научной ценности до настоящего времени.

Конституция КНДР и установленный ею правовой порядок, характер и структура органов государственной власти вскоре после их введения подверглись в СССР изучению и популяризации, разумеется, в исключительно благоприятном свете. В числе первых к ним обратился все тот же Б. В. Щетинин в брошюре «Корейская Народно-Демократическая Республика (Государственный строй)» (1950), в которой рассмотрел сущность и исторические аспекты организации северокорейского государства. В сборнике «15 лет освобождения Кореи» помещена его статья по этой же теме «Вопросы государственного строительства в Корейской Народно-Демократической Республики».

В книге В. А. Кима (ученый из Казахстана) «Государственный строй Корейской Народно-Демократической Республики» (1955) обобщены высказанные наукой того времени суждения и оценки, подвергнуты анализу основные функции государства и конкретные формы их реализации, главным образом, в социально-экономической сфере. Позже он еще раз вернулся к этим проблемам в книге «Роль народно-демократического государства и права в социалистическом преобразовании сельского хозяйства (на опыте Корейской Народно-Демократической Республики)» (1962). Общим принципам и отдельным вопросам го-

сударственного устройства КНДР посвящались также брошюры Д. Л. Златопольского «Основы государства и права Корейской Народно-Демократической Республики» (1956), Б. П. Баянова и М. А. Шафира «Государственный строй Корейской Народно-Демократической Республики» (1957), Н. П. Семеновой «Суды и прокуратура Корейской Народно-Демократической Республики» (1958). Законодательный опыт КНДР начального периода ее существования представлен также во многих изданных в СССР исследовательских трудах и учебных пособиях по проблемам государственного строительства в странах народной демократии.

Подробный теоретический анализ проблем северокорейской государственности предпринят в книге Ф. И. Шабшиной «Социалистическая Корея (О формах проявления в КНДР общих закономерностей строительства социализма)» (1963). Как и в других работах, КНДР названа в ней государством, образованным всем корейским народом, но из-за препятствий, созданных империалистической политикой США, распространившим свою реальную власть только на северную часть страны. Суть этого государства — диктатура пролетариата в форме народной демократии, отличавшейся более широкой социальной базой, опорой на союз рабочего класса с крестьянством при руководящей роли партии рабочего класса, верностью принципам пролетарского интернационализма, союзу со «страной победившего социализма» — СССР, другими странами народной демократии. Все эти черты, свойственные, как тогда считали, странам, вступившим на путь строительства социализма, автор анализирует применительно к специфическим конкретно-историческим условиям, в которых создавалось и начинало свое развитие государство в Северной Корее. На большом фактическом материале рассмотрена их реализация в политике, экономике и культуре КНДР.

Ведущую роль в процессе революционного преобразования общества и перехода его к социализму марксизм-ленинизм, как известно, отводит рабочему классу. Рабочим классом КНДР, его местом в общественно-политической системе, характером осуществляемой от его имени политики государства активно занимался Г. Ф. Ким, опубликовавший книгу «Рабочий класс новой Кореи» (1960) и несколько статей, а также главу «Рабочий класс — руководящая сила социалистического строительства в КНДР» в коллективной монографии «Корея: Север и Юг» (1965). Итогом исследований в этой области

стала уже упоминавшаяся его большая работа «Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве». Поскольку она была «для служебного пользования», автор, придерживаясь в целом принятых тогда позитивных оценок, смог вместе с тем показать некоторые трудности и сложности преобразования общества в КНДР. Корейский материал широко использован также в книге Г. Ф. Кима и Ф. И. Шабшиной «Союз рабочего класса с крестьянством и опыт социалистических стран Азии» (1977).

Важный орган любого государства — его армия. Казалось бы, интерес к армии КНДР должен быть большим, учитывая его роль в Корейской войне и в существующей на Корейском полуострове напряженной ситуации. Но именно в силу последнего обстоятельства эта тема принадлежала к разряду «закрытых», публикации по которой жестко ограничивались. Редким исключением была небольшая книга В. Мацуленко «Корейская народная армия» (1959), в основном излагавшая историю создания вооруженных сил, их значение в защите социальных достижений и независимости КНДР, руководство ими со стороны Трудовой партии Кореи. Указанные вопросы освещены также в нескольких мелких статьях юбилейного характера.

В общественно-политической системе КНДР советская историография, естественно, выделяла Трудовую партию Кореи. В СССР были изданы в переводе на русский язык документы и материалы III и IV съездов ТПК (1957, 1962), Устав ТПК (1956). На страницах газет и журналов помещались многие статьи и выступления Ким Ир Сена. Значительная их часть вошла в большой по размерам том его «Избранных статей и речей. 1953–1961 гг.» (1962). Много лет спустя был опубликован еще один, но уже небольшой сборник «Избранных произведений» Ким Ир Сена (1987). В упомянутых выше крупных работах советских ученых по истории КНДР, как правило, содержатся краткие очерки возникновения ТПК, сообщается о ее съездах и принятых ими решениях, подчеркивается определяющее значение партии во всех областях деятельности общества и государства. Ее положение безусловного лидера всей общественно-политической системы КНДР показано в статьях Г. Ф. Кима «Ведущая роль Трудовой партии Кореи в народно-демократической революции»[6], В. Д. Тихомирова «Трудовая партия Кореи — руководящая сила социалистического строительства в КНДР» (в сборнике «15 лет освобождения Кореи») и др.

Что касается остальных политических партий, до настоящего времени существующих в КНДР (Демократическая, Чхонудан), им обычно отводилось очень немного места в общих очерках об образовании КНДР. Преимущественно лишь в работах по истории Северной Кореи до 1950 г. содержатся сведения о создании Единого демократического отечественного фронта и его мерах по сохранению единства Кореи. Некоторую информацию о корейских профсоюзах раннего периода можно найти в книге «Профсоюзы стран народной демократии» (Выпуск 2, 1962) и в учебном пособии «История профсоюзного движения в МНР, ДВР, КНДР, КНР» (1974), о Союзе социалистической трудовой молодежи Кореи — в справочнике «Зарубежные молодежные организации» (1968).

Вероятно, читатель обратит внимание на то, что работы, о которых рассказывается в данном разделе, опубликованы в основном не позже середины 1960-х гг. Это вовсе не означает, что в СССР перестали затем интересоваться государственной, общественной системами КНДР. Интерес к ним, конечно, сохранился, но изменились условия его реализации. Дело в том, что идеология и политика чучхе, к которым руководство КНДР все активнее переходило с конца 1950-х гг., не получили поддержки в СССР (не случайно, что до сих пор о них нет подробных и благожелательных работ). Сообщать в открытой печати о происходивших с тех пор изменениях в государственном и общественном строе (в частности, в связи с конституцией 1972 г.), о политике и конкретной деятельности Трудовой партии и общественных организаций КНДР в исключительно позитивном духе, как это было принято раньше, стало невозможно, высказывать какую-либо критику в их адрес — тем более. Поэтому сведения лишь самого общего характера по этим вопросам публиковались в справочном издании «Современная Корея» (1971), во 2 томе «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)», в коллективных монографиях «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1975 и 1985).

Критический анализ общественно-политического развития КНДР с начала 1960-х гг. проводился в строго «закрытых» формах. Наиболее острые актуальные проблемы освещались в аналитических записках и информационных материалах, направлявшихся в высшие партийные и государственные органы СССР. Среди крупных исследований «для служебного пользования» выделялась коллективная работа 1964 г. «Неко-

торые вопросы идеологической деятельности Партии трудящихся Вьетнама и Трудовой партии Кореи». Основную ее часть составил очерк Ф. И. Шабшиной и В. Л. Ли «Коммунистическая (Трудовая) партия Кореи». Рассмотрев предысторию и условия формирования ТПК, предопределившие некоторые ее особенности периода после Корейской войны (узость рабочей прослойки, слабая теоретическая и практическая подготовка кадров, склонность их к фракционной борьбе и т. д.), авторы сосредоточились на «особых позициях» ее руководства после XX съезда КПСС и в связи с советско-китайской конфронтацией. Идеи чучхе, курс «опоры на собственные силы» трактовались ими как проявления националистических тенденций, средства насаждения в партии и стране культа личности. На ряде примеров показаны негативные стороны того, что происходило в политике и в общественной жизни КНДР под воздействием нараставшей их «чучхеизации».

В новых условиях и на новой основе к анализу прошлой и современной общественно-политической ситуации в КНДР обратились в России в последние годы. Делается это теперь в открытой печати, нередко весьма резко и прямо, хотя и не всегда объективно и аргументированно. Крупных исследований пока нет. Но уже появляются статьи на эту тему, выступления на некоторых научных конференциях. Как уже говорилось, политико-идеологические проблемы современной КНДР затронуты в книге А. Н. Ланькова «Северная Корея: вчера и сегодня». Там есть разделы о методах официальной пропаганды и системе контроля властей над населением, отдельных сторонах жизни северокорейцев на примере Пхеньяна. К книге примыкает содержательная по собранным автором сведениям, но достаточно спорная в оценках статьи А. Н. Ланькова «Разгром некоммунистических партий в КНДР (1945–1959)»[7], излагающая историю возникновения и существования до недавних пор двух имеющихся в КНДР, помимо правящей ТПК, партий,— Демократической (ныне Социал-демократической) и Чхонудан.

Обращает на себя внимание сборник статей «Актуальные проблемы Корейского полуострова» (выпуск первый), изданный в 1996 г. Центром корейских исследований Института Дальнего Востока Академии наук. В статье Е. И. Петрова «Некоторые аспекты современной политической системы КНДР» рассмотрены изменения конституционного строя республики, характер ТПК и ее место в политической системе,

вопросы кадровой, социально-экономической, военной политики руководства страны. Статья А. З. Жебина «Северная Корея между прошлым и будущим» касается тех процессов, которые происходят в связи с переходом высшей власти в КНДР от Ким Ир Сена к Ким Чен Иру, и возможных, по мнению автора, их последствий для проводимого республикой курса во внутренней и внешней политике. В том же Центре корейских исследований на конференции в декабре 1996 г. были заслушаны доклады А. З. Жебина «Особенности современного политического режима в КНДР», Н. М. Кобозева «Некоторые аспекты правоохранительной системы КНДР», Р. В. Савельева «Роль армии в Корее», посвященные важным проблемам общественно-политической ситуации в современной КНДР[8].

Внутриполитическими проблемами КНДР больше других занимается в настоящее время упомянутый выше Н. М. Кобозев. На основе докладов, сделанных на конференциях в ИДВ РАН, им опубликованы несколько статей об общеполитической ситуации в КНДР, о состоянии ее законодательной и правоохранительной систем[9]. Автор в них базировался главным образом на южнокорейской литературе, что естественно, определенно сказалось на его подходах к темам, высказанных им оценках и выводах. Тем не менее статьи Н. М. Кобозева дают некоторое представление об общественно-политическом положении современной КНДР и происходящих в ее недрах политико-правовых процессах.

«Социалистическая Конституция КНДР», принятая в 1972 г., с тех пор пересматривалась два раза: в 1992 и 1998 гг. То обстоятельство, что за столь короткий срок Основной закон дважды подвергался серьезной корректировке, свидетельствует о сложности переживаемого страной периода и о стремлении Законодателя найти оптимальный вариант приспособления к требованиям и нормам современности государственного, экономического, общественно-политического устройства республики. Попытка выявить истоки, принципы и направленность происходящих там перемен предпринята в статье Ю. В. Ванина «Изменения конституционного строя КНДР»[10].

Названные нами статьи и доклады (упомянуты, конечно, далеко не все) — свидетельства наступления нового периода работы на одном из основных направлений российского корееведения.

Международные отношения КНДР

Внешняя политика КНДР, лежащие в ее основе принципы, важнейшие этапы и направления, вся система межгосударственных связей республики не стали в СССР предметом специального и значительного по масштабам изучения. Видимо, сказались недооценка той роли, которую КНДР играла и продолжает играть вообще в мире, в особенности в международных отношениях в Северо-Восточной Азии, а также стремление избежать острых вопросов ее «чучхейской» внешней политики. Между тем понятно, что без учета роли КНДР, без ее вовлечения в общие усилия по укреплению безопасности и взаимодействия расположенных здесь стран невозможно в полной мере обеспечить мир, стабильность и конструктивное сотрудничество в регионе, что, как нам кажется, должно активнее привлекать внимание исследователей.

Международное положение Северной Кореи в советской научной литературе чаще всего затрагивалось в связи с различными аспектами возникновения и развития корейского вопроса. Основное место отводилось односторонне-позитивному показу курса в этом вопросе СССР и столь же односторонней критике корейской политики США. Такова направленность подбора документов о Корее в многотомных изданиях «Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. 1945–1950» (1949–1953), «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. (1961–1969)» (1962–1970) и др. В таком же ключе международные аспекты корейской проблемы, в том числе и внешнеполитические акции Северной Кореи, рассматривались в таких крупных обобщающих работах, как «Международные отношения после второй мировой войны» (1962–1965), «Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке» (1975), «История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945–1977» (1978), «Международные отношения в азиатско-тихоокеанском регионе» (1979) и др.

Формирование внешнеполитического курса Северной Кореи начиналось и происходило длительное время (примерно до середины 1950-х гг.) под руководством и при содействии СССР. Поэтому международные акции ее правительства, как правило, освещались в советских работах о политике СССР в корейском вопросе. Самой крупной из первых работ на эту тему была статья В. В. Лезина «Борьба Советского Союза за мирное демократиче-

ское решение корейского вопроса» в сборнике 1954 г. «Корейская Народно-Демократическая Республика». Один из ее разделов так и назывался «Помощь СССР в укреплении международного положения КНДР». Впоследствии появились несколько небольших работ о международных проблемах КНДР. Это статья того же В. В. Лезина «Внешняя политика Корейской Народно-Демократической Республики — политика мира и объединения Кореи» в сборнике «Вопросы внешней политики стран социалистического лагеря» (1958), статья В. П. Нихамина «Внешняя политика и международные отношения КНДР. Хронология важнейших событий» в уже упоминавшемся сборнике «15 лет освобождения Кореи» (1960) и др.

Как уже говорилось, после XX съезда КПСС и в связи с начавшейся советско-китайской конфронтацией руководство КНДР заняло «особую позицию» по ряду принципиально важных проблем, в том числе и международных, таких как мирное сосуществование двух мировых общественно-политических систем, взаимоотношения в социалистическом лагере и т. д. Это привело к тому, что и внешняя политика КНДР с начала 1960-х гг. стала изучаться преимущественно в «закрытом» плане, а итоги ее анализа реализовались в виде служебных материалов для высших инстанций. В открытых работах острые вопросы не затрагивались, излагались лишь приемлемые для СССР стороны международной деятельности Пхеньяна. В таком стиле написаны краткие очерки «Внешнеполитические связи» и «Внешнеэкономические связи» в справочном издании «Современная Корея» (1971), а также большой раздел «Внешняя политика» в коллективной монографии «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1985). В них представлен большой фактический материал, главным образом о внешнеэкономических отношениях Северной Кореи.

В работах о международном положении КНДР, естественно, преобладали проблемы советско-северокорейских отношений. В подавляющем большинстве их речь шла о двустороннем экономическом сотрудничестве и той действительно огромной роли, которую играл СССР в становлении и развитии различных отраслей народного хозяйства КНДР. Политические связи двух стран затрагивались значительно меньше, в основном с формальной стороны их содержания и описывались только в позитивном свете.

В сборниках документов по внешней политике СССР (вроде названных выше), в некоторых других изданиях публикова-

лись советско-северокорейские соглашения по разным вопросам межгосударственных отношений, материалы о визитах руководящих деятелей и официальных делегаций двух стран, выступления их лидеров и т. д. Многие из них затем были помещены в сборнике «Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945–1980. Документы и материалы» (1981). Часть включенных в него документов и материалов (около 20 процентов) извлечены из архивов и публиковались тогда впервые. Таковы, например, «Обращение Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке к народу Кореи» от 8 августа 1945 г., директива от 20 сентября 1945 г. о взаимоотношениях войск с местными органами власти и населением, известная телеграмма Сталина Ким Ир Сену от 14 апреля 1952 г. с предложением срочно прислать переживавшей тогда продовольственные трудности КНДР 50 тысяч тонн пшеничной муки, Соглашение об оказании СССР технической помощи КНДР в строительстве и расширении промышленных и других предприятий от 17 марта 1959 г. и др. Хотя сборник отражает лишь внешнюю, благополучную сторону дела и не затрагивает сложностей и противоречий, без которых не обходятся никакие межгосударственные связи, тем не менее он является ценным источником по истории большого периода советско-северокорейских отношений.

Документы и материалы, опубликованные более чем за 40 лет, книги и статьи о взаимоотношениях между СССР и Северной Кореей легли в основу крупной коллективной монографии «СССР и Корея» (1988). Свыше 2/3 ее содержания посвящено периоду после 1945 г. Отмечены основные этапы возникновения и развития советско-северокорейских отношений, показаны задачи и потребности КНДР на каждом таком этапе и конкретные формы помощи в их разрешении со стороны СССР, рассмотрены важнейшие направления двусторонних связей (политика, экономика, культура, международная безопасность, контакты между общественными организациями и трудовыми коллективами и т. д.). Написанная в традиционном для советской историографии того времени духе, книга делает упор на корейскую политику СССР, которая трактуется как воплощение подлинного социалистического интернационализма. Ценность ее не только в обилии конкретных сведений и данных, но и в изложении существовавших тогда взглядов авторов по различным вопросам истории советско-северокорейских отношений. Интерес у читателей вызовут также

разделы о развитии корееведения в СССР на протяжении почти всего советского периода, главным образом после 1945 г.

Одно из направлений советско-северокорейской политики, отраженных в литературе,— дружеские контакты между народами и общественными организациями двух стран. Внимание к ним особенно проявилось в период, когда по известным причинам ослабли политические связи двух стран по государственной линии. Тема дружбы и сотрудничества народов СССР и КНДР затронута во многих книгах и статьях. Специально ей посвящен сборник из мемуарной серии «Нерушимая дружба» (1971), в котором авторами статей явились тогдашний председатель Общества советско-корейской дружбы министр СССР Н. Н. Тарасов и профессор Г. Ф. Ким, участники освобождения Кореи, вошедшие в руководство этого общества, Н. Г. Лебедев и С. Г. Цыпленков, кинорежиссер И. В. Лукинский, научные сотрудники Академии Наук И. Н. Киселев и И. С. Казакевич, заводской рабочий С. А. Антонов, общественная деятельница с Украины Г. Н. Тищенко, секретарь Советско-корейской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству М. В. Мещеряков, заведующий отделом вещания на Корею Государственного комитета по телевидению и радиовещанию Д. А. Усатов. Каждый из них рассказывал о своем опыте и впечатлениях, а все вместе нарисовали весьма выразительную картину усилий советской общественности по укреплению дружбы и сотрудничества СССР и КНДР.

Многообразная деятельность Общества советско-корейской дружбы, ядро которого составляли ветераны второй мировой войны — участники освобождения Кореи, показана также в статье Ю. В. Ванина и В. В. Мокляка «Традициям дружбы верны» в сборнике «Освобождение Кореи».

Отмеченный выше поворот руководства КНДР на рубеже 1950–1960-х гг. к идеологии и политике чучхе был связан с преуменьшением значения или даже замалчиванием помощи республике со стороны СССР и других социалистических стран, с тенденцией к ослаблению многих аспектов (прежде всего политических) сотрудничества с ними. Это явление не было только корейским, оно получало все более широкое распространение, отражая нараставшие в мировой социалистической системе разрушительные процессы. Поэтому считалось необходимым противостоять им в теории и на практике. Для этого в СССР был издан ряд работ, осуждавших национализм

и подчеркивавших решающее значение пролетарского, социалистического интернационализма — одного из важнейших условий социалистической революции и строительства социализма, а также союза освободившихся народов с мировым социализмом, возглавляемым СССР.

Опыт КНДР, которая получила свободу, отстояла в Корейской войне свою независимость, развивала экономику и культуру при огромном содействии СССР и других союзных стран, вошел составной частью в книгу Г. Ф. Кима и Ф. И. Шабшиной «Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока» (1967). Под их руководством международный авторский коллектив (около 20 ученых из 7 стран) опубликовал затем большую и содержательную работу «Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии» (1983), сочетавшую в себе анализ теоретических проблем по теме исследования и достаточно объективный (насколько это было тогда возможно) показ реальной действительности того времени в КНДР, Монголии и Вьетнаме, значения для них разнообразной помощи и поддержки со стороны СССР и других стран.

Еще один важнейший внешнеполитический партнер КНДР — Китай. Его отношения с этой республикой затрагивались в упоминавшихся выше общих работах по международным проблемам и в ряде статей, главным образом в связи с историей Корейской войны, Женевской конференцией 1954 г. и т. д. Однако более серьезное изучение северокорейско-китайских отношений было крайне осложнено атмосферой взаимного соперничества и даже вражды, которая установилась к началу 1960-х гг. между СССР и Китаем и существовала несколько десятилетий. Результатом явилось то, что исследование внешней политики Китая, в том числе его отношений с КНДР (кстати сказать, тоже весьма сложных), почти целиком перешло в сферу «закрытых» работ (для служебного пользования). Одна из них, по теме: «Корейско-китайские отношения с древнейших времен до наших дней», большей частью посвященная новейшему времени, как уже сообщалось, была выполнена в 1965 г. группой ученых Института востоковедения АН (Ю. В. Ванин, Ф. И. Куликова, В. К. Пак, Г. Д. Тягай, М. Ю. Хан). Среди «открытых» изданий следует вновь упомянуть сборник «Китай и соседи в новое и новейшее время» (1982), в котором Ю. В. Ванин в статье «Политика Китая в отношении Кореи» останавливался кратко и на периоде после

1945 г. В соответствии с требованиями времени отношения двух стран рассмотрены в этой статье преимущественно в негативном плане.

Первой крупной работой специально по проблемам корейской политики КНР явилась книга В. А. Шина «Китай и корейские государства во второй половине XX столетия» (1998). Китайско-южнокорейские дипломатические связи осуществляются лишь с 1992 г. (экономические возникли значительно раньше), поэтому главное внимание в книге уделено отношениям между КНР и КНДР. Автор выделяет этапы их взаимоотношений, выявляет для каждого из них политическую направленность и конкретное содержание позиций КНР и КНДР по различным двусторонним, внутрикорейским и международным вопросам, не замалчивая при этом появлявшихся иногда противоречий и острых моментов. Убедительно показана позитивная, стабилизирующая роль КНР в тот трудный для КНДР период, каким стали для нее 90-е гг. XX века. Книга В. А. Шина ценна тем, что в ней использованы официальные документы и материалы, литература и пресса на китайском, корейском, английском и русском языках.

Корейская политика США также освещалась в основном в общих работах и небольших статьях на международные темы. Специально ей были посвящены книга В. Б. Воронцова «Корея в планах США в годы второй мировой войны» (1962) и, частично, книги Б. И. Бухарова «Вопросы дальневосточной политики США (1953–1955 гг.)» (1959) и того же В. Б. Воронцова «Тихоокеанская политика США. 1941–1950» (1967). Поскольку не было и нет до сих пор прямых официальных отношений между США и Северной Кореей, соответственно не было и специальных работ на эту тему. Но в небольших обзорных статьях по международным проблемам Дальнего Востока нередко содержалась информация и давались оценки тех или иных шагов этих двух стран в связи с ситуацией на Корейском полуострове или каких-то крупных событий, к которым они были причастны (например, инцидента с захватом ВМС КНДР американского разведывательного судна «Пуэбло» в 1968 г.). Примерно так же обстояло с изучением отношений между КНДР и Японией.

Интерес в России к международным аспектам корейского вопроса к месту в них КНДР заметно возрос с начала 1990-х гг. Прежде всего он был вызван организованной США шумихой вокруг «ядерных притязаний» Пхеньяна, усилившей и без того

опасную напряженность на Корейском полуострове. Понятно, что произошедшее там обострение ситуации встревожило мировую общественность и, в первую очередь, соседей Кореи, в том числе Россию. В российской печати появилось множество статей на «ядерную» тему. В одних авторы с доверием воспринимали обвинения в адрес КНДР по поводу якобы ведущейся ею подготовки ядерного оружия и обсуждали меры воздействия на нее. В других выражалось сомнение в обоснованности таких обвинений, а развернутая против КНДР враждебная кампания трактовалась как попытка подчинить ее, заставить отказаться от избранного пути. После Рамочного соглашения 1994 г. между США и КНДР внимание к этой теме значительно ослабло. Одна из последних публикаций по ней — небольшая статья молодого исследователя В. А. Шина «Страсти вокруг ядерной программы». Напомнив историю вопроса, автор сделал вывод, что «так называемый ядерный кризис практически завершен», причем подозрения относительно «ядерных изысканий» КНДР явно не подтвердились[11]. В развернутом виде история «ядерного кризиса» 1990-х гг. изложена им в статье «Ядерная проблема КНДР: процесс урегулирования» в сборнике «Корея на рубеже веков» (2002).

С еще большей интенсивностью и остротой развернулась дискуссия в научных и общественно-политических кругах по поводу изменений в корейской политике России. Дело в том, что пришедшие к власти в России после развала СССР политические силы взяли курс на «отдаление» от КНДР и ориентацию исключительно на Республику Корея[12], что привело российско-северокорейские отношения почти к нулевому уровню. Это не могло не вызвать протестов со стороны тех, кто достаточно глубоко разбирался в корейских делах и их значении для дальневосточной политики России. В ряде статей новый курс критиковался как ошибочный и недальновидный, противоречащий национальным интересам России на Дальнем Востоке, общей безопасности и сотрудничеству в этом регионе, задачам содействия объединению Кореи. Их авторы выступали за разумную и сбалансированную корейскую политику, за активизацию роли России в решении проблем Кореи, для чего необходимо, развивая и дальше дружественные связи с Республикой Корея, нормализовать и улучшить, сделать подлинно добрососедскими, отношения России с Северной Кореей.

Из множества публикаций в печати вопросам северокорейской политики России выделялись статьи М. Л. Монастырско-

го «Какие нам нужны отношения с Кореей?»[13] и «Развитие отношений с Пхеньяном отвечает коренным геополитическим интересам России на Дальнем Востоке»[14]. Их автор был тогда председателем подкомитета по Юго-Восточной Азии и тихоокеанскому региону Комитета по геополитике Государственной думы РФ[15]. Выражая мнения широкой общественности, он настаивал на решительном улучшении отношений России с Северной Кореей.

Современная политика России относительно КНДР стала также объектом научного анализа, преимущественно критической направленности. В той или иной мере она затронута в статьях М. Л. Титаренко «Корейский полуостров и безопасность в Северо-Восточной Азии: взгляд из России» и Р. В. Савельева «Россия и Корея: формирование новых рельностей и взаимоотношений» в сборнике «Актуальные проблемы Корейского полуострова» (1996), в выступлениях на декабрьской конференции 1996 г. в Институте Дальнего Востока РАН М. В. Барсукова «Развитие обстановки на Корейском полуострове и Россия», А. В. Воронцова «Корейская политика РФ в первой половине и середине 1990-х гг.»[16] и т. д. Происходящий сейчас в корейской политике России переход на более реалистичные и перспективные позиции довольно точно выражен в названии статьи Б. Заранкина «От идеологизмов к прагматизму», в которой автор высказал распространенную среди добросовестных исследователей точку зрения: «России нужны добрые, дружественные, партнерские отношения с обоими корейскими государствами, не наносящие ущерба ни одной из участвующих в региональной политике сторон»[17].

Некоторые предварительные итоги взаимоотношений России и КНДР последнего времени подведены в книге Л. В. Забровской «Россия и КНДР: опыт прошлого и перспективы будущего (1990-е годы)» (1998). Наметившиеся в них позитивные сдвиги автор объясняет в первую очередь «кропотливой работой северокорейских дипломатов и политиков». В результате КНДР уже не остается за скобками российской внешней политики, хотя предпочтение по-прежнему отдается разносторонним контактам с РК. Углубление всего многообразия отношений с обоими корейскими государствами справедливо отнесено к числу основных звеньев долговременного процесса вхождения России в АТР. Отдельные аспекты современных отношений России с КНДР в политической сфере, происходящие в них изменения показаны в сборниках ста-

тей, издаваемых ИДВ РАН на основе проводимых им научных конференций[18].

История международных отношений в связи с корейским вопросом и их состояние к середине 1990-х гг. рассмотрены в книге А. В. Торкунова и Е. П. Уфимцева «Корейская проблема: новый взгляд» (1995), о которой говорилось выше. Значительное место в ней отведено корейской политике США, России, Китая и Японии, их отношениям с КНДР и тем изменениям, которые в них в то время происходили. Авторы достаточно критично подходят к позициям всех, кто причастен к корейской проблеме, но все же более других их критика обращена к КНДР, хотя они и не всегда объективно показывают исходные мотивы ее действий. В книге использован большой фактический материал, частично новый, и это повышает ее научную значимость.

Ситуация на Корейском полуострове 1990-х гг., особенно во второй их половине, связанные с ней особенности курса, проводимого в тот период каждым из названных выше государств, анализируются в обширной и содержательной статье А. В. Воронцова «Эволюция политики США, КНР, Японии и России в отношении Корейского полуострова на рубеже веков» в сборнике «Корея на рубеже веков» (2002). В ней также в центре внимания их взаимоотношения с КНДР, причем позиции последней освещаются достаточно аргументированно и объективно.

В заключение данной главы необходимо сказать следующее. Как видно из ее текста, изучение истории и общественно-политических проблем Северной Кореи после 1945 г. не приобрело в российском корееведении такого крупного масштаба, в каком велась, например, работа по предшествующей истории Кореи. Причина в том, что все те сложности и ограничения, в которых существовало корееведение в СССР, в наибольшей степени распространялись именно на северокорейскую общественно-политическую тематику, резко сужая фронт ее исследований и вынуждая придавать самой важной и интересной их части «закрытый» характер. Между тем не требует доказательств то, что строить отношения с соседней страной на прочном фундаменте можно только лишь глубоко и всесторонне понимая господствующую в ней общественно-политическую систему со всеми ее традициями и своеобразием. Из сказанного следует, что сама жизнь диктует необходимость более активного ее изучения в будущем.

[1] Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1954, с. 225.

[2] Там же, с. 237.

[3] Шабшина Ф. И. Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953). М., 1958, с. 185.

[4] История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 2. М., 1974, с. 204.

[5] Государство и право, 1947, № 4.

[6] Советское востоковедение, 1955, № 2.

[7] Восток, 1999, № 4.

[8] Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. Материалы научной конференции. Москва, 10–11 декабря 1996 г. Части 1 и 2. М. 1997.

[9] Кобозев Н. М. Законодательство Северной и Южной Кореи и проблема объединения страны.— Проблемы Корейского полуострова и интересы России. М., 1998; его же. О некоторых аспектах внутреннего положения в КНДР.— Россия и Корея на пороге нового столетия. М., 1999; его же. Влияние внутренней ситуации в КНДР и РК на межкорейские отношения.— Тенденции развития обстановки на Корейском полуострове и возможные альтернативы российской политики. М., 1999.

[10] Проблемы Дальнего Востока, 1999, № 2.

[11] Азия и Африка сегодня, 1998, № 6, с. 36.

[12] Концепция внешней политики Российской Федерации.— Дипломатический вестник МИД РФ, 1993, январь, спецвыпуск, с. 16.

[13] Известия, 6. 06. 1996.

[14] Известия, 26. 06. 1997.

[15] Комитет по геополитике Государственной думы РФ в июне 1997 г. провел специальные парламентские слушания по вопросам отношений России с Северной Кореей, потребовав от правительства активизации мер по их улучшению.

[16] Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. Часть II. М., 1997.

[17] Азия и Африка сегодня, 1998, № 7, с. 36.

[18] Фадеев Ю. Д. Пограничное урегулирование между Россией и КНДР; Занегин Б. Н. Корейский узел и многосторонние интересы.— Проблемы Корейского полуострова и интересы России. М. 1997; Ткаченко В. П. Некоторые аспекты военной политики России на Корейском полуострове; Толорая Г. Д. Корейская политика России на рубеже десятилетий.— Россия и Корея на пороге нового столетия. М. 1999; Ткаченко В. П. Взаимодействие России с двумя корейскими государствами в

интересах обеспечения безопасности в регионе.— Тенденции развития обстановки на Корейском полуострове и возможные альтернативы российской политики. М. 1999; Титаренко М. Л. О российской политике в отношении КНДР; Торорая Г. Д. Россия — КНДР: новый этап отношений или повторение пройденного? — Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. Ч. 2. М., 2001; Воронцов А. В. Россия и КНДР: политические аспекты взаимоотношений в XXI в.— Корейский полуостров и вызовы XXI века. М., 2003; Воронцов А. В. Отношения России и КНДР в контексте региональной безопасности.— Россия и Корея в меняющемся мировом порядке. М., 2003.

Изучение экономики КНДР

Первые шаги в исследовании северокорейской экономики

Как отмечалось в предыдущих главах, советское корееведение после окончания второй мировой войны вступило в качественно новый этап своего развития. Начался интенсивный процесс его возрождения и превращения в самостоятельную, многоотраслевую область отечественного востоковедения. Наряду с традиционным циклом исследований в области истории и культуры Кореи важное место в нем заняли проблемы экономического и социального развития страны как накануне, так и после ее освобождения от колониального гнета.

Следует подчеркнуть, что исходной базой для изучения северокорейской экономики послужили публикации по Корее 20–30-х гг., в которых нередко содержались весьма обстоятельные разделы, характеризующие экономическое положение в стране в условиях жестокого колониального режима. Как правило, эти работы имели острую политическую направленность, отражая идеологические установки и взгляды того времени. Главная их задача состояла в разоблачении грабительской сущности колониальной политики японского империализма в Корее. Вместе с тем, в этих работах достаточно широко использовался ценный в научном отношении фактографический и статистический материал, наглядно отражавший состояние производительных сил колониальной Кореи.

Освобождение Кореи от колониализма и обретение ею национальной государственности послужили мощным стимулом для дальнейшего развития советского корееведения. Перед советскими учеными открылась реальная возможность непосредственного знакомства со страной: на месте проводить «полевые исследования», ввести в научный оборот ранее недос-

тупные документы и материалы, широко использовать текущую информацию о реальном положении в Корее.

Все это, естественно, позволило заметно расширить фронт корееведческих исследований, более обстоятельно и объективно освещать сложившуюся в стране внутриполитическую и экономическую ситуацию.

С конца 40-х гг. советские студенты-востоковеды, изучавшие Корею, впервые получили возможность посетить страну, проходить стажировку в учебных заведениях Северной Кореи. Именно в эти годы стали складываться первые научные контакты с корейскими учеными, с деятелями науки и культуры Кореи.

В силу известных международных и внутриполитических условий, сложившихся на Корейском полуострове после окончания второй мировой войны и приведших к расчленению Кореи, приоритет в научных исследованиях советских ученых-корееведов, естественно, был отдан Северной Корее, на территории которой временно находились части Советской Армии. Что касается Южной Кореи, то возможности для ее всестороннего изучения были крайне ограничены, так как доступ на ее территорию для советских ученых практически был полностью закрыт.

Как известно, сразу же после освобождения страны от колониального гнета в Северную Корею была направлена большая группа советских специалистов и советников для оказания непосредственной помощи корейскому народу в возрождении национальной государственности, экономики и культуры, в проведении общедемократических социально-экономических преобразований. Для эффективной целенаправленной работы советские представительные органы и специалисты должны были располагать разносторонней, квалифицированной информацией о положении в стране, о нуждах и настроениях населения, о текущих экономических проблемах. Только хорошее знание страны и ее насущных проблем могло позволить специалистам правильно ориентироваться в сложившейся в Корее непростой обстановке, успешно решать поставленные перед ними практические задачи.

Именно к начальному периоду становления и развития республики относятся первые аналитические и справочные материалы по Корее, разработка которых развернулась в министерствах и ведомствах Советского Союза, непосредственно связанных с Северной Кореей. К подготовке этих материалов активно

подключались тогда ученые-востоковеды, преимущественно японисты и китаеведы, знакомые с корейской проблематикой. Соответствующие аналитические разработки на основе конкретных данных, собранных непосредственно на местах, готовились также сотрудниками представительных советских органов в Северной Корее, а также специалистами и советниками, работавшими в то время на различных производственных объектах и в ведомствах республики. Впоследствии многие из них стали авторами весьма интересных публикаций о Корее. Особое внимание в них уделялось процессу становления и развития народно-демократического государства, осуществлению в Северной Корее коренных социально-экономических преобразований, возрождению национальной экономики и культуры. Эти темы красной нитью проходят практически во всех работах по Корее, опубликованных в СССР в конце 40-х — начале 50-х гг. Публикации того времени и сегодня не утратили своей познавательной значимости. Что касается аналитических и справочных материалов о Корее практических организаций и ведомств бывшего Советского Союза, то со многими из них можно ознакомиться в соответствующих российских архивных фондах.

Среди публикаций указанного периода прежде всего заслуживают внимания работы известного советского ученого-юриста Б. В. Щетинина, которому довелось длительное время работать в качестве советника правительства Северной Кореи. В частности, его книга «Корейская Народно-Демократическая Республика», изданная в 1950 г. на базе лекций, прочитанных в Военно-юридической Академии, наряду с освещением проблем государственного строительства в КНДР, обстоятельно анализирует важнейшие социально-экономические преобразования, осуществленные в Северной Корее органами народной власти в первые годы после освобождения страны, а также процесс возрождения национальной экономики[1].

Повышенный интерес общественности Советского Союза к Корее, к тем важнейшим событиям, которые происходили там после освобождения, обусловил появление в советской печати большого числа публикаций, характеризовавших историческое прошлое Кореи, а также освещавших современные проблемы ее социально-экономического, политического и культурного развития. Авторами, как правило, были советские журналисты, корреспонденты различных газет и информационных представительств СССР в Северной Корее, а также некоторые известные ученые-востоковеды.

В небольшом разделе, естественно, невозможно охарактеризовать все публикации того периода, поэтому остановимся лишь на тех научных и публицистических изданиях, в которых наиболее полно представлены различные аспекты социально-экономического и хозяйственного развития Северной Кореи в начальный период после освобождения. При этом следует учитывать, что специальных публикаций об этом в то время еще не было. Как правило, работы имели комплексный характер, освещая различные стороны развития страны, в том числе и вопросы экономики.

Прежде всего, необходимо остановиться на книге В. Т. Зайчикова «Корея»[2]. Это фактически первое крупное комплексное исследование по Корее, опубликованное в Советском Союзе вскоре после освобождения страны. Книга вышла в свет в 1947 г., второе, переработанное и дополненное ее издание опубликовано в 1951 г. Автором собран, систематизирован и обобщен большой фактографический и статистический материал, накопленный за предшествовавшие годы отечественным и зарубежным корееведением. По основному своему содержанию это развернутое физико-географическое и экономико-географическое исследование, в котором дана обстоятельная характеристика природных богатств Кореи, ее населения, экономики и культуры. Книге предпослан большой исторический очерк, освещавший также политическую и социально-экономическую обстановку в Корее после ее освобождения от колониального гнета. Кроме того, в нее включен раздел, посвященный вкладу русских исследователей в изучение Кореи.

Несомненный научный интерес представляет физико-географический очерк Кореи, в котором рассмотрены природно-климатические условия страны, ее природные ресурсы и их размещение, анализируются демографические и культурные факторы развития.

Центральное место в книге занимают разделы, посвященные хозяйственному развитию Кореи в колониальный период и первые годы после освобождения, территориальному размещению ее производительных сил. На большом фактическом материале дана развернутая характеристика различных отраслей экономики, прежде всего промышленности и сельского хозяйства, показан процесс хозяйственного строительства в Северной Корее в первые годы после освобождения, раскрывается суть проведенных там социально-экономических преобразований.

Книга В. Т. Зайчикова и сегодня не утратила своей научной и познавательной ценности. Не случайно она остается важным учебным пособием для изучающих экономику стран Востока и прежде всего социально-экономическое развитие Кореи послевоенного периода.

Особо следует отметить, что в условиях нарастания «холодной» войны и жесткого идеологического противостояния автор при изложении материала сумел все же избежать распространенной тогда политической ангажированности.

Для понимания сущности тех глубинных процессов, которые происходили в социально-экономической и хозяйственной жизни страны, социальной направленности общедемократических преобразований, коренным образом изменивших общественно-политический и экономический строй Северной Кореи, несомненно, важную роль играли публикации советских журналистов и политических обозревателей, работавших в те годы непосредственно в стране и наблюдавших происходившие там перемены.

К их числу с полным правом можно отнести работы П. Крайнова «Борьба корейского народа за независимость» и «Борьба за единую демократическую Корею», опубликованные в 1948 г. Отдавая приоритет политическим и международным аспектам корейской проблемы, а также борьбе корейского народа за возрождение национальной государственности, автор в то же время значительное место отводил анализу общедемократических и социально-экономических преобразований, осуществленных органами народной власти Северной Кореи. Так как его книги имели острую политическую и пропагандистскую направленность, отражая официальные идеологические установки, автор, естественно, крайне негативно оценивал политические и экономические процессы, происходившие в те годы в Южной Корее, и в то же время давал весьма высокую оценку результатам проведенных в Северной Корее демократических преобразований, открывших реальный путь к возрождению национальной экономики и культуры, повышению жизненного уровня трудящихся. Отмечая позитивную роль Советского Союза в осуществлении демократических преобразований в Северной Корее и восстановлении ее народного хозяйства, автор вместе с тем подверг резкой критике колонизаторскую политику американской военной администрации, утверждая, что она стремилась насадить в Южной Корее жестокий оккупационный режим и закрепить свое господство на Корейском полуострове.

Аналогична по содержанию брошюра А. Ф. Сахнина «Корейский народ в борьбе за единство и независимость», подготовленная на базе публичных лекций, прочитанных автором в Центральном лектории Общества знаний в Москве, и опубликованная в 1950 г. Наряду с политическими и международными проблемами ситуации на Корейском полуострове, в ней рассмотрены также некоторые аспекты политического и социально-экономического развития Северной Кореи, возрождения ее экономики.

Особого внимания, конечно же, заслуживает книга И. Кравцова «Агрессия американского империализма в Корее (1945–1951 гг.)», опубликованная в 1951 г., во время Корейской войны. Эта книга, написанная на большом фактическом и документальном материале, охватывающая широкий круг проблем,— одно из наиболее крупных комплексных исследований политических и социально-экономических процессов, происходивших в Корее после ее освобождения. Она не утратила научной значимости и сегодня.

Вышедшая в свет в период обострения «холодной» войны, в разгар военных действий на Корейском полуострове, книга, естественно, была крайне острой в политическом отношении. Главная ее задача состояла в том, чтобы на конкретных фактах разоблачить агрессивную, колонизаторскую сущность политики американского империализма в Корее, вскрыть ее движущие пружины. Автор подчеркивал, что «настоящая книга имеет целью показать обстановку в Корее в 1945–1950 гг., подготовку Соединенными Штатами Америки агрессивной войны в Корее, ход и характер этой войны и героическую борьбу корейского народа за единство, свободу и независимость своей родины». Разумеется, с позиций сегодняшнего дня, когда исследователям стали доступны новые документы и материалы, не со всеми выводами, оценками и положениями И. Кравцова можно полностью согласиться. Тем не менее, в целом его работа достаточно объективно отражала события тех лет и в силу этого также имеет немалую познавательную ценность.

Хронологическая книга охватывает период с момента освобождения Кореи и до начала Корейской войны. В ней анализируются причины ее возникновения и ход военных операций первого года войны. Открывающий книгу сравнительно большой вводный раздел приводит краткие сведения о стране: ее физико-географическом положении, экономике и историче-

ском прошлом. Посвященная прежде всего острым политическим и международным проблемам, она вместе с тем содержит весьма интересный фактический материал о социально-экономическом и хозяйственном развитии Северной Кореи в предвоенные годы. В частности, дана подробная характеристика радикальных общедемократических преобразований и социально-экономических реформ. На конкретных данных автор показывает, что обобществление основных средств производства в результате национализации промышленности, транспорта и банковской системы, а также успешное проведение земельной реформы имели исключительно важное значение для скорейшего возрождения национальной экономики, подъема производительных сил страны и повышения жизненного уровня населения. При этом в работе подчеркивается, что социально-экономические преобразования в обществе и быстрое восстановление народного хозяйства стали возможными прежде всего благодаря огромным созидательным усилиям самого корейского народа, а также активной поддержке и помощи со стороны Советского Союза. Достижения трудящихся КНДР того периода, по мнению автора, были особенно разительны на фоне южнокорейской действительности.

Большой фактический материал, приведенный в книге о хозяйственной деятельности в Северной Корее в довоенные годы, а также анализ проведенных там социально-экономических преобразований, по нашему мнению, и сегодня, когда наши знания в этой области значительно расширились и обогатились новыми архивными документами, не утратили своей познавательной ценности и могут служить важным подспорьем в изучении экономики КНДР начального периода ее развития. Разумеется, отдельные оценки, выводы и положения, содержащиеся в книге, требуют определенного уточнения и приведения их в соответствие с новыми документальными материалами и научными разработками.

С началом Корейской войны число публикаций по Корее в советской печати заметно возросло. В книгах и брошюрах, посвященных Корейской войне, разоблачению агрессивной сущности американской политики, уделялось внимание и вопросам социально-экономического развития КНДР, добившейся в предвоенные годы немалых успехов в демократизации общества, в экономическом и культурном строительстве.

К числу таких публикаций можно отнести книгу Л. Перова «Американская агрессия в Корее» (1951). Уделяя основное вни-

мание героической освободительной борьбе корейского народа, автор в то же время обрисовал политическую и экономическую обстановку в Корее накануне войны, раскрыл сущность тех коренных социально-экономических преобразований, которые были осуществлены органами народной власти в северной части страны. Хотя книга имела преимущественно познавательно-пропагандистское предназначение, тем не менее, представленные в ней материалы принесли определенную пользу для ознакомления советской общественности с теми процессами, которые в предвоенные годы происходили в экономической, социально-политической и культурной жизни КНДР.

К числу первых наиболее крупных научных работ по Корее, опубликованных в Советском Союзе в годы Корейской войны, в которых большое внимание уделено анализу хозяйственного и социально-экономического развития КНДР предвоенного периода, с полным правом можно отнести обширное монографическое исследование Е. А. Пигулевской «Корейский народ в борьбе за независимость и демократию» (1952).

Ее книга, как и многие другие публикации того времени, естественно, была чрезмерно политически заострена. Подобно остальным работам такого плана, главная ее задача состояла в разоблачении агрессивной сущности политики американского империализма в Корее, стремившегося превратить только что освободившуюся от колониального гнета страну в свою вотчину и военно-стратегический плацдарм на Дальнем Востоке.

Видный специалист в области экономики стран зарубежного Востока, Е. А. Пигулевская в своей монографии дает уже более развернутую и глубокую, чем прежде, характеристику социально-экономических преобразований в Северной Корее, всесторонне анализирует процесс экономического развития молодой республики, которая в тот период делала первые практические шаги по возрождению национальной экономики, созданию экономической базы нового общественного строя.

На конкретных материалах показан ход и позитивные результаты аграрной реформы в Северной Корее, которая впервые наделила основную массу крестьянства землей, освободила его от кабальной земельной аренды, дала мощный импульс подъему производительных сил корейской деревни, способствовала росту сельскохозяйственного производства и повышению материального благосостояния тружеников села. Указывая на преимущественно положительную роль аграрных преобразований, автор в то же время не скрывает, что на пути их

проведения встречались немалые трудности, имели место также определенные ошибки и упущения. Однако, они нисколько не умаляют огромного преобразующего значения аграрной перестройки северокорейской деревни.

Е. А. Пигулевская анализирует итоги национализации промышленности, транспорта, средств связи и банков, в результате которой возник и получил развитие государственный сектор экономики КНДР, рассматривает методы постепенного перевода народного хозяйства на плановые рельсы, внедрения государственного регулирования воспроизводственных процессов, развития социальной сферы и культурного строительства. В монографии прослеживается также процесс складывания новой кредитно-финансовой системы, анализируется ход выполнения в КНДР первых народнохозяйственных планов, формирования основ материально-технической базы нового общества.

Разумеется, в условиях хозяйственной разрухи, когда на первое место выдвигались задачи возрождения производительных сил страны, не могло быть и речи о коренной структурной перестройке промышленности и ее широкой технической реконструкции. Тем не менее, как показано в книге, даже в таких сложных условиях молодая республика предпринимала некоторые шаги в этом направлении, опираясь на материально-техническую помощь Советского Союза, который в те годы сам испытывал немалые хозяйственные трудности послевоенного периода.

Анализируя проблемы внутрихозяйственного развития республики, автор в то же время уделил большое внимание вопросам становления и развития экономического и культурного сотрудничества КНДР с Советским Союзом, которое стало быстро развиваться на основе первого полномасштабного межгосударственного Соглашения, заключенного в марте 1949 г. между нашими странами.

Главный вывод, который делается в монографии Е. А. Пигулевской, состоит в том, что радикальные общественно-экономические реформы не только способствовали демократизации общества и возрождению национальной экономики, но и сыграли в целом исключительно важную роль в укреплении экономических и политических основ народно-демократического строя в КНДР, создали необходимые условия и предпосылки для последующего постепенного перехода страны на социалистический путь развития. Как известно, война прервала

поступательное развитие республики, отодвинув сроки решения этой задачи на послевоенные годы.

Выход в свет монографии Е. А. Пигулевской сыграл важную роль в дальнейшем углубленном изучении социально-экономических проблем Корейской Народно-Демократической Республики. В тот период она, по праву, стала настольной книгой для тех, кто занимался изучением Кореи.

Еще более глубокое и содержательное освещение проблемы экономического и социального развития КНДР в предвоенные годы, а также в период Корейской войны получили в первой крупной коллективной работе «Корейская Народно-Демократическая Республика», опубликованной Институтом востоковедения АН СССР в 1954 г.[3] Вышедшая в свет вскоре после окончания Корейской войны, она явилась продолжением и обобщением тех исследований по Корее, которые ранее были опубликованы в различных изданиях научного и публицистического характера. К ее созданию были привлечены известные ученые-корееведы.

Как уже отмечалось в предыдущих главах данной книги, выход в свет этой работы стал важной вехой на пути становления и развития советского (российского) корееведения. Диапазон тем, представленных в ней, достаточно широк. Она знакомит читателей с богатой многовековой историей Кореи, ее экономикой, географией и культурой. Главное же внимание уделено освобождению Кореи Советской Армией от колониального гнета, созданию Корейской Народно-Демократической Республики, внутриполитическому положению в стране, Корейской войне и героической борьбе корейского народа за освобождение родины и ее мирное объединение.

Книга содержит большой и обстоятельный раздел, посвященный анализу общедемократических и социально-экономических преобразований в Северной Корее, характеристике основных проблем экономического строительства в КНДР в предвоенные годы.

И хотя книга, как и многие другие, ранее перечисленные, по основному своему содержанию и композиции не является сугубо экономическим исследованием, тем не менее, содержащиеся в ней факты и статистические материалы дают достаточно полное представление о тех сложных процессах, которые происходили в социально-экономической и хозяйственной жизни Северной Кореи в предвоенные годы. Видимо, не будет преувеличением утверждать, что содержащиеся в ней сведе-

ния и конкретные материалы впоследствии послужили солидной исходной базой для дальнейшего изучения экономики КНДР.

Отмечая познавательную ценность указанных выше публикаций, необходимо сказать, что в работах, изданных в период Корейской войны в первые послевоенные годы из-за отсутствия необходимой информации, к сожалению, не получили должного освещения вопросы экономического развития республики в тяжелейших условиях военного времени. Лишь в более поздних публикациях эти вопросы нашли частичное отражение. В частности, специальный раздел книги Ф. И. Шабшиной «Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953 гг.)» (1958) посвящен экономическому положению КНДР в годы Корейской войны. Более поздней публикацией на эту тему явился сборник «За мир на земле Кореи. Воспоминания и статьи» (1985). Статья «В Корее в огненные годы», написанная бывшим торгпредом СССР в КНДР П. И. Сакуном, освещает некоторые аспекты советско-корейских отношений в годы войны, характер экономической помощи КНДР со стороны Советского Союза и других стран социалистического содружества, в ней дается общая картина тяжелого экономического положения в республике, показаны самоотверженные усилия трудящихся на фронте и в тылу.

Если оценивать названные нами публицистические и научные работы раннего периода по КНДР с учетом требований сегодняшнего дня и тех знаний, которые были накоплены советским корееведением за последние десятилетия, то, естественно, что излагавшиеся в них материалы, а также отдельные выводы и положения подчас выглядят недостаточно аргументированными и убедительными. К тому же некоторые авторские подходы и суждения в силу существовавших тогда жестких идеологических установок оказались излишне политизированными, не всегда объективно отражали реальное положение дел в экономической и политической жизни республики. Как правило, авторы этих работ стремились прежде всего показать позитивные явления экономической и социальной жизни в стране, в то же время замалчивая негативные стороны происходивших там процессов и их определенную противоречивость. И все же, несмотря на эти недостатки, ранние публикации по КНДР, освещавшие вопросы ее экономического и социального развития, и сегодня представляют несомненный научный интерес и могут быть весьма полезным для изучения

различных аспектов экономической и социальной жизни республики в довоенные и военные годы.

Необходимо особо подчеркнуть, что для более обстоятельного изучения экономики КНДР очень важны архивные материалы тех лет, которые, по сравнению с открытыми публикациями, более реально отражают происходившие там события. Наибольшую ценность представляют аналитические обзоры и справочные материалы, подготовленные советскими специалистами, работавшими в КНДР, а также документы и служебные материалы ряда министерств и ведомств, имевших непосредственные деловые контакты с республикой. Как правило, эти материалы носили гриф секретности и предназначались сугубо для служебного пользования. В течение длительного времени они были практически недоступными для исследователей, и понятно, не могли быть использованы в открытых научных публикациях. Лишь сегодня, когда доступ ко многим таким материалам открыт, включение их в научный оборот позволяет значительно расширить и углубить наши познания об экономическом и социальном развитии КНДР предвоенных и военных лет.

Таким образом, вплоть до середины 50-х гг. в советском корееведении были сделаны лишь первые шаги в изучении и освещении важнейших экономических и социальных проблем развития КНДР. Тем не менее, научные публикации этого раннего периода заложили прочную основу для последующего превращения экономических исследований по КНДР в самостоятельную область советского (российского) корееведения. Активного изучения экономики КНДР настоятельно требовали не только интересы науки, но прежде всего практические задачи углубления и расширения экономических связей Советского Союза с КНДР, оказания ей действенной помощи в послевоенном восстановлении и развитии народного хозяйства.

Следует отметить, что экономические исследования по Корее, в том числе по КНДР, прошли ряд стадий своего развития — начиная от первоначального периода накопления информационного материала, когда наука шла практически в ногу с теми процессами, которые происходили в экономической и социальной жизни республики, и кончая созданием крупных обобщающих работ, что, несомненно, свидетельствует о поэтапном качественном росте экономических исследований советских, а сегодня российских корееведов.

И, хотя экономические аспекты исследований, представлен-

ные в ранних публикациях, во многом совпадали, тем не менее, по мере накопления фактического материала, его обобщения и более глубокого анализа, каждая последующая экономическая работа, вышедшая в свет, становилась более обстоятельной и содержательной. Наиболее плодотворным периодом в развитии экономических исследований по КНДР стали годы строительства основ социализма в республике — создания фундамента материально-технической базы нового общества и коренных социально-экономических преобразований.

Завершая характеристику начального периода исследований северокорейской экономики в советском (российском) корееведении, следует отметить немаловажную роль в нем переводной литературы с корейского языка, в подготовке которой активное участие принимали видные российские лингвисты-корееведы (Хан Дык Пон, Ю. Н. Мазур и др.).

В частности, в серии «Законодательство стран народной демократии» был издан сборник «Конституция и основные законодательные акты Корейской Народно-Демократической Республики» (1952). В пространной вступительной статье Г. Таврова, наряду с общей характеристикой политического переустройства северокорейского общества, приведены интересные данные и выдержки из документов, отражающие процесс экономического и социального развития молодой республики в предвоенные годы. Помещенные в книге законодательные акты и правительственные постановления достаточно четко показывают основные направления и суть общедемократических социально-экономических преобразований, проведенных органами народной власти Северной Кореи в первые годы после освобождения страны.

В сборник включен специальный раздел «Законодательство по вопросам хозяйственного строительства», содержащий Закон о земельной реформе, Постановление о натуральном сельскохозяйственном налоге, Закон о труде рабочих и служащих Северной Кореи, Закон о национализации промышленности, транспорта, средств связи и банков, Постановление об охране права частной собственности и о мерах поощрения частной инициативы в промышленности и торговле, Положение о государственных хозяйствах, Постановление о создании государственных машинопрокатных станций, а также ряд других важных законодательных актов в сфере экономической деятельности. В нем помещен также материал об итогах выполнения плана восстановления и развития народного хозяйства респуб-

лики на 1948 г., а также Закон о двухлетнем плане развития экономики КНДР на 1949–1950 гг., раскрывающий основные направления и задачи хозяйственного и культурного строительства накануне Корейской войны.

Изучение социалистического этапа развития экономики КНДР

Как известно, после окончания Корейской войны Корейская Народно-Демократическая Республика вступила на путь непосредственно социалистического строительства, создания политических, экономических и социальных основ развития нового общества.

Центральное место, естественно, заняли проблемы хозяйственного строительства, создания фундамента социалистической экономики. Для этого необходимо было прежде всего восстановить в сжатые сроки разрушенное войной народное хозяйство, осуществить производственное кооперирование сельского хозяйства, провести социалистическую индустриализацию. На повестку дня встали также задачи создания прочной материально-технической базы, осуществления технической реконструкции всего народного хозяйства, развертывания культурной революции.

Указанные выше проблемы социалистического строительства стали одним из главных объектов научных исследований советских корееведов. Это было важно не только с точки зрения практических задач дальнейшего углубления экономического сотрудничества СССР с КНДР, но и теоретического обобщения опыта социалистического строительства в странах Восточной Европы и Азии, чему в то время придавалось повышенное внимание со стороны ЦК КПСС и директивных органов.

Главными центрами исследования экономических проблем развития КНДР явились Институт востоковедения АН СССР, Московский государственный университет им. Ломоносова, Научно-исследовательский конъюнктурный институт Министерства внешней торговли СССР, а также Московский государственный Институт международных отношений МИД СССР, в котором на базе Московского института востоковедения, расформированного в конце 1953 г., был образован факультет восточных стран. Несколько позднее, с начала 60-х гг., корейской проблематикой, в том числе вопросами экономического

развития КНДР, стал активно заниматься вновь созданный Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР.

Располагая группой квалифицированных экономистов, названные выше научные и учебные заведения внесли существенный вклад в изучение экономики КНДР, оказывая научно-практическую помощь директивным организациям и ведомствам в решении оперативных задач сотрудничества с Корейской Народно-Демократической Республикой.

По мере расширения фронта экономических исследований существенно возросла потребность в квалифицированных кадрах экономистов-корееведов. В связи с этим были приняты соответствующие меры по подготовке специалистов этого профиля через систему высшей школы и аспирантуру научно-исследовательских институтов и вузов. Основной состав экономистов-корееведов первого поколения в середине 50-х и начале 60-х гг. прошел обучение в аспирантуре Института востоковедения АН СССР, Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, МГУ и МГИМО. В результате за сравнительно короткий срок ряды корееведов-экономистов заметно расширились. Часть из них влилась в научно-исследовательские институты, остальные приступили к работе в практических организациях, а также перешли на преподавательскую деятельность. И сегодня российское корееведение располагает довольно большой группой квалифицированных специалистов, занятых исследованием различных проблем экономического развития КНДР и Республики Корея, а также успешно работающих в практических организациях и правительственных ведомствах, осуществляющих непосредственные контакты с этими странами.

Значительный вклад в подготовку кадров корееведов, в том числе и экономистов, внесли ветераны советского корееведения, сыгравшие решающую роль в превращении этой отрасли науки в одно из важнейших направлений ориенталистики. Необходимо отметить прежде всего заслуги таких видных ученых как М. Н. Пак, Г. Ф. Ким, Ф. И. Шабшина, Н. К. Вайнцвайг и др.

Среди экономистов старшего поколения, пришедших в науку в середине 50-х — начале 60-х гг., и положивших начало интенсивному изучению экономики Кореи, главным образом КНДР, следует в первую очередь назвать таких ученых как И. С. Казакевич, Л. Н. Каршинов, Г. В. Грязнов, В. В. Марты-

нов, Н. П. Семенова, М. Е. Тригубенко, Ю. Н. Беляев, И. А. Поликарпова, Б. В. Синицын, Л. С. Багрянская и др. Именно они в 50–70-х гг. создали первые, наиболее обстоятельные и глубокие исследования по экономике Кореи, преимущественно по проблемам социального и экономического развития Корейской Народно-Демократической Республики.

К молодому поколению экономистов-корееведов, начавших свою научную деятельность с конца 60-х гг. и позже, можно отнести таких специалистов как В. В. Михеев, В. И. Моисеев, В. А. Маринов, Н. Е. Бажанова, И. И. Богдан, С. С. Суслина, П. С. Лешаков, И. Г. Большов, Г. Д. Толорая, Мун Де До и др. Позднее отряд специалистов, исследующих экономику КНДР и РК, пополнился новыми именами. В частности, современные проблемы экономического развития КНДР, а также ее внешнеэкономические связи изучаются А. А. Крючковым, В. Д. Андриановым, А. И. Мацегорой, Г. Я. Левченко. Они являются авторами ряда интересных и важных научных разработок, освещающих современное экономическое положение в КНДР. Ряд из них опубликован в журналах и сборниках статей.

Исследования экономистов-корееведов как старшего, так и более молодого поколения свидетельствуют о весьма широком диапазоне их научных интересов. Наряду с экономическими и социальными исследованиями по КНДР, постепенно расширялись также масштабы научных разработок по экономике Южной Кореи, проводился сравнительный анализ их хозяйственного развития. При этом серьезное внимание уделялось экономике Кореи в годы японского колониального господства, характера и уровня ее производительных сил того периода как исходной базы современного хозяйственного строительства. Эта проблематика, как правило, присутствовала во всех работах, посвященных проблемам экономического развития КНДР.

Несмотря на столь широкий диапазон экономических исследований по Корее в целом, приоритет длительное время, вплоть до конца 70-х гг., в силу объективных причин и политических обстоятельств, неизменно сохранялся за работами по КНДР. При этом главным направлением социально-экономических исследований стало изучение общих закономерностей и национальных особенностей строительства экономического фундамента социализма в Корейской Народно-Демократической Республике.

Наряду с работами общего плана об экономическом развитии КНДР, анализирующими характерные черты и особенно-

сти этого процесса, был подготовлен ряд интересных и содержательных исследований по конкретным проблемам хозяйственного строительства в республике: создание промышленного комплекса, кооперирование сельского хозяйства, налаживание внешнеэкономических связей и т. д. Эта проблематика нашла отражение как в научных публикациях, так и в диссертационных исследованиях. В частности, достаточно глубокую научную проработку получили в 50–80-х гг. такие темы, как общие закономерности и специфика социалистической индустриализации в КНДР, опыт создания материально-технической базы социализма, характерные черты и особенности социалистического преобразования сельского хозяйства КНДР, основные направления аграрной политики и техническое перевооружение ее сельского хозяйства, изменение социально-экономической структуры КНДР в ходе социалистического строительства, основные направления социально-экономической политики ТПК в 60–70-х гг., новые тенденции в экономическом и научно-техническом развитии КНДР на этапе развернутого строительства социализма, экономическое соревнование КНДР и Южной Кореи в 60–70-е гг., КНДР в системе мирохозяйственных связей, новые тенденции во внешнеэкономической политике КНДР на современном этапе развития и др. При этом в цикле работ о внешнеэкономических связях КНДР особое место занимали исследования, касавшиеся развития экономического сотрудничества КНДР с Советским Союзом. К экономическим исследованиям конкретного характера следует отнести такие научные разработки, как темпы и пропорции роста промышленного производства, экономико-статистическое исследование топливно-энергетической базы КНДР, основные принципы планового управления экономикой КНДР и т. д.

Указанная тематика освещалась в работах как открытого, так и закрытого плана. С учетом политических и конъюнктурных соображений, значительная часть экономических проблем рассматривалась в закрытых публикациях и диссертационных исследованиях, а также в аналитических записках, предназначенных для директивных органов и практических организаций. В них, как правило, наиболее полно и объективно отражались процессы, происходившие в экономической и социальной жизни КНДР, высказывались критические оценки тех или иных явлений в хозяйственном строительстве и проводимой в стране экономической политики.

Следует отметить, что социалистическое строительство в КНДР, в том числе вопросы ее экономического и социального развития, являлись объектами научного исследования не только экономистов, но и известных историков и политологов. Так, большое внимание этой проблематике уделялось в научных трудах Ф. И. Шабшиной, Г. Ф. Кима, В. Д. Тихомирова, М. Н. Пака и др. В последние годы она получила отражение также в работах известного специалиста по проблемам истории Кореи Ю. В. Ванина.

Существенный вклад в разработку проблем национально-освободительного движения корейского народа и строительства социализма в КНДР внесла Ф. И. Шабшина, перу которой принадлежит ряд фундаментальных исследований по истории Кореи и ее современности. Наиболее значительным из них является двухтомный труд «Очерки новейшей истории Кореи» (1958–1959).

Второй том целиком посвящен развитию Кореи с августа 1945 г. по июль 1953 г. Глубокому и всестороннему анализу внутриполитической и экономической обстановки как в Северной, так и в Южной Корее в первые годы после освобождения страны от колониализма в значительной мере способствовало то обстоятельство, что автор оказался непосредственным свидетелем событий в Корее и тех огромных перемен, которые происходили тогда в жизни корейского народа.

Главное внимание в работе уделено начальному периоду становления и развития демократического общества в Северной Корее, проведению там коренных социально-экономических преобразований, созданию государственного сектора в экономике на основе национализации промышленности, транспорта, средств связи и банковской системы, осуществлению первых народнохозяйственных планов восстановления и развития национальной экономики, провозглашению Корейской Народно-Демократической Республики. Заключительная часть работы посвящена героической борьбе корейского народа против агрессии американского империализма и первым шагам восстановления народного хозяйства КНДР после Корейской войны.

Проблемы социалистического строительства в КНДР, общие закономерности и специфические черты этого сложного и многогранного процесса,— тема монографического исследования Ф. И. Шабшиной «Социалистическая Корея» (о формах проявления в КНДР общих закономерностей строительства со-

циализма) (1963). Наряду с политическими аспектами становления и развития нового общественного строя в КНДР, автор дал развернутую характеристику общих для всего тогдашнего социалистического мира черт и присущих КНДР особенностей формирования экономического фундамента социализма. В частности, достаточно глубоко и обстоятельно исследуются процессы обобществления в КНДР основных средств производства, перехода экономических высот в руки народно-демократического государства, внедрения плановой системы управления и руководства экономикой, выполнения широкой программы социально-экономического развития общества.

Особое место в монографии отведено проблемам создания в КНДР материально-технической базы. На основе конкретных данных автор анализирует характерные черты и специфику осуществления в стране социалистической индустриализации, проведения производственного кооперирования сельского хозяйства, развертывания технической реконструкции народного хозяйства. Обращено внимание также на социально-экономическую политику ТПК и правительства, изменение социальной и классовой структуры общества в процессе социалистического строительства, вопросы повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся.

Рассматривая различные стороны становления и развития нового общественного строя в КНДР и создания экономического фундамента социализма в ранее отсталой колониальной стране, Ф. И. Шабшина в целом позитивно оценивала происходившие в республике социально-экономические и политические процессы, подчеркивая их историческую неизбежность, объективную необходимость и закономерность. Что касается специфики этих процессов, то, по мнению автора, они обусловлены прежде всего историческими и национальными особенностями развития страны. При этом, характеризуя происходившие в КНДР процессы, автор, в силу известных политических и конъюнктурных соображений того времени, оставил в стороне некоторые субъективные факторы исследуемых процессов и их негативное влияние.

Небольшая брошюра Ф. И. Шабшиной «Со скоростью Чхонлима» (1960) также посвящена различным аспектам экономического и социального развития Корейской Народно-Демократической Республики как на этапе общедемократических преобразований, так и в ходе социалистического строительства в послевоенные годы.

Обстоятельный анализ общественно-политического и социально-экономического развития Северной Кореи, вступившей на путь радикальных демократических преобразований и социалистического строительства, дан в работах видного советского историка и политолога Г. Ф. Кима. Им опубликованы десятки статей, глав в коллективных трудах, отдельных монографических исследований по Корее, в которых неизменно широко представлена социально-экономическая проблематика. Например, несомненной научной значимостью обладает его книга «Борьба корейского народа за мир, национальное единство и демократию» (1957). Несмотря на то, что она решала определенную идеологическую задачу и посвящена главным образом политическим аспектам развития корейского общества, борьбе корейского народа за независимость, возрождение национальной государственности и единство своей родины, в ней значительное место отводится анализу социально-экономических преобразований в Северной Корее в первые годы после освобождения и социалистического строительства в КНДР в послевоенный период, в том числе вопросам восстановления и развития народного хозяйства республики и формирования ее материально-технической базы в ходе индустриализации и социалистического переустройства деревни.

Следует также упомянуть, что экономическим проблемам развития КНДР посвящена и кандидатская диссертация Г. Ф. Кима, подготовленная им по теме: «Помощь Советского Союза в экономическом и культурном строительстве Корейской Народно-Демократической Республике (1945–1950 гг.)».

Наиболее крупным фундаментальным исследованием по Корее Г. Ф. Кима по праву является его монографический труд «Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве». Первоначально это обширное и содержательное исследование было защищено им как докторская диссертация, а в 1965 г. издано как «закрытая» монография. При ее написании автор использовал большой документальный и статистический материал, а также многочисленные архивные источники. Наряду с освещением истории формирования и революционной борьбы рабочего класса Кореи, значительное место в монографии отведено вопросам создания политической системы в Северной Корее, осуществления там коренных социально-экономических и демократических преобразований, развертывания социалистического строительства в КНДР. Особое внимание уделено анализу эко-

номической политики ТПК, направленной на послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства и закладку фундамента социалистической экономики в ходе индустриализации и социалистического преобразования сельского хозяйства. При этом подчеркивалась важная роль интернациональной помощи корейскому народу в решении стоявших перед ним огромных и сложных задач со стороны Советского Союза и других братских стран.

Вопросы социально-экономического развития КНДР получили отражение также в совместных теоретических трудах Г. Ф. Кима и Ф. И. Шабшиной, обобщавших опыт революционной борьбы и социалистического переустройства общества в странах Азии и показывавших значение интернациональной помощи в строительстве ими социализма. Это их книги «Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока» (1967) и «Союз рабочего класса с крестьянством и опыт социалистических стран Азии» (1977).

Некоторые аспекты социалистического строительства в КНДР, в том числе и проблемы экономического строительства и социального развития страны, рассмотрены в брошюре известного советского историка М. Н. Пака «Корейская Народно-Демократическая Республика на пути к социализму» (1958). В ней на многочисленных конкретных данных показаны успехи трудящихся КНДР в послевоенном восстановлении и развитии народного хозяйства, в строительстве социалистического общества. В целом автор дал позитивную оценку тем процессам, которые происходили в социально-политической и экономической жизни страны, и их результатам.

Вопросы социального и экономического развития КНДР в период осуществления общедемократических преобразований и развертывания социалистического строительства в послевоенные годы отражены также в брошюрах В. В. Лезина «Успехи трудящихся Корейской Народно-Демократической Республики в хозяйственном и культурном строительстве» (1955) и Б. П. Баянова «Народная Корея на пути к социализму» (1959).

Заслуживают внимания также работы учебно-просветительского плана. Среди них следует выделить брошюру Л. М. Колбина «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1957), которая была подготовлена на базе лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. В этой небольшой брошюре дается достаточно емкая характеристика различных отраслей экономики КНДР, территориального раз-

мещения ее производительных сил, демографической ситуации в республике.

Накопленные знания, а также пополнение корееведения новыми квалифицированными кадрами историков, экономистов и культурологов позволили заметно расширить фронт научных исследований по актуальным проблемам современного развития Кореи и, прежде всего, по вопросам социалистического строительства в КНДР. Со временем важной формой исследовательской работы стали коллективные труды, в которых неизменно значительное место отводилось экономической и социальной проблематике. Такая форма организации работы давала возможность в более сжатые сроки создавать комплексные исследования и эффективнее использовать научный потенциал специалистов. Как правило, в коллективных трудах, посвященных современному развитию КНДР, ведущемуся там социалистическому строительству, рассматривались соответствующие аспекты исторического прошлого Кореи, что позволяло глубже понять причины и суть проводимых в стране социально-экономических преобразований, основные направления ее экономической политики.

Используя опыт уже упоминавшегося первого коллективного труда по КНДР «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1954), в 1958 г. был подготовлен и опубликован сборник статей «Корея (история и экономика)» (1958), в котором, наряду с некоторыми вопросами предшествующей истории, исследовались актуальные проблемы социалистического строительства в КНДР. В небольших статьях анализировался ход послевоенного восстановления и развития промышленности, вскрывались общие черты и специфические особенности производственного кооперирования корейской деревни.

Как известно, к началу 60-х гг. в КНДР были заложены основы социалистического общественного строя, сделаны первые значительные шаги по созданию его материально-технической базы.

Несмотря на тяжелые испытания и огромные послевоенные хозяйственные трудности, молодая республика, опираясь на большую экономическую помощь социалистических стран, прежде всего Советского Союза, за сравнительно короткий срок смогла возродить разрушенную войной экономику, успешно выполнить задачи первого этапа социалистической индустриализации, провести производственное кооперирование сельского хозяйства и широко развернуть культурное строительство.

Опыт, накопленный КНДР в ходе социалистического строительства и создания нового общества, вызвал немалый интерес советской общественности и стал одним из главных объектов всестороннего научного изучения.

Первым заметным результатом исследования и обобщения опыта КНДР явилась коллективная монография «Очерки социалистического строительства в Корейской Народно-Демократической Республики» (1963). Она была подготовлена в основном корееведами Института востоковедения АН СССР. Приоритетное место в ней заняли разделы, посвященные социально-экономическому и хозяйственному развитию Северной Кореи в предвоенные годы и в послевоенный период, когда республика непосредственно вступила на путь социалистического строительства, осуществления задач создания основ нового общества.

В главе о демократических преобразованиях в Северной Корее, которые коренным образом изменили общественно-экономический и политический строй страны, детально рассмотрены основные принципы и практика осуществления земельной реформы, важнейшие социально-экономические и политические последствия аграрных преобразований, их влияние на укрепление демократического общественного строя в Северной Корее, подъем производительных сил корейской деревни и повышение материального благосостояния крестьянства.

Всесторонне анализируется также процесс обобществления основных средств производства и формирования государственного сектора экономики на основе национализации промышленности, транспорта, средств связи и банков, показаны первые шаги по пути планового развития народного хозяйства молодой республики. Здесь же подробно показана политика органов народной власти в отношении частного предпринимательства, использования частной инициативы в интересах подъема национальной экономики и роста народного благосостояния.

В разделах, посвященных проблемам строительства экономического фундамента социализма в КНДР, исследуется процесс социалистической индустриализации, его характерные черты и особенности, рассматриваются темпы и пропорции промышленного производства, его отраслевая структура, дается развернутая характеристика развития важнейших отраслей индустрии.

Большое внимание в работе уделено также вопросам социалистического переустройства сельского хозяйства. В частно-

сти, анализируется процесс производственного кооперирования корейской деревни, вскрываются типичные черты и особенности этого процесса, показаны основные направления технического перевооружения сельского хозяйства и итоги производственной деятельности кооперативов.

При характеристике хозяйственного развития КНДР в годы послевоенной трехлетки и первого пятилетнего народнохозяйственного плана на 1957–1961 гг. привлечен большой фактический и статистический материал, позволяющий достаточно полно осветить различные стороны экономического строительства в КНДР.

Вопросы культуры, рассмотренные в книге, тесно увязаны с проблемами хозяйственного развития республики. В частности, большое место отведено подготовке квалифицированных национальных кадров, способных успешно решать задачи создания материально-технической базы нового общества.

Даже сегодня, по прошествии многих лет, эта книга и содержащиеся в ней аналитические и конкретные материалы не утратили своей ценности. Разумеется, с учетом требований современности, а также накопленных за минувшие годы знаний, некоторые выводы и положения, высказанные в ней, требуют определенной корректировки и уточнения.

Как известно, в 60-х гг. в общественно-политической литературе важное место заняли вопросы соревнования двух мировых социальных систем. В русле этой проблематики в 1965 г. корееведами Института востоковедения АН СССР была опубликована коллективная монография «Корея: Север и Юг» (1965). В ней впервые была предпринята попытка дать сравнительный анализ экономического, общественно-политического и культурного развития Северной и Южной Кореи за 20 лет, прошедшие после их освобождения от японского колониального гнета. При сопоставлении обеих частей Кореи важнейшим критерием оценки, естественно, стала экономика, в частности, динамика развития их производительных сил, достигнутый уровень промышленного производства, темпы роста и пропорции общественного производства, его структура, формы и методы индустриализации, состояние сельского хозяйства и других отраслей экономики, характерные черты и направления внешнеэкономических связей, степень зависимости национальной экономики от внешних факторов и др.

В разделах, посвященных непосредственно КНДР, важное место занимали проблемы формирования новой социально-

экономической и классовой структуры корейского общества в процессе социалистического строительства, развития национальной культуры, в частности, формирования технической интеллигенции. На фоне позитивных сдвигов, происходивших в северокорейском обществе, в том числе в экономике КНДР, вскрывались причины кризиса южнокорейского режима, нарастания классовых противоречий и экономических трудностей, усиления экономической зависимости страны от внешних факторов.

Вышедшая в свет в период жесткого военно-политического противостояния двух систем, книга имела соответствующую идеологическую направленность: на примере развития Севера и Юга Кореи она была призвана показать преимущества нового общественного строя, утверждавшегося в КНДР.

Конкретные факты и статистические данные, приведенные в ней, свидетельствовали о том, что с первых послевоенных лет и вплоть до 70-х гг. Северная Корея имела неоспоримые преимущества перед Южной Кореей в области экономического развития. Однако, в последующие годы, в силу различных объективных и субъективных причин, это преимущество постепенно утрачивалось и сегодня наблюдается уже противоположная картина — Южная Корея по общему экономическому и научно-техническому потенциалу значительно опережает КНДР. И, хотя в задачу настоящей работы не входит рассмотрение причин происшедшего, о некоторых из них все же следует сказать.

С нашей точки зрения, одной из важных причин постепенного отставания Северной Кореи от Юга в области экономики явились определенные просчеты в экономической стратегии, которые привели к разбалансированности народнохозяйственного комплекса и постепенному снижению темпов экономического роста. Другим, не менее важным, фактором отставания в экономическом развитии стала крайне неблагоприятная и весьма напряженная военно-политическая обстановка на Корейском полуострове, в которой на протяжении минувших десятилетий трудящимся КНДР приходилось вести социалистическое строительство. В этих условиях республика вынуждена была направлять значительные силы и средства на укрепление своей обороноспособности, отвлекая их из сфер экономики и культуры.

Сравнительный анализ состояния экономики Севера и Юга Кореи в той или иной степени проводился и в других публика-

циях, а также в исследованиях «закрытого» плана, предназначенных для служебного пользования. Так, корееведами Института востоковедения АН СССР в 1969 г. был издан Специальный бюллетень, в котором содержалась большая статья «Сравнительная характеристика экономического развития Северной и Южной Кореи».

В ней детально рассмотрены практически все сферы хозяйственной деятельности Севера и Юга, дана развернутая характеристика основных источников формирования совокупного общественного продукта, анализируются проблемы финансирования и капитального строительства в промышленности, сопоставляются темпы и пропорции промышленного производства, конкретно прослежено положение важнейших отраслей индустрии, приведены подробные показатели выпуска промышленной продукции. В разделе о сельском хозяйстве проведено сравнение различных параметров сельскохозяйственного производства и состояния производительных сил деревни. В статье показана также роль внешних факторов в экономическом развитии КНДР и Южной Кореи.

Несмотря на то, что статья, в отличие от открытых публикаций того времени, носила более объективный характер, тем не менее и ее лейтмотив состоял в том, чтобы на конкретных фактах показать преимущества социалистической системы хозяйства в КНДР.

Аналогичный подход наблюдался и в разного рода справочных изданиях по Корее, опубликованных в 60-х — начале 70-х гг. Институтом востоковедения и Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР, Научно-исследовательским конъюнктурным институтом МВТ СССР, а также издательством политической литературы (Политиздат), другими издательствами.

Самым крупным и содержательным из них была подготовленная корееведами Института востоковедения АН СССР коллективная работа «Современная Корея. Справочное издание» (1971). Накопленные к тому времени знания позволили дать в ней более развернутую, чем прежде, характеристику экономического, политического и культурного развития КНДР за четверть века после освобождения. Вполне понятно, что значительное место заняли разделы, посвященные экономическому развитию республики. На большом фактическом материале раскрывался процесс формирования материально-технической базы социализма в КНДР, анализировались общие черты

и национальные особенности социалистической индустриализации, обстоятельно рассказано о развитии отдельных отраслей индустрии, показаны темпы и пропорции промышленного производства, его структурные изменения и рост технической вооруженности. Представлены также подробные обзоры развития сельского хозяйства, транспорта, средств связи, торговли, финансовой системы и внешнеэкономической деятельности республики, приведены данные о повышении материального благосостояния трудящихся.

Соответствующее место в справочном издании отведено характеристике экономики, политики и культуры Южной Кореи, что позволяло читателю составить достаточно полное представление о развитии двух частей Кореи, сопоставить итоги их хозяйственного и политического развития за прошедший период после освобождения страны от колониализма.

При всех типичных для того времени недостатках, справочное издание «Современная Корея», без преувеличения, стало, и во многом остается до сих пор, важным пособием не только для корееведов, но и для студентов и практических работников, так или иначе связанных с Кореей.

Отмечая позитивные сдвиги в развитии советского корееведения в 1950–1960-х гг., необходимо указать, что наряду с количественным ростом и повышением квалификации корееведческих кадров в значительной мере им способствовало расширение информативной базы научных исследований. Вплоть до середины 60-х гг. в КНДР издавалось большое количество научно-справочной литературы как на корейском, так и на русском языках, периодически выпускались различные статистические справочники и ежегодники, содержавшие разнообразные конкретные материалы о важнейших сторонах экономической и социальной жизни республики. Серьезным подспорьем для изучения экономики КНДР стала также переводная литература по Корее, в создании которой активное участие принимали корееведы. Так, Издательством иностранной литературы СССР под редакцией В. А. Масленникова была издана работа «Восстановление и развитие народного хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики» (1955). Весьма полезным пособием оказался перевод книги Хван До Ена «Послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства КНДР», опубликованный Издательством политической литературы в 1958 г. В Издательстве восточной литературы на русском языке вышла в свет книга Ким Хан Чжу и

Хон Даль Сона «Кооперирование сельского хозяйства в Корейской Народно-Демократической Республике» (1961). Вслед за тем Издательством иностранной литературы СССР была опубликована на русском языке весьма содержательная коллективная монография северокорейских ученых «Развитие народного хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики после освобождения» (1962). В конце 50-х и начале 60-х гг. изданы на русском языке сборники статистических данных: «Развитие народного хозяйства и культуры Корейской Народно-Демократической Республики в 1946–1957 гг.» (1959) и «Сборник статистических данных о развитии народного хозяйства в КНДР (1946–1960)» (Пхеньян, ЦСУ КНДР, 1961 г.).

К сожалению, примерно с середины 60-х гг. положение на информационном поле заметно изменилось в худшую сторону, что создало немалые трудности в исследовании экономики КНДР.

Фактически полностью прекратилась публикация статистических материалов, издание соответствующей справочной литературы. Статистические материалы и другие конкретные данные были отнесены в КНДР к разряду закрытой информации, их обнародование, по мнению официальных лиц и корейских ученых, в условиях обострения военно-политической обстановки на Корейском полуострове, могло нанести ущерб интересам обороны страны, так как позволяло ее недругам получить сведения о реальном экономическом, прежде всего военно-промышленном потенциале КНДР.

Как нам кажется, существовала и другая причина для резкого сокращения информации об экономическом положении в стране: с середины 60-х гг., в связи с осуществлением курса на параллельное ведение оборонного и хозяйственного строительства, в экономике КНДР начали возникать немалые трудности и руководство республики, видимо, сочло нецелесообразным публиковать подтверждающие это материалы.

Между тем, почти полное прекращение поступления из КНДР правдивой информации о реальном положении дел в стране позволило западным и южнокорейским СМИ заметно усилить публикацию фальсифицированных данных, дискредитирующих экономическую политику ТПК и состояние северокорейской экономики.

Сложность изучения экономического положения в КНДР была вызвана еще и тем, что с середины 60-х гг. заметно сузи-

лись научные контакты между советскими и корейскими учеными-обществоведами. Резко сократился также приток в Советский Союз научных публикаций из КНДР по вопросам экономического строительства, существенно изменился и их характер. В условиях резкого дефицита объективной информации советским корееведам при изучении экономического положения в КНДР приходилось теперь опираться главным образом на официальные материалы и документы партийных съездов и пленумов, сессий Верховного народного собрания КНДР, выступления руководителей партии и правительства, а также на отрывочные сведения о ходе выполнения народнохозяйственных планов, публикуемые в северокорейской прессе. В таких условиях они вынуждены были шире привлекать материалы о положении в КНДР из источников, изданных в других странах, а также не очень богатую информацию, получаемую от практических организаций. Как уже отмечалось, материалы о КНДР, опубликованные в Южной Корее и странах Запада, отличаются явной тенденциозностью и недостаточной достоверностью.

Тем не менее, несмотря на ухудшение источниковедческой базы, работа по изучению важнейших проблем экономического строительства в КНДР по-прежнему шла достаточно интенсивно, продолжалась подготовка коллективных и индивидуальных исследований по различным аспектам ее экономического и социального развития

Ранее уже говорилось, что большим событием в советском корееведении явился выход в свет фундаментальной двухтомной «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)» (1974), подготовленной в основном учеными Института востоковедения АН СССР. Это капитальное монографическое исследование — главный итог многолетнего труда корееведов, концентрированное обобщение и анализ накопленных ими знаний об историческом прошлом и современности Кореи.

Во втором томе «Истории Кореи» большое место отведено проблемам демократического и социалистического переустройства Северной Кореи с 1945 по 1970 гг. Особое внимание уделено социалистическому этапу существования КНДР, строительству экономического фундамента социализма. На обширном фактическом и документальном материале исследуются процессы индустриального развития республики в различные периоды социалистического строительства, формирования ее материально-технической базы, осуществления технической ре-

конструкции народного хозяйства. Детально анализируются основные направления экономической политики ТПК, основополагающие принципы планирования экономики, ход и результаты выполнения народнохозяйственных планов, рассмотрены структурные изменения в сфере промышленного производства и всего народнохозяйственного комплекса страны, динамика развития отдельных отраслей индустрии.

Крупные разделы монографии посвящены социалистическому переустройству корейской деревни, количественному и качественному росту производительных сил сельского хозяйства и организации сельскохозяйственного производства, решению транспортных проблем, развитию внешнеэкономических и научно-технических связей республики, а также другим аспектам хозяйственного строительства и социально-экономического и культурного развития северокорейского общества. Как обычно, анализируя процесс социалистического строительства в целом, авторы отдавали приоритет экономическим и социальным проблемам КНДР.

Выход в свет насыщенной содержанием и научным анализом «Истории Кореи», несомненно, стал важнейшей вехой на пути дальнейшего развития советского корееведения, в том числе и экономических исследований по КНДР, дал новый импульс для их дальнейшего развития и углубления.

На ее основе в последующие годы появились новые коллективные и индивидуальные исследования по конкретным, наиболее важным актуальным проблемам экономического строительства в КНДР. Причем работа в этом направлении развернулась не только в Институте востоковедения АН СССР, но и в других академических институтах, а также в научно-исследовательских учреждениях министерств и ведомств, осуществлявших деловые контакты с КНДР.

Расширению фронта научных исследований в области экономики КНДР в немалой степени способствовало создание в 60-х гг. новых научных центров. Наряду с Институтом востоковедения АН СССР, головным корееведческим центром, экономические исследования по Корее, главным образом по КНДР, со второй половины 60-х гг. интенсивно развернулись в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР и Научно-исследовательском конъюнктурном институте МВТ СССР, призванных в первую очередь обеспечивать аналитическими разработками директивные органы и практические организации.

Если ранее мы в основном рассказывали о наиболее крупных коллективных исследованиях корееведов Института востоковедения АН СССР, опубликованных в 50-х — начале 70-х гг., то в связи с дальнейшим расширением экономических исследований по Корее обратимся к работам и других научных центров.

Одним из важных направлений научного поиска становилось изучение основных принципов и методов планового управления экономикой в странах социализма, в том числе и КНДР. Коллективом ученых Института экономики мировой социалистической системы АН СССР был подготовлен капитальный обобщающий труд по этой теме — «Планирование и управление народным хозяйством в социалистических странах» (1969).

Один из его разделов посвящен опыту планового руководства экономикой в КНДР, который отличается определенным своеобразием. Поэтапно рассмотрен процесс становления и развития системы экономического планирования в КНДР, анализируются основные принципы и методы централизованного управления народным хозяйством. Практически это было первое столь обстоятельное исследование системы планирования и управления социалистической экономикой КНДР, раскрывающее свойственные ей общие черты и характерные особенности, показывающие конкретные формы ее функционирования.

Авторским коллективом того же института была подготовлена и опубликована книга «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1975). Изданная в серии «Экономика и политика зарубежных стран социализма», эта небольшая книга рассчитана прежде всего на широкого читателя. Значительная ее часть посвящена социалистическому строительству, характеристике экономического, социального и культурного развития, внешнеэкономических связей республики. В ней проведен также сравнительный анализ экономического развития Севера и Юга Кореи.

Ведущий специалист этого института М. Е. Тригубенко издала брошюру «Народной Корее — 30 лет» (1975), в которой содержался достаточно подробный обзор экономического и культурного развития республики за прошедшие годы.

С большим интересом была воспринята учеными и практическими работниками коллективная монография Института экономики мировой социалистической системы АН СССР «Промышленность Корейской Народно-Демократической Рес-

публики. Экономические основы, современный уровень и структура» (1977). В ней дана развернутая характеристика основных этапов индустриализации в КНДР, определены темпы и пропорции промышленного производства, показаны качественные сдвиги в структуре промышленного комплекса, проведен обстоятельный анализ развития важнейших отраслей индустрии и территориального размещения ее производительных сил. Важное место отведено выявлению основных источников и факторов роста промышленного потенциала республики, укрепления ее материально-технической базы. При этом, наряду с внутренними факторами, всесторонне оценивается экономическая и научно-техническая помощь СССР и других социалистических стран, как важнейшее условие индустриального развития КНДР. Сделана также попытка дать сравнительный анализ промышленного развития КНДР и Южной Кореи в 50–60-х гг., когда Северная Корея еще имела некоторые преимущества перед Югом.

Несомненным достоинством этой коллективной работы являлось то, что она содержала обширный и разнообразный фактический и статистический материал. При этом авторы, анализируя различные аспекты промышленного развития республики, использовали не только официальные показатели, но и нередко опирались на собственные расчетные данные.

Отмечая научную и практическую значимость книги, ее несомненные достоинства как полезного пособия для изучения экономики КНДР, необходимо все же сказать, что, аналогично другим публикациям того времени, она несла на себе вполне определенную политическую нагрузку и была направлена на то, чтобы продемонстрировать только преимущества социалистического пути развития. Это, безусловно, негативно отражалось на объективности оценки некоторых явлений экономической жизни КНДР.

Среди научных публикаций 80-х гг. особого внимания заслуживает коллективная монография, подготовленная учеными того же Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1985). Эта обобщающая работа выгодно отличается от предшествующих изданий прежде всего тем, что в ней более полно и объективно освещены различные стороны экономической ситуации в КНДР, высказаны критические оценки тех или иных негативных явлений в теории и практике хозяйственного строительства. Несомненный интерес вызывают

разделы, характеризующие теоретические проблемы строительства экономического фундамента социализма в ранее отсталой колониальной стране, раскрывающие суть экономической стратегии Трудовой партии Кореи.

Центральное место в работе занимают исследование проблем экономического и социального развития северокорейского общества на различных этапах создания социалистического строя, анализ национальной концепции переходного периода, характеристика основных этапов строительства социализма и формирования его материально-технической базы.

Авторы монографии обстоятельно выясняют важнейшие источники и условия роста экономического потенциала страны, основные принципы формирования совокупного общественного продукта и его распределения, темпы и пропорции промышленного производства, структурную и научно-техническую политику государства, главные факторы территориально-экономического размещения производительных сил.

В работе дана характеристика развития основных отраслей промышленности и транспорта, анализируются позитивные изменения в структуре легкой и тяжелой индустрии, происходящие под воздействием научно-технического прогресса. В то же время вскрываются некоторые отрицательные стороны индустриального развития республики, в частности, возникновение разбалансированности в народнохозяйственном комплексе страны и появление диспропорции между отдельными отраслями производства.

Книга содержит также разделы, посвященные аграрной политике в КНДР, развитию производительных сил корейской деревни и росту сельскохозяйственного производства, решению продовольственной проблемы в стране. На конкретных материалах авторы показывают различные аспекты социальной политики ТПК, направленной на повышение материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся.

Весьма интересен раздел монографии о внешнеэкономической деятельности КНДР. В нем анализируется внешнеэкономический курс Трудовой партии Кореи на разных этапах социалистического строительства, рассматриваются формы и направления экономических, научно-технических и производственных связей республики с зарубежными партнерами, подробно охарактеризовано ее экономическое сотрудничество с Советским Союзом и другими странами, подчеркнута его важная роль в укреплении и развитии промышленного по-

тенциала КНДР. Вниманию читателей представлены новые формы активизации внешнеэкономических и кооперационных связей республики как с социалистическими, так и с капиталистическими и развивающимися странами, избранные ею пути расширения и укрепления экспортной базы страны, развития совместного предпринимательства с зарубежными партнерами. Приведены конкретные данные о динамике и структуре внешней торговли КНДР, ее географической направленности, региональном распределении внешнеторгового оборота, его структуре и товарной номенклатуре.

Аналитический характер описываемой работы и используемый в ней большой статистический и документальный материал делают ее и сегодня весьма полезной для изучения экономики КНДР. Она внесла определенный вклад в изучение и обобщение опыта социалистического строительства в странах Восточной Европы и Азии, которые в 60–80-х гг. стали одним из главных направлений научных исследований советских историков, политологов, экономистов и культурологов.

В указанный период в СССР вышло в свет немало обобщающих теоретических работ, раскрывавших общие закономерности и специфические черты развития социализма в европейских и азиатских странах. Как правило, в них присутствовали разделы, освещавшие процесс социалистического строительства в КНДР, который отличается немалым своеобразием. При этом приоритетное значение придавалось анализу экономического положения республики.

Среди опубликованных работ теоретического плана выделялся капитальный многотомный труд «Мировая социалистическая система хозяйства», подготовленный и опубликованный во второй половине 60-х гг. Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР[4]. Наряду с другими странами в нем анализировались различные аспекты экономического строительства в КНДР, раскрывались общие черты и характерные особенности этого процесса, основательно характеризовалось развитие отдельных отраслей экономики.

К серии обобщающих исследований можно отнести и некоторые другие коллективные работы, в частности, учебное пособие «Экономика зарубежных стран (мировая социалистическая система)» (1967), уже упомянутую работу «Планирование и управление народным хозяйством в социалистических странах» (1969), книги «Внешнеэкономические связи социалистических стран» (1974), «Социально-экономическое разви-

тие стран социализма в 1971–1975 гг.» (1978) и ряд других публикаций аналогичного характера. В последней из перечисленных работ дан весьма обстоятельный анализ социально-экономического развития КНДР за время выполнения шестилетнего народнохозяйственного плана (1971–1976 гг.).

В число капитальных обобщающих работ, освещавших проблемы социалистического строительства в странах Азии, по праву входило крупное монографическое исследование, подготовленное корееведами Института востоковедения АН СССР совместно с учеными ряда социалистических стран,— «Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии» (1983)[5]. На примере Северной Кореи, Монголии, Вьетнама и Лаоса, авторы, не скрывая трудностей, просчетов и неудач в строительстве новой жизни в указанных странах, попытались дать объективную оценку становлению и развитию социалистического общественного строя в ранее отсталых странах Азии, выявить присущие им всем черты и национальные особенности этого процесса. Главную свою задачу авторский коллектив видел в том, чтобы на конкретных материалах продемонстрировать действенную роль пролетарского интернационализма, как он тогда понимался, в создании нового общественного строя и решении сложных задач хозяйственного строительства.

Соответствующая часть монографии посвящена социализму в КНДР. Значительное место в ней отведено проблемам экономического и социального развития страны, формирования ее материально-технической базы, что позволило наиболее полно и зримо, на конкретных примерах, показать действительно важную роль пролетарского интернационализма, активной и разносторонней помощи корейскому народу стран социалистического содружества, прежде всего Советского Союза.

Наряду с политическими аспектами развития КНДР, авторы большое внимание уделили вопросам послевоенного восстановления ее экономики, индустриализации и социалистическому переустройству корейской деревни, осуществлению технической реконструкции народного хозяйства, укреплению экономического и научно-технического потенциала страны, ее внешнеэкономическим связям. В целом позитивно оценивая ход социалистического строительства в КНДР в 50–70-е гг., авторы в то же время не скрывали некоторые проявившиеся тогда негативные стороны и осложнения этого процесса.

Проблемам строительства экономического фундамента социализма в странах Азии, в том числе в КНДР, выявлению общих закономерностей и специфических черт этого сложного и многогранного процесса посвящена также коллективная монография «Опыт строительства социалистической экономики в странах Азии» (1986), подготовленная экономистами Института востоковедения АН СССР. Монография написана в проблемном плане, с привлечением большого количества фактов, статистических и документальных материалов. Это позволило авторам не только рассмотреть важнейшие аспекты экономического и социального развития ряда стран (Корея, Монголия, государства Юго-Восточной Азии), но и провести сравнительный анализ путей и методов решения каждой из них конкретных задач экономического строительства, в частности, осуществления индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства. При этом в работе не только отмечались позитивные стороны социалистического преобразования экономики, но и в определенной степени показаны некоторые негативные явления и трудности хозяйственной деятельности рассматриваемых стран.

Значительная часть книги отведена исследованию основных проблем становления и развития социалистической экономики КНДР.

На конкретных материалах прослеживаются пути и методы решения задач преодоления экономической отсталости страны и формирования материально-технической базы социализма на различных этапах строительства нового общества. Особое внимание в работе привлечено к проблемам индустриального развития КНДР, созданию современного промышленного комплекса страны. На базе многочисленных статистических данных анализируются темпы и пропорции промышленного производства, происшедшие в нем структурные сдвиги, характер размещения производительных сил индустрии, проблемы финансирования и капитального строительства. Довольно подробно освещены также процесс производственного кооперирования корейской деревни, главные направления технического перевооружения сельского хозяйства, состояние сельскохозяйственного производства, пути повышения материального благосостояния крестьянства.

Как обычно, много места в работе занимала характеристика внешнеэкономических связей республики, анализ традиционных и новых для того времени форм экономического, произ-

водственного и научно-технического сотрудничества КНДР с Советским Союзом и другими дружественными странами.

Безусловно интересен раздел, в котором впервые обстоятельно рассматривалось становление и развитие планового руководства экономикой КНДР, показаны характерные особенности управления народнохозяйственным комплексом, присущие этой стране и обусловленные внедрением в ней «Тэанской системы руководства» и чучхейских принципов экономического развития[6].

По нашему мнению, данная монография и сейчас заслуживает внимания и может быть полезной для изучения экономики КНДР и других социалистических стран Азии (как сохранивших верность социалистическому курсу, так и отказавшихся от него), сопоставления опыта их хозяйственного развития. В частности, на конкретных примерах она позволяет наглядно показать огромную роль, которую в сравнительно недавнем прошлом играли экономическое сотрудничество и взаимопомощь в созидании там новой жизни.

Среди коллективных работ по Корее, опубликованных в 80-х гг., выделялась насыщенностью материалами и научным их исследованием книга «СССР и Корея» (1988), подготовленная авторским коллективом Института востоковедения АН СССР при участии специалистов разных ведомств. Она явилась результатом плодотворного сотрудничества историков, политологов, экономистов и культурологов, обобщением накопленных знаний в важной области корееведения.

Вполне оправданно большую долю этого капитального исследования занимают проблемы экономического развития КНДР на различных этапах социалистического строительства. При этом решение важнейших задач хозяйственного развития республики теснейшим образом увязывается в нем с ростом и углублением различных форм экономических, производственных и научно-технических связей КНДР с Советским Союзом, как главным ее торгово-экономическим партнером и финансовым донором. На многочисленных и разнообразных конкретных данных показано, какую огромную роль экономическое сотрудничество с СССР сыграло в возрождении и развитии национальной экономики КНДР, в создании ее материально-технической базы, в укреплении ее общего экономического и научно-технического потенциала. Наряду с максимальной мобилизацией собственных внутренних сил и ресурсов республики, экономическая и материально-техническая помощь ей со сто-

роны Советского Союза и других стран социализма стала важным фактором осуществления в КНДР программы социалистической индустриализации, проведения широкой технической реконструкции народного хозяйства.

В книге основательно представлены содержание и главные направления развития торгово-экономических связей между СССР и КНДР, приведены обширные материалы, свидетельствующие об углублении и расширении их взаимного сотрудничества в области науки и техники, а также в производственном кооперировании и создании совместных предприятий, работающих на компенсационной основе и давальческом сырье. Рассмотрены также различные формы взаимодействия в области транспорта, сельского хозяйства, рыболовства и развития лесного хозяйства.

Без преувеличения можно сказать, что монография «СССР и Корея», опиравшаяся на солидную фактическую базу, и сегодня, спустя почти два десятилетия после выхода в свет, может служить хорошим пособием при изучении современной экономики КНДР и оценке значения ее сотрудничества с бывшим Советским Союзом.

Важным источником для исследования политического и экономического развития КНДР, ее многообразных контактов с СССР явилось научно-справочное издание «Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945–1980. Документы и материалы» (1981). Всем своим содержанием оно раскрывает характер, основные принципы и формы взаимоотношений и сотрудничества СССР и КНДР на протяжении нескольких десятилетий. Наряду с политическими аспектами, хотя и в меньшей степени, показаны различные стороны экономических и научно-технических связей между двумя странами, демонстрирующие огромную роль, которую играла на протяжении многих лет экономическая помощь Советского Союза в возрождении и развитии национальной экономики КНДР. В документах, представленных в сборнике, сформулированы также договорно-правовые основы советско-корейских межгосударственных отношений и экономического сотрудничества.

Повышенный интерес государственных органов и общественности к тем процессам, которые происходили в экономической, социально-политической и культурной жизни социалистических стран, в том числе КНДР, обусловил издание в СССР довольно многочисленной информационно-справочной литературы по различным вопросам социалистического строи-

тельства. Так, например, Научно-исследовательский конъюнктурный институт МВТ СССР с начала 50-х гг. регулярно публиковал годовые обзоры экономики стран социализма. Первоначально они назывались «Хозяйственное развитие стран народной демократии», а затем стали выходить под названием «Развитие экономики стран народной демократии». В них помещались обзорные материалы по странам не только Восточной Европы, но и Азии. Впоследствии начали выпускаться специальные сборники по странам Востока «Развитие экономики стран народной демократии Азии».

Как правило, в такого рода издания периодически включались развернутые «Приложения», в которых давался обстоятельный анализ экономического развития КНДР и других социалистических стран социализма за прошедший год. Конъюнктурный институт издавал также ежегодно статистические справочники «Внешняя торговля СССР», в которых были представлены материалы, характеризующие советско-корейские внешнеторговые связи.

Автором упомянутых выше экономических обзоров по КНДР на протяжении многих лет в основном выступал известный специалист Л. Н. Каршинов, перу которого принадлежали многочисленные публикации в коллективных работах, сборниках статей и журналах, посвященные различным аспектам развития народного хозяйства КНДР.

Аналогичные справочные издания и годовые обзоры по странам социализма, в которых широкое освещение получили экономические проблемы КНДР, с начала 60-х гг. выпускались также Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР под названием «Экономика стран социализма». Среди авторов разделов о КНДР следует прежде всего отметить известного специалиста по экономике Кореи М. Е. Тригубенко, которой принадлежат многочисленные публикации по различным аспектам экономического и социального развития КНДР.

В 60-х гг. Институтом экономики АН СССР и Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР был издан также ряд коллективных теоретических и экономико-статистических работ, в которых нашли отражение экономические и социальные проблемы КНДР. В их число входили такие работы, как «Социалистическая индустриализация стран народной демократии» (1960) и «Экономика стран социализма. Экономико-статистический справочник» (1969) и др., в кото-

рых содержались многочисленные данные, характеризующие различные направления экономического развития КНДР.

Материалы об экономическом положении КНДР периодически публиковались также в «Международном ежегоднике. Политика и экономика», который готовился специалистами Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и издавался Политиздатом.

Помимо академических изданий, в Советском Союзе широко практиковалась публикация различных научно-популярных работ и экономических справочников, рассчитанных на широкого читателя.

В них, как правило, освещались различные стороны хозяйственной деятельности социалистических стран, в том числе и КНДР. Заслуживает внимания, например, справочное издание «Социалистический лагерь» (1962), в котором обширные фактические и статистические материалы иллюстрировали ход экономического строительства в КНДР.

Для ознакомления широкой общественности с положением в социалистических странах рядом издательств в 60–80-х гг. периодически публиковались такие справочные издания, как «Народное хозяйство социалистических стран», «Экономика стран социалистического лагеря в цифрах», «Мир социализма в цифрах и фактах». В них, как правило, присутствовали материалы об экономическом положении КНДР.

Несомненный интерес представляет серия справочных изданий, выпускавшихся Издательством политической литературы и посвященных отдельно каждой социалистической стране. Среди них был и справочник «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1988), подготовленный известными корееведами А. Т. Иргебаевым и А. А. Тимониным.

Годом раньше в серии «У карты мира» вышла в свет весьма содержательная работа двух других видных корееведов И. Г. Большова и Г. Д. Толорая «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1987). Она имела преимущественно информативно-справочный характер и предназначалась главным образом для широкого читателя, поэтому давала весьма развернутое комплексное представление о стране, включая физико-географический обзор. Но в нее входили и материалы, показывающие промышленное развитие республики, укрепление материально-технической базы ее сельского хозяйства, решение транспортных проблем, а также некоторые аспекты внешнеэкономической деятельности КНДР.

Авторами указанных публикаций, как правило, выступали специалисты-корееведы, политические и экономические обозреватели, работники статистических органов и других политических организаций.

Несмотря на то, что эти издания предназначались главным образом для широкого читателя, тем не менее содержащиеся в них фактографические, документальные и статистические материалы представляют немалый интерес для специалистов, изучающих КНДР, а также практических работников, связанных по характеру своей деятельности непосредственно с Кореей.

В предыдущих главах уже сообщалось, что для более полного и объективного освещения экономической, общественно-политической и культурной жизни КНДР на разных этапах ее развития и роли в ней СССР с середины 60-х гг. стал использоваться такой специфический, новый для корееведения жанр публикаций, как мемуарная литература. Воспоминания и статьи, помещенные в такого рода сборниках, в основном написаны советскими специалистами и военнослужащими, которые длительное время работали в Северной Корее и были непосредственными участниками либо очевидцами происходивших там событий. В этих публикациях нередко участвовали и корееведы — историки и экономисты, работники практических организаций.

Инициаторами и организаторами серии мемуарных изданий по Корее стали корееведы Института востоковедения АН СССР. Новая форма публикаций не только способствовала распространению научных и практических знаний о Корее, но и помогла расширить диапазон исследований за счет включения в научный оборот ранее неизвестных материалов и сведений, подключения в авторский актив участников освобождения Кореи и специалистов-практиков.

На протяжении 60–80-х гг. удалось подготовить и опубликовать четыре сборника воспоминаний и статей: «Во имя дружбы с народом Кореи» (1965), «Нерушимая дружба» (1971), «Освобождение Кореи» (1976), «За мир на земле Кореи» (1985). К сожалению, сложившаяся с конца 80-х гг. обстановка в нашей стране помешала продолжить работу над мемуарной серией.

В перечисленных сборниках на конкретных, во многом новых материалах, показаны процессы государственного строительства, развития общественно-политической и культурной

жизни в КНДР, освещаются вопросы создания материально-технической базы страны, осуществления ею экономических, производственных и научно-технических связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами. В частности, в сборнике «Нерушимая дружба» помещена статья М. В. Мещерякова «Внешнеэкономические связи КНДР с СССР», в которой приведено множество фактов и цифр о различных формах сотрудничества двух дружественных стран, наглядно продемонстрировано его значение для строительства экономического фундамента социализма в КНДР.

В сборнике «Освобождение Кореи» весьма интересны и содержательны статьи Б. В. Щетинина и Ю. Д. Дмитриева, посвященные проведению в Северной Корее коренных социально-экономических преобразований в первые годы после освобождения от колониального гнета и возрождению разрушенного в период Корейской войны народного хозяйства КНДР при активной экономической помощи Советского Союза.

С этой точки зрения заслуживает внимания также статья уже упоминавшегося П. И. Сакуна, бывшего торгпреда СССР в КНДР, в сборнике «За мир на земле Кореи». В ней достаточно подробно обрисованы экономическое положение КНДР в годы Корейской войны, ход восстановления и развития народного хозяйства республики в послевоенный период. Особое место в статье отведено оказанной тогда Советским Союзом огромной экономической помощи КНДР.

Ценность этих публикаций для изучения экономики КНДР, по нашему мнению, состоит прежде всего в том, что их авторы, излагая опыт и наблюдения свидетелей конкретных событий, помогают ученым полнее и объективнее осветить различные стороны экономической и общественно-политической жизни республики в соответствующие периоды ее развития.

Характеристика исследований по экономическим и социальным проблемам развития КНДР была бы неполной, если не остановиться, хотя бы кратко, на работах закрытого плана, предназначенных для служебного пользования. Такая форма научно-исследовательской деятельности корееведов в 60-х — 80-х гг. получила широкое распространение.

Экономисты, как правило, участвовали в подготовке справочно-аналитических материалов по остро актуальным проблемам экономического строительства в КНДР, в проведении научно-практических и теоретических совещаний, симпозиумов, конференций и ситуационных анализов, на которых обсу-

ждались различные аспекты экономической и социальной политики ТПК.

Непосредственным результатом такой многоплановой интенсивной работы явилась публикация аналитических и справочных материалов в «Специальных бюллетенях». Главная их цель состояла в том, чтобы оказать квалифицированное содействие практическим организациям в осуществлении конкретных задач развития экономического сотрудничества и взаимодействия с КНДР, помочь им лучше разобраться в существующей там обстановке и принять правильные решения по тем или иным хозяйственным проблемам.

Диапазон научно-аналитических разработок по экономике КНДР был достаточно широк. В центре внимания в них были анализ экономической политики ТПК, рассмотрение основных принципов и методов решения хозяйственных и социальных проблем, выявление специфики «чучхейского» подхода к формированию народнохозяйственного комплекса, определение причин возникновения «узких мест» и трудностей в хозяйственном строительстве, в создании современной материально-технической базы КНДР, в реализации программы повышения материального благосостояния трудящихся.

Разумеется, эти аналитические разработки существенно отличались от открытых публикаций, так как они были более свободны от идеологических ограничений и содержали более глубокий и объективный анализ различных сторон хозяйственной деятельности в КНДР и особенностей экономической стратегии ТПК. При этом нередко они содержали весьма острые критические оценки тех или иных явлений в экономической жизни республики.

В качестве иллюстрации приведем лишь некоторые, с нашей точки зрения, наиболее интересные материалы по экономике КНДР, помещенные в «закрытых» изданиях. Так, например, научная разработка корееведов Института востоковедения АН СССР «Некоторые аспекты экономического строительства в КНДР» была опубликована в «Специальном бюллетене» института в 1966 г.[7] В ней анализировался процесс формирования материально-технической базы социализма в КНДР, рассматривались основные источники роста национального дохода и государственного бюджета республики, главные статьи расходов на производственные и непроизводственные нужды, капитальное строительства в промышленности и других отраслях экономики, темпы и пропорции промыш-

ленного производства, характер структурных сдвигов в промышленности, состояние отдельных отраслей индустрии, проблемы развития сельского хозяйства, транспорта и внешнеэкономических связей КНДР.

Не менее интересна научная разработка экономистов этого же института по вопросам жизненного уровня трудящихся КНДР, опубликованная в 1965 г.[8] В ней предпринят обстоятельный анализ социальной политики ТПК, решения важнейших социально-экономических проблем развития северокорейского общества, в том числе продовольственного обеспечения населения и функционирования распределительной системы.

Весьма содержательным явился также исследовательский материал, в котором, в отличие от открытых публикаций, в значительной мере пропагандистского характера, делалась попытка дать более глубокий и объективный сравнительный анализ экономического развития Северной и Южной Кореи в 50–60-е гг.[9]

Следует отметить, что научно-аналитические разработки закрытого плана по экономике КНДР и других стран в 70–80-х гг. велись в Институте востоковедения АН СССР преимущественно на базе систематически проводимых тогда «ситуационных анализов» — совещаний с участием экспертов разных специальностей.

Аналогичные аналитические материалы по экономике КНДР разрабатывались и публиковались также Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР. Например, были подготовлены исследования на темы: «Экономическая политика КНДР в оценке буржуазных ученых», «К вопросу о характеристике современной экономической структуры КНДР» и некоторые другие[10].

Справочно-аналитические материалы закрытого плана по вопросам китайско-корейских взаимоотношений, в том числе в сфере экономического сотрудничества, в 70–80-х гг. разрабатывались также в Институте Дальнего Востока. Но более интенсивно работа по изучению Кореи, включая КНДР, развернулась после того, как в начале 90-х гг. в этом институте был создан Центр корейских исследований. На базе проводимых им научных конференций и рабочих совещаний издан ряд интересных работ по актуальным проблемам современного развития Северной и Южной Кореи, о которых более подробнее будет сказано ниже.

В 70–80-х гг. в академических институтах практиковался выпуск сборников, специально предназначенных для публикации исследований молодых специалистов и аспирантов, в которых можно было встретить весьма интересные и содержательные работы по экономическим и социальным проблемам развития КНДР.

Для примера приведем сборники «Страны зарубежного Востока: условия и факторы экономического развития» (1984) и «Дальний Восток и Юго-Восточная Азия. История, экономика и культура» (1984), подготовленные Институтом востоковедения АН СССР. В первом из них помещена насыщенная конкретными данными статьи И. И. Богдана «Трудовые ресурсы как фактор экономического развития КНДР», во втором — не менее интересные и полезные статьи Л. А. Усовой «Братская помощь Советского Союза в становлении и развитии КНДР (1945–1961)» и того же И. И. Богдана «Некоторые проблемы использования трудовых ресурсов в КНДР».

Несмотря на то, что приоритет в исследовании современной Кореи, в том числе экономических проблем КНДР, предпочитали отдавать коллективным трудам: обобщающим монографическим работам, справочным изданиям и сборникам статей, определяющую роль в сфере экономической проблематики все же играли и продолжают играть индивидуальные монографии.

Такие монографии по экономике КНДР условно можно подразделить на два основных вида — исследования конкретно-отраслевого характера и обобщающие работы, анализирующие развитие народнохозяйственного комплекса республики в целом.

Следует иметь в виду, что многие индивидуальные монографические работы были подготовлены на базе диссертационных исследований авторов. С конца 1950-х гг. подготовлены и опубликованы несколько десятков исследований по конкретным проблемам экономического и социального развития КНДР.

В данной главе невозможно дать развернутую характеристику всех индивидуальных работ по экономике КНДР. Поэтому остановимся лишь на тех из них, которые, по нашему мнению, представляют наибольший научный интерес, так как в них анализируются самые важные и актуальные проблемы экономического и социального развития республики.

Одной из первых таких работ стала книга уже упоминавше-

гося крупного специалиста в области корейской экономики Л. Н. Каршинова «Корейская Народно-Демократическая Республика. Экономика и внешняя торговля» (1958). Это сравнительно небольшое монографическое исследование носит комплексный характер. В нем весьма основательно анализируется развитие ведущих отраслей экономики Северной Кореи как в предвоенные годы, так и в первые годы послевоенного восстановления и развития народного хозяйства. Автор подробно рассматривает предпринимавшиеся в КНДР меры по восстановлению промышленности, сельского хозяйства, транспорта и средств связи, сильно пострадавших в годы войны. Много места отведено проблемам социалистического переустройства корейской деревни, становлению и укреплению финансовой системы КНДР, формированию ее государственного бюджета и его исполнению. Серьезное внимание уделено также социальной политике ТПК и правительства республики, направленной на повышение материального и культурного уровня жизни населения в условиях послевоенной хозяйственной разрухи.

Несомненную научную ценность представляют разделы работы, посвященные внешнеэкономической деятельности республики. В них дана развернутая характеристика торгово-экономических связей КНДР с Советским Союзом, Китаем и другими социалистическими странами, которые пришли на помощь корейскому народу в тяжелые послевоенные годы. Автор показывает конкретные формы и реальное содержание экономической и материально-технической помощи КНДР со стороны СССР и других стран социализма, которая стала важным фактором скорейшего возрождения и прогресса национальной экономики республики.

Проблемам промышленного развития Корейской Народно-Демократической Республики посвящена монография Г. В. Грязнова «Социалистическая индустриализация в КНДР (1945–1960 гг.)» (1966)[11]. На большом фактологическом и статистическом материале в ней анализируется процесс становления и развития социалистической промышленности в ранее отсталой колониальной стране и превращения ее в ведущую отрасль народного хозяйства республики, раскрываются характерные черты и особенности этого многогранного процесса. Центральное место отведено проблемам социалистической индустриализации, которая уже на первом этапе ее осуществления позволила не только преодолеть тяжелое наследие колониального прошлого в развитии производительных сил стра-

ны, в сжатые сроки ликвидировать послевоенную хозяйственную разруху, но и заложить прочную основу современной материально-технической базы КНДР, развернуть широкую реконструкцию всего народного хозяйства республики. В книге рассмотрены основные направления индустриальной политики КНДР, важнейшие формы и методы осуществления развернутой программы индустриализации, выявляется специфика формирования там промышленного комплекса в соответствии с «чучхейской» концепцией экономического развития страны. Дана также аргументированная оценка роли экономической и материально-технической помощи КНДР со стороны Советского Союза и других социалистических стран в реализации сложных и трудных задач социалистической индустриализации.

В монографии Г. В. Грязнова исследуются такие крупные проблемы индустриального развития страны как источники его финансирования, капитальное строительство, темпы и пропорции промышленного производства, качественные изменения в структуре промышленного комплекса и территориальном размещении его производительных сил.

Автор обстоятельно анализирует развитие отдельных отраслей индустрии, показывает, какие прогрессивные сдвиги произошли в промышленном производстве и его техническом перевооружении, рассматривает вопросы обеспечения промышленности квалифицированными кадрами, основные факторы роста производительности общественного труда и методы стимулирования производственной активности трудящихся.

В заключительном разделе работы подведен главный социально-экономический итог индустриализации — превращение КНДР в индустриально-аграрное государство. Основной вывод монографии состоит в том, что социалистическая индустриализация явилась объективно необходимым условием преодоления экономической отсталости страны и создания современной индустриальной базы КНДР, что при всей специфике ее осуществления в условиях Северной Кореи, она проводилась на основе общих закономерностей этого процесса, свойственных другим странам социализма. В целом положительно оценивая результаты индустриализации, автор вместе с тем пришел к выводу, что в ходе ее осуществления были допущены определенные перекосы в сторону гипертрофированного развития тяжелой индустрии при недостаточном укреплении и

развитии топливно-энергетического комплекса и производственной базы легкой промышленности, что впоследствии привело к возникновению немалых трудностей в обеспечении народного хозяйства энергоресурсами и населения товарами первой необходимости.

Другим комплексным монографическим исследованием Г. В. Грязнова, в котором в центре внимания также находятся проблемы индустриального развития страны, стала его книга «Строительство материально-технической базы социализма в КНДР» (1979).

Хронологически она охватывает период с конца 1953 г. по 1970 г. включительно, т. е. годы послевоенного восстановления народного хозяйства и осуществления развернутой программы индустриализации страны. Именно в этот период в КНДР были достигнуты решающие успехи в строительстве социалистического общества и создании его материально-технической базы, укреплении и развитии общего экономического и научно-технического потенциала республики.

В работе освещен широкий круг проблем, связанных с формированием в КНДР «универсального» народнохозяйственного комплекса, с развитием не только промышленной базы страны, но и других отраслей экономики, прежде всего транспорта и сельского хозяйства, их техническим перевооружением.

Важное место занимает анализ нового этапа экономической политики ТПК, направленной на создание в стране современной материально-технической базы, формирование национальной модели народнохозяйственного комплекса в соответствии с принципами «чучхе». Одновременно рассматриваются свойственные этому этапу основные принципы и методы планового руководства экономикой, вопросы финансирования народного хозяйства, структурной перестройки промышленного производства и всего народнохозяйственного комплекса, темпы и пропорции общественного производства, проблемы территориального размещения производительных сил страны и кадрового обеспечения народного хозяйства.

Опираясь на многочисленные конкретные материалы, автор дает развернутую характеристику изменений в важнейших отраслях индустрии, транспорта и сельского хозяйства, показывает главные направления их технического перевооружения.

В работе детально выясняются не только внутренние, но и

внешние факторы укрепления и развития экономического и научно-технического потенциала КНДР, подчеркнута исключительно важная роль экономической и материально-технической помощи ей со стороны Советского Союза и других социалистических стран в осуществлении индустриализации и строительстве современной материально-технической базы.

Отмечая несомненные достоинства данной книги, как наиболее крупного и содержательного исследования по экономике КНДР, прежде всего по проблемам ее индустриального развития, необходимо признать, что она, как и другие работы аналогичного плана, не избежала определенной идеологической направленности и исходила прежде всего из задачи: показать на конкретных примерах КНДР преимущества социалистического пути развития. Это, естественно, ограничивало возможности критического подхода в оценке тех или иных явлений хозяйственной жизни республики (хотя он до некоторой степени все же в книге присутствует). Однако, несмотря на это, книга Г. В. Грязнова и сегодня не утратила своей научной ценности и может служить надежным источником для изучения экономической истории КНДР.

Проблемы развития экономики двух корейских государств получили комплексное освещение в небольшом, но емком монографическом исследовании В. В. Мартынова «Корея. Экономико-географическая характеристика КНДР и Южной Кореи» (1970).

Экономико-географическая направленность исследования не помешала автору провести глубокий и разносторонний анализ хозяйственной деятельности как КНДР, так и Республики Корея. При этом преобладающее внимание уделено им развитию народного хозяйства КНДР.

Книга насыщена большим экономико-статистическим и аналитическим материалом. Это не случайно, так как В. В. Мартынов являлся не только известным экономистом-корееведом, но и крупным специалистом в области экономико-статистического анализа, долгие годы работавшим в ЦСУ СССР.

Книга содержит развернутую характеристику природно-климатических предпосылок развития производительных сил Кореи. В ней приведены подробные сведения об основных месторождениях полезных ископаемых, гидроэнергетических и сырьевых запасах страны, развитии в ней демографической ситуации, наличии трудовых ресурсов.

Разделы об экономике КНДР в основном сосредоточены на

проблемах индустриального развития республики, формирования ее материально-технической базы. В них обстоятельно показано состояние топливно-энергетического комплекса страны, важнейших отраслей тяжелой и легкой индустрии и территориального размещения промышленного производства. Рассмотрены также структура и динамика роста промышленного производства, уровень технической вооруженности промышленности.

В разделах, посвященных сельскому хозяйству и транспорту КНДР главное внимание уделяется вопросам укрепления их материально-технической базы, мерам по решению транспортной и продовольственной проблем.

Книга В. В. Мартынова подробно характеризует развитие основных экономических районов республики, множеством конкретных материалов демонстрирует важную роль экономической помощи КНДР со стороны Советского Союза и других социалистических стран в развитии ведущих отраслей экономики. Вследствие насыщенности ее фактами аналитического характера, она до сего времени сохраняет свою научную и практическую значимость.

Помимо этой книги, В. В. Мартынову принадлежат также публикации по экономике КНДР в коллективных трудах, справочных изданиях, сборниках статей и в периодической печати[12]. Особый интерес представляют его изыскания в области создания и функционирования топливно-энергетической базы Северной Кореи.

Еще одно важное направление деятельности корееведов-экономистов — всестороннее изучение социально-экономических преобразований северокорейской деревни, производственного кооперирования сельского хозяйства КНДР и укрепления его производственно-технической базы.

Аграрная проблематика КНДР получила отражение как в общетеоретических работах, так и в индивидуальных публикациях уже в 50-х гг. К числу первых таких работ можно отнести статью В. А. Кима и А. Е. Еренова «Земельная реформа в Корейской Народно-Демократической Республике» («Вопросы истории», 1955, № 7), а также главу Н. С. Кима «Аграрные преобразования в Корейской Народно-Демократической Республике» в книге «Аграрные преобразования в народно-демократических странах Азии» (1957).

В небольшой книге Н. И. Ярмака «О сельском хозяйстве Корейской Народно-Демократической Республики» (1959)[13]

сообщалось о задачах, организационных мерах и результатах проведения аграрной реформы в северокорейской деревне после освобождения страны, освещался ход социалистического переустройства сельского хозяйства КНДР в послевоенные годы. Центральное место в работе отведено вопросам роста сельскохозяйственного производства и его технического переоснащения. Книга Н. И. Ярмака отличалась обилием конкретных данных, так как ее автор, будучи специалистом-аграрником, несколько лет работал в КНДР в качестве советника правительства и был непосредственным очевидцем осуществленных там преобразований.

Наиболее глубоко и всесторонне проблемы развития сельского хозяйства КНДР и его социалистического переустройства исследованы в монографии М. Е. Тригубенко «Сельское хозяйство КНДР. Пути социалистического развития» (1973)[14]. В ней основательно показан уровень сельского хозяйства колониальной Кореи и, исходя из этого, характеризуются важнейшие социально-экономические итоги аграрной реформы в Северной Корее после ее освобождения. Главное внимание в монографии сконцентрировано на вопросах социалистического переустройства северокорейской деревни. На основе многочисленных документальных материалов автор анализирует аграрную политику Трудовой партии Кореи, рассматривает различные формы и методы производственного кооперирования деревни, принципы организации управления кооперативным хозяйством, соотношение кооперативных и государственных форм хозяйствования на селе, оценивает масштабы и значение материальной и финансовой помощи сельскому хозяйству со стороны государства, выявляет характерные черты и особенности руководства отраслью со стороны партийных и государственных органов. Исследуются также главные направления создания и укрепления материально-технической базы сельского хозяйства, определены важнейшие социально-экономические последствия социалистического переустройства корейской деревни.

Существенная часть работы отведена выяснению соотношения общих закономерностей и специфических черт социалистического преобразования сельского хозяйства КНДР, сопоставлению этого процесса с опытом аналогичной перестройки деревни в других социалистических странах.

Включение в работу раздела о сельском хозяйстве Южной Кореи позволило автору провести сравнительный анализ раз-

вития производительных сил сельского хозяйства Севера и Юга Кореи.

Как и многие другие, это исследование в настоящее время может послужить пособием для изучения пути, пройденного экономикой КНДР.

Автором публикаций по различным аспектам хозяйственного строительства в КНДР выступала известный специалист по проблемам экономического развития стран Азии, профессор МГИМО МИД СССР Н. П. Семенова. Ее перу принадлежит ряд интересных исследований по актуальным проблемам экономики КНДР. В частности, в начале 60-х гг. в «Ученых записках» МГИМО появлялись статьи Семеновой Н. П. по вопросам внутренней торговли КНДР и внешнеэкономических связей республики. Проблемы промышленного ее развития получили освещение в статье «Социалистическая индустриализация в КНДР», опубликованной в книге «В научном поиске» (1967).

Серьезного внимания заслуживает книга Н. П. Семеновой «Экономика Корейской Народно-Демократической Республики» (1986). Это учебное пособие для студентов вузов, изучающих экономику Кореи. Но она, несомненно, представляет немалый интерес и для исследователей экономических проблем современной Кореи. Книга охватывает широкий круг вопросов социального и экономического развития КНДР в послевоенный период. Особое внимание автор уделяет становлению и упрочению экономического фундамента социализма в республике, выявлению характерных черт и особенностей этого процесса в условиях ранее отсталой колониальной страны. В связи с этим значительное место отведено исследованию основных направлений и принципов экономической политики ТПК на различных этапах социалистического строительства, рассмотрению сущности «чучхейской» концепции формирования народнохозяйственного комплекса страны. Достаточно широко показаны коренные изменения, которые происходили в ходе социалистического строительства в социально-классовой и экономической структуре КНДР.

Наиболее обстоятельный раздел книги посвящен проблемам создания в КНДР материально-технической базы социализма, осуществлению социалистической индустриализации и технической реконструкции народного хозяйства, превращению страны в индустриально-аграрное социалистическое государство. В нем приведены данные о темпах и пропорциях

промышленного производства, высказана развернутая характеристика развития важнейших отраслей индустрии, указаны прогрессивные сдвиги в структуре промышленного производства и его территориальном размещении. Анализируются также основные направления технической модернизации промышленности, важнейшие формы и методы организации и управления производством.

В целом позитивно оценивая результаты индустриального развития республики, автор в то же время отмечает, что в результате форсированного проведения индустриализации возникли серьезные диспропорции и «узкие места» в промышленном производстве, прежде всего наметилось заметное отставание в развитии топливно-энергетической базы страны, что вызывает немалые трудности в экономике КНДР.

Освещаются в книге и основные принципы аграрной политики ТПК, направленные на социалистическое переустройство корейской деревни, укрепление ее материально-технической базы, решение продовольственной проблемы в стране. В ней представлена характеристика важнейших отраслей сельского хозяйства, показана динамика сельскохозяйственного производства. Уделено внимание анализу социально-экономического развития северокорейской деревни, в частности, вопросам повышения материального благосостояния и культурного уровня жизни крестьянства.

В книге имеются также разделы о внешнеэкономической деятельности КНДР. Автор сообщает данные о торгово-экономических, производственных и научно-технических связях республики с Советским Союзом и другими социалистическими государствами, об экономических отношениях КНДР с развивающимися и капиталистическими странами, анализирует зарождавшиеся в середине 80-х гг. новые формы внешнеэкономической деятельности КНДР и мероприятия властей, направленные на ее активизацию.

Вопросам структурной перестройки экономики КНДР, прежде всего промышленного производства, посвящен ряд работ И. Поликарповой. Из них выделяются статьи: «Структурные сдвиги в промышленности КНДР в процессе социалистического строительства» в книге «Проблемы социально-экономического развития стран двух мировых систем» (1968) и «К вопросу о характеристике современной экономической структуры КНДР» в сборнике «Некоторые вопросы экономической стратегии социалистических стран Азии и Кубы» (1983).

К числу содержательных в научно-познавательном плане изданий по Корее, опубликованных в 80-х гг., принадлежит довольно интересная работа И. Г. Большова и Г. Д. Толорая «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1987), в которой отведено место разделам, характеризующим экономическое и социальное развитие северокорейского общества. На основе представленных в ней материалов анализируется процесс индустриального развития республики, укрепления и развития материально-производственной базы сельского хозяйства, решения транспортной проблемы, а также освещаются некоторые важные аспекты внешнеэкономической деятельности КНДР. Хотя эта работа носит преимущественно справочно-информационный характер и рассчитана главным образом на широкого читателя, тем не менее, в условиях дефицита информации о КНДР, она представляет определенный интерес и для специалистов по экономике Кореи.

В серии научно-популярных изданий вышла также небольшая работа известного корееведа Б. В. Синицына — «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1985), опубликованная в связи с 40-летием освобождения Кореи от колониального гнета. В 1988 г., к юбилею образования КНДР был издан краткий справочник «Корейская Народно-Демократическая Республика». В них содержался достаточный для такого рода работ объем сведений об экономическом и социальном развитии Северной Кореи за истекшие десятилетия.

Внешнеэкономические связи КНДР получили довольно широкое освещение в уже упоминавшихся коллективных и индивидуальных трудах корееведов, в справочных и мемуарных изданиях, а также в периодической печати. Тем не менее, вплоть до начала 90-х гг., если не считать небольшую брошюру С. А. Севергина «На путях взаимодействия СССР — КНДР, экономическому сотрудничеству 40 лет» (1989), крупных научных публикаций специально на эту тему не было. Лишь с выходом в свет монографии Н. Е. Бажановой «Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика» (1993) этот пробел в российском корееведении был частично преодолен.

Солидной базой для подготовки работы Н. Е. Бажановой послужили предшествовавшие ей коллективные и индивидуальные монографические исследования по КНДР, справочные издания и многочисленные статьи в периодической печати, в которых в той или иной степени отражены различные

аспекты внешнеэкономической деятельности республики. Из публикаций последних лет привлекали к себе внимание статьи В. В. Михеева «КНДР в региональных экономических отношениях» («Проблемы Дальнего Востока», 1989, № 1), В. И. Моисеева «Поучительный опыт (экономическое сотрудничество между СССР и КНДР)» («Проблемы Дальнего Востока», 1989, № 3), М. Тригубенко, Г. Толорая, А. Мансурова «Совместные предприятия в КНДР» («Проблемы Дальнего Востока», 1990, № 2) и др.

При написании своей книги Н. Е. Бажанова широко использовала также материалы архивов практических организаций и многие зарубежные публикации, ранее недоступные исследователям.

Так как данная монография была завершена в принципиально новых политических условиях, сложившихся в России после распада Советского Союза, автор получил возможность избежать обязательной в прошлом идеологической направленности в изложении темы и придать книге более объективный, даже критический характер в соответствии с духом нового времени и «новым мышлением». С этой точки зрения она явилась как бы переходной ступенью к постсоветскому периоду развития российского корееведения. Книга переведена на английский язык и издана в Республике Корея.

Анализируя внешнеэкономическую деятельность КНДР на различных этапах социалистического строительства, тесно увязывая ее с решением важнейших задач хозяйственного развития страны, прежде всего, с созданием современной материально-технической базы КНДР, автор предпринял попытку по-новому оценить различные формы экономического, производственного и научно-технического сотрудничества республики с зарубежными партнерами.

Рассматривая основные направления и реальное содержание внешнеэкономических связей КНДР с социалистическими, развивающимися и капиталистическими странами, автор на конкретных материалах показывает не только позитивные, но и негативные стороны таких связей, вскрывает серьезные ошибки и просчеты, допущенные в этой области как самой республикой, так и ее партнерами. В частности, отмечено недостаточно эффективное и целенаправленное использование зарубежной экономической и материально-технической помощи КНДР в создании ее индустриальной базы и наращивании научно-технического потенциала.

Анализируя современное состояние внешнеэкономической деятельности КНДР, автор выделяет главные стратегические задачи и практические шаги внешней политики ТПК, направленные на дальнейшую активизацию торгово-экономических и производственных связей республики с другими странами посредством внедрения новых, более прогрессивных и эффективных форм экономического сотрудничества, расширения и укрепления ее собственного экспортного потенциала, более широкого привлечения в свою экономику иностранных инвестиций. При этом подчеркивается, что для дальнейшего укрепления экономической и производственной базы КНДР, увеличения ее научно-технического потенциала необходимо еще более активное включение страны в мирохозяйственные связи, придание ее экономике более открытого характера, приобщение республики к современным достижениям мирового научно-технического прогресса, широкое использование в хозяйственном строительстве совместного предпринимательства и рыночных отношений.

В заключительном разделе книги охарактеризовано нынешнее состояние и перспективы развития экономических связей между Севером и Югом Кореи, как объективно необходимого условия их сближения, взаимного содействия подъему их экономик и постепенного продвижения по пути мирного объединения родины.

К экономическим исследованиям по КНДР относятся и работы, посвященные вопросам создания и расширения научно-технического потенциала страны, кадрового обеспечения ее народного хозяйства. По этим темам опубликованы две монографии С. Г. Нам: «Формирование народной интеллигенции в КНДР (1945–1962 гг.)» (1970) и «Образование и наука КНДР в условиях научно-технической революции» (1975).

В первой из них показано осуществление весьма острой для КНДР задачи формирования в ранее отсталой стране достаточно многочисленного отряда национальной интеллигенции, способной успешно решать сложные задачи государственного строительства, экономического и культурного развития республики, вступившей на путь социалистического строительства. Вторая, несмотря на ее небольшой объем, охватывает широкий круг вопросов, связанных с развитием системы народного образования и отечественной науки, а также подготовкой национальных квалифицированных кадров для народного хозяйства КНДР.

Наряду с основными формами и принципами организации образовательной и научной систем КНДР, автор большое место отводит главным направлениям научно-технических исследований и их значению для повышения уровня экономического и производственно-технического потенциала страны.

Процесс изучения экономики КНДР находит свою реализацию не только в публикации разного рода научных и справочных изданий. Важная роль в нем принадлежит диссертационным исследованиям, которые, как уже говорилось ранее, ложились затем в основу монографических работ. В большинстве своем они посвящены наиболее актуальным проблемам экономического и социального развития республики, отличаются более глубоким и объективным анализом процессов, происходивших в хозяйственной и социальной жизни. Особенно характерно это для работ закрытого плана. За сравнительно короткий отрезок времени по экономике КНДР были подготовлены и защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций.

Среди них наибольший научный интерес, на наш взгляд, представляют следующие работы: Л. Н. Каршинов «Актуальные проблемы развития экономического сотрудничества СССР и КНДР»; Ю. Н. Беляев «Социалистическая индустриализация Корейской Народно-Демократической Республики»; В. В. Мартынов «Экономико-статистическое изучение топливно-энергетической базы Корейской Народно-Демократической Республики»; М. Е. Тригубенко «Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Корейской Народно-Демократической Республике»; Г. В. Грязнов «Развитие промышленности Корейской Народно-Демократической Республики (1945–1960 гг.)»; И. А. Поликарпова «Темпы роста и изменение структуры промышленности КНДР»; И. Г. Большов «Основные тенденции в развитии внешнеэкономических связей Корейской Народно-Демократической Республики в 1960–1976 гг.»; В. В. Михеев «Экономическое соревнование КНДР и Южной Кореи на современном этапе (60–70-е гг.)»; В. И. Моисеев «Основные направления социально-экономической политики Трудовой партии Кореи на современном этапе (1960–1970-е гг.)»; И. И. Богдан «Изменение социально-экономической структуры КНДР (1945 — начало 80-х гг.)»; П. С. Лешаков «Корейская Народно-Демократическая Республика в системе мирохозяйственных связей»; А. А. Крючков «Опыт создания материально-технической базы социализма в КНДР».

Следует подчеркнуть, что все вышеназванные диссертационные исследования были подготовлены и защищены в советский период развития отечественного корееведения. К сожалению, в последнее десятилетие, после распада Советского Союза и в связи с так называемой «демократической перестройкой» общественного строя, огромный ущерб понесла российская академическая наука, в том числе и корееведение. Заметно сократилась подготовка молодых специалистов в вузах и через аспирантуру научно-исследовательских институтов. В связи с выдвижением новых идеологических ориентиров резко понизился интерес к изучению КНДР и ее экономики. В результате количество диссертационных работ по этим проблемам существенно сократилось. Вместе с тем, значительно возросло внимание исследователей к южнокорейской тематике.

Изменение внешнеполитического курса России в отношении КНДР привело не только к свертыванию научных контактов с северокорейскими учеными, но и к дальнейшему сокращению и без того скудной информации о происходящих в республике событиях, что создало серьезные трудности в изучении ее экономического положения. В силу этого российские исследователи вынуждены пользоваться преимущественно западными или южнокорейскими источниками информации, которая также весьма ограничена и к тому же недостаточно достоверна.

Современное состояние исследований экономики КНДР

Как уже отмечалось, во время перемен, которые произошли с начала 90-х гг. в политической и социально-экономической жизни бывшего Советского Союза, коренным образом изменились также условия развития отечественной науки, в том числе и российского корееведения.

С одной стороны, в условиях длительного экономического кризиса резко ограничены возможности финансирования и материально-технического обеспечения научных исследований, получения необходимой информации и осуществления научных командировок в изучаемую страну. Но, с другой стороны, корееведы получили доступ к ранее закрытым материалам, что заметно пополнило их знания по различным аспектам экономического, политического и социального развития КНДР. Это, естественно, предопределило иной характер и

иную направленность корееведческих исследований, новый подход к оценке прошлых и современных событий в различных сферах экономической и общественно-политической жизни КНДР.

В отличие от прежних лет, научные разработки и публикации по экономике КНДР, в силу снятия идеологических ограничений, приобрели не только бóльшую объективность, но и более заостренную критическую направленность. В то же время общий объем научных исследований по актуальным экономическим и социальным проблемам развития северокорейского общества заметно сократился. За последнее десятилетие не было опубликовано ни одной капитальной монографической работы по экономике КНДР, кроме уже упомянутой книги Н. Е. Бажановой, вышедшей в свет еще в 1993 г.

Основной формой научных публикаций по экономическим проблемам КНДР стали статьи в различных сборниках, журналах и газетах. Как правило, они подготовлены на базе докладов и выступлений ученых на научных конференциях и симпозиумах, посвященных Корее. Некоторые из них напечатаны в зарубежных, в том числе южнокорейских, научных изданиях.

Проблематика этих публикаций касается прежде всего современного состояния северокорейской экономики, проблем преодоления КНДР энергетического и продовольственного кризиса, развития внешнеэкономических связей республики и создания на ее территории свободных торгово-экономических зон с привлечением иностранного капитала. Для большинства работ характерно стремление авторов глубже вникнуть в суть происходящих процессов в экономической и социальной жизни КНДР, дать по возможности объективную оценку их позитивным и негативным сторонам.

Но, к сожалению, среди работ последнего времени по экономике КНДР появились и такие, в которых авторы, без соответствующего научного анализа и обоснованных доказательств, в угоду конъюнктурным политическим соображениям, делают слабо аргументированные, поверхностные выводы о якобы несостоятельности северокорейской экономики и бесперспективности ее развития. Причем авторами подобных публикаций иногда выступают научные работники или политические обозреватели, которые совсем недавно придерживались прямо противоположных взглядов, доказывая преимущества социалистической и ущербность капиталистической

системы хозяйствования. Разумеется, такого рода «исследования» не представляют научной и познавательной ценности, не способствуют пониманию тех сложных и противоречивых процессов, которые сегодня происходят в северокорейском обществе, без чего невозможна взвешенная и конструктивная политика России в отношении КНДР.

Из научных публикаций российских корееведов последних лет с анализом социально-экономического положения в КНДР и новых тенденций в ее экономической политике, по нашему мнению, заслуживают внимания следующие работы.

В сборник «Мирное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и проблемы объединения на Корейском полуострове» (1995), составленный по материалам российско-корейской научной конференции, проходившей в марте 1995 г., входят относительно небольшие, но содержательные статьи М. Е. Тригубенко «Кризис в российско-северокорейских экономических отношениях» и В. А. Тена «Сравнительный анализ развития экономики КНДР и Республики Корея». Сборник подготовлен Центром корейских исследований Института Дальнего Востока РАН. Тем же институтом опубликован новый сборник «Актуальные проблемы Корейского полуострова» (1996), в котором помещены статьи В. И. Андреева «Экономические проблемы КНДР» и Г. Я. Левченко «Внешнеэкономическая деятельность России на Корейском полуострове».

В книге А. В. Торкунова и Е. П. Уфимцева «Корейская проблема: новый взгляд» (1995) анализируется ход реализации третьего семилетнего народнохозяйственного плана КНДР (1987–1993), вскрываются основные причины его серьезного недовыполнения.

Сборник «Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи», часть II (1997), подготовленный на материалах научной конференции, проходившей в Институте Дальнего Востока РАН, включает ряд статей по вопросам внешнеэкономической деятельности КНДР: В. Д. Андрианов «Современное состояние и перспективы межкорейского торгово-экономического сотрудничества»; М. Е. Тригубенко «О возможностях трехстороннего сотрудничества между Россией, КНДР и Республикой Корея»; И. И. Богдан «Перспективы трехстороннего экономического сотрудничества между Россией, РК и КНДР».

Современное экономическое положение в КНДР освещено в аналитической статье М. Е. Тригубенко «КНДР в 1996 г.: По-

иски выхода из кризиса», опубликованной в 1997 г. в «Вестнике научной информации», периодически выпускаемом Институтом международных экономических и политических исследований РАН[15].

К числу весьма содержательных научных разработок по экономике КНДР последних лет следует отнести статью И. И. Богдана «Перспективы торгово-экономических отношений между РФ и КНДР» в сборнике «Россия и Корея. Модернизация реформы, международные отношения» (1997), подготовленном учеными Московского государственного университета им. Ломоносова и Института востоковедения РАН. Автор статьи на конкретных материалах обстоятельно анализирует состояние экономического сотрудничества между КНДР и Россией, вскрывает главные причины резкого свертывания многообразных прежде форм их взаимодействия в сфере хозяйственного строительства, определяет возможные пути возрождения утраченных связей, обосновывает экономическую необходимость этого процесса. Экономическая проблематика отражена также в сборнике статей «Проблемы Корейского полуострова и интересы России» (1998).

Определенный научный и практический интерес вызывает книга Л. В. Забровской «Россия и КНДР: опыт прошлого и перспективы (90-е годы)» (1998), в которой анализируются проблемы экономического сотрудничества наших стран, в том числе различные формы хозяйственных связей российского дальневосточного региона с КНДР, и возможности их расширения и активизации.

В монографии В. А. Шина «Китай и корейские государства во второй половине XX столетия» (1998), наряду с политическими аспектами взаимоотношений, рассматриваются важнейшие направления экономического сотрудничества трех стран.

Некоторые аспекты экономического положения в КНДР затронуты также в сборнике статей «Россия и Корея на пороге нового столетия» (1999), в коллективной работе «Тенденция развития обстановки на Корейском полуострове и возможные альтернативы российской политики» (1999), подготовленных Центром корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

Внутриполитическая и экономическая ситуация в КНДР в конце 90-х гг. показана в статье М. Е. Тригубенко «Внутреннее положение КНДР в 1998–1999 гг. и перспектива», опубли-

кованной в коллективной работе «Проблемы преобразования и регулирования региональных социально-экономических систем» (1999), подготовленной Институтом проблем региональной экономики РАН.

Одной из последних публикаций по экономике КНДР является небольшая коллективная работа «Проблемы Корейского полуострова. Российская дипломатия в Корее в 1998–1999 годах» (2000). Ее авторы известные корееведы — экономисты и политологи — М. Е. Тригубенко, Т. А. Неелова, Г. Я. Левченко. Содержащиеся в ней разделы характеризуют некоторые аспекты происходящего в настоящее время обновления хозяйственной жизни КНДР, а также возможные перспективы возрождения резко сократившихся за 90-е гг. торгово-экономических связей республики с Россией[16].

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что, несмотря на огромные трудности, которые сегодня переживает наука, в том числе и российское корееведение, продолжается довольно интенсивная работа по изучению экономики КНДР. Разумеется, в сравнительно кратком обзоре невозможно отразить все ее многообразие, перечислить всех авторов научных публикаций, в которых в той или иной степени рассматриваются различные аспекты экономической и социальной жизни КНДР. Но и представленные в обзоре материалы, как нам кажется, позволяют составить определенное представление об основных направлениях и формах научной деятельности российских корееведов-экономистов. Они наглядно свидетельствуют о том, что за относительно небольшой отрезок времени эта важная область российского корееведения добилась ощутимых успехов в исследовании экономических и социальных проблем развития КНДР, накопила немалый научный потенциал, позволяющий и далее с пользой трудиться на этом сложном и многогранном поприще. Подтверждением сказанному служит заметный интерес зарубежной научной общественности, в том числе южнокорейской, к экономическим исследованиям российских корееведов. Некоторые из этих исследований опубликованы за рубежом, в том числе в научных изданиях Республики Корея. Аннотированные переводы работ российских корееведов по экономике КНДР можно найти также в научных библиотеках и корееведческих центрах США, других стран.

Сегодня перед экономистами, как и всеми российскими корееведами, встают новые, более сложные задачи по дальнейшему углублению научных изысканий в области эконо-

мического и социального развития северокорейского общества, которое в чрезвычайно трудных условиях продолжает придерживаться социалистического выбора, по устранению сохранившихся «белых пятен» в далекой и недавней истории Кореи, пересмотру и переосмыслению накопленного за предшествующий период научного материала, переоценке конкретных выводов и положений, содержащихся в ранее опубликованных работах, в соответствии с распространенными сейчас новыми требованиями и новыми подходами к объективному анализу процессов и явлений общественного процесса. Это, естественно, касается и всего того, что было создано за минувшие десятилетия в области отечественной экономической науки по Корее, включая исследования об экономическом и социальном развитии Корейской Народно-Демократической Республики[17].

Дальнейшее развитие исследований по экономике Кореи, как и в целом всего российского корееведения, требует не только моральной, но и солидной материальной поддержки со стороны государства. Лишь нормальное финансирование научной деятельности, обеспечение ее необходимой информационной базой, установление регулярных контактов с зарубежными научными центрами и соответствующее пополнение отрасли научными кадрами могут придать российскому корееведению новый импульс развития и не дать ему утратить ранее завоеванные передовые позиции в мировом корееведении.

[1] Б. В. Щетинину принадлежит также ряд других статей и разделов в коллективных трудах советских корееведов, освещавших различные стороны государственного и экономического строительства в КНДР.

[2] Книга В. Т. Зайчикова «Корея» была опубликована в 1947 г. как учебное пособие. Второе, переработанное и дополненное, издание книги «Корея», в которой значительное место заняли разделы о хозяйственном развитии КНДР накануне Корейской войны, вышло в свет уже в 1951 г.

[3] Коллективная работа «Корейская Народно-Демократическая Республика» (М., 1954) является одним из первых и наиболее крупных исследований, подготовленных Институтом востоковедения АН СССР по Корее в начале 50-х гг. Ее авторами были известные советские ученые В. Т. Зайчиков, В. П. Нихамин, Г. Д. Тягай, Ф. И. Шабшина, Е. А. Пигулевская, Н. К. Вайнцвайг, В. В. Лезин, Г. Ф. Ким.

[4] Мировая социалистическая система хозяйства (М., 1967). Разделы, посвященные экономическим проблемам КНДР, содержатся в 3 и 4 томах данной работы.

[5] В подготовке коллективной международной монографии вместе с корееведами Института востоковедения АН СССР приняли участие ученые Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши и Чехословакии.

[6] «Тэанская система руководства» внедрена в практику хозяйственного строительства КНДР с 1962 г. Она предусматривает коллегиальное управление предприятиями страны и осуществляется партийным комитетом каждого производственного объекта. Главный принцип «чучхеизации» народного хозяйства — его развитие «в опоре на собственные силы», создание полностью самостоятельной национальной экономики.

[7] «Некоторые аспекты экономического строительства в КНДР» — Специальный бюллетень Института народов Азии АН СССР (название Института востоковедения АН СССР середины 60-х гг.), № 69. М., 1966.

[8] «К вопросу о жизненном уровне трудящихся ДРВ, КНДР, МНР».— Специальный бюллетень Института народов Азии АН СССР, № 63. М., 1965.

[9] «Сравнительная характеристика экономического развития Северной и Южной Кореи».— Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР, № 100. М., 1969.

[10] «Некоторые вопросы экономической стратегии социалистических стран Азии и Кубы».— Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР. М., 1983.

[11] Первая работа Г. В. Грязнова «Восстановление и развитие промышленности КНДР в 1953–1956 гг.» была опубликована в книге «Корея. История и экономика» (М., 1958).

[12] Ряд публикаций В. В. Мартынова посвящен анализу развития топливно-энергетической базы КНДР: «Гидроэнергетические ресурсы Корейской Народно-Демократической Республики и их освоение» — в журнале «Гидротехническое строительство», 1960, № 10; «Угольная промышленность в Корейской Народно-Демократической Республике (1946–1960 гг.)» — в журнале «Уголь», М., 1960, № 6 и др.

[13] В «Докладах Московской сельскохозяйственной академии», 1957, вып. 30, ч. 1 опубликована небольшая статья Н. И. Ярмака «Развитие сельского хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики».

[14] Первой публикацией М. Е. Тригубенко по экономике КНДР, в том числе по ее сельскому хозяйству, стала работа (под фамилией Глебова М. Е.) «Развитие экономики Корейской Народно-Демократической Республики. Краткий экономический обзор». М., 1959.

[15] В начале 90-х гг. Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР был преобразован в Институт международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН.

[16] Важные аспекты экономического развития КНДР освещены также в статьях: Левченко Г. Я. Современная ситуация в экономике, внешнеторговых связях КНДР и российско-северокорейские торгово-экономическом сотрудничестве.— Сотрудничество России со странами Восточной Азии в 90-х годах. М., 1999; Богдан И. И. Северокорейская экономиче-

ская модель в современном мире.— Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. Ч. 1. М., 2001; Забровская Л. В. Дальний Восток России в российско-северокорейских экономических отношениях; Тригубенко М. Е. Инвестиционная политика КНДР.— Россия и Корея в меняющемся мире. М., 2003.

[17] Последняя крупная обобщающая работа по экономике КНДР — статья Г. В. Грязнова, увидевшая свет после кончины автора, «Актуальные проблемы экономического развития КНДР (80–90-е гг.)» в сборнике «Корея на рубеже веков» М., 2002.

Общественно-политическая эволюция Южной Кореи в освещении российского корееведения

Предварительные замечания

Сегодня можно уже определенно сказать, что российское корееведение за исторически короткий промежуток времени стало самостоятельной отраслью востоковедной науки. На пороге третьего тысячелетия накоплен немалый опыт, позволяющий по-новому взглянуть на историю и перспективу развития российского корееведения. Им освоен огромный пласт документов и материалов, информации и размышлений о политических событиях и их взаимосвязи. В итоге оно обладает собственным содержанием, достаточно четко выраженными направлениями исследовательской деятельности, механизмом получения, осмысления и передачи знаний от одного поколения к другому. Однако, если остановиться только на этом, то описание свойств и характеристик российского корееведения окажется неполным и односторонним.

Дело в том, что, как часть целого, эта отрасль знаний несет на себе черты, характеризовавшие положение всего советского обществоведения в недалеком прошлом. «Картина мира», задаваемая идеологическими партийными центрами, влияла на оценки событий учеными, способы постановки ими проблем, ход рассуждений, используемые аргументы и т. д.

Кардинальные изменения последнего времени в мире, политическая реальность в России, кризис марксистского обществоведения заставили по-новому подойти к тому, что виделось сравнительно недавно с позиций биполярного восприятия международной жизни. К тому же взгляды советских специалистов, в том числе и по Корее, зависели от принятых в ту пору понимания общественного прогресса и представлений о его критериях. Поэтому, обращаясь к прошлому, надо иметь в виду, что на восприятие проблем Кореи советскими специалистами влияли следующие исходные предпосылки:

господствовавшая тогда система теоретических воззрений относительно характера и ведущих тенденций исторического прогресса, биполярная геополитическая структура международных отношений, жесткая идеологическая конфронтация США и СССР в Корее и вокруг нее, интенсивное противоборство между двумя частями самой Кореи, ориентация кремлевского руководства на развитие всемерного сотрудничества с КНДР при полном игнорировании другой части страны — Республики Корея.

Характер отношений между СССР и двумя частями Кореи непосредственно отражался на взаимодействии советских корееведов и южнокорейских обществоведов. Отгороженные друг от друга глухой стеной, советские ученые и ученые Республики Корея до недавних пор не имели возможности совместно обсуждать ключевые проблемы исторического прогресса. Наши авторы, обращаясь к сюжетам южнокорейской действительности, всегда испытывали острый недостаток фактического материала, поступившего непосредственно из Республики Корея. Вместо него приходилось пользоваться источниками американского или японского происхождения, а иногда даже полученными из КНДР.

При взгляде в прошлое надо отметить, что историческая школа КНДР пыталась влиять на содержание и направления деятельности российских специалистов по Южной Корее, использовать их в качестве распространителей своих взглядов и стереотипов мышления. Но российское корееведение в большинстве своем не стало проявлять приспособленчества к такого рода роли, старалось сохранить свое лицо.

Социально-политическая сфера жизни южнокорейского общества исследовалась нашими специалистами самостоятельно. Однако не все стороны общественного развития Южной Кореи получили обстоятельное освещение. Наибольшее внимание было уделено такому ключевому явлению, как ее качественный и интенсивный рост. В связи с этим преимущественно затрагивались вопросы политики, управления, активной роли государства в создании крупных промышленно-финансовых групп. Но повышенное внимание к участию государственных структур в осуществлении стратегии развития производительных сил оборачивалось игнорированием некоторых важных явлений в сферах культуры, науки, образования, искусства, религии. Тем самым не учитывалось то бесспорное обстоятельство, что каждое новое поколение оказывается в спе-

цифических социальных условиях, связанных с конкретными для данного поколения уровнями развития производительных сил и духовной культуры. Но этот пробел не стоит объяснять тем, что советские корееведы были слишком глубоко «испорчены» штампами догматизированного марксизма. Влияние оказывала отмеченная выше практика познания реалий Южной Кореи. К тому же южнокорейская проблематика не всегда рассматривалась в обособленной форме. Довольно часто, в зависимости от природы познавательных задач, проблемы Южной Кореи включались в тот или иной контекст, положим, международных отношений или взаимодействия двух частей страны.

В данной главе мы попытаемся показать некоторые направления исследований советскими (российскими) учеными общественно-политических проблем Республики Корея.

Международный аспект корейского вопроса

Общую картину развития советского корееведения трудно уяснить в отрыве от активного участия Советского Союза в антигитлеровской коалиции, его роли в послевоенном урегулировании международных отношений на Дальнем Востоке, включая Корею. Исторически корейский вопрос возник раньше многих других. И в самом деле, он стал предметом международных отношений и мировой политики в ходе второй мировой войны, этот вопрос поднимался на Каирской (ноябрь 1943 г.), Ялтинской (февраль 1945 г.), Потсдамской (июль 1945 г.) конференциях лидеров великих держав.

Вскоре после освобождения Кореи в августе 1945 г. ее дальнейшая судьба превратилась в объект острых международных противоречий. Начались конфликты между СССР и США по корейскому вопросу, занявшие большое место в «холодной» войне двух мировых систем. В самой Корее, особенно на Юге, развернулась ожесточенная борьба за выбор пути к созданию суверенного демократического государства и по поводу тех решений о будущем Кореи, которые приняли державы-победители во второй мировой войне. К важным свидетельствам о том, что происходило в стране в первый период после ее освобождения, безусловно, принадлежит книга Ф. И. Шабшиной «Южная Корея 1945–1946 гг. Записки очевидца» (1974). На основе личных наблюдений, встреч и бесед с участниками освободительного движения, политическими лидерами, деятелями ли-

тературы и искусства она описывает Корею до и сразу после ее освобождения, воссоздает картины бурной политической жизни в Сеуле и других городах, рассказывает о событиях и людях, во многом определивших последующий ход истории, в том числе и рождение Республики Корея. В известной степени эта книга может служить источником для исследователей того периода. Вполне заслуженно она издана в Республике Корея в переводе на корейский язык.

Среди других ученых, занимавшихся историей Кореи после освобождения, значительный интерес к истокам корейской проблемы проявил видный российский кореевед В. Б. Воронцов. Он неоднократно возвращался к этой теме, обогащая ее новыми ракурсами[1]. В его работах основательно прослежена история возникновения раскола Кореи, разногласий бывших союзников по антигитлеровской коалиции — США и Советского Союза вокруг послевоенного устройства этой страны.

Для манеры его исследовательской деятельности характерно внимание к реальным историческим лицам, лидерам общественных движений, структурам власти. Он старался добраться до побудительных мотивов участников политических конфликтов, вникал в содержание идейной атмосферы в обществе. Словом, он стремился глубоко понять ситуацию в Корее, ее место в современном мире. Эта тема явилась одной из наиболее интенсивно развивавшихся областей корееведения. Причем оценки прошлого и настоящего чаще всего давались, конечно же, с учетом интересов, прежде всего, Советского Союза.

В работах советских авторов четко отражен тот факт, что участники антигитлеровской коалиции не смогли достичь взаимоприемлемых и реальных международных соглашений по Корее. В этом плане показательны Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г. и неудача с выполнением его решений. Проблемы восстановления независимости и послевоенного устройства Кореи трактовались учеными в духе установок советского руководства. Царившие в ту пору порядки в Советском Союзе исключали возможность проявления иных взглядов и трактовок событий. Следование официальной линии отчетливо проявлялось в упоминавшихся ранее публикациях В. В. Лезина, В. П. Нихамина, Г. Е. Самсонова, Г. Таврова и др. Но именно в этих работах было начато обсуждение проблем, которые вели к оформлению раскола Кореи, создавали конфликтную напряженность между двумя частями некогда единой страны, поро-

ждали угрозу безопасности на Дальнем Востоке. Нельзя не отметить, что названные авторы прежде всего исходили из представления о необходимости смягчения ситуации на Корейском полуострове, мирного урегулирования нараставших там разногласий и конфликтов.

Ситуацию вокруг Кореи первых лет после окончания второй мировой войны очень полно описал В. Д. Тихомиров. Главные моменты этой проблематики раскрыты им в главе «Корейская проблема в послевоенный период» в «Очерках международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке» (1975) и в других публикациях. Его работы показывают особую сложность формирования новой структуры международных отношений на Дальнем Востоке. Он отметил существование глубоких противоречий между США и СССР, что привело к срыву деятельности Совместной советско-американской комиссии по Корее, перерастанию «холодной» войны на Корейском полуострове в горячую. Одновременно он показал столкновение интересов различных общественно-политических сил самой Кореи по вопросам социального, экономического и культурного развития страны.

В публикациях советских авторов отчетливо видны проявления складывавшейся после 1945 г. двухполюсной международной структуры, особенно в связи с освещением роли США в Южной Корее, да и на Корейском полуострове в целом. Для характеристики этой роли показательна статья Ф. И. Шабшиной в сборнике 1954 г. «Корейская Народно-Демократическая Республика», которая так и называется «Захватническая политика США в Корее и борьба народных масс Южной Кореи за независимость (август 1945 г.— июнь 1950 г.)». Политика США, чьи войска оккупировали Южную Корею, рассматривается как продолжение их давнего экспансионистского курса на Дальнем Востоке и в Корее. В освещении автора суть всего, что они делали в Южной Корее,— это утверждение там американского господства, ограбление природных богатств Кореи, превращение ее в колонию и плацдарм для осуществления агрессивных планов в отношении СССР и Китая. Для реализации своих планов США при поддержке ставленников из среды южнокорейской реакции стремились задушить освободительное движение корейского народа, которое, несмотря на жесточайшие репрессии, им не удавалось ликвидировать. Одновременно они готовились к захвату Северной Кореи, являвшейся центром демократизации всей Кореи и граничащей с СССР и

Китаем. В ходе развязанной ими войны, говорилось в заключение статьи, вся свободолюбивая Корея поднялась на борьбу с ее «заклятыми врагами», за свою свободу и независимость.

Аналогичный подход к оценке роли США в возникновении и обострении корейского вопроса, к их планам и конкретным делам в Южной Корее и относительно Северной Кореи проявлялся во всех работах о ситуации в Корее и вокруг нее и утвердился надолго в советском корееведении. Например, по словам Г. Таврова, смысл политики американских правящих кругов в Корее сводился к тому, чтобы «всеми возможными средствами добиться превращения Южной Кореи,— а если возможно, то и всей Кореи,— в военный и политический плацдарм США»[2]. Многие авторы, вольно или невольно, тиражировали взгляд, согласно которому Южной Корее, вследствие стратегических устремлений Вашингтона, предназначалась лишь роль послушного исполнителя чужой воли, колониального придатка и военной базы США на Дальнем Востоке.

Этот взгляд имел устойчивый характер. Так, в предисловии к коллективному исследованию «Корея: Север и Юг» (1965), в котором подводились итоги двадцатилетнего развития двух частей страны, говорилось: «Южная Корея снова попала в тиски колониализма, на этот раз американского»[3].

В концентрированном виде изложенный выше подход к оценке политики США в отношении Южной Кореи отражен в небольшой книге В. А. Маринова и А. В. Торкунова «Южная Корея — база империализма на Дальнем Востоке» (1979). Авторская концепция видна уже из названия книги. Существовавший тогда на Юге режим Пак Чон Хи характеризовался как реакционный, военно-бюрократический, порожденный неоколониализмом США. Проводимая этим режимом антинациональная политика, поддерживаемая империалистическими силами, представлена в книге главной причиной сохранения на Корейском полуострове тяжелой атмосферы «холодной» войны.

Сейчас не стоит доказывать, что в условиях глобального противоборства деятельность США в Южной Корее не отличалась от их операций в других узловых точках мирового противостояния. Наши авторы показывали обоюдное стремление США и Южной Кореи развивать военно-политическое сотрудничество.

Но нас в данном случае интересует не то, как формировалась долгосрочная стратегия укрепления их безопасности.

Речь идет о том, что такая трактовка роли США мешала уловить тенденции, важные для понимания последующего хода общественного развития Южной Кореи. Ведь деятельность американцев на Юге заложила солидную основу для процесса изменений кардинального свойства. Другими словами, наши авторы не всегда учитывали должным образом то обстоятельство, что влияние США было существенным при выборе модели социально-экономических преобразований общества. К этому добавим, что за пределами внимания наших авторов оказались последующие изменения форм взаимодействия Южной Кореи и США, постепенное ослабление степени зависимости Сеула от Вашингтона.

Проблемы общественно-политического развития Республики Корея

В структуре российских исследований по Южной Корее доминирующее положение заняли работы, в которых внимание сконцентрировано, главным образом, на общественно-политическом процессе. Наиболее притягательными для их авторов оказались вопросы, затрагивавшие конфликты внутри общества, политические отношения и институты власти, деятельность политических партий и общественных движений и т. д. Вряд ли надо особо подчеркивать, что сама социальная действительность Южной Кореи стимулировала познавательный интерес именно к темам такого рода. Ведь трудно оспорить мнение, что существенными признаками развивавшегося в ней политического процесса, начиная с крушения японского колониального господства в 1945 г., являлись крупные социальные потрясения, нестабильность структур государственно-административного управления, нарастание противоборства между правящей верхушкой и оппозицией, схватки за перераспределение власти и богатства в самой правящей элите. Значительный интерес проявлялся к рекрутированию политической группировки, сосредоточившей в своих руках функции власти и управления, складыванию вокруг нее новых бюрократических слоев.

Общее состояние политической жизни Южной Кореи в первые годы после крушения колониального ига Японии описывали многие советские авторы. Мы, однако, ограничимся лишь некоторыми, уже затрагивавшимися в предыдущих разделах, работами, в которых, на наш взгляд, довольно полно

показаны изменения масштаба социального действия, форм политического самовыражения его участников, степени их организации и т. д. Мы имеем в виду книги И. В. Кравцова «Агрессия американского империализма в Корее (1945–1951)», П. Крайнова «Борьба корейского народа за независимость», Е. А. Пигулевской «Корейский народ в борьбе за независимость и демократию», Ф. И. Шабшиной «Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953)».

Отдельно следует сказать о коллективном труде «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.)» (1959). Ранее уже отмечалось, что именно с него началось крупное и разностороннее изучение в СССР Республики Корея как самостоятельного научного объекта (до того специально о ней публиковались лишь многочисленные небольшие статьи). Авторы этой книги, исходя из принятой тогда точки зрения, подробно характеризовали созданный там и возглавляемый Ли Сын Маном политический режим как реакционный и проамериканский, особо выделяя процесс его милитаризации. Главное внимание было сосредоточено на политике США, установлении ими контроля над экономикой и финансами Южной Кореи, их идеологической экспансии в сфере культуры. Вместе с тем указывалось на растущее сопротивление народа чуждому национальным интересам курсу правительства Ли Сын Мана, подъем демократического движения в Южной Корее.

Во всех перечисленных работах приведен большой фактический материал, сосредоточенный вокруг нескольких основных идей. Остановимся на двух из них.

Первая касается специфики переходного периода на Юге — от колониального господства к формированию там новой государственности в лице Республики Корея. На наш взгляд, убедительно показано, что смена ценностей, отношений, норм, институтов власти и управления в обществе, которое долгие годы вынуждено было жить по произвольно навязанным извне канонам,— это трудный, противоречивый и болезненный процесс. Фиксировались реальные явления: активное и одновременное включение в общественную жизнь социально-политических сил различного направления, перерастание разногласий программно-тактического характера в масштабные конфликты при отсутствии подлинных механизмов выборности.

Вторая идея касалась борьбы за выбор альтернатив общественного и государственного устройства. В этой связи указа-

ны направления деятельности народных комитетов, партий и общественных организаций, преимущественно оппозиционных сил левого крыла. Принимались также во внимание личные качества и образ действий Ли Сын Мана, ставшего первым южнокорейским президентом,— его безграничное властолюбие, готовность к обострению конфронтации ради личных амбиций, стремление запугать и нейтрализовать любую оппозицию.

Исходя из сказанного, можно считать, что в российской историографии по Южной Корее солидно представлен анализ процесса перехода от управления японским генерал-губернаторством к деятельности новых государственных структур. Одновременно в ней говорилось о накоплении нерешенных проблем, росте неуправляемости в обществе, формировании оппозиции авторитарному стилю руководства делами страны.

Сложившиеся в советском корееведении представления о политической системе в Республике Корея на начальном этапе ее существования обобщены в книге В. М. Мазурова «Создание антинародного режима в Южной Корее (1945–1950)» (1963). В ней прослеживаются пути формирования этого режима в условиях экономического и политического господства на Юге США, дана соответствующая тому времени характеристика его социальной сущности, внутренней и внешней политики. Впрочем, справедливость определения этого режима как «антинародного» подтвердил народ Южной Кореи, поднявшись в апреле 1960 г. на борьбу против скомпрометировавшей себя правящей группировки и изгнав с позором ее лидера Ли Сын Мана.

Логическим продолжением этой тематики стал анализ кризиса лисынмановского режима и разрешения этого кризиса в ходе апрельского восстания 1960 г., предпринятый в книгах Г. В. Дейниченко и Н. С. Ямщиковой «Сеул, апрель 1960 года» (1960), В. М. Мазурова и Б. В. Синицына «Южная Корея: драматическое перепутье» (1963), коллективном труде «Корея: Север и Юг» (1965), а также в ряде статей. Однако апрельское восстание оказалось не в состоянии дать сильный результативный импульс преобразовательной деятельности. Пришедшее тогда к власти правительство Чан Мёна, демонстрируя слабую способность к солидарной и целеустремленной совместной работе, не смогло найти реальные пути преодоления кризиса, мобилизовать массы на осуществление экономических, социальных и политических перемен.

Внимание к характеру отношений общества и государства в Южной Корее вновь привлек государственный переворот 16 мая 1961 г., отраженный в названных выше книгах и многочисленных статьях[4]. В этом массиве публикаций прослежено усиление авторитарных тенденций в деятельности органов государственной власти и других политико-управленческих структур, ликвидация институтов парламентской демократии, подавление оппозиции, кризис легитимности правящего режима. Основной огонь критики сосредоточился на одной из действительно крайне негативных сторон авторитарного правления военных в Республике Корея — расширении карательных функций различных звеньев политической системы, резком ограничении гражданских прав и свобод.

В систематизированном виде общественно-политическое устройство Республики Корея после захвата власти группировкой военных во главе с Пак Чон Хи представлено в справочном издании «Современная Корея» (1971). Государство охарактеризовано в нем как авторитарное и неоколониалистское, находящееся под военной оккупацией США. Соответствующим образом изложены основные статьи Конституции 1969 г., описаны полномочия парламента, президента, правительства и местных органов власти, репрессивная направленность деятельности суда, полиции, вооруженных сил. Приведены данные о ведущих политических партиях и общественных организациях, преимущественно проправительственной ориентации, показаны жесткие ограничения, введенные для оппозиции, беспощадное подавление подлинно патриотических сил. Впервые читатель получил также из этой книги некоторую конкретную информацию о состоянии культуры в Республике Корея.

Много сведений об усилении контроля государства над обществом во времена Пак Чон Хи содержит монография А. А. Прошина и А. А. Тимонина «Неоколониализм США и Южная Корея» (1985). Она существенно обогатила наши представления о сдвигах в структуре и функционировании основных звеньев государственной власти, которые произошли в Южной Корее после военного переворота в мае 1961 г. Было зафиксировано наступление новой стадии в эволюции южнокорейского общества. Вместе с тем названные авторы попытались осмыслить ресурсы правящего режима, в том числе использовавшиеся ими методы политической мобилизации масс. Военные, занявшие вершину бюрократической

пирамиды, вовсе не полагались на саморегулирующую роль рынка. Предложенная ими программа реформирования общества являлась не простой политической декларацией, а конкретной, продуманной системой мер с выделением важнейших приоритетов. Они ориентировались на достижение таких целей, как стабильность, укрепление обороноспособности и обеспечение экономического развития страны. Авторы показали, что военные правители использовали методы подавления выборочно и дозированно. Они, например, не прибегли к насилию над крестьянством — наиболее массовой частью общества, традиционалистски настроенной. Наоборот, крестьянство было поддержано ими в разных формах, что, соответственно, увеличило степень поддержки правления военных со стороны крестьянских масс.

Сфера политических отношений в годы авторитарного правления стала предметом исследования в статье О. В. Давыдова и В. В. Михеева «Сеульский пасьянс (традиции, мораль и политика в Южной Корее)»[5]. Авторы содержательно раскрыли способы включения в политическую сферу государственной бюрократии, армии, политических партий и общественных движений. Они подчеркнули, что для понимания существа политических явлений в Южной Корее важно принимать во внимание не только и не столько наличие процедуры выборов, парламентской оппозиции, правил, регламентирующих деятельность партий. Гораздо существенней учитывать реальное значение клановых, земляческих и корпоративных связей при объяснении зигзагов и поворотов в политической жизни. Именно эти связи чаще всего решают ход и исход борьбы политических группировок, выдвижение на руководящие позиции тех или иных деятелей. В политических кругах Южной Кореи, утверждалось в статье, твердо закрепился корпоративно-патерналистский стиль отношений. Взаимоотношения центральной и местных элит также сказываются на состоянии политических отношений. Как считают авторы, правящая элита сама должна модернизироваться, овладевать мастерством управления в условиях соперничества идей, взглядов, доктрин, что характерно для политической борьбы в условиях многопартийности. Нынешняя правящая элита Республики Корея и в самом деле демонстрирует новые черты своего сознания и поведения, образа жизни.

И все же приходится констатировать, что запас знаний, накопленный о Южной Корее в российской научной литературе,

явно недостаточен для понимания такого сложного явления, каким является авторитаризм. В литературе отсутствует сколько-нибудь развернутое объяснение причин того, почему так быстро после трагического финала лисынмановского правления в Республике Корея была восстановлена авторитарная модель, причем в гораздо более жестком варианте. Полагаем, что указанный пробел отчасти связан с тем, что современная авторитарная практика рассматривалась в отрыве от предшествовавших ступеней исторического развития страны. В частности, игнорировалось длительное господство монархической традиции в общественном сознании в доколониальную эпоху. Не говорилось и о том, что политическая культура Кореи издавна признает разумную оправданность твердого руководства.

К тому же само познание авторитаризма не отличалось системным характером. Разные стороны единого явления рассматривались без особой увязки. Раздувались одни черты, стороны и моменты этого явления в ущерб другим. Сосредоточившись на показе репрессивной деятельности авторитарного режима, наши авторы сплошь и рядом проходили мимо того, что этот же режим оказался способным к преобразованиям большой социальной значимости. Мало говорилось о том, что государственный переворот в мае 1961 г. явился реакцией на предшествовавшее кризисное развитие, что его инициаторы сумели в значительной мере правильно подойти к решению вставших перед страной проблем. Думается, что российскому корееведению еще предстоит вернуться к исследованию общих и устойчивых характеристик, объясняющих сущность авторитаризма.

Со значительным опозданием отечественные авторы приступили к исследованию взаимодействия государственного управления, экономических и социальных процессов. Интерес к изучению этой проблематики проявлен в работах В. Д. Дмитриева «Некоторые черты социального развития Южной Кореи»[6], О. В. Давыдова «Капиталистическая «модернизация» и некоторые аспекты политического развития Южной Кореи»[7] и других авторов. Они попытались разобраться в доминирующих тенденциях социально-экономического развития Южной Кореи, степени вмешательства государства в хозяйственную жизнь, характере деятельности государства в социальной сфере. Эти авторы рассматривали во взаимосвязи вопросы стратегии и тактики реформирования. Они показали, что плановый характер преобразований и быстрый темп их

проведения определяли исключительно большую роль органов государственной власти, различных бюрократических звеньев. Такого рода исследования свидетельствовали о том, что авторитарный режим в Южной Корее отражал потребность в ускоренном преодолении ею социально-экономической отсталости и выходе на путь поступательного развития. Но эти работы, естественно, не могли охватить все многообразие проблем модернизации.

На базе интенсивных целенаправленных исследований, проведенных в основном учеными Института востоковедения Академии наук, была создана в 1974 г. двухтомная «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)». Этот труд представляет собой бесспорное достижение своего времени. Глубинные процессы анализируются в нем в их исторической динамике и перспективе. Он вобрал в себя глубокую традицию и многие достоинства изучения Кореи в России. Во втором томе «Истории Кореи», богатом фактическим материалом, достаточно полно отразились степень изученности и уровень понимания проблем общественного развития Южной Кореи, свойственные 1960-м гг. Так, авторитаризм и здесь не рассматривается как целостное явление во всех своих составляющих. Внимание в основном сосредоточено на сфере государственного управления авторитарного типа. С позиции наших дней видна известная ограниченность взглядов на процессы, происходившие в Южной Корее. Но, видимо, для этой ограниченности имелись объективные причины. В реальной действительности Южной Кореи, когда создавался второй том «Истории Кореи», еще не было веских и убедительных доказательств необратимости процесса реформирования.

Хотелось бы отметить одну отличительную черту этого тома. В нем сделан серьезный шаг к тому, чтобы преодолеть существовавший прежде в исследовательской работе разрыв политических, экономических, социокультурных, духовно-нравственных и иных форм жизнедеятельности общества. Специальная глава раскрывает состояние и тенденции развития различных областей культуры Южной Кореи с момента освобождения и до начала 1970-х гг. Российский читатель впервые столь полно был ознакомлен с анализом наиболее значительных проявлений материальной и духовной культуры Южной Кореи, их связи с другими сторонами жизни страны.

Российскую школу корееведения нельзя упрекнуть в том, что она обошла вниманием сферу социальных отношений в

южнокорейском обществе. Ею проанализирована обширная информация о крестьянстве, рабочем классе, монополистической буржуазии. Так, существенные изменения в структуре южнокорейского крестьянства в пореформенный период выявлены в работах И. С. Казакевича «Аграрный вопрос в Южной Корее» (1964) и «Аграрные отношения в Южной Корее 1945–1976» (1980). Положение рабочего класса РК и происходящие в нем социальные процессы обстоятельно показаны в главе «Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи» в коллективном труде «Южная Корея» (авторы главы Г. В. Грязнов, Г. Ф. Ким и Б. В. Синицын), в монографиях Б. В. Синицына «Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи (1945–1959 гг.)» (1961), «Очерки экономики Южной Кореи (1953–1964)» (1967) и др. Рост экономических и политических позиций южнокорейской буржуазии, структурные сдвиги в ее среде прослеживаются в ряде работ по экономике РК, упоминаемых в данной и следующей главах нашей книги.

Однако трансформация всей социальной структуры южнокорейского общества в условиях ускоренной модернизации пока еще не стала объектом самостоятельных исследований. Сложилась уже традиция изучать лишь отдельные социальные общности. Подтвердить эту мысль можно, сославшись на монографию А. А. Бучкина «Социальная эволюция современной Южной Кореи. Капиталистическая модернизация и средние городские слои» (1987). Развитию средних городских слоев, как вытекает из его анализа, способствовало появление новых видов собственности и профессиональной деятельности, покровительственное отношение к ним со стороны аппарата государственного управления, тяга к получению образования, расширение разнообразных контактов Южной Кореи с внешним миром.

Внимание к средним слоям проявлено и как к участникам политического процесса. Показаны усиление социальной мобильности этих слоев, их активная вовлеченность в политическую жизнь, своеобразие электорального поведения. Знания о ценностях и ориентирах средних городских слоев позволяют составить более полную картину относительно их реальной роли в политике, степени их поддержки национального руководства и программ оппозиционных правящей элите политических сил. Можно утверждать, что знания в России о Южной Корее заметно продвинулись вперед благо-

даря вовлечению в предмет исследований такого важного компонента социальной действительности, каким являются средние городские слои.

Российское корееведение несколько обогатилось в последнее время представлениями о главных чертах социальной структуры южнокорейского общества благодаря анализу, предпринятому А. В. Воронцовым в книге «Республика Корея: социально-экономическая структура и торгово-экономические отношения с СНГ» (издание первое в 1997 г., издание второе, исправленное и дополненное, в 1998 г.). Его исследование углубляет наше понимание истоков экономических успехов Южной Кореи, основных характеристик и параметров модели развития и менеджмента, особенностей менталитета и психологического состояния корейских бизнесменов.

Внимание российских востоковедов все более привлекают вопросы современного реформирования Южной Кореи и того полезного, что Россия может извлечь для себя из ее опыта. Именно этим можно объяснить их интерес к анализу общих тенденций развертывающихся там социальных, экономических и политических процессов. В той или иной мере он проявлен в коллективных работах «Республика Корея: становление современного общества» (1996), «На скрещении мировых и локальных закономерностей: Россия, КНР и Республика Корея» (1996) и некоторых других.

Показать основные направления трансформации южнокорейского общества попытались М. Е. Тригубенко и Г. Д. Толорая в «Очерках экономики Республики Корея» (1993). Они подняли важный для их анализа широкий круг вопросов: значение иностранного капитала в развитии производительных сил Южной Кореи, индустриализация и структура промышленного производства, политика государства в аграрном секторе, развитие внешнеэкономических связей и т. д.

В коллективном исследовании «Республика Корея: опыт модернизации» (1996) представлена более или менее полная картина нынешних итогов реформаторской деятельности властей и непосредственного участия в ней народных масс. Путь, избранный Южной Кореей, долгое время не приводил к согласованию демократии в сфере политических отношений и рыночных отношений в экономике. В части существенных черт общественная эволюция России после распада СССР повторяла ряд аспектов общественного развития Южной Кореи.

На наш взгляд, сходство России с Южной Кореей создава-

ли, в частности, следующие устойчивые элементы государственной практики:

- использование силы в политике;
- проведение реформ сверху;
- укрепление государственности путем централизации и концентрации власти;
- активное формирование крупных промышленно-финансовых групп;
- тесные связи с ними бюрократии;
- размытость и неопределенность партийно-политической системы;
- принижение роли парламента и демократических институтов.

В то же время опыт Южной Кореи показывал, что модернизация способна привести к рассогласованию темпов развития внутри различных структур сложной социальной среды. Начала пробивать себе дорогу тенденция к свертыванию авторитарного правления с его куцей демократией. Становилось очевидным, что ход политического процесса имеет две существенно отличающиеся друг от друга стадии — авторитаризма и поставторитаризма. Для России опыт трансформации Южной Кореи важен тем, что указывает на существование принципиальных границ перехода авторитаризма в стадию демократического обновления. Процесс демократизации Республики Корея со всеми его сложностями и противоречиями, его связь с социально-экономическим развитием, изменение форм и методов управления обществом рассмотрены в монографии В. М. Мазурова «От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин)» (1996). Автор выявляет сходство и различия демократизации двух этих стран, в одно и то же время, но по-разному шедших к сходной цели.

Общественно-политическое развитие Республики Корея, переживаемый ею трудный переход от авторитаризма к демократии продолжают изучаться российским корееведением. Важные аспекты этой темы освещены в большой статье А. С. Шина «Утверждение и развитие капитализма в Восточной Азии во второй половине XX века (на примере Южной Кореи)» в сборнике «Проблемы цивилизации и формации: Запад — Восток» (1996). В нее включен очерк политико-правового строительства в Республике Корея в 1961–1987 гг., рассмотрены основные положения ее Конституции 1988 г., отмечены некоторые особенности политико-правового развития республики в первой поло-

вине 1990-х гг. Попытка сопоставительного анализа того, что происходит в этой сфере в двух корейских государствах, предпринята И. О. Горелым в статье «Внутриполитические процессы в Северной и Южной Корее на рубеже 80–90-х гг.», опубликованной в сборнике «Актуальные проблемы Корейского полуострова» (1996).

Среди работ последнего времени выделяется статья А. Т. Иргебаева «О некоторых особенностях развития политической системы и общества Южной Кореи»[8]. Специфику общественного развития Республики Корея автор видит в том, что экономическое процветание намного опережало утверждение в стране демократии. Начало процесса ее демократизации он относит к 1987–1988 гг. Рассмотрев различные ступени и проявления этого процесса на протяжении последующего периода, А. Т. Иргебаев пришел к выводу, что демократический путь развития Республики Корея стал уже необратимым. Вместе с тем он выделил проблемы, которые, по его мнению, еще ждут разрешения и обновления. Это стабилизация власти, переход в партийном строительстве от земляческих и региональных основ к единству и сплоченности на общей идейно-политической базе, расширение внутрипартийной демократии, преодоление регионализма в политической системе, борьба с коррупцией, отказ от жесткого антикоммунизма и антисеверокорейских настроений, препятствующих возникновению партий и организаций левой ориентации и т. д. В том новом, что отличает современную Республику Корея, автор считает наиболее существенными изменения в традиционной системе ценностей, происходящие под воздействием форсированной индустриализации, урбанизации, распространения западной, главным образом американской, культуры. Несмотря на критический подход ко многим сторонам политической жизни, утверждает он, население Республики Корея в целом весьма активно поддерживает курс на дальнейшую всестороннюю демократизацию общества.

Процесс демократизации в Республике Корея привлекает внимание не только корееведов, но и специалистов более широкого профиля. Он обсуждался, например, учеными-международниками на одной из конференций в Москве в сентябре 1997 г. Попытка предложить новые подходы к анализу современных сдвигов в южнокорейском обществе была предпринята в докладе А. Г. Володина «Политическая модернизация на Юге Корейского полуострова: методологические ас-

пекты». Сравнение хода преобразований в двух наших странах, выявление сходства и различий в исходных позициях и накопленном опыте проведено в докладе А. Ю. Мельвиля «Демократизация в России и Республике Корея — возможности и пределы аналогий». Названные доклады и другие выступления на этой конференции ученых по корейской тематике опубликованы в сборнике «Россия и Корея в меняющемся мире» (1997).

Как показано вкратце в этом и других разделах данной книги, современное российское корееведение представляет собой сложное и многомерное явление, имеющее собственную динамику, вехи развития, уровни обобщений. В этой отрасли востоковедного знания достаточно полно представлена и литература по общественно-политической тематике Южной Кореи. Если рассматривать эту литературу с содержательной точки зрения, то мы увидим, что основное место в ней занял анализ конфликта между обществом и государством. Лучше всего нашим авторам удался показ того, как южнокорейское общество проходило через кризисные ситуации.

На этом фоне несколько проигрывает раскрытие главных итогов модернизаторской деятельности. Думается, что российским ученым еще предстоит по-настоящему учесть и осмыслить накопленный Южной Кореей опыт согласования прав и свобод граждан с существованием сильного государства, способного проводить продуктивные социально-экономические преобразования. Модернизация, как свидетельствует этот опыт, охватывает все стороны жизни общества — экономику, духовную жизнь, социальные отношения, ведет к изменениям в политической сфере. Успех модернизации Южной Кореи показывает также прямую ее зависимость от умелого сочетания общемировых тенденций социально-экономического прогресса с самым тщательным учетом присущего каждой стране своеобразия культуры и социальной организации. Российская общественность пока еще слабо информирована о том, что Южная Корея на пути возрождения и процветания избегала шаблонных решений, не учитывающих ее принадлежность к определенному типу цивилизационного развития, особенности духовного склада широких общественных слоев, традиционные системы ценностей. Но в этом, видимо, и будет заключаться одна из главных задач в дальнейшей деятельности российского корееведения.

Республика Корея в составе новых индустриальных стран Азии

Особо следует остановиться на одном из направлений исследований, в котором Южная Корея рассматривается в контексте процессов, характерных и для других новых индустриальных стран (НИС) Азии — Тайваня, Сингапура, Сянгана (Гонконг). Разобраться в природе сложных процессов, протекающих в этой группе стран, включая Южную Корею, пытались многие российские ученые разного профиля[9].

К уяснению феномена НИС эти ученые приступили в период, когда уже были доступны наблюдению положительные усилия реформаторской деятельности, а экономика в целом набрала внушительные темпы поступательного развития. Государство наглядно демонстрировало способность эффективно регулировать главные экономические параметры. Политическое руководство опиралось на тщательно отлаженную и продуктивно работавшую исполнительную власть.

Эта группа ученых улавливала то обстоятельство, что модернизация в НИС получала мощный импульс со стороны развитых в промышленном отношении стран. Подчеркивались осязаемые выгоды от умножения связей НИС с США. Тон в разработке проблематики НИС задавали исследователи, специализировавшиеся на проблемах развивающихся стран. Их внимание концентрировалось на использовании государственной властью ресурсов общества в интересах прорыва в современную эпоху, ухода от изолированности в мировом сообществе, создания недостававших элементов свободного рынка и конкурентной среды, преодоления научно-технической отсталости. Правильно отмечалось, что развитие НИС Азии не может быть надлежащим образом раскрыто в отрыве от интересов США и Японии в Восточно-азиатском регионе. Через работы данной группы исследователей четко проходила мысль о том, что органы власти и управления обладали способностью обеспечить осуществление реформ, затрагивавших все сферы жизнедеятельности общества.

В работах принадлежащих к названной выше группе исследователей И. А. Шин «Новые индустриальные страны Азии. Социально-политические сдвиги и рабочий класс (60–80-е годы)» (1989) и В. А. Сычевой «Труженики четырех «маленьких драконов» (1991) современная южнокорейская действительность занимает большое место. В них обсуждаются вопросы,

касающиеся появления новых и исчезновения прежних социально-профессиональных групп, борьбы части рабочего класса и интеллигенции с правящим режимом и предпринимателями за повышение своего жизненного уровня и улучшение условий труда. Подчеркнуто, что взаимодействие в триаде: правительство — предпринимательские круги — профсоюзы оказывало заметное влияние на состояние производственных отношений, подготовку кадров, проведение социальных мероприятий, осуществление инвестиционных программ.

Вхождение РК в современность, ее приспособление к нуждам индустриального развития показано в исследованиях С. С. Суслиной. Так, в ее монографии «Экспансия иностранного капитала в промышленности Южной Кореи» (1979) показаны влияние иностранного капитала на процессы общественного воспроизводства, основные формы приложения американского, японского и европейского капиталов. Рассмотрено и правовое обеспечение иностранных инвестиций.

В своей монографии «Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х — начало 90-х гг.)» (1997) С. С. Суслина не стала повторять знакомый круг явлений, а сосредоточилась на переходе Южной Кореи в новое — постиндустриальное состояние. Из трудов С. С. Суслиной вытекает, что развитие Южной Кореи представляет собой комбинирование и чередование различных сценариев реформ, механизмов экономического регулирования. Развитие Южной Кореи — прагматическое воплощение методов взаимодействия двух различных систем: хозяйственных порядков, где господствует централизованное государственное регулирование, и закономерностей рыночной экономики. Представляется, что такое сочетание повышает динамизм и надежность реформирования общества. Политическая практика Южной Кореи показывает допустимые варианты модернизаторской деятельности, пределы государственного воздействия на ход экономической трансформации.

С книгой С. С. Суслиной в известной мере перекликается статья видного экономиста В. Д. Андрианова «Роль государства в создании динамичной модели устойчивого развития в Южной Корее» в сборнике «Актуальные проблемы Корейского полуострова» (1996). Статья написана в связи с непрекращающимися в России дискуссиями о соотношении рынка и государственного регулирования, попытками противопоставить эти понятия. Автор исходит из неправомерности такого проти-

вопоставления и обращается к опыту Республики Корея, где, по его мнению, государство играло и играет ведущую роль в экономике, оказывает определяющее воздействие на формирование динамичной модели ее устойчивого развития. На конкретных материалах он показывает этапы и формы политики государственного вмешательства в экономическую жизнь страны и ее связи с остальным миром в торгово-предпринимательской и финансовой сферах, место Республики Корея среди других НИС.

Республика Корея как субъект международных отношений

В исследованиях по корейской проблематике основательно представлены те аспекты активности Республики Корея, которые показывали изменение ее роли и места в системе мировых экономических и политических связей. Особенно интенсивно изучалось взаимодействие Южной Кореи с США — ее главным партнером в военно-политической и торгово-экономической областях. Наиболее полно обсуждались два аспекта: преследование правящими кругами США своих интересов в Азии и прежде всего в Южной Корее, неравенство в партнерских отношениях Вашингтона и Сеула. Достаточно большой массив публикаций детализировал тот или иной аспект этих отношений. Назовем лишь некоторые из них: В. Г. Толстиков «Трагедия Южной Кореи» (1960), В. М. Мазуров «Южная Корея и США (1950–1970 гг.)», В. Д. Тихомиров «Гуамская доктрина» и Южная Корея»[10], Д. Т. Капустин «Южная Корея в дальневосточной политике США»[11] и др.

Тема поиска Сеулом своей долгосрочной внешнеполитической стратегии стала более интенсивно обсуждаться в российских публикациях в связи с нормализацией в 1965 г. японо-южнокорейских межгосударственных отношений. В этих публикациях обсуждались обстоятельства, сопутствовавшие заключению РК и Японией Основного договора, условия и сфера его деятельности. К освещению этого поворота в истории отношений Токио и Сеула подключались профессиональные японоведы — И. И. Василевская, Ю. М. Михайлов, Д. В. Петров[12] и другие.

Важным достижением исследовательской деятельности нашего ведущего корееведа В. И. Шипаева стала его книга «Япония и Южная Корея («помощь развитию» и ее последствия)»

(1981), показ в ней того, как шаг за шагом РК раздвигала границы своего участия в сфере международных отношений. На обширном фактическом материале он вскрыл побудительные мотивы решения южнокорейского правящего режима пойти на нормализацию государственных отношений с Японией, в первую очередь вследствие огромной потребности РК в притоке из-за рубежа капиталов, передовой технологии, навыков управления современными процессами производства.

В следующей своей монографии, «Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства» (1986), В. И. Шипаев показал, что переход от импорториентированной к экспорториентированной экономике усилил стремление Южной Кореи к интеграции в азиатские и мировые структуры. Вместе с тем, он обратил внимание на то, что динамика внешнеполитической деятельности страны во многом зависела от активности государственного аппарата. Без поддержки государства национальные корпорации сталкивались с весьма ограниченными возможностями проводить свои операции на мировом рынке в условиях усиливавшейся там ожесточенной конкуренции.

Источник обострившихся в начале 1990-х гг. внешнеторговых отношений Южной Кореи и Японии, как выявила Н. П. Дмитриевская в книге «Япония и Южная Корея: партнеры и соперники» (1992), заключался в сходстве основной номенклатуры промышленной продукции этих стран.

Внешняя политика Республики Корея, ее взаимоотношения с США и Японией на разных этапах, участие в предпринятых ими международных акциях (в частности, во вьетнамской войне) нашли определенное отражение в коллективном труде «История международных отношений на Дальнем Востоке 1945–1977» (1978). Международное положение Республики Корея показано в ней в противопоставлении с внешней политикой КНДР, которая охарактеризована как исключительно позитивная и конструктивная.

Место РК в военно-политических и экономических интересах США и Японии в Северо-Восточной Азии, этапы проводимого каждой из этих стран с 1945 г. и до конца 1980-х гг. курса в корейских делах, его зависимость от изменений общемировой ситуации, прослеживаются в книге А. В. Ковалева «Политика США и Японии на Корейском полуострове» (1990). Автор пришел к выводу, что эти две страны и РК, преодолевая возникающие разногласия и противоречия, стремятся в будущем к тесной координации своих действий в регионе. Вместе с тем он от-

метил возрастание самостоятельной роли РК в отношениях с США, Японией и другими государствами, чему способствует усиление ее собственного экономического и военного потенциала. Именно поэтому А. В. Ковалев не считает обоснованным присутствие на юге Корейского полуострова американских войск под предлогом явно преувеличенной «угрозы с Севера». С его точки зрения, США и Япония по-прежнему ориентируются на сохранение раскола Кореи.

Наиболее полно геополитический аспект корейской ситуации представлен в исследовании А. В. Воронцова «Треугольник» США — Япония — Южная Корея. Миф или реальность» (1991). В контексте обострения международной обстановки в конце 1970-х — начале 1980-х гг. он проследил развитие неформальных коалиционных связей в рамках трехстороннего сотрудничества США, Японии и Южной Кореи. Автор также высказал мнение о том, что РК, опираясь на эти коалиционные связи, осторожно, но неуклонно прокладывает путь к более независимой своей роли на международной арене.

Политическое руководство РК предприняло также корректировку курса внешнеполитической деятельности в отношении своего могущественного соседа — Китайской Народной Республики. Эту сторону вопроса осветил А. Е. Ширяев в статье «Южная Корея: «северная политика» и экономические связи с КНР»[13].

Взгляд из России на ситуацию в Корее к середине 1990-х гг. явно стал отличаться более широким охватом обсуждаемых проблем. Наглядный тому пример — книга Л. А. Аносовой и Г. С. Матвеевой, которая так и называется: «Южная Корея: взгляд из России» (1994). Проблема экономической модернизации РК увязана в ней с диверсификацией международных экономических связей. Дана широкая панорама отношений РК с США, Японией, Китаем, Россией. Рассмотрены также экономические контакты РК с КНДР. Отметим попутно, что это исследование было переведено на корейский язык и издано в Сеуле.

Надо сказать, что Л. А. Аносова в статье «КНР, Республика Корея и КНДР: геополитические отношения — новый этап»[14] предприняла аналитические усилия, направленные на то, чтобы заглянуть в будущее модели в составе перечисленных государств. Этот «треугольник», обладающий чертами устойчивости, как можно ожидать, еще проявит свои черты и характерные особенности. Не будем игнорировать того обстоятельства,

что данный «треугольник» складывается под воздействием свойственного его участникам соответствующего типа мышления, культуры, психологии. После долгих перипетий и осложнений они, видимо, постепенно придут к вынужденному компромиссу.

Остановимся теперь на работах, которые отразили в российском корееведении конец старой двухполюсной системы международных отношений. Примечательной их чертой стал учет потребности развития отношений Южной Кореи с Россией. В этой области заметную роль сыграли специалисты, знакомые не только с теорией, но и практикой международных отношений — Г. К. Войтоловский, С. А. Дийков, А. Т. Иргебаев, Г. Д. Толорая и другие. Они проявили стремление изучить и оценить возникавшие в мире новые геополитические реалии: процессы в самой Корее и вокруг нее, дезинтеграцию Советского Союза, объединение Германии, социально-политические перемены в Восточной Европе. Одновременно они учитывали начатый в конце 1980-х гг. переход Республики Корея от авторитарной власти к демократически устроенному обществу. И, конечно же, не обошли вниманием то, что сеульская администрация в годы президентства Но Тхэ У проявила способность сравнительно гибко реагировать на происходившие в мире изменения, искала пути нормализации отношений с СССР и другими социалистическими странами.

Изменения в советско-южнокорейских отношениях показали А. Т. Иргебаев и В. И. Осипов в брошюре «Южная Корея» (1990). Их работа в детализированном виде освещает объем и характер контактов, завязавшихся между Южной Кореей и бывшим Советским Союзом еще накануне установления между ними полномасштабных дипломатических отношений. Названы первоначальные шаги по освоению южнокорейскими фирмами российского рынка, нарождавшиеся контакты в области культуры и т. д. Авторы также знакомили российского читателя с тенденциями внутриполитической жизни Южной Кореи.

Советско-южнокорейские неофициальные связи на предшествующих этапах, причины и условия их постепенного нарастания, конкретные обстоятельства принятия высшими инстанциями СССР в 1988 г. решения о начале нормализации отношений с Республикой Корея подробно изложены непосредственным участником событий того времени В. П. Ткаченко в статьях «К истории нормализации отношений с Южной

Кореей» и «Из истории нормализации отношений между Россией и Республикой Корея»[15].

Тема российско-южнокорейских отношений нашла свое продолжение в книгах Г. Д. Толорая «Республика Корея» (1991), Г. Д. Толорая, С. А. Дийкова и Г. К. Войтоловского с тем же названием (1991). Переломный момент в отношениях Южной Кореи и России побудил упомянутых авторов хотя бы вкратце ознакомить российского читателя с историческим прошлым Кореи, ее духовной культурой, традициями и укладом жизни. Главное в этих книгах — возможности делового сотрудничества двух наших стран, необходимость для этого больше и лучше знать друг друга. Авторы проводят мысль о способности южнокорейского общества к быстрому и глубокому восприятию современных ценностей, институтов и структур. В сжатой форме они рассказали о формировании в Республике Корея открытой политической системы, характере происходивших там конституционных изменений, переменах в политическом истеблишменте.

Прояснить вопрос о том, что означает для России объединение Кореи, попытался В. Б. Воронцов в статье «Объединение Кореи и интересы России (уроки истории)»[16]. Он исходил из того, что воссоединение двух частей этой страны не может быть насильственным, а должно базироваться на поэтапном добровольном сближении. Россия может способствовать этому сближению. Но самой России еще предстоит определить, как разумно сочетать свои национально-государственные интересы и потребности единой Кореи.

Эволюция политики Советского Союза, а затем Российской Федерации в отношении Кореи рассмотрена В. Б. Воронцовым и Кам Бен Хи в книге «Россия и Корея (1945–1992)» (1993). Авторы считают, что потенциал взаимоотношений России и Республики Корея огромен, что оба эти государства в состоянии правильно решать проблемы, затрагивающие их интересы. Они рассказывают о разработке развернутой концепции внешней политики Республики Корея в годы президентства Но Тхэ У (1988–1992). Перемены в системе российско-южнокорейских отношений увязаны этими авторами с большими принципиальными изменениями, как в России, так и в Республике Корея. Важный момент качественной смены характера отношений России и Республики Корея описан Л. В. Забровской в книге «Россия и Республика Корея: от конфронтации к сотрудничеству» (1996). Она констатирует мощный

рывок, который был сделан с начала 1990-х гг. в сфере взаимоотношений двух наших стран.

Вместе с тем следует отметить, что российские исследователи не склонны рассматривать будущее отношений России и Республики Корея в ореоле полнейшей безоблачности. Напротив, они видят преграды на пути углубления и развития их партнерства. Отчасти эти преграды коренятся в различиях культур и традиций, в системе ценностей двух стран, а также в недостатке у них информации друг о друге.

Наряду с этим учитывается, что в России и в Южной Корее идут сложные процессы внутренней трансформации, выбора политической элитой необходимой стратегии выживания и развития страны, что неизбежно порождает новые проблемы. В частности, признается, что одним из препятствий к развитию широкого взаимодействия являются внутренние проблемы России — политическая нестабильность, экономический хаос, неспособность властей навести порядок в правилах, регулирующих иностранное предпринимательство и т. д. Так, Е. И. Дробышев в статье «Корейская политика России требует корректировки»[17] показал, что Россия и Республика Корея, вопреки заявлениям их высокопоставленных представителей, оказались не в состоянии действовать в одном направлении и дополнять друг друга. И в самом деле, постепенное разрешение назревших проблем поможет создать более прочный фундамент развития российско-южнокорейских отношений и предотвратить повторение прежних ошибок и недоразумений. Тем более, что в этих отношениях важный компонент составляют экономические связи и расчеты.

В указанном выше ключе продолжается изучение современного международного положения Республики Корея и в особенности ее отношений с Россией. Так, в книге А. В. Торкунова и Е. П. Уфимцева «Корейская проблема: новый взгляд» (1995) анализируются корейская политика США, Китая, Японии, России, их политические и экономические связи с Республикой Корея. Естественно, что значительное место отведено российско-южнокорейским отношениям. Авторы резонно полагают, что для внешней политики Республики Корея приоритетной является ориентация прежде всего на США, а также на Японию. Активно продвигаются вперед ее контакты с Китаем. Что же касается России, то, по их мнению, ей, «озабоченной собственными проблемами (а это хорошо понимают в Сеуле), трудно рассчитывать на то, что она будет в числе

стран, с которыми РК будет иметь особые отношения. Правящие круги Южной Кореи не могут не учитывать внутреннюю слабость России, ее подорванные внешнеполитические позиции, в том числе на Корейском полуострове»[18].

Корейская политика России первых лет после распада СССР подвергается острой критике в научной печати как не отвечающая ее национальным интересам на Корейском полуострове и во всем дальневосточном регионе. Общее мнение здравомыслящей российской общественности на этот счет выразил, в частности, директор Института Дальнего Востока РАН М. Л. Титаренко в статье «Корейский полуостров и безопасность в Северо-Восточной Азии: взгляд из России». «В России считают,— пишет он,— что поддержание нормальных сбалансированных отношений как с КНДР, так и с Республикой Корея будет содействовать укреплению безопасности на полуострове, а в перспективе и осуществлению чаяний всего корейского народа — воссоединению страны. Эти цели прямо отвечают национальным интересам России»[19]. Видный российский ученый выделил возможные, с его точки зрения, новые приоритеты России на Корейском полуострове:

1. Упрочение политической и военной стабильности, недопущение кризисных ситуаций, тем более возникновения вооруженного конфликта в Корее.
2. Поддержание деидеологизированных, нормальных и сбалансированных отношений, налаживание взаимовыгодного экономического и других видов сотрудничества России с КНДР и РК.
3. Содействие конструктивному диалогу и сближению Севера и Юга Кореи, имея в виду перспективу образования единого миролюбивого корейского государства.
4. Поиск взаимопонимания с США, Китаем и Японией с целью нахождения взаимоприемлемого решения международных аспектов корейской проблемы[20].

Современное состояние российско-южнокорейских отношений по разным направлениям, свойственные им трудности и недостатки, возможности их активизации и совершенствования рассматриваются в книгах В. Ф. Ли «Россия и Корея в геополитике евразийского Востока» (2000); В. П. Ткаченко «Корейский полуостров и интересы России» (2000) и статьях Р. В. Савельева «Россия и Корея: формирование новых реальностей и взаимоотношений» (сборник статей «Актуальные проблемы Корейского полуострова») (1996); А. В. Воронцова

«Республика Корея — СНГ. Новые горизонты политического и экономического сотрудничества»; Б. В. Синицына «Перспективы взаимоотношений России и Кореи» и Т. С. Аникиной «Прогноз развития политической ситуации в АТР и перспективы российско-корейских отношений» (сборник материалов конференции «Россия и Корея в меняющемся мире») (1997); С. С. Суслиной «Тенденции в развитии экономических отношений между Россией и Республикой Корея», В. Д. Андрианова «Современное состояние и перспективы развития торгово-экономического сотрудничества России с Республикой Корея», А. В. Воронцова «Российская Федерация и Республика Корея: новые возможности взаимодействия на Корейском полуострове во второй половине 90-х годов» (сборник статей «Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения») (1997) и др.[21]

Приведенный перечень статей свидетельствует об интенсивности изучения корееведением проблем российско-южнокорейских отношений, стремлении российских ученых глубже вникнуть в них, переосмыслить накопленный опыт, выявить новые тенденции и перспективы с учетом изменений, происходящих в мире и двух наших странах.

Завершая данную главу, отметим следующее: все изложенное в ней, как нам кажется, позволяет утверждать, что изучение проблем общественно-политического развития Республики Корея приобрело в современном российском корееведении достаточно прочную основу. Эта проблематика органично включена в общую систему знаний об этом государстве, неуклонно обогащается новыми исследованиями различных взаимосвязанных сторон жизнедеятельности южнокорейского общества[22].

[1] Воронцов В. Б. Корейский вопрос в первые годы войны на Тихом океане.— Краткие сообщения Института народов Азии. 1961, № 5; его же. США и проблема независимости Кореи в период второй мировой войны.— в кн. Против фальсификации истории Востока. М. 1961; его же. Корея в планах США в годы второй мировой войны. М. 1962.

[2] Тавров Г. Корейский вопрос.— Международная жизнь. 1956, № 2, с. 83.

[3] Корея: Север и Юг. М. 1965, с. 3.

[4] Батурин А. Переворот в Южной Корее.— Новое время, 1961, № 22; Мазуров В. М., Синицын Б. В. Южная Корея: год военной диктату-

ры.— Азия и Африка сегодня, 1962, № 4; их же. Южная Корея: хунта остается у власти.— Азия и Африка сегодня, 1963, № 5; Халин Ф. Кризис углубляется.— Международная жизнь, 1963, № 5; его же. Марионеточные режимы — опора США в Азии.— Международная жизнь, 1963, № 7–9 и др.

[5] Проблемы Дальнего Востока, 1990, № 6.

[6] Народы Азии и Африки, 1970, № 6.

[7] Проблемы Дальнего Востока, 1988, № 1.

[8] Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. Часть 1. М. 1997.

[9] Андрианов В. Д. «Новые индустриальные страны» в мировом капиталистическом хозяйстве. М. 1989; Ковалев А. В. «Новые индустриализующиеся страны» Азии в политике США и Японии.— В кн. Проблемы внешней политики капиталистических государств в 80-е годы. Ч. 2. М. 1986; Лаврентьев В. Н. Новые индустриальные страны Азии: перестройка промышленной структуры. М. 1990; Черевко Ю. М., Шевченко Н. Ю. Экономические отношения в «треугольнике» Япония — новые индустриальные экономики Азии — США. М. 1992 и др.

[10] Азия и Африка сегодня, 1972, № 10.

[11] Проблемы Дальнего Востока, 1977, № 4.

[12] Василевская И. И. Японо-южнокорейские отношения.— Краткие сообщения Института народов Азии, 1963, вып. 64; Михайлов Ю. М. Япония — Южная Корея: тенденция развития отношений.— Проблемы Дальнего Востока, 1976, № 4; Петров Д. В. Япония и Южная Корея: сговор за спиной народов.— Мировая экономика и международные отношения, 1965, № 6 и др.

[13] Реформы в КНР: замыслы и реальность. М. 1991.

[14] Проблемы Дальнего Востока, 1995, № 4.

[15] Актуальные проблемы Корейского полуострова. М. 1996; Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения. М. 1997.

[16] Проблемы Дальнего Востока, 1992, № 4.

[17] Проблемы Дальнего Востока, 1996, № 1.

[18] Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Корейская проблема: новый взгляд. М. 1995, с. 192.

[19] Актуальные проблемы Корейского полуострова, с. 202–203.

[20] Там же, с. 203.

[21] По проблемам общественно-политической эволюции РК см. также: Марков В. М. Республика Корея. Традиции и современность в культуре второй половины XX века. Взгляд из России. Владивосток, 1999; Иргебаев А. Т. О начальных этапах политического оппозиционного движения в Южной Корее.— Россия и Корея на пороге нового столетия. М., 1999; Казарьян Р. Л. Отношения государства и крупного бизнеса в Республике Корея.— Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. Ч. 1. М.,

2001; Толстокулаков И. А. Республика Корея: истоки демократической трансформации.— Российское корееведение. Альманах. Вып. второй. М., 2001; Суковицына О. В. Особенности политической культуры Республики Корея.— Корейский полуостров и вызовы XXI века. М., 2003; Ли В. Ф. Тернистый путь к реальной демократии и либеральной экономике.— Полвека без войны и без мира: Корейский полуостров глазами российских ученых. М., 2003.

[22] Последняя работа В. М. Мазурова, увидевшая свет после кончины автора, статья «Республика Корея: проблемы и противоречия современного политического развития» в сборнике «Корея на рубеже веков» М., 2002.

Работы российских ученых по экономике Южной Кореи

Начальный этап изучения экономики Южной Кореи

Первые заслуживающие внимания публикации, посвященные экономическому положению южной части Кореи, относятся к началу 50-х гг. Их было немного и поэтому нетрудно назвать все.

Прежде всего следует упомянуть солидный труд В. Т. Зайчикова «Корея» (1947; второе издание 1951), который содержит экономико-географическую характеристику как северной, так и южной части страны. В нем подробно рассматриваются природно-климатические условия Южной Кореи, демографический фактор, дана оценка состояния промышленности, сельского хозяйства, транспорта, а также характеристика отдельных экономических районов. В 50–60-е гг. эта работа была настольной книгой для каждого студента, преподавателя, научного работника. Хотя книга (второе ее издание) появилась в разгар Корейской войны, автор стремился объективно проанализировать современную ему ситуацию, избегая, по мере возможности, политизированных оценок и выводов.

В начале 50-х гг. вышли в свет две крупные научно-публицистические работы. Первая из них написана И. Кравцовым «Агрессия американского империализма в Корее (1945–1951 гг.)» (1951), автором второй была Е. А. Пигулевская: «Корейский народ в борьбе за независимость и демократию» (1952). При всей запрограммированности оценок ситуации на Севере и на Юге, они явились серьезной попыткой осмыслить ситуацию на Корейском полуострове, в том числе и экономическое положение Южной Кореи. Проблемы экономики Южной Кореи ими затрагиваются попутно, на общем фоне главной темы: борьба корейского народа против агрессии американского империализма, за независимость и демократию. По своему концептуальному подходу, манере подачи

материала, конкретному содержанию обе работы имеют много общего. Их отличают политическая заостренность, критика антинациональной деятельности американской военной администрации и южнокорейских реакционных сил (помещики и компрадоры). Об этом свидетельствует почти полная идентичность названия глав этих монографий, показывающих состояние экономики Юга. У И. Кравцова: «Южная Корея под гнетом американского империализма и корейской реакции», у Е. А. Пигулевской: «Южная Корея под гнетом американского империализма». В обоих случаях подробно описывается хозяйственная разруха, падение промышленного и сельскохозяйственного производства, полное расстройство финансовой системы, тяжелое экономическое положение основной массы населения Юга. Действия американской военной администрации оцениваются исключительно негативно и характеризуются как грабительские, направленные на превращение Южной Кореи в военно-стратегический плацдарм и сырьевой придаток американских монополий.

Сами по себе оценки тяжелого экономического положения на юге страны в годы после освобождения Кореи (1945–1949) в целом вполне достоверны (авторы использовали в качестве источников, главным образом, западную прессу, в том числе американскую). Однако вряд ли было правомерно объяснять все экономические беды исключительно политикой американской военной администрации и их южнокорейских «пособников». Другими словами, объективный, непредвзятый анализ нередко приносился в жертву политическим страстям. Но в те годы иначе быть не могло. Обострилась «холодная» война, проявлением которой явилась война в Корее. Таким образом, в первых работах советских авторов вопросы экономической ситуации на Юге занимали скромное место и рассматривались лишь в контексте общей политической обстановки на Корейском полуострове. Особое внимание уделялось противопоставлению успешных социально-экономических реформ на Севере хозяйственной разрухе на Юге. Названные работы были написаны по горячим следам событий и неизбежно не были свободны от некоторых недостатков. Тем не менее, они явились заметным событием в научной жизни.

Более подробный и глубокий анализ экономической ситуации в Южной Корее требовал накопления материала, свободного от сиюминутных, конъюнктурных оценок. Информационный голод ощущался очень остро. Кроме того, практически

отсутствовали подготовленные кадры исследователей. По этим причинам последующие работы по экономике Юга появились лишь в конце 50-х гг.

В 1958 г. вышел в свет сборник статей «Корея. История и экономика». В одной из статей О. С. Сороко попытался проследить динамику экономического положения Южной Кореи за десятилетие после освобождения страны от колониального ига. При ее написании автор широко использовал материалы прессы КНДР, а также экономического ежегодника за 1955 г., изданного в Сеуле. Статья открывается следующим тезисом: «Южная Корея занимает важное место в агрессивных планах американского империализма на Дальнем Востоке. Превратив ее в колониальный придаток, американцы осуществляют там полный политический и экономический контроль». К сожалению, этот стереотип надолго утвердился в российском корееведении.

В статье много места отведено анализу положения в деревне, сделана попытка подвести итоги земельной реформы. Автор справедливо утверждал, что земельная реформа преследовала определенную политическую цель. Она состояла в том, чтобы в лице крестьянства создать массовую социальную опору южнокорейского режима. По мнению автора, земельная реформа не ликвидировала крепостнические пережитки и арендные отношения в деревне, а процесс обнищания крестьянства и классовая дифференциация усилились. Около 80 % крестьянских дворов, как отмечается в статье, это бедняцкие хозяйства. В то же время укреплялась немногочисленная прослойка зажиточных «кулацких» хозяйств. Крестьяне были задавлены налогами, несли непосильные расходы на приобретение дорогих импортных удобрений, тяжелым бременем на них ложились принудительные государственные закупки зерна, которые шли в основном на содержание огромной армии. По мнению автора, американская политика в Южной Корее вела к разорению сельского хозяйства страны. Американские поставки сельскохозяйственного сырья и удобрений в счет помощи являются источником получения дополнительных прибылей капиталистами США.

Характеризуя американскую помощь в целом, автор утверждал, что она направлялась, главным образом, на развитие отраслей, связанных с военными приготовлениями (строительство стратегических дорог, оборонных предприятий). Он считал также, что ввоз американских товаров в счет помощи тормозил

восстановление и развитие национальной промышленности. В статье содержался подробный анализ состояния отдельных отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности. Автор подчеркивал общее падение промышленного производства, преобладание в нем мелких предприятий, отмечал их низкую техническую оснащенность, массовое банкротство в связи с недоступностью кредита.

В статье рассмотрено также состояние внешней торговли. По мнению автора, структура экспорта и импорта страны имела колониальный характер. Автор обращал внимание читателей на тот факт, что американские товары завозились в Южную Корею по ценам выше мировых на 15 %, а вольфрамовая руда (основная статья южнокорейского экспорта) вывозилась американскими монополиями по ценам ниже мировых на 75 %. Огромный дефицит внешнеторгового баланса усиливал зависимость Южной Кореи от США.

В заключение статьи рассматривался вопрос о снижении жизненного уровня основной массы населения и особенно рабочего класса. В качестве примера приведены данные о том, что в 1957 г. заработная плата рабочих составляла в среднем всего 20–25 % прожиточного минимума. Это результат милитаризации страны, полного расстройства государственных финансов, инфляции — таков вывод автора.

Спустя год, вышла в свет первая тематическая публикация, специально посвященная анализу политической, экономической и идеологической ситуации в Южной Корее: «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958)» (1959). Половина глав этой книги освещала различные вопросы экономического положения. Уместно сказать, что инициаторами и координаторами создания этой коллективной монографии явились ученые Института востоковедения РАН во главе с Г. Ф. Кимом. Они стали первопроходцами изучения экономики Южной Кореи.

В названной работе значительное место отводилось вопросу об установлении контроля американского капитала над экономикой Южной Кореи. Авторы посвященной ему главы (Н. К. Вайнцвайг, Г. И. Найденов, В. И. Шипаев) подробно рассматривали деятельность американской администрации, анализируя ее распоряжения и указы. По их мнению, суть американской политики состояла в том, чтобы на первом этапе, в условиях оккупационного режима, «присвоить» материальные ценности, созданные трудом корейского народа.

В последующем, после создания «марионеточного правительства», возобладали замаскированные формы господства на основе кабальных договоров, предоставления «помощи». Выводы авторов однозначны: это неоколониальная политика, которая ведет Южную Корею к полной зависимости от американского капитала.

В работе довольно подробно рассматривались проблемы промышленного производства и положения рабочего класса (авторы Г. В. Грязнов, Г. Ф. Ким, Б. В. Синицын). Описывая хозяйственную разруху 1945–1956 гг., авторы полагали, что распродажа бывшего японского имущества местной буржуазии позволила американскому капиталу установить над этими объектами полный финансовый контроль. В этом разделе работы обстоятельно анализируются структурные диспропорции в промышленности, тяжелое положение мелких и средних предприятий. Некоторый подъем производства промышленной продукции увязывался в первую очередь с нуждами укрепления обороноспособности страны. В заключение рассматривался жизненный уровень пролетариата, указывалось на его прогрессирующее обнищание, снижение реальной заработной платы. Профессиональные организации рабочего класса охарактеризованы как проправительственные объединения функционеров-бюрократов.

Важное место отводилось в работе вопросам аграрных преобразований. Авторы (И. С. Казакевич, О. С. Сороко) исходили из того, что стимулом земельной реформы в Южной Корее стала безвозмездная передача северокорейскому крестьянству земель помещиков и прояпонских «предателей» в обстановке освободительной борьбы против американских агрессоров. Крестьяне Южной Кореи на практике убедились в том, что существовавшая на Севере народно-демократическая власть несла народу освобождение от эксплуатации и угнетения. Именно поэтому возникла идея аграрной реформы, рассчитанной на создание массовой социальной опоры установленного на Юге политического режима. Результаты аграрной реформы выразились в том, что в деревне усилились тенденции развития капиталистических отношений, которые, переплетаясь с пережитками «феодальных отношений», разоряли мелкое крестьянство и не способствовали развитию производительных сил в сельском хозяйстве, т. е. привели к застою производства продовольствия. Отмечая рост зажиточной прослойки крестьянства, авторы отрицательно оценивали процесс создания сельско-

хозяйственных кооперативов. Последние характеризовались как орудие эксплуатации бедняков со стороны зажиточной верхушки земельных собственников и как механизм централизованного изъятия прибавочного продукта в пользу государства. Механизм изъятия осуществлялся через налоговую политику, которая являлась основной причиной пауперизации деревни.

Еще одна тема, которая рассматривалась в коллективной монографии — состояние государственной финансовой системы и внешней торговли. Основные выводы авторов сводились к тому, что милитаризация Южной Кореи приводила к огромному дефициту государственного бюджета, безудержная инфляция съедала доходы большей части населения, основные направления внешней торговли определялись интересами США, заинтересованных в вывозе стратегических материалов, прежде всего вольфрамовой руды. Заключительный вывод авторов состоял в том, что успешные социально-экономические реформы на Севере являются «мощным стимулом» нового подъема освободительного движения на Юге против американских монополий и южнокорейских реакционных сил.

Итак, в 50-е гг. в работах российских ученых, посвященных экономике Южной Кореи, преобладали изобличительные мотивы. Действия американской администрации, предоставление со стороны США экономической и военной помощи южнокорейским властям оценивались только негативно. Положение в сельском хозяйстве, промышленности, на транспорте, состояние кредитно-денежной сферы и т. п. характеризовалось как полная деградация и безысходность. Объективные причины тяжелого положения экономики Южной Кореи, как правило, замалчивались, в лучшем случае о них упоминалось скороговоркой. Все беды, проистекавшие из-за раскола Кореи, объяснялись только колонизаторской политикой США. В качестве главного доказательства служили хозяйственные успехи КНДР. Между тем, многое зависело от того, что хозяйственные связи Юга с Севером и бывшей метрополией были разорваны и остро встала проблема создания воспроизводственного механизма на отсеченной территории Кореи. Кроме того, Юг переживал тогда трудный период перехода от полуфеодальной экономики к национальной модели капиталистической эволюции.

Первые работы, вследствие нехватки добротного статистического материала, носили не столько аналитический, сколько

обзорный характер. Идеологическую предубежденность, отрицание способности капиталистической экономики в бывших колониальных странах к саморазвитию также вряд ли можно считать их достоинством. Тем не менее, не следует чересчур строго судить об этих ранних публикациях. В основном общая экономическая картина Южной Кореи все же фиксировалась ими вполне достоверно. Надо также иметь в виду, что общественные науки в СССР только начинали освобождаться от стереотипов мышления, связанных с культом личности. К сожалению, этот позитивный процесс развертывался неравномерно и растянулся на долгие годы. Это обстоятельство сказалось и на последующих работах советских авторов.

К началу 60-х гг. наметились основные направления исследовательской работы по экономике Южной Кореи. На первом этапе (60–70-е гг.) усилия ученых сосредотачивались в основном на изучении состояния производительных сил страны, главным образом на вопросах промышленного и сельскохозяйственного производства, положении рабочего класса и крестьянства.

Другое направление исследований — роль иностранного капитала в создании воспроизводственного механизма хозяйственной деятельности в стране, утратившей традиционные экономические отношения с Севером и бывшей метрополией.

Еще одна группа вопросов включала в себя анализ торгово-экономических и научно-технических связей Южной Кореи с зарубежными государствами, главным образом, с США и Японией.

Итоговый результат исследований по указанным темам был изложен в коллективном труде «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)» (т. 2., 1974). Публикация этой работы стала важной вехой в процессе накопления, систематизации и обобщения обширного круга источников и научной литературы о Корее, в том числе о южнокорейской экономике. Названный труд создал солидную базу для последующего углубленного анализа социально-экономической эволюции Южной Кореи.

Необходимость выявления причинно-следственных факторов экономического развития Южной Кореи выдвинулась как насущная потребность. Это было обусловлено, в частности, тем, что т. н. экспортная модель промышленного роста начала приносить ощутимые успехи и Юг по темпам экономического развития и потенциалу производственного аппарата стал обго-

нять Север. В результате оказалось крайне трудно (если вообще возможно) по-прежнему описывать экономическую ситуацию на Юге почти исключительно в негативной тональности. Преодоление идеологических штампов стало предельно актуальной задачей науки. Этот процесс медленно, со скрипом, но начался.

Предметом тщательного изучения явились проблемы экспортной модели индустриализации и интеграции экономики Южной Кореи в мировое капиталистическое разделение труда, ее внешнеторговая экспансия на мировых рынках, выявление сравнительных преимуществ производства ею товаров, конкурирующих с продукцией зарубежного происхождения. Наряду с указанной тематикой большое внимание уделялось вопросам динамики промышленного производства и особенно его структурной перестройки на различных этапах. В поле зрения оставалась также проблематика аграрной эволюции, социального расслоения крестьянства, продовольственного обеспечения страны.

Вместе с тем, в работах советских ученых затрагиваются попутно и такие проблемы, как роль государства в экономическом развитии, соотношение мелкого и крупного производства, формирование финансово-промышленных групп (чэболь) и их роль в экономике, вывоз капитала за рубеж, внешняя задолженность, вопросы оплаты наемного труда, трудовое законодательство, профсоюзное движение и ряд других. Относительно слабо изучены пока проблемы социально-классовой эволюции южнокорейского общества, динамика социально-классовой стратификации и социально-экономические позиции отдельных слоев общества. До сих пор не появилось ни одной специальной работы, где подробно рассматривались бы вопросы финансовой системы и кредитно-денежной политики государства.

Работы советских ученых по экономике Юга носят, как правило, комплексный характер, т. е. наряду с профилирующей, главной темой авторы затрагивают и другие важные вопросы. Например, вопрос о роли иностранного капитала рассматривается почти в каждой работе. Это обстоятельство сильно затрудняет классификацию трудов советских авторов по тематическому принципу. Мы попытаемся сгруппировать опубликованные работы по нескольким основным темам, оговариваясь при этом, что некоторые повторы объективно неизбежны.

Проблемы формирования и эволюции индустриальных производительных сил

В советской научной литературе достаточно подробно прослежен процесс превращения Республики Корея из отсталой аграрной страны в одного из крупных экспортеров промышленной продукции среди развивающихся стран. Работы, опубликованные в 1960-х гг., из-за нехватки материалов освещали вопросы промышленного производства в общем комплексе экономических проблем и носили скорее обзорный, нежели аналитический характер. В них много места отводилось технико-экономической характеристике отдельных отраслей, отмечались уродливая структура промышленного производства, присущие ему диспропорции и несбалансированность, слабость топливно-энергетической базы, низкая техническая оснащенность и т. п. Временные рамки этих ранних публикаций охватывали 50–60-е гг. и совпадали с процессом становления в Южной Корее национального частнокапиталистического предпринимательства, трудностями восстановительного периода и импортозамещающего этапа индустриализации. Само понятие «индустриализация» еще не употреблялось. Ввиду крайне тяжелого положения промышленного производства считалось, что в лучшем случае Южная Корея после его восстановления и стабилизации может рассчитывать лишь на простую диверсификацию.

Начало исследований по этой тематике положила монография Б. В. Синицына «Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи (1945–1959)» (1961). В этой работе автор попытался проанализировать последствия разрыва хозяйственных связей с Севером для экономики Юга в целом и для промышленности в частности. В книге дана характеристика отраслевой структуры промышленного производства. Автор полагал, что к началу 60-х гг. аграрно-сырьевой характер южнокорейской экономики не претерпел существенных изменений. Им была дана также оценка позиций государственных предприятий в промышленном производстве. По сложившейся традиции, невозможно было обойти вопрос об «истинном характере» американской помощи.

Работа завершалась анализом положения рабочего класса: его численность, структура, условия труда, уровень жизни, трудовое законодательство. Постоянное увеличение продолжительности рабочей недели, отставание роста заработной

платы от прожиточного минимума, безработица обусловили тяжелое положение южнокорейского пролетариата.

По мере накопления фактического материала открывались возможности для более точного, всестороннего и объективного анализа социально-экономической эволюции РК.

В более поздней работе Б. В. Синицына «Очерки экономики Южной Кореи (1953–1984)» (1967) дается развернутая характеристика экономики Юга. Рассматриваются динамика отраслевой структуры валового национального продукта (ВНП), отраслевое размещение трудовых ресурсов, темпы роста ВНП, соотношение внутренних и внешних источников валовых капиталовложений, состояние государственных финансов, роль налогов в бюджетном финансировании, источники покрытия дефицита государственного бюджета, структура расходов последнего, особенности внешнеторгового и платежного баланса страны.

В работе детально прослеживается динамика структурных изменений в промышленном производстве, анализируется состояние и объем выпуска продукции отдельных отраслей. Автор рассматривает также процесс концентрации и централизации капитала, рост крупного предпринимательства и формирования южнокорейских монополистических объединений (чэболь), раскрывает специфику функционирования мелких и средних предприятий. В этой связи автор касается вопросов, связанных с формированием государственного сектора, государственным регулированием, которое, в частности, способствовало становлению местного развитого частнокапиталистического предпринимательства, возникновению крупных финансово-промышленных групп с целью максимального ускорения темпов экономического развития.

Общий вывод автора состоит в том, что в 60-х гг. процесс экономического восстановления был успешно завершен, и РК вступила в этап медленного, но устойчивого экономического роста. Этого удалось достичь во многом за счет иностранных субсидий и займов, что усилило экономическую зависимость Юга от империалистических государств (главным образом, США и Японии).

В 50–60-х гг. большое значение придавалось исследованиям, показывавшим превосходство экономики Севера над экономикой Юга. Эта тема, в частности, раскрывалась в работе Г. В. Грязнова, И. С. Казакевича и Б. В. Синицына «Сравнительный анализ характера экономического развития Северной

и Южной Кореи», опубликованной в «Специальном бюллетене» Института востоковедения АН СССР в 1969 г. Такая форма публикаций «закрытого» характера поощрялась тогда в целях более объективного анализа ситуации. Выводы авторов состояли в том, что по макроэкономическим показателям роста (главным образом на примере промышленного и сельскохозяйственного производства) Север превосходил Юг. Для конца 60-х и вплоть до середины 70-х гг. это утверждение соответствовало фактическому положению вещей.

Наиболее характерные черты социально-экономической эволюции Юга в течение 50-х–60-х гг., когда южнокорейская экономика стала приобретать аграрно-индустриальный характер, были освещены Б. В. Синицыным в уже упоминавшемся коллективном труде «История Кореи». Автор уделил особое внимание тенденциям государственного предпринимательства и государственного регулирования, проследил историю возникновения наиболее крупных монополистических объединений, а также социальное происхождение их руководителей.

Исследование проблем индустриального роста РК было позднее продолжено в работах С. С. Суслиной. В книге «Экспансия иностранного капитала в промышленности Южной Кореи» (1979) собственно состоянию промышленного производства отведено менее одной трети общего объема. Автор, в основном, рассматривает эволюцию отраслевых изменений в обрабатывающей промышленности, а также в топливно-энергетическом комплексе (зарождение атомной энергетики). Вывод автора сводится к тому, что южнокорейская промышленность не вполне еще избавилась от однобокой структуры, унаследованной от колониального прошлого, и находится на стадии простой диверсификации. Хотя работа издана в 1979 г., изложение в ней ограничивается серединой 60-х гг., в некоторых случаях — началом 70-х гг.

Весьма обстоятельный анализ процесса индустриализации на Юге содержится в работе А. А. Прошина и А. А. Тимонина «Неоколониализм США и Южная Корея» (1985). Авторы рассматривают экономическую политику сеульского режима, решение им проблем капиталонакопления, делая акцент на внешние источники, подробно описывают особенности развития капитализма в стране. Фиксируя быстрые темпы роста промышленного производства, отмечая заметные сдвиги в создании тяжелой промышленности, они критически оценивали эти достижения, которые, несомненно, вели к усилению зави-

симости РК от иностранных партнеров и не свидетельствовали о ее продвижении к экономической самостоятельности. Усиление зависимости происходило вследствие увеличения импорта сырья и оборудования. В работе подчеркивалось, что экспортная модель промышленного роста приносила успех в первую очередь благодаря высокому качеству и низкой стоимости рабочей силы, т. е. нещадной эксплуатации рабочего класса.

Проблема усиления зависимости южнокорейского промышленного производства от иностранного капитала в этой книге, как и в других, является профилирующей. В частности, авторы пытаются показать ее на примере технологической несостоятельности местного производственного аппарата. Авторы обращают внимание на то, что форсированный экономический рост привел в РК к серьезным структурным изменениям в социально-экономических отношениях и, прежде всего, к быстрому укреплению крупного частнохозяйственного предпринимательства, что способствовало возникновению монополистических тенденций.

В книге С. С. Суслиной «Промышленность Южной Кореи (экономическое развитие и социальные последствия)» (1988) прослеживаются различные этапы индустриального роста на протяжении 60–70-х гг., дается характеристика особенностей импортзамещающей и экспорториентированной моделей промышленного развития РК. В ходе индустриализации происходили заметные изменения в структуре производства, занятости, в соотношении мелкого и крупного предпринимательства. Отчетливо обозначился переход от трудоинтенсивной к капиталоемкой фазе промышленного роста. Опережающими темпами развивались отрасли тяжелой промышленности, особенно машиностроение, значительно возросла роль нефтехимии.

Много места в работе отведено государственным финансам РК, государственному регулированию экономики. Государственная поддержка оказалась решающей в укреплении национальных монополистических объединений. По мнению автора, в Южной Корее уже сложился государственно-монополистический капитализм. Индустриализация способствовала также становлению национального военно-промышленного комплекса. В целом экономика Южной Кореи носит дуалистический характер, т. е. в ее структуре сосуществуют традиционный и современный сектора. Ведущую роль играет современный сектор. Чем активнее этот сектор осваивает процесс технологических преобразований, тем сильнее влияние на его

развитие со стороны транснациональных корпораций. Автор полагает, что контроль центров мирового капитализма над переходом освободившихся стран к интенсивным методам развития обеспечивает условия для эксплуатации этих стран в новых формах «технологического колониализма».

Индустриализация Южной Кореи, успешно реализовавшей экспортную модель промышленного роста, анализируется также в работе М. Е. Тригубенко и Г. Д. Толорая «Очерки экономики Республики Корея» (1993). Авторы отмечают, что в мировой экономической литературе опыт Южной Кореи считается классическим примером поэтапной индустриализации за счет создания экспортных производств, более тесно связанных с мировым рынком, чем с внутренним. Успешная реализация экспортной модели была обусловлена рядом факторов. Прежде всего, это верный выбор структурной политики: постепенный переход от создания трудоемких отраслей, генерировавших накопление за счет экспорта, к созданию базовых отраслей и наукоемких, высокотехнологичных производств. Далее, привлечение иностранного капитала обеспечило высокий технологический уровень экспортного сектора и непосредственное его включение в систему международных экономических связей.

Усилия частного сектора всемерно стимулировалось государством, которое взяло на себя создание промышленной и социальной инфраструктуры. Южная Корея располагала обильными трудовыми ресурсами. В сжатые сроки рабочая сила получила достаточную общеобразовательную и профессиональную подготовку. Авторы анализируют динамику темпов роста валового национального продукта, промышленного производства, характеризуют степень развития отдельных отраслей, указывают на появление новых производств, в том числе автомобилестроения, машиностроения, судостроения и т. д. И, наконец, в работе дается краткая характеристика основных финансово-промышленных групп, прогнозируется повышение роли мелкого и среднего бизнеса при усилении государственной поддержки в условиях ослабления прямого административного регулирования.

Названная монография двух видных российских ученых является первым солидным исследованием, в котором объективно, без идеологических штампов, рассматриваются основные тенденции эволюции южнокорейской экономики.

В том же ключе написана книга Л. А. Аносовой и Г. С. Матвеевой «Южная Корея. Взгляд из России» (1994). Ее авторы

также подчеркивают, что южнокорейская экономическая модель приобрела международное значение, поскольку ее реализация позволила стране в сжатые исторические сроки совершить прорыв от отсталости к прогрессу. В работе рассматривается опыт планирования хозяйственного развития РК на макроэкономическом уровне в сочетании со стимулированием механизма рыночной саморегуляции. Авторы считают, что «процветание» южнокорейского общества было обусловлено верно выбранной стратегией развития — органическим сочетанием политики индустриализации и экспортной ориентации национального хозяйства. В этой связи особо отмечена огромная роль государственного регулирования экономического развития, что позволяло с наименьшими потерями адаптироваться к изменчивой международной конъюнктуре.

Авторы выделяют три этапа индустриализации в РК: подъем традиционных отраслей (сельское хозяйство, текстильное производство), создание новых производств (отрасли тяжелой и химической промышленности), переход к производству технологически наукоемкой продукции, более конкурентоспособной на внешних рынках.

В работе исследуется отраслевая структура промышленности, рассматривается проблема создания производственной инфраструктуры. Большое внимание уделено анализу кризисных явлений в экономике, с которыми страна столкнулась на рубеже 80–90-х гг. Причины их возникновения авторы усматривают в происшедшем тогда снижении конкурентоспособности южнокорейской продукции, все еще низком ее технологическим уровне, в усилении торгового соперничества со стороны стран ЮВА, в экономическом спаде в развитых индустриальных странах. На этом фоне рассматривается комплекс мероприятий правительства РК, направленных на преодоление экономических сбоев. Это финансовая реформа (ослабление контроля государства над банковским сектором и распределением кредитов), увеличение инвестиций в высокие технологии, государственная поддержка мелкого и среднего бизнеса, либерализация рынка ценных бумаг, стимулирование иностранных капиталов и т. д.

Авторы приходят к выводу, что в Республике Корея создана своеобразная, хорошо развитая рыночная экономика. Однако она еще не приобрела черт социально ориентированной модели и, следовательно, ее формирование далеко не завершено. В работе делается попытка оценить возможности использова-

ния южнокорейского опыта индустриализации для России. По мнению авторов, целесообразность использования этого опыта в условиях России, за редким исключением (государственное регулирование), весьма сомнительна.

В работе затрагиваются также вопросы научно-технического прогресса (НТП) в экономике РК. На основе целого ряда статистических данных, характеризующих НТП, делается вывод, что в этой области страна еще сильно отстает от передовых индустриальных держав.

В начале 90-х гг. темпы роста экономики Юга существенно замедлились. Обозначилась тенденция к их корректировке в различных отраслях, остро встала проблема технического обновления производственного аппарата. Этому аспекту экономической эволюции страны посвящена статья С. С. Суслиной в сборнике «Республика Корея: опыт модернизации» (1996)[1].

Проблемы эволюции индустриальных производительных сил РК рассматриваются в монографии С. С. Суслиной «Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х — начало 90-х гг.)» (1997). Автор отмечает важную роль государства в формировании и реализации стратегии промышленного развития страны, подробно анализирует экспортную ориентацию индустриализации.

Еще одна важная тема работы — структурная перестройка экономики РК в конце 80-х — начале 90-х гг. В этой связи прослеживается динамика изменений в отраслевой структуре промышленности, ее влияние на экспортную товарную номенклатуру, отмечается быстрый темп производства электроники. Много места отведено вопросам технологической модернизации промышленности. Автор дает оценку современного уровня развития науки и технологии страны, приводит данные об основных научных центрах, рассматривает вопросы импорта технологий, анализирует государственные программы научно-исследовательских работ, их финансирование, роль частного капитала в технологическом обновлении промышленности, уровень технологической модернизации ведущих отраслей.

Хотя работа перенасыщена фактическим материалом, заявленная в названии тема «постиндустриальная стадия развития» не была полностью раскрыта. Под влиянием эйфории, возникшей вследствие быстрого индустриального роста РК, вне поля зрения автора оказались суть и последствия участившихся в ней циклических кризисов 90-х гг. Отсюда и пере-

оценка перспектив динамики экономического развития. Финансово-экономический кризис 1997 г. обнаружил существенные дефекты в политике южнокорейской экономической элиты. Этот кризис лишний раз обозначил, что экономика страны находится лишь на пороге постиндустриальной стадии развития.

Особенные (национальные) черты «восточной модели капитализма» рассмотрены в специальном разделе монографического обобщающего коллективного труда «Капитализм на Востоке во второй половине XX века» (1995). В этой объемной книге содержится, в частности, глава, посвященная вопросам модернизации экономики Южной Кореи в 60-х–80-х гг., написанная Б. В. Синицыным[2]. По мнению автора, модернизация и сопутствующая ей социально-экономическая трансформация Южной Кореи в 60-е — 80-е годы рельефно обнаруживает типологические характеристики модели так называемых новых индустриальных стран, возникновение и эволюция которой наглядно свидетельствует об ускорении неравномерности развития бывшей колониальной периферии. В работе рассматриваются причины и следствия смены модели промышленного подъема, т. н. поворота от импортзамещения к экспортной ориентации рыночно ориентированной индустриализации. Этот поворот был нацелен на создание конкурентоспособного механизма экономического роста «открытой экономики» путем всемерного расширения участия в международном капиталистическом разделении труда. Автор отслеживает процесс перехода от трудоинтенсивного к капиталоемкому производству, становление отраслей тяжелой промышленности в ходе т. н. вторичного импортзамещения. Подчеркиваются характерные черты южнокорейского капитализма: его дробность, мозаичность, многоукладность, что выражается в сосуществовании мелкотоварного, мелкокапиталистического укладов наряду с местным развитым частнокапиталистическим предпринимательством и его верхушкой — национальными монополистическими объединениями крупного капитала, которые стали главными рычагами продвижения южнокорейской промышленной продукции на внешние рынки.

В вышеуказанном коллективном труде в главе, принадлежащей перу видного востоковеда В. Г. Растянникова, освещаются вопросы научно-технической революции в развивающихся странах[3]. В специальном разделе анализируются изменения в технологических параметрах отраслевой фабрично-заводской

системы на примере электронной промышленности. Большое внимание в этом разделе уделяется становлению и развитию производства полупроводников в Южной Корее. Обстоятельное исследование этой темы, основанное на добротном фактическом материале, позволяет автору сделать вывод о том, что «...крупнейший капитал Южной Кореи постепенно выходит на роль «равноправного партнера» крупных электронных монополий промышленно развитых стран во внутриотраслевом международном разделении труда». Южнокорейская фабрика способна выдержать самую острую конкуренцию не только в производстве бытовой электроники, но и в области высокотехнологичной базисной продукции электронной промышленности. Такой рывок стал возможен вследствие специфичности предпринимательской практики.

Во-первых, местные монополии, используя протекционистский щит государства, ломают ценовые пропорции на внутреннем рынке, обирая «своего» потребителя. Во-вторых, в Южной Корее внедрение наукоемких технологий вызвало не сокращение, а, наоборот, увеличение продолжительности рабочей недели. Этим путем местный крупный бизнес стремится повышать норму эксплуатации рабочей силы. Автор приводит тому убедительные примеры.

Своеобразный краткий очерк экономического развития Южной Кореи в 60-х–90-х гг. содержится в статье А. С. Шина, опубликованной в сборнике «Проблемы цивилизации и формации: Запад — Восток» (1996)[4]. В ней представлен весь спектр социально-экономической модернизации Юга: рассматривается содержание пятилетних планов развития, составленных сеульской администрацией, подчеркивается важная роль государственного регулирования, рост экспортных отраслей производства. Прослеживается процесс укрепления позиций национальной буржуазии и ее элитной верхушки — монополистической прослойки. Отмечена важная роль иностранного капитала, а также вывоза южнокорейского капитала за рубеж.

Автор уделяет также внимание проблемам модернизации сельского хозяйства в рамках т. н. движения за новую деревню, выделяя процессы производственного кооперирования, механизации, укрупнения индивидуальных хозяйств. Далее он подробно анализирует экономическую политику администрации РК в 1993–1995 гг., которая концентрированно нашла свое отражение в курсе на создание «новой экономики», как составной части всеобъемлющего плана строительства «новой Кореи».

Итак, в исследованиях, посвященных эволюции индустриальных производственных сил РК, авторы главное внимание уделяли стратегии экспортной ориентации промышленного роста, государственному регулированию хозяйственной жизни, технико-экономическим аспектам индустриализации, отраслевой перестройке промышленности, внедрению передовой технологии.

В меньшей степени затрагивались такие важные вопросы как социальные результаты индустриализации и социальная дифференциация общества.

Сельскохозяйственное производство и аграрные отношения

В 60-е гг. в научных кругах оживленно дискутировался вопрос о характере земельной реформы в Южной Корее и ее социально-экономических последствиях. Многие ученые полагали, что земельная реформа была вынужденной мерой южнокорейских властей, осуществленной по указке американцев в целях раскола крестьянского движения и создания в деревне массовой социальной опоры в лице парцеллярного крестьянства. Однако реформа была проведена исключительно в интересах помещиков и не облегчила положение мелких землевладельцев. Многие из этих утверждений были справедливы, соответствовали действительному положению вещей. Вместе с тем, в работах, опубликованных по горячим следам в середине 60-х гг., были допущены досадные промахи. Во многом это было обусловлено нехваткой информации, поступление которой значительно отставало от текущих событий. К тому же зачастую материалы черпались из исследований ученых КНДР, объективность которых была не безупречной. Первоначально И. С. Казакевич в работе «Аграрный вопрос в Южной Корее» (1964) утверждал, что реформа ликвидировала только крупное помещичье землевладение, а мелкий и средний помещик в деревне сохранился, постепенно становясь на капиталистический путь развития. Автор полагал, что в руках помещичье-кулацкой верхушки концентрируется земельная собственность, а за этим неминуемо последует концентрация сельскохозяйственного производства. В доказательство существования помещика приводились данные об аренде земли, продолжавшейся несмотря на законодательный запрет. Автор многократно цитировал книгу южнокорейского социолога Ли

Ман Гапа «Социальная структура корейской деревни», изданную в 1960 г. К началу 70-х гг. аграрные отношения в Южной Корее окончательно устоялись, основные тенденции эволюции деревни проявились достаточно отчетливо.

В монографии «Аграрные отношения в Южной Корее (1945–1976)» (1980), которая написана на основе официальных публикаций, И. С. Казакевич корректирует и уточняет свою позицию. Он прямо пишет, что бытующие до настоящего времени (1980 г.) в востоковедной литературе выражения «помещик», «господство помещиков», «помещичий гнет», «реформа была выгодна помещикам» и т. д. не соответствуют реальному положению вещей. Аграрная реформа уничтожила основной феодальный пережиток — помещичье землевладение. Мелких помещиков, оставшихся в деревне, называют таковыми в силу привычки, не замечая, что они трансформировались в сельских предпринимателей, применяют в основном наемную рабочую силу, налаживают рыночное хозяйство.

В работах И. С. Казакевича всесторонне показана динамика роста сельскохозяйственного производства в различных его отраслях, затрагиваются вопросы «зеленой революции» и в этой связи намечены благоприятные перспективы увеличения сбора в РК зерновых культур. В поле зрения автора находятся также постепенное улучшение технического оснащения сельскохозяйственного производства, обеспечение деревни химическими удобрениями и ядохимикатами. Автор стремился подробно проанализировать экономическое положение различных групп крестьянских хозяйств, рассматривал проблемы задолженности, налогообложения, кредитования и т. п.

Много места в работах И. С. Казакевича по сельскому хозяйству отведено государственной политике в деревне. Рассматриваются поэтапные изменения в ценовой политике, механизм формирования закупочных и розничных цен, причины и результаты создания сельскохозяйственных кооперативов.

Особое внимание уделено «движению за новую деревню», начатому по инициативе президента Пак Чон Хи. Автор сосредотачивает внимание не столько на результатах этого движения (к моменту сдачи его рукописи в печать оно еще только разворачивалось), сколько на анализе сравнительно крупных проектов. В работе утверждалось, что соответствующие мероприятия проводятся под контролем властей, которые стремятся установить или уже установили в деревне свой полный экономический и политический контроль.

Современное состояние сельскохозяйственного производства освещено также в уже упоминавшейся работе М. Е. Тригубенко и Г. Д. Торорая. Они подчеркивали, что Южной Корее удалось добиться самообеспечения рисом, повысить урожайность до уровня Японии и Тайваня. Вместе с тем потребности импорта продовольственного и фуражного зерна сохраняются. Вывод авторов состоит в том, что индустриализация страны не ликвидировала диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. Она стала одним из самых уязвимых мест экспортной стратегии.

К такому же выводу приходят Л. А. Аносова и Г. С. Матвеева в исследовании, которое упомянуто выше. Большое внимание они уделяют государственной политике в области сельского хозяйства, подчеркивая, что последнее стало одним из источников накоплений, направленных на нужды индустриализации.

Аграрные отношения и продовольственная проблема рассматриваются также в статье Б. В. Синицына «Стратегия социально-экономической модернизации Республики Корея (60–80-е гг.)». Автор отмечает возрастание производительности труда в крестьянских хозяйствах, достижение страной самообеспечения рисом. Подчеркивается, что относительное отставание аграрного сектора не позволяет полностью удовлетворить спрос и поэтому нехватку продовольствия (пшеница) и фуражного зерна страна покрывает за счет импорта, оплачивая его увеличением экспорта готовых промышленных изделий. В результате показатели общего уровня потребления в Южной Корее даже несколько превосходят стандарты развитых государств Восточной Азии — Японии, Гонконга, Сингапура, хотя заметно уступают им в потреблении белковых компонентов.

В заключение этого раздела следует признать, что проблемы южнокорейской деревни, и особенно эволюция производственных отношений требуют дальнейшего углубленного изучения.

Роль иностранного капитала в экономике Южной Кореи

Одна из основных тем, которая постоянно находилась в поле зрения советских авторов, связана с оценкой значения иностранного капитала для экономики Южной Кореи и его воздействия на динамику социальной и политической ситуации в стране. Эту тему в разные годы разрабатывали такие авторы, как Б. В. Синицын, С. С. Суслина, В. И. Шипаев, Г. Д. Торорая.

В 1960-е гг. эти вопросы подробно были рассмотрены в работах Б. В. Синицына[5]. Как известно, в это десятилетие приток внешних ресурсов в экономику осуществлялся преимущественно в виде американских безвозмездных субсидий, а также по линии международных организаций. Автор подробно рассматривает организационную структуру, объем, а также товарную номенклатуру помощи. Один из его ключевых тезисов состоял в том, что американские дары не следует рассматривать как безвозмездные, т. к. в обмен на субсидии Южная Корея вынуждена была взять на себя ряд кабальных обязательств политического, экономического и военного характера. В частности, американская администрация получила право контролировать целевое распределение помощи, а также ее конкретное наполнение. Кроме того, Южная Корея взяла на себя обязательство развивать экономику в интересах «коллективной обороны», отказывалась от каких-либо экономических связей с социалистическими странами. Следовательно, экспансия американского империализма под флагом помощи вела к усилению американского влияния и неоколониальной зависимости от американских монополий. Негативное отношение к американской помощи выражалось даже в том, что само слово помощь обязательно заключалось в кавычки. Кстати, эти кавычки сохранились вплоть до конца 80-х гг.

Критика американской помощи велась по следующим основным направлениям. Она предоставлялась прежде всего в целях укрепления военно-стратегических позиций США на Корейском полуострове и поэтому была тесно связана с милитаризацией страны. За счет т. н. эквивалентного фонда (сумма в национальной валюте, равнозначная полученной помощи) финансировался военный бюджет РК. Поскольку эквивалентный фонд создавался за счет эмиссии денежной массы, постоянно росла инфляция. Основная часть помощи состояла из поставок потребительских товаров, сырья, топлива и, следовательно, не способствовала наращиванию производственных мощностей южнокорейской промышленности. Более того, сбыт лежалых американских товаров на внутреннем рынке тормозил восстановление местного производства. На экономической помощи наживались американские монополии, которые поставляли товары по монопольным, а не мировым ценам. Южная Корея несла значительные потери вследствие того, что была обязана закупать товары в счет помощи только в США и перевозить их только на американских судах. Строительство

отдельных промышленных предприятий растягивалось на неоправданно длительные сроки. Предоставление помощи облегчало американскому правительству осуществление жесткого внешнеторгового и валютного контроля. Основная часть помощи попадала в руки крупных предпринимателей в ущерб мелкому и среднему бизнесу, что вело к нарастанию и обострению социально-экономических противоречий в обществе. Помощь стала источником коррупции бюрократической верхушки южнокорейских властей, она широко использовалась также для поддержки политических фаворитов. Поставки американского зерна по Закону 480 сбивали цены на внутреннем рынке, что сдерживало рост сельскохозяйственного производства и способствовало обнищанию крестьянства.

Разумеется, в процессе реализации американской помощи действительно имелись серьезные издержки и недостатки, но внимание читателя сосредотачивалось на этом обстоятельстве в ущерб взвешенному анализу. Роль и значение американской помощи всемерно принижались, преобладали оценки, носящие во многом конъюнктурный, однобокий, идеологический характер.

Интерпретация последствий поставок зерна из США —наглядный тому пример. Вышеупомянутый Закон 480 предусматривал создание специального продовольственного эквивалентного фонда в объеме, равном стоимости зерна. Средства этого фонда расходовались на нужды американского военного контингента, дислоцированного на юге Корейского полуострова. Поставки продовольственного зерна давали возможность правительству РК осуществлять политику низких цен на продовольствие в целях снабжения городского населения в пределах необходимого минимума. В свою очередь, такая политика позволяла удерживать заработную плату лиц наемного труда на низком уровне, сдерживать инфляцию и перекачивать часть прибавочного продукта, создаваемого в сельском хозяйстве, на нужды восстановления экономики и промышленного развития. Таким образом, суть проблемы состояла не в поставках зерна, как таковых, а в целенаправленной политике сеульской администрации.

Правда, в работе Б. В. Синицына «Очерки экономики Южной Кореи (1953–1964)» (1967) была предпринята попытка более взвешенно и объективно оценить значение помощи. В частности, автор указывал на то, что она явилась существенным фактором восстановления и стабилизации экономики РК, спо-

собствовала укреплению и развитию частного предпринимательства, создала предпосылки для перехода к привлечению иностранного капитала на коммерческой основе. В работах Б. В. Синицына исследуются также вопросы привлечения государственных и иностранных займов из-за рубежа, условия их реализации, раскрываются причины слабого притока частных прямых инвестиций. Анализ этих проблем уже был почти свободен от конъюнктурно-публицистических оценок.

Роли иностранного капитала в экономике РК посвящена монография С. С. Суслиной «Экспансия иностранного капитала в промышленности Южной Кореи» (1979). В работе на основе солидного фактического материала рассматриваются основные этапы проникновения в РК иностранного капитала, различные формы его поступления и географическое происхождение (США, Япония, Западная Европа). По времени монография охватывает период, начиная с момента освобождения страны от колониального гнета и кончая серединой 70-х гг.

Автор исходит из того, что политика «безвозмездной помощи» наиболее полно соответствовала военно-политическим планам США в Южной Корее. Сущность американской политики состояла в том, чтобы на базе некоторой стабилизации экономики создать в Южной Корее широкую социальную опору для укрепления «реакционного проамериканского режима». После Корейской войны 1950–1953 гг. американские субсидии, ранее носившие потребительский характер, приобрели производственную направленность. Они способствовали восстановлению промышленности, позволили южнокорейской буржуазии обновить часть основного капитала. Однако восстановление экономики не означало создания производственного комплекса, способного ликвидировать последствия разрыва экономических связей с Севером и бывшей метрополией. В 60-е гг. начался второй этап экспансии иностранного капитала. В первой половине 60-х гг. наметился переход к более интенсивной экономической эксплуатации РК на основе политики «коллективного неоколониализма». Автор имел ввиду, что именно в этот период началось широкое и активное проникновение в экономику страны монополистического капитала из США, Японии, Западной Европы в виде государственных и частных займов, а также прямых частных инвестиций. Экспорт государственного капитала США на коммерческой основе способствовал росту здесь производительных сил, подготовил почву для прибыльного вложения капитала

в других формах, «заложил материальную базу коллективного неоколониализма».

Экспортная стратегия индустриализации активизировала подключение Южной Кореи к системе мирохозяйственных связей. В промышленности образовались два крупных сектора — современный экспортный сектор и более отсталый сектор, работающий на внутренний рынок. Автор полагает, что Южная Корея, втягиваясь в систему неэквивалентного обмена, вынуждена терять часть своего прибавочного продукта. Кроме того, часть прибавочного продукта изымается иностранными монополиями в виде прибыли на инвестированный капитал.

Расширение многообразных связей с иностранным капиталом способствует росту в РК производительных сил, но в то же время воспроизводит и углубляет зависимость ее экономики от мирового капиталистического хозяйства, углубляет структурные диспропорции в промышленности. Приток иностранного капитала ускорил концентрацию и централизацию производства и капитала. В результате в Южной Корее «укрепилась социальная опора империализма в лице крупной буржуазии, усилились монополистические тенденции».

Нормализация японо-южнокорейских отношений в середине 60-х гг. и налаживание экономического сотрудничества с Японией сыграли важную роль в развитии экономики Южной Кореи. Естественно, что это обстоятельство не могло выпасть из поля зрения ученых-корееведов. Вопросы экономического взаимодействия двух стран затрагивались в работах, перечисленных выше. Однако первая специальная публикация, всесторонне прослеживающая различные этапы и формы их сотрудничества появилась только в начале 80-х гг. Это книга В. И. Шипаева «Япония и Южная Корея («помощь развитию» и ее последствия)» (1981). Внимание читателей сразу привлекла многоплановость этого труда, насыщенность фактическим материалом, комплексный подход к исследуемой теме. В книге анализируются различные аспекты экономического сотрудничества Японии с Южной Кореей. Особое внимание уделяется воздействию «помощи развитию» на экономику РК, а также на политические взаимоотношения между двумя соседями. Автор подробно анализирует причины обострения противоречий между южнокорейской буржуазией и японским монополистическим капиталом.

Для сближения Японии и Южной Кореи существовали объективные и субъективные предпосылки. В 50–60-х гг. южно-

корейская экономика переживала тяжелые времена. Японская же экономика развивалась динамично и монополии приступили к широкой зарубежной экспансии. Южная Корея рассматривалась японскими монополистическими кругами как выгодная сфера приложения капитала, рынок сбыта промышленной продукции и технологий. Материальная поддержка сеульского режима могла содействовать укреплению его экономического, а также военного потенциала. Таким образом, по японским представлениям, укреплялась «передовая линия обороны» по 38-й параллели. И в Японии, и в Южной Корее существовали влиятельные силы, которые активно выступали за экономическое сотрудничество двух стран. Эти силы опирались также на поддержку США, которые, исходя из своих стратегических соображений, стимулировали процесс нормализации их отношений.

На первом этапе (1965–1973 гг.) сотрудничество соседей развивалось стремительно и относительно гладко. Японские займы и кредиты по своему объему вышли на второе место после финансовых средств, полученных РК из США за 10 с лишним лет. Во многом благодаря японским капиталам Южная Корея сумела преодолеть отсталость экономики и выйти на рубежи «средней развитости» в ряду других освободившихся государств. В рамках делового сотрудничества укрепились позиции южнокорейской буржуазии, особенно прослойки крупного современного бизнеса. Условия, на которых предоставлялись японские займы и кредиты, были намного выгоднее, чем условия других индустриально развитых стран, а также международных финансовых организаций. Автор отмечает и негативные, по его мнению, явления проникновения в РК японского капитала: увеличение ее внешней задолженности, повышение степени зависимости, возникновение диспропорций и несбалансированности в развитии различных отраслей.

В работе рассматриваются и другие формы привлечения японского капитала. Детально анализируются динамика и отраслевое направление прямых частных инвестиций японских монополий. Обращено внимание на то, что Япония по объему прямых капиталовложений сразу же заняла доминирующее положение в РК. Важное место в экономическом сотрудничестве двух стран отводилось приобретению японской технологии, доля которой составляла в середине 70-х гг. 70 %. Однако, получаемая из Японии технология была признана южнокорейскими специалистами отсталой и устаревшей. Другими

словами, Япония держала Южную Корею на «технологическом крючке». Это обстоятельство и послужило одной из причин возникновения трений и противоречий в их экономическом сотрудничестве. Примерно с середины 70-х гг. японские монополистические круги стали проявлять серьезную озабоченность по поводу стремительного индустриального роста Южной Кореи, быстрого увеличения ее экспортного потенциала. Младший партнер грозил вырасти в сильного конкурента на мировом рынке. Поэтому Япония начала предпринимать попытки затормозить приток капитала в южнокорейскую экономику. Обострились также внешнеторговые отношения. Южная Корея имела хронический дефицит в торговле со своим соседом, но японская сторона не только не желала устранять тарифные и нетарифные барьеры на пути южнокорейских товаров на японский рынок, но и сознательно ужесточала условия торговли. Анализируя социально-экономические последствия проникновения японского капитала в Южную Корею, автор отмечает укрепление там позиций крупного капитала, обострение противоречий с мелким и средним бизнесом, рост коррупции, сращивание крупного бизнеса с правительственным аппаратом.

Анализ проблем японо-южнокорейского сотрудничества был продолжен в работе Н. П. Дмитриевской «Япония и Южная Корея. Партнеры и соперники» (1992). Эта работа носит многоплановый характер. Как указывает автор, ее задача состояла в том, чтобы осветить данную проблематику с политологической точки зрения.

После нормализации японо-южнокорейских отношений экономические контакты быстро развивались на основе широкого притока японской помощи, капиталов и технологии. Эти внешние ресурсы сыграли заметную роль в развитии экономики Юга в противоположность американской помощи, которая «уходила в песок», т. к. состояла в основном из потребительских товаров. В этой связи Н. П. Дмитриевская приводит высказывания японских критиков об американской помощи.

Начиная со второй половины 60-х гг. южнокорейская экономика стала вбирать в себя многие черты японской модели, хотя имели место и различия. В частности, Южная Корея тратила огромные суммы на военные нужды, чего не делала Япония. Южная Корея взяла на вооружение японский стиль и методы управления экономикой, прежде всего государственное регулирование, но еще более жесткое, чем в Японии. В качест-

ве примера описываются методы «административного руководства», которое осуществлялось правительством РК путем неформальных контактов с предпринимателями. Отличие от Японии состояло и в том, что в Японии быстрый экономический рост происходил благодаря стабильному внутреннему спросу, тогда как в Южной Корее подъем экономики обеспечивался развитием экспортного сектора.

Экономическое взаимодействие с Японией и заимствование ее опыта позволили Южной Корее добиться серьезных экономических успехов. Однако, по мере развития экономических контактов, стали выявляться разногласия и противоречия. Это выразилось в усилении зависимости Южной Кореи от японских поставок оборудования, технологии, промышленного сырья. Японские займы увеличивали внешнюю задолженность РК. Опасаясь конкуренции, Япония передавала ей устаревшую технологию, ставила барьеры на пути южнокорейского экспорта и беспрепятственно ввозила в Южную Корею те виды продукции, в сбыте которых была заинтересована Япония. Автор приходит к выводу, что в 60–70-е гг. японо-южнокорейские экономические отношения носили неравноправный характер, несмотря на официальные заявления японской стороны о равноправном партнерстве.

Особенно обострились отношения на рубеже 70–80-х гг., когда Япония приняла решение прекратить оказание РК экономической помощи по государственным каналам. Как следствие, произошел спад деловой активности во взаимоотношениях двух стран, который к тому же развернулся на фоне энергетического кризиса. Стороны вступили в полосу затяжных переговоров, требуя взаимных уступок. Южная Корея особенно настаивала на предоставлении ей льготных кредитов и устранении барьеров на пути ее экспортной продукции с целью сокращения торгового дефицита. Японская сторона видела иные пути устранения или, по крайней мере, смягчения противоречий. По ее мнению, Южная Корея была обязана сократить импорт из Японии, стимулируя собственное производство деталей, узлов, машинного оборудования. Дело в том, что, по утверждению японских экономистов, в 80-е гг. на каждый миллиард долларов экспортной продукции Южной Кореи приходилось 400–500 млн. импортных поставок из Японии. Увеличение экспорта в Японию предполагалось достичь за счет продукции, которая не будет конкурировать на японском рынке. Наконец, Япония считала, что расширение сотрудничества

произойдет путем увеличения экспорта товаров, необходимых друг другу и третьим странам. В конечном счете удалось достичь компромиссных решений и экономические взаимоотношения стали улучшаться. Однако в конце 80-х гг. положение Южной Кореи осложнилось вследствие увеличения заработной платы и невысокого качества продукции, что значительно понизило конкурентоспособность ее экспорта.

В работе рассматриваются также вопросы обострения конкурентной борьбы двух стран на внешних рынках, особенно монополий, передачи научно-технических знаний. Комплексный анализ указанных проблем приводит автора к выводу о том, что, несмотря на противоречия и трудности, Южная Корея постепенно освобождается от пут неравноправного партнерства в ее экономическом сотрудничестве с Японией, все отчетливее проявляются черты взаимодополняемости и взаимозависимости.

В начале 90-х гг. произошел давно назревший прорыв в оценке советскими учеными роли и значения иностранного капитала в развитии экономики Республики Корея. Примером тому может служить уже упоминавшаяся работа М. Е. Тригубенко, Г. Д. Толорая «Очерки экономики Республики Корея» (1993). Авторы решительно отказались в ней от традиционных идеологических ярлыков, применявшихся по отношению к иностранной финансовой помощи, таких как «неоколониализм», «закабаление», «зависимость» и т. п. В работе справедливо отмечается, что привлечение иностранного капитала в действительности приводит к углублению хозяйственной взаимозависимости с мировым хозяйством. Но это естественная и не слишком дорогая цена за то, чтобы вырваться из нищеты, осуществить структурную перестройку всей экономики, адаптироваться к современному витку научно-технической революции, создать цивилизованные условия для основной массы населения.

Авторы разделяют также мнение западных ученых о том, что Южная Корея является классическим примером рационального использования иностранного капитала для своего экономического развития. Иностранный капитал сыграл важную роль в восполнении дефицита внутренних накоплений, финансировании капиталовложений в создание современной производственной базы, в привлечении современной технологии и организационного опыта, в подключении к системе международной кооперации с участием транснациональных кор-

пораций. Иностранный капитал, прежде всего американский, стал важнейшим источником формирования капиталовложений, хотя его доля неуклонно снижалась по мере роста внутренних сбережений и во второй половине 80-х гг. необходимость в его привлечении для финансирования инвестиционного процесса окончательно отпала. Начиная с 1986 г. страна коренным образом изменилась. Внешние финансовые связи впервые из фактора роста совокупных инвестиционных ресурсов превратились в канал абсолютного оттока средств. Таким образом, изменились функции иностранного капитала. Он все больше теряет роль средства финансирования развития и сохраняет значение лишь как важнейший канал привлечения иностранной технологии. Это свидетельство экономической зрелости экономики РК. Подводя итоги, авторы ссылаются на работы южнокорейских специалистов, согласно которым среднегодовые темпы экономического роста в 1962–82 гг. без притока иностранного капитала составили бы всего 4,9 %, а не 8 %, как было на практике.

Далее в работе рассматриваются условия и целевое назначение государственных и частных займов, их страновое происхождение, создание максимально благоприятного климата для прямых частных инвестиций из-за рубежа, формирование экспортных промышленных зон. В числе других проблем в работе затрагивается и вопрос о внешней задолженности. Отмечается, что рост экспортных и других доходов из-за благоприятной конъюнктуры позволил начать сокращение абсолютного объема внешнего долга. Одновременно быстро росли зарубежные авуары. Вследствие этого чистая задолженность к началу 80-х гг. была сведена к минимуму. Если в первой половине 80-х гг. норма обслуживания внешнего долга составляла около 20 %, то к концу десятилетия понизилась до 11 %. Южная Корея сумела эффективно распорядиться внешними ресурсами и, наращивая производственные мощности, была в состоянии без излишнего напряжения расплатиться с долгами.

Республика Корея в системе мирового капиталистического хозяйства

Процесс интенсивной интеграции южнокорейской экономики в систему международного разделения труда не мог не обратить на себя внимания ученых. Многие авторы так или иначе касались этого вопроса, но первое солидное исследова-

ние было опубликовано только во второй половине 80-х гг. В своем капитальном труде «Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства» (1989) В. И. Шипаев детально рассматривает пятилетние планы экономического развития РК, выявляет причины смены модели индустриализации, оценивает плюсы и минусы экспортной стратегии. При всем динамизме экономического роста в промышленности возникли два сектора с разным уровнем технологической оснащенности и производственными мощностями — экспортный (современный) и традиционный (работающий на внутренний рынок). Слабое взаимодействие двух секторов усиливало диспропорции промышленного производства и постоянно служит источником хозяйственных противоречий между крупным и мелким производством. Пытаясь сгладить противоречия, государство оказывало поддержку мелкому бизнесу, но главная его задача состояла в стимулировании крупносерийного экспортного производства.

В работе подробно показаны различные этапы и формы привлечения иностранного капитала, источники его поступления, условия заимствования технологий. Автор детально прослеживает внешнеторговые связи страны. Рассматриваются организационная структура внешнеторговых организаций, структура и география экспорта и импорта, торговые отношения с Японией, странами Запада, развивающимися государствами. В работе охарактеризована таможенная политика Южной Кореи, роль тарифных барьеров в процессе реализации национальной политики протекционизма. Одновременно показаны нарастающие противоречия с основными торговыми партнерами, особенно с США и Японией. Особое внимание в работе уделяется сравнительно новым явлениям в экономической жизни Южной Кореи — экспорту рабочей силы, строительных услуг и капитала. Автор рассматривает мотивы этих экспортных операций, пытается оценить их значение для экономического роста и приходит к выводу, что они отражают определенную степень зрелости южнокорейского капитализма.

В более широком плане проблемы интеграции новоиндустриальных стран в мировое хозяйство затронуты в работе В. Д. Андрианова «Новые индустриальные страны в мировом капиталистическим хозяйстве» (1989). На примере Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура автор обосновывает экономические закономерности возникновения новоиндустриальных стран, прослеживает роль внешнеэкономических связей в

воспроизводственном процессе, показывает его место на мировом рынке промышленной продукции, анализирует основные факторы конкурентоспособности, характер торгово-экономических противоречий с развитыми странами Запада, процессы адаптации, проблемы погашения внешней задолженности и некоторые другие вопросы.

Перу вышеупомянутого автора принадлежит солидный труд «Россия в мировой экономике. Учебник для вузов» (1998). Эта работа интересна для востоковеда тем, что в ней отслеживаются рейтинги как индустриально развитых, так и развивающихся стран, в том числе Южной Кореи, по широкому спектру экономических показателей. Это рейтинги стран по размеру валового внутреннего продукта (ВВП), в целом и в расчете на душу населения, уровню производительности труда в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве, удельному весу расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки в ВВП, численности рабочей силы, индексу условий торговли, уровню конкурентоспособности, развитию банковской системы, уровню инфляции, бюрократизации государственной власти, коррумпированности госаппарата и т. д.

В работе рассматривается также феномен «новоиндустриальности» с позиций системного анализа. Приводится краткая характеристика южнокорейских монополистических конгломератов.

Значимость этого труда для специалистов заключается в том, что приведенные данные позволяют объективно оценить встроенность экономики Южной Кореи в международное капиталистическое разделение труда и стадию ее экономического развития. Вывод автора однозначен: Южная Корея пока лишь на пороге постиндустриального этапа.

Проблемы социально-классовой эволюции, условия труда, уровень материального благосостояния

Относительно слабо в советской, российской научной литературе изучены вопросы социально-классовой эволюции РК, процесс формирования в ней новых социальных слоев, их экономическое положение, качество и уровень жизни.

Прежде всего, внимание исследователей привлекло положение лиц наемного труда, что вполне объяснимо ввиду капиталистической ориентации Южной Кореи. Первая попытка в этой

области была предпринята Б. В. Синицыным в ранее названной работе «Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи (1945–1959)». Автор выявляет структуру занятости в горнодобывающей, обрабатывающей, строительной промышленности, а также в сфере транспорта и связи. Подчеркивается преобладание занятости в отраслях второго подразделения, высокая степень эксплуатации женского и детского труда. Отмечено, что в 50-е гг. образовательный уровень фабрично-заводских рабочих был крайне низок. Сделан вывод о стремлении работодателей к увеличению абсолютной прибавочной стоимости путем интенсификации труда и увеличения продолжительности рабочей недели, что является основным методом эксплуатации южнокорейского пролетариата. Далее в работе проводится сравнение уровня потребительских цен и заработной платы, которое свидетельствует о существенном отставании последней. В заключение рассматривается «драконовское трудовое законодательство» и появление «желтой» Лиги Труда, как формального зарождения рабочих профсоюзов.

Перечисленные тем же автором вопросы были освещены и в «Очерках экономики Южной Кореи (1953–1964)» (1967) на основе более богатого, чем в предыдущей книге, фактического материала. Кроме того, здесь приведены данные о забастовочном движении южнокорейского пролетариата и о его борьбе против «реакционных профсоюзов».

Экономическое положение работников наемного труда рассмотрено также в монографиях И. А. Шин «Новые индустриальные страны Азии (социально-политические сдвиги и рабочий класс)» (1989), В. А. Сычовой «Труженики четырех «маленьких драконов» (1991). Указанные работы интересны тем, что в них предпринята попытка сравнительного анализа социальных проблем в РК и сходных с ней странах. Прослеживаются сдвиги в отраслевой структуре занятости наемного труда, отмечено разбухание сферы услуг. Указывая на чрезмерную продолжительность рабочей недели, авторы анализируют причины высоких темпов роста производительности труда и реальной заработной платы.

Социальная эволюция южнокорейской деревни подробно рассмотрена в упомянутых выше работах И. С. Казакевича, Л. А. Аносовой и Г. С. Матвеевой, а также Б. В. Синицына.

Первый комплексный анализ социальной эволюции южнокорейского общества был осуществлен в ранее названном труде А. А. Прошина и А. А. Тимонина «Неоколониализм США и

Южная Корея» (1987). В этой многоплановой работе авторы исходят из того, что индустриализация объективно не могла не вызвать появления и роста различных новых социальных слоев. В книге рассматривается политика властей РК, направленная на сдерживание социального расслоения крестьянства, повышение значимости лиц наемного труда, укрепление позиций крупного бизнеса. Другими словами, капиталистическое развитие страны неизбежно вело к социально-классовому расслоению «антагонистичного характера».

Публикацией статьи А. А. Бучкина в сборнике «Дальний Восток и Юго-Восточная Азия. История, экономика, культура» (1984) было положено начало изучению роли социокультурных факторов в социально-экономической эволюции южнокорейского общества[6]. По мнению ее автора, существуют две противоположные тенденции: с одной стороны, в ходе модернизации различных социальных слоев такие факторы, как религия, семейно-родственные, земляческие связи постепенно ослабевают, с другой — власти стремятся их законсервировать.

Проблемы изменений в классовой структуре РК обстоятельно рассмотрены в монографии А. А. Бучкина «Социальная эволюция Южной Кореи: капиталистическая модернизация и формирование среднего класса» (1987). В ней показано, как в ходе капиталистической модернизации производительных сил происходила интенсивная диверсификация промышленного производства, появлялись новые современные отрасли и их ответвления. В ходе этого процесса возникала потребность в новых профессиях и специальностях. Социальная структура общества становилась поэтому более дробной, мозаичней, разнообразней. Значительно выросли ряды научно-технической интеллигенции, лиц свободных профессий, служащих низшего звена (клерки, лаборанты, машинистки и т. п.). Эти социальные слои наряду с мелкокапиталистическими производителями товаров и услуг, с некоторой долей условности, можно отнести к среднему классу. Формирование относительно устойчивого среднего класса, увеличение его численности примерно до 40 % экономически активного населения, укрепление его позиций в обществе и повышение жизненного уровня являются одним из важнейших достижений южнокорейского общества. Не ограничиваясь констатацией этого факта, автор стремится показать долю доходов различных социальных страт в национальном масштабе. Основываясь на показателях

т. н. коэффициента Джини, автор приходит к выводу о том, что в Южной Корее разрыв в доходах высшей и низшей групп населения (соответственно 20 %) не так велик, как в других развивающихся странах, а также по сравнению с США.

Попытка обобщить процесс социально-классовой эволюции южнокорейского общества была предпринята Б. В. Синицыным в сборнике «Республика Корея: опыт модернизации» (1996)[7]. Основные выводы автора сводятся к следующему.

Индустриализация в РК сопровождалась глубокими сдвигами не только в структуре производства, но и занятости. В частности, это выразилось в бурной урбанизации, в результате которой значительная часть трудовых ресурсов переключилась на современные виды несельскохозяйственной деятельности, т. е. отрасли с более высокой производительностью труда.

Первая особенность индустриализации заключалась в том, что темпы прироста промышленной занятости в Южной Корее, в отличие от других бывших колониальных стран, значительно опережали соответствующие показатели урбанизации.

Другая особенность состояла в том, что занятость в современном городском секторе росла быстрее, чем в традиционном. Таким образом, значительная масса рабочей силы опережающими темпами вовлекалась прежде всего в сферу развитого частнокапиталистического предпринимательства.

Наконец, в ходе индустриализации происходили синхронные сдвиги как в производственной, так и в социальной структуре страны, что убедительно свидетельствует о стадийной зрелости промышленного переворота.

Экономическое взаимодействие Республики Корея и Российской Федерации

В 90-е гг. появились первые работы российских ученых, посвященные состоянию и перспективам российско-южнокорейских экономических отношений. Так, в упоминавшейся выше работе М. Е. Тригубенко и Г. Д. Толорая была предпринята попытка непредвзято, без эйфории оценить первые шаги экономического сотрудничества, основные его трудности и ближайшую перспективу. Быстрые темпы развития сотрудничества на начальном этапе были связаны с его экстенсивным характером, но такие возможности были довольно быстро исчерпаны. Уже в 1990 г. в советско-южнокорейской торговле образовался дисбаланс ввоза и вывоза. Доля непокрытых товарных поста-

вок из Южной Кореи достигла почти одной трети, что явилось тревожным сигналом. Однако необходимый запас прочности все же имеется, необходимо искать пути его реализации. С российской стороны это сырьевые ресурсы, дешевая рабочая сила, емкий внутренний рынок, высокие технологии, научный потенциал. С южнокорейской стороны — финансовый капитал, избыток экспортных товаров, которые сталкиваются с жесткой конкуренцией со стороны других стран региона. Авторы анализируют товарную структуру экспорта-импорта и полагают, что наиболее конкурентоспособными являются предложения южнокорейских фирм по поставке текстильных, трикотажных изделий, спортивной обуви, бытовой электротехнической и электронной аппаратуры. Для России весьма выгодно было бы импортировать технологические линии для производства потребительских товаров, а в перспективе — продукции автомобилестроения, средств связи и информатики.

В работе отмечается, что в области совместного предпринимательства и производственной кооперации достижения еще невелики. Весьма перспективным направлением сотрудничества является участие южнокорейских фирм в создании в России инфраструктуры международного туризма и бизнеса. Первые шаги в области научно-технического сотрудничества также весьма перспективны, особенно при конверсии российских оборонных предприятий. Авторы считают, что прорыв в наиболее важной сфере сотрудничества — инвестиционно-технологической может быть осуществлен только при финансовой и организационной поддержке правительств обеих стран.

Важным событием в научной жизни явилось опубликование в 1992 г. совместной работы корейских, российских и американских ученых «Economic Reform and Political Changes in Russia. Implication for Korean — Russian Relations by R. E. Ericson and In-Sung Lee. Seoul, 1992 («Экономическая реформа и политические перемены в России. Значение для корейско-российских отношений»). В этой совместной многоплановой работе затрагиваются вопросы экономических взаимоотношений Республики Корея и России. Один из авторов, Н. А. Симония, утверждает, что при отсутствии прочной законодательной базы и государственных гарантий российские радикальные демократы (команда Гайдара) потенциально могут нанести вред российско-корейским отношениям, если позволить российским бизнесменам новой волны бесконтрольно

орудовать на внешних рынках. Он полагает также, что для успешного экономического и политического сотрудничества двух стран предпочтительней всего утверждение в России авторитарного парламентаризма и смешанной экономики. Показательно, что ни один из авторов не прельщает южнокорейскую сторону российским экономическим «пирогом». Особенно сдержан в оценках американский ученый Р. Эриксон. Он предупреждает, что необходимое условие реализации потенциальных возможностей российско-корейского сотрудничества — это конвертируемость рубля и открытость экономики.

Наиболее полно, на основе богатого фактического материала проблемы экономического взаимодействия РФ и РК проанализировала Л. В. Забровская в монографии «Россия и Республика Корея: от конфронтации к сотрудничеству (1970–1990-е гг.)» (1996).

В работе подробно рассматриваются вопросы торгово-экономических отношений между двумя странами до и после установления дипломатических отношений. Автор констатирует, что объем торговли между РФ и РК быстро возрастал, но все же доля этого товарооборота во внешнеэкономических операциях и РК, и РФ не превышает 1–2 %. Отмечается, что российский экспорт в РК носит в основном сырьевой характер, а импорт из РК — это, главным образом, товары широкого потребления. Автор критикует недальновидную политику российских властей, у которых нет продуманной внешнеэкономической стратегии, что, в частности, выразилось в манипулировании таможенными правилами. Хотя российское сырье продается по ценам ниже мировых, российским экспортерам не удалось закрепить за собой определенную нишу на южнокорейском рынке. Причина в том, что РК, закупая в РФ сырье, значительную его часть реэкспортирует.

Л. В. Забровская рассматривает также вопросы южнокорейских инвестиций в РФ и приходит к выводу, что небольшой их объем обусловлен политической нестабильностью в РФ, частой сменой там уровня налогообложения, неразумным завышением ставок налогов, слаборазвитой инфраструктурой на местах, бюрократической волокитой. Доверие инвесторов подрывается тем, что Россия не может выплатить задолженность по южнокорейским займам.

Автор пытается дать оценку известного международного проекта «Туманган». Россия преследует в нем прежде всего экономические и финансовые цели, Южная Корея заинтересо-

вана в этом проекте, главным образом, по политическим мотивам, так как получает возможность сотрудничать в его рамках с КНДР, т. е. проникнуть в северную часть Корейского полуострова. По мнению автора, этот проект выгоден в первую очередь Китаю, открывая выход его северным провинциям к Японскому морю. Единственная страна, которая имеет средства для инвестиций,— это Япония, но она относится к проекту весьма прохладно. Противоречия, различия в подходах к реализации проекта очень остры и их преодоление займет продолжительный отрезок времени.

Вопросы экономической политики РК в отношении стран СНГ обстоятельно изложены в книге А. В. Воронцова «Республика Корея: социально-экономическая структура и торгово-экономические отношения с СНГ» (1997, второе издание 1999). Вначале дается краткая характеристика ведущих торгово-промышленных конгломератов — чэболь, затем генеральных торговых компаний, рассматривая их как главные рычаги продвижения экспортной продукции на внешние рынки. В работе анализируется «новая экономическая политика», осуществлявшаяся администрацией президента Ким Ён Сама, суть которой заключалась в ослаблении государственного контроля над экономикой, финансовой реформе (наделение финансовых институтов большей самостоятельностью, установление более справедливой налоговой системы), в реорганизации и сокращении административного управленческого аппарата. Автор подробно излагает изменения в торговой политике РК в соответствии с принципами Всемирной торговой организации, сообщает о либерализации условий для прямых иностранных инвестиций, льготах для иностранных инвесторов, программе прямых южнокорейских инвестиций за рубежом.

В работе рассматриваются особенности хозяйственной практики южнокорейских деловых кругов, проведен сравнительный анализ систем управления деловой фирмой в РК, Японии и США с указанием преимуществ и недостатков той или другой системы. Автор полагает, что южнокорейская система управления ближе к японской, но имеет существенные отличия от нее.

Наконец, в работе содержится конкретный материал, который характеризует экономическую деятельность РК в России и других странах СНГ — Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, Украине.

Материалы научно-практических конференций

Во второй половине 90-х гг. вопросы взаимодействия РК с Россией и странами СНГ заняли заметное место на нескольких симпозиумах и научных конференциях, посвященных различным аспектам политики, культуры и истории Кореи.

С сентября 1994 г. по ноябрь 1995 г. в Москве состоялись три международных семинара, проведенных под патронажем Международного центра корееведения МГУ и южнокорейского Фонда международного обмена (Korea Foundation). Доклады, прозвучавшие на этих семинарах, были затем опубликованы в сборнике «Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения» (1997).

Среди них, в соответствии с темой данного обзора, целесообразно выделить пространный доклад В. Д. Андрианова «Современное состояние и перспективы развития торгово-экономического сотрудничества России с Республикой Корея». В нем приведен обширный статистический материал, который дает всестороннее представление об экономическом взаимодействии РФ и РК. Автор показывает динамику российско-южнокорейской торговли, характеризует ее товарную номенклатуру, отмечает положительное сальдо для России в экспортно-импортных операциях с РК. По его мнению, торговля с РК является для РФ неэффективной, т. к. цены на ее экспортную продукцию занижаются, а на импортную — завышаются. Подчеркивается также, что львиная доля товарооборота приходится на семь крупных корпораций — чэболь. Анализируя данные об объемах и сферах взаимных капиталовложений, автор приходит к выводу о несоответствии инвестиционного сотрудничества РК и РФ его потенциальным возможностям.

Важным направлением экономического взаимодействия для РК является научно-техническое сотрудничество, т. к. у нее пока еще не создана современная развитая база фундаментальных исследований. Однако удельный вес российских поставок новых технологических разработок в общем объеме таких поставок в РК из-за рубежа пока невелик. Автор указывает, что доступ южнокорейских фирм к новейшим технологиям в России могут облегчить и ускорить промышленная кооперация и создание совместных производств, особенно в области конверсии российских оборонных предприятий. В докладе рассмотрены наиболее перспективные направления двустороннего сотрудничества, перечислены крупномасштабные проек-

ты — разработка лесных ресурсов на Дальнем Востоке России, строительство газопровода, создание свободной экономической зоны в г. Находка и т. д.

Материалы международной российско-корейской конференции «Мирное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и проблемы объединения на Корейском полуострове», состоявшейся в марте 1995 г. в Москве, включают сообщение С. С. Суслиной о промышленном развитии РК в начале 90-х годов[8]. В нем прослеживается роль государственного вмешательства в деловую жизнь, что в 90-х гг. стало уже вступать в противоречия со стратегией создания открытой конкурентоспособной экономической модели. Далее характеризуется состояние наиболее продвинутых отраслей промышленности РК (электроника), освещены вопросы технологического импорта. В. А. Тен в своем докладе сосредотачивается на проблеме экономического соревнования КНДР и РК[9]. Основываясь на большом фактическом материале, автор утверждает, что с начала 60-х гг. экономическое развитие обеих частей Кореи стало складываться не в пользу КНДР.

В сборнике статей «Актуальные проблемы Корейского полуострова» (1996) В. Д. Андрианов анализирует роль государства в создании «динамичной модели устойчивого развития Южной Кореи»[10]. Рассматриваются ключевые вопросы: экономическое планирование, поддержка государством, а фактически взращивание крупных финансово-промышленных групп, как главных рычагов продвижения южнокорейской продукции на внешние рынки; внешнеэкономическая стратегия (импортзамещение и экспортная ориентация); стимулирование научно-технического прогресса; соотношение государственного регулирования и механизмов саморегуляции.

В статье Г. Я. Левченко[11] рассматривается внешнеэкономическая деятельность России на Корейском полуострове. Автор дает сравнительную характеристику динамики торговли и инвестиционного взаимодействия между КНДР и РФ, а также между РФ и РК.

В декабре 1996 г. под эгидой Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН состоялась научная конференция на тему: «Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи». Ее материалы изданы в 1997 г. в двух частях.

С. С. Суслина выступила на конференции с докладом «Проблемы социальной защиты населения в единой Корее». По ее

мнению, сближение Севера и Юга, стран с различной системой социально-классового и политического устройства, произойдет в первую очередь «не иначе как на едином поле системы социальной защиты». Именно в этой области заложены общечеловеческие ценности, обладающие той притягательной силой, которая направит в одно русло развитие социализма на Севере и капитализма на Юге. Далее ею рассмотрены конкретные факты социальной защиты населения в КНДР и РК.

Л. А. Аносова в докладе «Конфликтная ситуация на Корейском полуострове и ее влияние на экономическое развитие Южной и Северной Кореи» анализирует темпы роста военных расходов, вопросы импорта вооружений. Военные расходы в абсолютных цифрах в Южной Корее выше, чем в Северной, но в обоих случаях эти затраты ложатся тяжелым бременем на экономику. Подводя итоги, автор утверждает, что в КНДР хозяйственное строительство в значительной степени подчинено задачам создания оборонного комплекса, а в РК задачи ускорения темпов экономического роста относительно сбалансированы с задачами оборонного характера.

В. Д. Андрианов в докладе «Современное состояние и перспективы межкорейского торгово-экономического сотрудничества» приводит сравнительные макроэкономические характеристики развития Севера и Юга, фиксируя значительный разрыв в их экономических потенциалах в пользу РК. Например, по объему внешней торговли Южная Корея входит в число крупнейших держав мира, а КНДР по этому показателю занимает одно из последних мест. Автор рассматривает договорно-правовую базу сотрудничества Север-Юг, состояние внешнеторгового оборота между ними и его особенности, инвестиционную деятельность РК в КНДР, отмечая крайне высокую степень инвестиционного риска на Севере.

Б. В. Синицын в докладе «О проблемах экономических предпосылок объединения Кореи» отмечает, что экономические контакты РК и КНДР могли бы создать материальную ткань военно-политической разрядки на Корейском полуострове. Углубление их экономического сотрудничества невозможно без политических решений, нацеленных на устранение военных угроз. Автор полагает, что преодоление взаимной подозрительности — длительный процесс и поэтому оценивать экономические предпосылки с позиций сегодняшнего дня малопродуктивно. В докладе рассматривается вопрос о том, какую цену придется заплатить за воссоединение Севера и Юга и

кто должен платить. В одиночку Южная Корея не в состоянии справиться с этой проблемой и поэтому необходимы крупные вливания иностранного капитала. В результате проблема воссоединения приобретает международный аспект. Донорский капитал по государственной линии может прийти из США, Японии и даже КНДР. К этому процессу подключатся частные инвесторы. Политическая целесообразность (нормализация обстановки на Корейском полуострове, поведенческая предсказуемость единой Кореи) будет стимулировать выделение средств по объему и срокам.

В докладе И. И. Богдана «Перспективы трехстороннего экономического сотрудничества между Россией, КНДР и РК» ставится вопрос о позитивной роли России в налаживании экономического взаимодействия КНДР и РК. Автор указывает на ряд перспективных направлений: поставки сырья из РФ в КНДР, оживление предприятий, построенных с помощью СССР и т. д.

В начале сентября 1997 г. в Москве состоялась научно-практическая конференция на тему: «Россия и Корея в меняющемся мире», организаторами которой явились Московский общественный научный фонд, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Международная федерация мира и согласия при участии Посольства Республики Корея в Москве.

Среди публикаций материалов этой конференции два доклада посвящены экономической тематике. А. В. Воронцов в докладе «Республика Корея — СНГ. Новые горизонты политического и экономического сотрудничества» рассматривает преимущественно вопросы экономического взаимодействия РК и РФ: торгово-экономические отношения во всех их аспектах, контакты в военной области и т. д. Затрагивается также инвестиционная активность южнокорейских фирм, и в этой связи дается сжатая характеристика монополистических объединений РК. Наконец, автор показывает состояние экономических отношений РК с Украиной, Узбекистаном, Казахстаном и Таджикистаном.

В докладе Б. В. Синицына «Перспективы взаимоотношений России и Кореи» главный вывод, основанный на широком фактологическом анализе, сводится к тому, что в области экономики (помимо военно-политических проблем) придется решать трудные задачи накопления «ресурсов объединения» с таким расчетом, чтобы воссоединение страны не противоречило интересам экономической безопасности единой Кореи.

«Проблемы Корейского полуострова и интересы России» — под таким заглавием в 1998 г. изданы материалы второй научной конференции, организованной Центром корейских исследований Института Дальнего Востока.

В докладе В. Д. Андрианова «Финансово-промышленные группы Южной Кореи и перспективы их инвестиционного сотрудничества с Россией» автор подробно рассматривает приоритетные направления экономического взаимодействия РК и РФ, отмечая, что максимальные усилия следует приложить в области их технологического партнерства.

В сообщении С. С. Суслиной «Уроки и последствия финансового кризиса для экономики Республики Корея» высказывается точка зрения, что финансовый кризис, разразившийся в конце 1997 г.,— это следствие недальновидной политики южнокорейских властей, самоуверенности семейно-кланового руководства местных монополий, бесконтрольного функционирования банковской системы.

В докладе И. И. Богдана «Особенности торгово-экономического сотрудничества КНДР и РК» самым удивительным названо то, что такие торговые контакты вообще существуют. Хотя их продолжительность невелика, они приобрели ряд специфических черт. Межкорейское торгово-экономическое сотрудничество максимально политизировано, политический фактор является решающим для самого существования и развития такого сотрудничества. Для Пхеньяна это один из способов собственного выживания, для Сеула — попытка осмыслить суть функционирования социалистической системы хозяйствования.

Совместимость партнеров определяет ряд обстоятельств. Во-первых, это информационный «голод» у южнокорейцев. Его не в состоянии удовлетворить внешнеторговые работники КНДР, которые сами плохо владеют экономической ситуацией в стране. Во-вторых, недостаточная специальная квалификация участников торговли с обеих сторон. В-третьих, срыв выполнения северокорейцами коммерческих обязательств, что является для КНДР хронической болезнью. В-четвертых, это слабая ответственность партнеров. Торговые контракты обычно предусматривают штрафные санкции за невыполнение обязательств, но в данном случае не существует действенных инструментов для их реализации.

Брошюра «Россия и Корея на пороге нового столетия» содержит материалы третьей научной конференции корееведов, состоявшейся в Москве в марте 1999 г.

В выступлении В. Д. Андрианова[12] рассматривались мероприятия сеульской администрации, направленные на преодоление финансово-экономического кризиса в РК. Оздоровление экономической ситуации предполагает реформирование банковского сектора за счет слияния отдельных финансовых институтов, стимулирование экспорта путем устранения бюрократических препон, дополнительные капиталовложения в «проблемные» сектора экономики, либерализацию доступа в нее иностранного капитала, структурную перестройку местных монополистических конгломератов.

С. С. Суслина в своем сообщении[13] пыталась доказать «полезность» для РФ южнокорейского опыта выхода из кризиса. По ее мнению, «России есть чему поучиться у Южной Кореи», причем соображения в пользу этого утверждения можно перечислять «чуть ли не до бесконечности».

В докладе И. И. Богдана[14] рассматривается состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества между РФ и РК. Несмотря на кризисные тенденции в экономике обеих стран, существенного отката в экономическом взаимодействии не произошло. Однако, не решается проблема ограниченности экспортных ресурсов России, южнокорейские партнеры проявляют сдержанность в контактах ввиду «дикости» российского рынка. Особенно это заметно, когда речь идет о прямых инвестициях.

Таковы основные публикации российских ученых по экономике Южной Кореи[15]. Различные аспекты экономического развития Южной Кореи фиксировались также в ряде справочных изданий. Здесь уместно назвать большой коллективный труд «Современная Корея» (1971), а также брошюру «Республика Корея» (1991), авторами которой являются Г. Д. Толорая, С. А. Дийков, Г. К. Войтоловский.

В этих справочных изданиях содержится обширная информация о различных аспектах экономической ситуации на Юге, а также об особенностях коммерческой деятельности на южнокорейском рынке, правилах внешнеторгового регулирования в этой стране, перспективных направлениях сотрудничества с ней.

Подводя краткие итоги, можно сказать, что советские, российские исследования экономики Южной Кореи имеют свою историю и традиции. Не все в научных публикациях было равноценно, допускались ошибки и огрехи. На первых порах проявлялся идеологически предвзятый подход. Важно отметить

другое — даже в трудные времена политических ограничений ученые стремились по возможности объективно оценивать экономическую ситуацию в РК. Полезная нагрузка в их трудах безусловно преобладала, а сейчас стереотипы прошлого в основном постепенно преодолеваются[16].

[1] Суслина С. С. Структурная перестройка и технологическая модернизация промышленности Южной Кореи (конец 80-х — начало 90-х гг.).

[2] Синицын Б. В. Южная Корея: лидер капиталистической модернизации «третьемирского» Востока (глава 12).

[3] Растянников В. Г. НТР и проблемы стадий капиталистической эволюции в развивающихся странах Востока (глава 5).

[4] Шин А. С. Утверждение и развитие капитализма в Восточной Азии во второй половине XX века (на примере Южной Кореи).

[5] Синицын Б. В. Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи (1945–1959). М., 1961; Мазуров В. М., Синицын Б. В. Южная Корея. Драматическое перепутье. М., 1963; Синицын Б. В. Экспансия США в Южной Корее.— Политика США в странах Дальнего Востока (Япония, Южная Корея). М., 1964; Синицын Б. В., Казакевич И. С. Экономика Южной Кореи в тисках американской «помощи».— Корея: Север и Юг. М., 1965; Синицын Б. В. Роль иностранного капитала в становлении проимпериалистических режимов: Южная Корея, Тайвань, Южный Вьетнам.— Иностранный капитал и иностранное предпринимательство в странах Азии и Северной Африки. М., 1977; Синицын Б. В. Очерки экономики Южной Кореи (1953–1964). М., 1967.

[6] Бучкин А. А. Традиционные ценности в условиях капиталистической модернизации Южной Кореи. (Некоторые трактовки буржуазных авторов).

[7] Синицын Б. В. Стратегия социально-экономической модернизации Республики Корея (60–80-е годы).

[8] Суслина С. С. Промышленность Южной Кореи на рубеже 80–90-х годов.

[9] Тен В. А. Сравнительный анализ развития экономики КНДР и Южной Кореи.

[10] Андрианов В. Д. Роль государства в создании динамичной модели устойчивого развития в Южной Корее.

[11] Левченко Г. Я. Внешнеэкономическая деятельность России на Корейском полуострове.

[12] Андрианов В. Д. Финансово-экономический кризис в Республике Корея и меры правительства по его преодолению.

[13] Суслина С. С. Южнокорейский вариант выхода из финансово-экономического кризиса: уроки для России.

[14] Богдан И. И. О современном состоянии и перспективах торгово-экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Корея.

[15] По проблемам экономики РК см. также: Суслина С. С. Экономика Республики Корея в свете глобализации. М., 2002; Диярханов В. М. Роль малого бизнеса в южнокорейской экономике: проблемы и перспективы.— Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. Ч. 1 М., 2001; Горбунов Р. А. Эволюция системы селективного регулирования в Республике Корея (60–90-е годы).— Российское корееведение. Альманах. Вып. второй. М., 2001; Федоровский А. Н. Северо-Восточная Азия во внешнеэкономической политике РК; Пак В. Г. Рынок труда Республики Корея после финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг.; Дондупов Д. Д. Современное состояние экономических отношений между Республикой Корея и Китаем.— Корейский полуостров и вызовы XXI века. М., 2003; Суслина С. С. Экономика Республики Корея: новые вызовы и новые перспективы; Лешаков П. С. Десять лет становления торгово-экономических отношений Российской Федерации и Республики Корея: ожидания и реальности; Мандрыгин А. В. Перспективы развития внешнеторговых отношений Республики Корея.— Россия и Корея в меняющемся мировом порядке. М., 2003; Суслина С. С. Современный этап новоиндустриального развития в Республике Корея и перспективы для сотрудничества с Россией; Федоровский А. Н. Получилось ли «взаимодополняющее партнерство» с РК?.— Полвека без войны и без мира: Корейский полуостров глазами российских ученых. М., 2003.

[16] Последняя работа Б. В. Синицына: Финансово-экономический кризис в Республике Корея.— Корея на рубеже веков. М., 2002.

Российское корееведение, как мог убедиться читатель этой книги, прошло большой и сложный путь, богатый событиями, видными учеными и их трудами. Зародившись в конце XVII в., оно сформировалось как самостоятельная отрасль востоковедной науки к концу XIX в. (условный рубеж — выход в свет в 1900 г. трехтомного «Описания Кореи»), миновало с немалыми потерями бурные и драматические для него 1920–1930-е гг., оправилось от нанесенного ему урона после 1945 г. и вступило на современный этап развития, продолжающийся до сих пор. Такова периодизация истории российского корееведения, которой придерживались авторы данной книги.

Вряд ли кто-нибудь сегодня скажет точно, сколько за время существования корееведения в России опубликовано книг, брошюр, статей в журналах, глав в коллективных трудах, разного рода заметок о Корее. К сожалению, учет сделанного, регулярная библиографическая работа не принадлежат пока к сильным его сторонам. Однако можно утверждать, что в России к настоящему времени создана огромная по составу и многоплановая по содержанию библиотека научных трудов по Корее. Без всякого преувеличения, она — одна из самых крупных в мире.

О конкретных результатах, достигнутых российским корееведением на протяжении всей его истории, можно судить даже по перечню работ, рассмотренных или хотя бы упомянутых в этой книге. Назвать и проанализировать все, вышедшие за несколько столетий, не позволил объем книги. Поэтому современные авторы, чьи труды не отражены в ней, не должны воспринимать это как недооценку или преднамеренное замалчивание их научного творчества. К тому же, следует иметь в виду, что новые труды о Корее не всегда теперь своевременно доходят до исследователей вследствие известных финансово-

экономических условий в России и неэффективности системы распространения научной продукции, и потому некоторые из них не учтены в данной книге.

На современном этапе, немногим более чем за полвека после 1945 г., в СССР и России издано, пожалуй, больше трудов о Корее, чем за все предшествующее время. Этот этап отличается от предыдущих не только количественно, но, главное, качественно. Его отличие в том, что в науку приходят профессионально подготовленные кадры корееведов, расширилась «география» корееведения, действуют несколько научных центров, каждый со своим кругом изучаемых проблем; активизировались творческие связи ученых с коллегами за рубежом, неизмеримо солиднее стала источниковедческая база исследований. Корееведение превратилось в комплексную науку, разделившись на ряд ответвлений, живущих более или менее полнокровной самостоятельной жизнью (история, экономика, политология, культурология, лингвистика, литературоведение, этнография и т. д.). Усилиями многих специалистов разного уровня и профиля оно вошло в число плодотворно развивающихся отраслей российской востоковедной науки и заняло достойное место в мировом корееведении.

В рамках современного этапа особо выделяются 90-е гг. XX века. Как и для всех общественных наук в России, это десятилетие было тяжелым для корееведения, хотя и принесло одновременно кое-что положительное (отмена цензурных ограничений, ослабление идеологического диктата и т. д.). Но вот один из нынешних российских парадоксов: наука поставлена в труднейшие условия, а она жива и даже создает немало интересного и важного. Ежегодно публикуются новые книги и статьи о прошлом и современности Кореи, проводятся конференции по актуальным научным темам. В большинстве своем авторы публикаций и участники конференций — это те, кто пришел в науку в 60–80-х гг. прошлого века, так что в основном все еще реализуется накопленный ранее потенциал. Появляются и новые имена, но их пока недостаточно.

Если бы кто-то взял на себя непосильный труд прочитать все, что во все времена написано о Корее в России, он обнаружил бы много расхождений в мировоззрении и методологии авторов, глубине и аргументированности проведенного ими анализа, их компетентности, манере изложения и пр. Вместе с тем, непредвзятый читатель выявил бы нечто для всех общее: доброжелательное отношение к соседней стране, уважение к

ее национальным обычаям и культуре, сочувствие борьбе ее народа за свободу, независимость и лучшее будущее, желание способствовать взаимопониманию, добрососедству и сотрудничеству народов России и Кореи. Такое отношение к Корее и корейцам стало устойчивой традицией, которой российское корееведение остается верным и в настоящее время. Об этом достаточно наглядно свидетельствуют материалы данной книги.

Общественные науки, в первую очередь их общественно-политический цикл, в той или иной степени постоянно зависимы от господствующей в обществе идеологии и политики властей. Такова их специфика, и корееведение в этом смысле не составляет исключения. В советский период его связь с идеологией и текущей политикой, может быть, была сильнее, чем когда-либо, и оно в значительной своей части выполняло конкретные задачи, выдвигаемые проводившимся в стране идейно-политическим курсом. В результате в работах по острым проблемам современной Кореи не всегда соблюдались необходимые в науке объективность анализа, обоснованность и справедливость суждений и оценок. Однако свойственная некоторым таким работам определенная дань конъюнктуре не мешает им и сегодня быть полезными собранными в них фактическими данными, наблюдениями и выводами авторов, а также тем, что они отражают взгляды и подходы своего времени. Нельзя признать оправданным иногда бытующее сейчас пренебрежение советскими работами по актуальным для той эпохи проблемам Кореи.

Среди направлений российского корееведения, освещаемого в данной книге, вероятно, к наиболее разработанным можно отнести проблемы экономики и политики КНДР и РК, причем, как показано в соответствующих главах, в центре внимания ученых первоначально находилась КНДР, затем по ряду причин ее решительно потеснила РК. В том и другом случаях экономика заметно преобладает. В последнее десятилетие возрос интерес ученых к корейской политике России, особенно к ее отношениям с РК. Видное место в исследованиях по современности принадлежит также межкорейским контактам и перспективам объединения Кореи, позициям ведущих держав мира на Корейском полуострове, их курсу в вопросах корейского урегулирования.

В тематике корееведения, занятого современностью, многие годы превалировало строительство социализма в КНДР, преимущественно его социально-экономический аспект. Это вполне естественно, поскольку проблемам мировой социали-

стической системы отводилось тогда приоритетное место в советском обществоведении. Социализму в КНДР посвящено множество больших и малых работ, воплотивших в себе достоинства и недостатки науки своего времени, и, соответственно, уделено значительное внимание в этой книге. Крушение социализма в СССР и других странах не перечеркнуло прежних работ по социализму в КНДР. Необходимость обращения к ним проистекает из того, что КНДР не отказалась от избранного пути и продолжает создавать свою, «чучхейскую» модель социализма. Как бы кто к ней ни относился, но это реальность, с которой наука не может не считаться. Для дальнейшего изучения социально-экономической и политической ситуации в КНДР, выявления и оценки происходящих в ней изменений работы корееведов прошлых лет могут служить добротной исходной базой.

Второй по масштабам проделанной работы, безусловно, является история Кореи (включая археологию, историческую этнографию, источниковедение, историографию). Эта отрасль корееведения была по-настоящему создана в период после 1945 г., так как до того в России и СССР в большинстве случаев ограничивались общими сведениями по истории Кореи. Современный этап выделяется появлением большого количества крупных исследований, опирающихся на широкую базу источников, в том числе корейских, и охватывающих основные периоды и проблемы корейской истории. Их промежуточным итогом, обеспечившим дальнейшую активизацию и углубление исторических исследований, стала неоднократно упоминаемая в этой книге двухтомная «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)». В области изучения истории Кореи у российского корееведения достаточно высокий удельный вес в мировой науке. Достигнутые им результаты открывают новые возможности для плодотворной деятельности в этой отрасли корееведения.

Гораздо скромнее успехи российского корееведения в изучении культуры Кореи. Это важное направление не заняло пока подобающего ему места в науке. Опубликованы лишь работы по отдельным аспектам материальной и духовной культуры Кореи в прошлом и настоящем, краткие очерки ее развития в общих трудах по истории страны. Необходимо систематическое и глубокое освоение культурного наследия корейского народа, выяснение его вклада в мировую цивилизацию, разносторонний показ современного состояния культуры в КНДР и РК, анализ проявляющихся в ней тенденций, взаи-

мозависимости национальных традиций и процесса модернизации культуры в условиях научно-технического прогресса и т. д. В частности, перспективы неизбежного в будущем объединения Кореи требуют от исследователей и политиков лучшего понимания того, что составляет идеологическую и культурную основу сближения двух частей более полувека расчлененной страны и что этому препятствует.

В число важных задач российского корееведения входит критическое переосмысление того, что создано им за минувшие десятилетия. Как показано в книге, для этого имеется достаточно веских причин. Работа в указанном направлении уже ведется, сама эта книга тому пример, но положено лишь ее начало, и основные усилия еще впереди. В корректировке и уточнении нуждаются не только некоторые устоявшиеся концепции развития всей Кореи и двух ее частей после 1945 г., но также и предшествующего периода ее истории. Разумеется, речь не идет о бездумном отбрасывании прежних взглядов и оценок, обязательном их пересмотре в угоду каким-то политическим симпатиям или антипатиям, а о серьезном анализе на принципиальной основе, в свете новых достоверных сведений и новых возможностей науки.

События последнего времени (историческая встреча лидеров Севера и Юга в Пхеньяне в июне 2000 г. и др.) явственно предвещают крупные перемены на Корейском полуострове в начавшемся XXI веке. Отсюда закономерен вывод, что и в новом столетии у российского корееведения по-прежнему будет обширное поле деятельности. Быстротекущее время, возможно, устранит одни проблемы Кореи, но породит другие, не исключено, что даже более сложные. Их надо будет решать, а для этого подвергнуть всестороннему анализу с учетом выявленных ранее тенденций. Сама наука, неостановимая в своем развитии, также выдвинет перед учеными новые масштабные задачи в изучении истории и современного положения Кореи, ее места в окружающем мире.

Справиться со всем тем, что предстоит совершить корееведам XXI века, им наверняка удастся лишь на основе богатого опыта, знаний и размышлений предшествующих поколений ученых, зафиксированных в их трудах. Авторы данной книги надеются, что она хоть в какой-то степени поможет будущим исследователям проблем Кореи увидеть и оценить путь, пройденный российским корееведением, и успешно ориентироваться в том, что им создано к началу XXI века.

This book discusses Koreology, i. e. the Russian studies in Korean history and modernity. The Koreology of nowadays is a developed field of Oriental Studies in Russia, it occupies a worthy place in the Korean studies of the world. This is an important manifestation of Russia's growing interest in the neighbouring country and its people and realisation of the Russian policies in Korea.

The Russian school of Koreology began at the end of the XVIIth century as a constituent part of Sinology, later on it emerged as a separate field of study. A conventional boundary of its formation as a research school was the publication in 1900 of the unique three-volume «Description of Korea» which summarized the achievements of the Russian and world Koreology of the epoch.

After the 1917 October Revolution in Russia, the book informs, Koreology, apart from carrying on its research, was actively engaged in denouncing the Japanese colonial regime in Korea and morally supporting the national liberation struggle of the Korean people. Many Koreologists of that period fell victims of the Stalinist repression in the mid — 1930s.

Main attention of the book is drawn to the modern period of the Korean studies in Russia. It began in 1945 after the liberation of Korea and became the most fruitful in the history of the Russian Koreology. The book features major centres of teaching and studying Korea, most important depositories of books and archival materials concerning this country. It also offers brief information about the well-known scholars.

Relevant chapters of the book discuss various aspects of the Soviet and Russian researches into Korean history, political and

socio-economic problems of Democratic People's Republic of Korea and Republic of Korea. Most important works on these subjects and their authors are listed, some of their concepts are critically analysed, and new tendencies in the development of Koreology are traced. A significant emphasis is made upon the state of Korean studies in Russia between the XXth and XXIth centuries.

Серия
«Российское корееведение
в прошлом и настоящем»

Том 2

КОРЕЕВЕДЕНИЕ В РОССИИ:
история и современность

Подписано в печать 24.11.04 г. Формат 60×90/16.
Печ. л. 24. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 400.

Отпечатано в ИПП «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

Российское корееведение
в прошлом и настоящем

Том
II